

К л а у с Ш м и д т

**ОНИ СТРОИЛИ
ПЕРВЫЕ ХРАМЫ**

Таинственное святилище охотников каменного века

Археологические открытия в Гёбекли Тепе

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2011

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

УДК 930.26
ББК 63.4(3)
Ш73

Klaus Schmidt
Sie bauten die ersten Tempel
Das rätselhafte Heiligtum der Steinzeitjäger
Die archäologische Entdeckung am Göbekli Tepe
C.H. Beck
München, 2006

Перевод с немецкого *А. С. Пащенко*

Ответственный редактор, автор примечаний и послесловия
Т. В. Корниенко

Шмидт К.

Ш73 Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли Тепе / К. Шмидт; пер. с нем. А. С. Пащенко; отв. ред., прим. и послесл. Т. В. Корниенко. — СПб. : Алетейя, 2011. — 320 с.

ISBN 978-5-91419-422-9

Гёбекли Тепе, функционировавший на стыке эпох древнего и нового каменного века на территории современной Юго-Восточной Турции является одним из неординарных памятников Верхнего Двуречья периода докерамического неолита. Книга руководителя этих раскопок, эксперта Восточного отделения Германского археологического института доктора Клауса Шмидта впервые позволяет читателю получить целостную картину истории археологического изучения объекта, имеющихся к моменту издания монографии важнейших результатов полевых работ, а также выводов и размышлений автора на данную тему. Прекрасно владея информацией, в том числе новейшей, по ближневосточным культурам каменного века Клаус Шмидт представляет материалы Гёбекли Тепе в соотношении с сопоставимыми данными других памятников Передней Азии, а кроме того, Европы, Африки и иных регионов мира.

УДК 930.26
ББК 63.4(3)

ISBN 978-5-91419-422-9

9 785914 194229

- © Verlag C.H. Beck oHG, München 2006
- © Шмидт К., 2006
- © Пащенко А. С., перевод на русский язык, 2011
- © Корниенко Т. В., отв. редактирование, примечания и послесловие, 2011
- © Издательство «Алетейя» (СПб.), 2011
- © «Алетейя. Историческая книга», 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Гёбекли Тепе – тель, скрывающий в себе остатки выдающихся сооружений каменного века. Здесь к настоящему времени проведено 14 полевых сезонов археологических исследований. Начало этих работ в 1995 г. было довольно скромным, однако благодаря гигантскому археологическому потенциалу территории уникальный исследовательский объект, о котором сообщалось во многих специальных журналах, быстро приобретал известность и многолетнюю перспективу изучения. По прошествии определенного времени достигнутые результаты раскопок были представлены широкой общественности в монографическом издании 2006 г., предназначенном для читателей, говорящих на немецком языке. И поскольку книга вызвала большой интерес, в том же году был выпущен второй дополненный ее тираж. Уже на следующий год увидело свет третье издание, куда вошли результаты кампании 2006 г. В настоящее время к публикации готовится польский перевод. Кроме того, в 2008 г. было осуществлено еще одно издание на немецком языке карманного формата.

Благодаря Санкт-Петербургскому издательству «Алетейя» выход этой книги стал возможен в России, за что я крайне признателен издательству и переводчику А.С. Пашенко. С помощью данной публикации для многих читателей вашей страны, небезразличных к археологии и истории, открывается путь в область исследований, обещающих поистине сенсационные результаты. По своей значимости они, пожалуй, могут сравниться с недавним открытием группой ученых во главе с К.В. Чугуновым и Г. Парцингером уникального «царского» погребально-поминального комплекса скифов на юге сибирской степи в кургане Аржан.

Интересующийся археологией читатель, вероятно, знаком с основными работами наших российских коллег, посвященными памятникам Северного Ирака времени неолита и энеолита. В 80-е гг. прошлого века были опубликованы результаты исследований Н.О. Бадера Тель Магзали, Тель Сотто и Кюль Тепе, а также совместные труды Р.М. Мунчаева и Н.Я. Мерперта о результатах раскопок Ярым Тепе. Речь идет о важ-

ном проекте, осуществленном Академией наук СССР, который позволил пополнить запас археологических знаний материалами из восточных районов Верхней Месопотамии. Данная работа не будет напрямую затрагиваться нами в этой книге, задача которой не представление краткого обзора всех проводившихся раскопок в Двуречье, но концентрация внимания на исследованиях турецкой части долины Евфрата. Тем не менее я еще раз подчеркиваю вклад российских ученых. Они настойчиво изучают восточный район Северного Двуречья¹, который по причине вызывающих сожаление событий новейшего времени закрыт сейчас для археологических работ, при этом он остается очень важным для понимания развития ранней истории всего верхнемесопотамского региона.

Клаус Шмидт

Урфа, 20 октября 2008 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Лежащая перед вами книга – результат археологических исследований и личных впечатлений автора. Она не представляет собой краткого курса по первобытной археологии с претензией на профессиональную полноту. Цель данной публикации – информировать и развлекать читателя, удовлетворяя его познавательные потребности. А поскольку в последние десятилетия я занимался преимущественно изучением культур каменного века Передней Азии, то мои читательницы и читатели могут быть уверены: на последующих страницах ничего нового, с научной точки зрения важного в этой сфере знания скрыто от них не будет.

Что касается изложения, то я стремился к определенному компромиссу, который предполагает, с одной стороны, научно обоснованное освещение имеющегося археологического материала, а с другой – доходчивость в его представлении для широкой читательской аудитории.

По содержанию данная работа посвящена истории людей, живших за несколько тысячелетий до того, как возникли древнейшие письменные памятники. В то время как мы достаточно хорошо понимаем людей Древнего мира, непосредственно говорящих с нами из письменных источников, мы с трудом воспринимаем, как бы при том ни старались, в образе каменных свидетельств сохранившиеся послания более десяти тысяч лет назад ушедшей культуры. Эту пропасть нельзя преодолеть лишь с помощью гипотез и предположений, поскольку тогда мы впадаем в противоречие с законными информационными требованиями читателей и с возможностью правильно интерпретировать культурное наследие наших предшественников.

Так как освещаемые в данной публикации объекты в большинстве своем были до настоящего времени либо вовсе не известны науке, либо малоизвестны, то, прежде чем подвергаться более глубокому анализу, связанному с общим историческим контекстом, сначала они должны быть детально изучены и подробно, в том числе иллюстративно, представлены в печати. Разумеется, это не означает, что я отказываюсь от попытки интерпретации находок, а также понимания и реконструкции давно

ушедшего мира их создателей, однако я делаю это весьма осторожно. Пояснения даются в той мере, в какой они кажутся мне необходимыми для выявления контекста. Удалось ли автору удержать равновесие между заявленной научной информативностью и увлекательной манерой повествования, решать другим.

В центре представляемой книги находится археологический памятник Юго-Восточной Турции – Гёбекли Тепе. Тому есть две причины. Прежде всего, как исследователь данного места, я могу дать о нем детальную и самую свежую информацию. Однако одно только это обстоятельство еще не достаточный повод, чтобы писать подобного рода сочинение. Дело в том, что Гёбекли Тепе скрывает нечто совершенно новое и особенное. Подобно тому как в 60-е гг. прошлого века Джеймсу Мелларту, опубликовавшему книгу «*Чатал Хёюк. Неолитический город в Анатолии*», удалось обогатить археологический ландшафт новыми горизонтами, так и материалы Гёбекли Тепе представляют собой неожиданный и настоящий прорыв в исследовании неизвестных фактов человеческой истории.

Вышедший том Стивена Мизена «*После ледникового периода*» дал мне решающий импульс, чтобы закончить давно задуманную и начатую книгу. Не потому, что показалось необходимым заново изложить тему, а для того, чтобы продолжить затронутые в монографии «*После ледникового периода*» вопросы. Мизен, по понятным причинам, мог лишь вскользь упомянуть раскопки в Гёбекли Тепе, которые тогда, как и теперь, шли полным ходом и постепенно получали научную оценку. В то же время в нашей публикации не делается попытки изобразить каменный век Передней Азии в целом. Взгляд фокусируется именно на Гёбекли Тепе и его эпохе. Вместе с тем другие периоды каменного века, как и соседние регионы, тоже представлены здесь в общих чертах в зависимости от того, насколько они способствуют пониманию материалов нашего памятника.

Название книги – «*Они строили первые храмы*». Здесь нельзя не сказать о том, что использование слова «храм» в данном контексте неоспорно. Независимо от функции понятие «храм» в качестве религиозной постройки обозначает хотя бы частично сверху перекрытое здание. Именно это обстоятельство, даже после 10 сезонов раскопок важнейших строительных сооружений Гёбекли Тепе, описываемых в книге, окончательно еще не прояснено. Имели ли эти сооружения крыши, или то были окруженные каменными стенами культовые пространства под открытым небом (на языке археологов – гипетральные теменосы), сказать пока трудно. Для прояснения обозначенной проблемы: «*теменос или храм?*» также необходимо установить, были ли раскопанные

строительные структуры когда-то отдельно стоящими, возможно как-то связанными между собой, но самостоятельными конструкциями, или же, подобно храмам Мальты, они образовывали один большой комплекс. Пока в тексте мы сохраняем безликое название – «сооружение». Обозначение сооружений от А до Е, а также счет столбов от 1 до 43 присваивались им по мере осуществления раскопок.

Принятое в тексте понятие «сооружение» используется сейчас наряду с продолжающимся поиском более адекватного термина, при этом ясно, что речь идет не о светских зданиях или жилых домах в привычном представлении. Имеющееся в науке для похожих строений название *каменный круг* не подходит в нашем случае ввиду того факта, что среди сооружений Гёбекли Тепе встречаются также постройки прямоугольного плана. В Западной Европе для обозначения созданных из камня круглоплановых конструкций используется термин *кромлех*. Он исключается по той же причине. Кроме того, нет оснований переносить на реалии Евфрата понятие из другого культурного ареала. Наконец, название «храм» в данной работе представляет собой определенный шифр, который будет разъясняться дальше по ходу повествования.

Я был бы счастлив подарить свою книгу Линде и Роберту Брэйдвудам, главный труд которых, несомненно, оказал решающее влияние на молодое поколение исследователей. К большому сожалению, это уже невозможно. Мне нужно было закончить книгу немного раньше, потому что теперь на девятом десятке лет Линда и Роберт завершили свой долгий жизненный путь. Действительно ли послужил Роберт для Стивена Спилберга прототипом Индианы Джонс, мы здесь рассматривать не будем. Но, безусловно, он был исключительным представителем археологического цеха. Жена Роберта являлась также незаменимой сотрудницей экспедиций². Начатые ими вместе с Халет Чембел в 1964 г. раскопки в Чайёню³ не приобрели, правда, такой быстрой популярности, как в случае с Чатал Хёюком. Однако постепенно естественным образом результаты работ на Чайёню Тепеси также превратились в решающую веху на пути к достигнутому сегодня состоянию исследований по докерамическому неолиту Передней Азии.

Заслуга в организации и продвижении турецко-германского проекта «Евфрат» принадлежит прежнему руководителю стамбульского отделения Германского археологического института (DAI) Гаральду Хауптманну. Он создал базу, без которой не могла быть написана эта книга. Начав раскопки в 1983 г. в Невали Чори⁴, Г. Хауптманн продолжил выбранный на Чайёню путь по разработке археологической целины докерамического неолита Южного Тавра. Впервые тогда извлекли на свет крупноформат-

ные скульптуры из известняка, затмившие все, что было на тот момент известно о фигурных объектах каменного века.

Отныне турецко-германскому проекту принадлежит особая роль в исследованиях переднеазиатского неолита международными экспедициями. Ни в каком другом месте нельзя было поставить вопросы в том масштабе, в каком они оказались возможны для Невали Чори, потому что только в Невали Чори стала доступной источниковая база, объединившая уникальным образом большую архитектуру и искусство. Быстро последовали и другие результаты, а достигнутый на основе материалов Невали Чори уровень знаний продолжал обогащаться. Не колеблясь, в 1995 г. Гаральд Хауптманн в сотрудничестве с Аднаном Мысыром и Эйюпом Буджаком, работниками музея города Урфы, взялся за продолжение начатого в Невали Чори проекта «Урфа» на новых памятниках – Гюрджютепе и Гёбекли Тепе.

Обнаруженные в Гюрджютепе находки оказались важными. Однако они без больших усилий вписываются в длинный ряд исследованных неолитических площадок Передней Азии. Тогда как раскопки Гёбекли Тепе уже с первых сезонов подтвердили сложившееся еще во время предварительного осмотра представление о том, что данное место уникально. В ближайшем будущем этот памятник человеческой истории, вполне вероятно, получит статус «мирового культурного наследия». Такое мнение у нас возникло не по причине чрезмерной радости первооткрывателей, и его не нужно считать завышенной оценкой ординарных находок. Судя по полученным материалам, оно объективно. Исследование одного из самых решающих переворотов в человеческой истории, который был начат в Передней Азии и почти сто лет назад назван Гордоном Чайлдом «неолитическая революция», что обозначает переход общества охотников и собирателей к принципиально новому образу жизни оседлых земледельцев и скотоводов, открыло в холмах Гёбекли Тепе превосходящий все известное до того момента в мировой науке археологический памятник.

БЛАГОДАРНОСТИ

В ряде публикаций Германского археологического института будет представлено подробное изложение результатов проекта «Урфа». Планируется большое количество изданий, предназначенных для коллег по специальности. Но именно в этой книге специалист в определенной мере получит первое общее представление о памятнике. Однако сейчас я даже не это хочу подчеркнуть. Данная книга обращается к широким читательским кругам, интересующимся завораживающим миром наших предков из каменного века. Я признателен немецкому издательству С.Н.Векк за то, что оно позволило нам реализовать в доступной форме желание познакомить широкую читательскую аудиторию с научными исследованиями. Профессор Фолькерт Хаас в свое время установил контакт с названным издательством.

Особая благодарность Гаральду Хауптманну - он вместе с Аднаном Мысыром и Эйюпом Буджаком, сотрудниками музея Урфы, активно содействовал осуществлению раскопок в Гюрджютепе и Гёбекли Тепе. Я хочу здесь поблагодарить их и всегда готовых помочь сотрудников Турецкого института древностей за то, что имею возможность представить в данной книге интереснейшие результаты совместной работы, которая может считаться образцом успешного европейского сотрудничества. В рамках данного проекта турецкие и немецкие ученые, а также студенты смогли встретиться с коллегами и сокурсниками из почти всех европейских стран.

Кроме того, большое спасибо Гельмуту Кюриляйзу, президенту Германского археологического института с 1989 по 2003 г., и его преемнику Герману Парцингеру. Будучи убежденными в важности рассматриваемых исследований, они оба всеми силами поддерживали и поддерживают наше предприятие. Благодарность относится также к Рикардо Айхману - он в качестве первого директора восточного отделения Германского археологического института содействовал успеху проекта «Урфа». В течение нескольких лет я являюсь сотрудником данного отделения, что было бы малозначительным обстоятельством, если бы оно не оказывало большого

положительного влияния на развитие археологического проекта в Гёбекли Тепе. Главная задача этой книги - обо всем рассказать. Осуществляя сотрудничество, которое можно назвать просто великолепным, нам удалось достичь больших успехов в скромно начатом с 1995 г. предприятии. По этому поводу я хочу также выразить благодарность Людвигу Рейшу. В Эрлангенском институте древнейшей и ранней истории он совместно со службами Германского археологического института предоставил нам необходимые университетские ресурсы.

Хороший результат стал возможен благодаря многолетним предварительным работам и тому, что немецкое исследовательское сообщество одобрило проект, признав тем самым его важное научное значение. Разумеется, особая благодарность всем участникам раскопок из Оренкика, студентам и научному коллективу уже одиннадцати археологических сезонов, а также сотрудникам **Archae Nova e. V. из Гейдельберга. Без помощи** основанного в 1995 г. Общества содействия проекту «Урфа» раскопки в Гёбекли Тепе, особенно в сложной начальной фазе, не состоялись бы в том виде, в котором они могут быть представлены сегодня. Я хочу поблагодарить Отто Фаса и Михаэля Морша, не отступавших в трудных ситуациях от большой цели, а также других спонсоров, пожелавших остаться неизвестными, но оказавших проекту большую поддержку.

И наконец, я должен выразить глубокую признательность своей жене Чигдем Кёксал-Шмидт. Без ее многолетней самоотверженной работы проект мог бы не состояться.

Клаус Шмидт
Урфа, октябрь 2005 г.

ЧАСТЬ I. ВТОРОЕ ОТКРЫТИЕ

Шел октябрь 1994 г., земля была залита яркими красками осеннего заката, а наш путь, слегка поднимаясь, проходил по необъятной территории, покрытой большими часто нагромождающимися друг на друга базальтовыми блоками. Следы бывшего присутствия доисторических людей обнаружить не удавалось – ни каменных стен, ни сосудов, ни специфических остатков орудий. Сомнения в успехе этого путешествия, целью которого было, как уже и многих предыдущих походов, изучение доисторических стоянок, прежде всего, каменного века, росли постепенно, однако неотвратно. В селе один старик, который с любопытством выслушал наши вопросы, имеет ли где-то здесь холм с названием Гёбекли Тепе и имеет ли там «акмактап», т. е. кремьень, ответил неожиданно конкретно «да». Он тотчас же дал нам подростка в качестве проводника, четвертым в нашу группу, поскольку из селения названное место не было видно.

Старика звали Шавак Йылдыз. Сегодня он смотритель Гёбекли Тепе, археологического памятника каменного века особого значения. Однако до понимания этого в 1994 г. был еще долгий путь, о важнейших вехах которого нужно рассказать в этой книге.

Первый участок ведущей в гору дороги, до начала базальтового поля, мы смогли проехать на машине. Затем нужно было идти пешком, поскольку автомобильная дорога закончилась, неожиданно превратившись в козью тропу. Мы продвигались по причудливому ландшафту, заполненному черно-серыми каменными блоками, которые, нагромождаясь, образовывали барьеры и вынуждали петлять нас по-змеиному. Маленькая группа состояла из городского таксиста, доставившего нас в эту отдаленную долину, уже упомянутого деревенского юноши, Михаэля Морша, моего однокурсника по Гейдельбергу, и автора данного сочинения. Наконец на краю базальтового поля мы оказались на возвышенности, с которой открывался широкий обзор для осмотра. Здесь не предполагалось обнаружить даже самый мизер археологических остатков, возможно, только следы ночных стоянок, да пасущиеся стада коз, которые пригонялись сюда изо дня в день на скудное пастбище. Тем не менее теперь мы достигли известкового плато, что лежало перед нами без базальтового покрытия. За небольшим понижением взгляду открывалась новая возвышенность, которая была продолжением плато, на склоне которого находилось только что преодоленное нами базальтовое поле. На этой противоположной возвышенности виднелся расположившийся над плато мощный холм. Он был расчленен на

Рис. 1. Гёбекли Тепе перед началом раскопок в 1995 г. Вид с высоты птичьего полета

Рис. 2. Гёбекли Тепе. Вид с юга. Дерево желаний на юго-восточном куполе холма

множество куполов с видневшимися между ними впадинами. Почти как на открытке: на переднем плане каменистая серовато-белая местами покрытая засохшей травой поверхность плато, на холме вдали желто-золотой блеск стерни контрастирует с явно свежеспаханной поверхностью красно-коричневой земли и густым сине-фиолетовым цветом вечернего неба. Был ли этот холм тем местом, которое мы искали? Были ли это те «островки» красной земли, как их охарактеризовал американский археолог Питер Бенедикт в своем обзорном сообщении, когда он писал об обнаруженном им археологическом объекте каменного века - Гёбекли Тепе, а точнее, Гёбекли Тепе Циюарет?

ГЛАВА 1. У ДЕРЕВА ЖЕЛАНИЙ

«Циуарет» обозначает посещение, в данном случае место посещения, или в свободном, но очень метком переводе – место паломничества. Такие места паломничества могут обустраиваться по-разному. Как правило, в голом и безлесом регионе Юго-Восточной Турции это часто всего лишь единственное дерево, растущее на горе, дерево желаний, к которому приходит местное население, чтобы передать важные желания веткам, а через них – ветру. Мы заметили одинокое дерево на самом высоком куполе земляного холма, что явно указывало на место паломничества. Сомнений не оставалось: перед нами лежал Гёбекли Тепе. Уже теперь, через годы, стало понятно, что это место не похоже на все известные до сегодняшнего дня археологические объекты. В самой высокой точке плато возвышающийся Гёбекли Тепе, как указательный знак, маркировал ландшафт.

И уже тогда издали стало ясно, что эта возвышенность ни в коем случае не могла быть естественным холмом. Какая природная сила должна была насыпать такую массу земли в самой высокой точке известнякового гребня? Эрозия и водные осадки, исходя из топографического положения, исключались. Хотя ветер может насыпать дюны, подобные горам, однако так происходит в засушливых пустынных районах, мы же в таком не находились. Вулканические силы могут создавать горы, но конуса вулкана поблизости видно не было. То, что открылось нашему взору, могло, вне всякого сомнения, являться только сооружением искусственного происхождения. Это был гигантский, созданный человеком холм – точка зрения, которую из сообщения Бенедикта хотя и можно было предположить между строк, но которая четко в его кратком описании не утверждалась. Не знакомому с местностью читателю обзор-

ного сообщения Гёбекли Тепе мог показаться естественным холмом, так же как и для неподготовленного путешественника при посещении плато подлинная природа этого места наверняка осталась бы скрытой.

Мы осознали, что видим перед собой гигантский археологически значимый объект, и наше настроение мгновенно перешло из состояния летаргии в состояние возбуждения. Мы пошли быстрее с постоянно растущим напряжением. Когда же приблизились к боковой стороне холма, голая серая поверхность плато заблестела, как будто покрытая кристаллической глазурью. Это был ковер, покрывавший скалистую поверхность тысячами осколков кремня. В свете вечернего солнца он создавал блеск, подобный тому, что зимнее светило отражает на поверхности снега. Однако все увиденное ни в коем случае не могло быть исключительно игрой природы. Здесь, несомненно, поработал человек. Мы снова и снова в этом убеждались: это не были естественные осколки кремниевых глыб, то были срубы, пластины, сколы, короче, созданные человеком объекты – артефакты, образовавшие этот ковер. Другие находки, в частности фрагменты глиняной посуды, полностью отсутствовали. На боковой стороне холма, на которую мы вскоре поднялись, отмеченный феномен нашел свое продолжение: хоть и не так плотно, как на скалистой поверхности, однако и земля самого холма была покрыта бесчисленными осколками кремня искусственного происхождения.

Мы подошли к первой группе каменных глыб, которые в большом количестве в виде вытянувшихся каменных куч покрывали холм. Камни регулярно убирались работающими здесь в течение многих веков крестьянами, чтобы очистить поля, располагавшиеся в округе на всех холмах, очистить, по крайней мере, от крупных глыб. Наш и без того уже огромный интерес к этому месту стал поистине безграничным. В одном из этих отвалов выделялась особенно большая глыба. То был тщательно обработанный со всех сторон человеческой рукой фрагмент столба, имевший форму, которую мы легко распознали. Вне всякого сомнения, у него была Т-образная капитель колонны типа Невали Чори. Действительно Т-образные колонны зафиксированы на упомянутом ранненеолитическом памятнике, о котором далее еще пойдет речь, как характерные элементы оформления обнаруженного там ранее храма. «Храмом» мы условно будем назвать специальное сооружение, которое в Невали Чори как в плане, так и в строительном исполнении явно отличалось от обычных жилищ поселения. Такие же фрагменты Т-образных опор находились *везде* в каменных отвалах Гёбекли Тепе!

Я вспомнил сообщение Бенедикта, писавшего о том, что на Гёбекли Тепе находится кладбище. Приблизительного времени захоронений он не называл, однако из текста явно следует, что Бенедикт имел в виду средневековое или более позднее кладбище. Подобная информация обычно содержит ясный намек на то, что дальнейшие археологические работы на этом месте немислимы, т. к. исламские кладбища (по понятным причинам) являются запретными зонами для археологических исследований. Остатков ни одного такого кладбища нигде в Гёбекли Тепе обнаружить не удалось. Хотя в тени единственной старой шелковицы, указывающей на место паломничества, и была расположена небольшая группа могил, однако с уверенностью можно сказать, что американским исследователем не она имелась в виду. Принял ли Бенедикт Т-образные колонны за надгробные камни и потому сообщил о кладбище, которое предположительно находилось на холмах? Для меня это остается единственным возможным объяснением, поскольку кладбища там наверху просто нет. Однако как мог Бенедикт в 1963 г., когда исследование докерамического неолита делало только первые шаги, предполагать, что самые ранние строительные сооружения человечества сразу окажутся монументальными и оснащенными мегалитическими столбами?

Т-образные фрагменты столбов стали последним звеном в цепи доказательств, объяснивших нам уже при первом посещении в течение нескольких минут, что это был момент археологического открытия, свидетелем которого могут стать немногие. Гёбекли Тепе представлял собой гигантскую ранненеолитическую площадку, а холмы Бенедикта оказались величественными развалинами, которые ввиду отсутствия других более поздних находок с уверенностью можно было поместить в ранний неолит – X и IX тысячелетие до Р.Х. Мы не смогли понять первоначального вида скульптурного фрагмента, о который Михаэль при возвращении споткнулся, однако этот фрагмент однозначно определялся как часть крупноформатной скульптуры, что в тот день и стало венцом большого открытия.

Расположенный на вершине отдаленной возвышенности огромный ранненеолитический *тельль* превосходил всё, что мы ожидали обнаружить, основываясь на нашем знании о времени перехода человечества от жизни охотников и собирателей к производящим продукты питания селянам. Моя программа посетить той осенью ещё несколько площадок каменного века, которые я до того собственными глазами не видел, мгновенно улетучилась ввиду произошедшего открытия. В имевшемся списке были отмечены стоянки или поселения, тщательно уже исследованные коллегами-специалистами, или же места, описание которых

ничего подобного Гёбекли Тепе не предвещало. Каким образом так получилось, что известный еще со слов Бенедикта Гёбекли Тепе до 1994 г. по сути своей и значению по большому счету оставался неоткрытым? Памятник располагается не в недоступной глуши, а на расстоянии видимости от Урфы, большого города Юго-Восточной Турции, находящегося недалеко от границы с Сирией.

ГЛАВА 2. УРФА – ГОРОД И РЕГИОН

Город Урфа и его окрестности могут показаться сегодняшнему жителю Центральной Европы не заслуживающими особого внимания территориями. Ведь название города среднестатистическому европейцу мало о чем говорит – причина достаточная, чтобы возле Урфы долго не задерживаться. Однако во времена античности и средневековья Урфа являлась довольно известным городским центром. Её длительное «исчезновение» из поля зрения представителей западного мира имеет разные причины. К ним, несомненно, относятся разгром Османской империи и в целом политические события начала XX в. В то сложное время Турции удалось выжить как самостоятельному го-

Рис. 3. Озеро Галил-ур Рахман в Урфе, родина многочисленных священных карпов

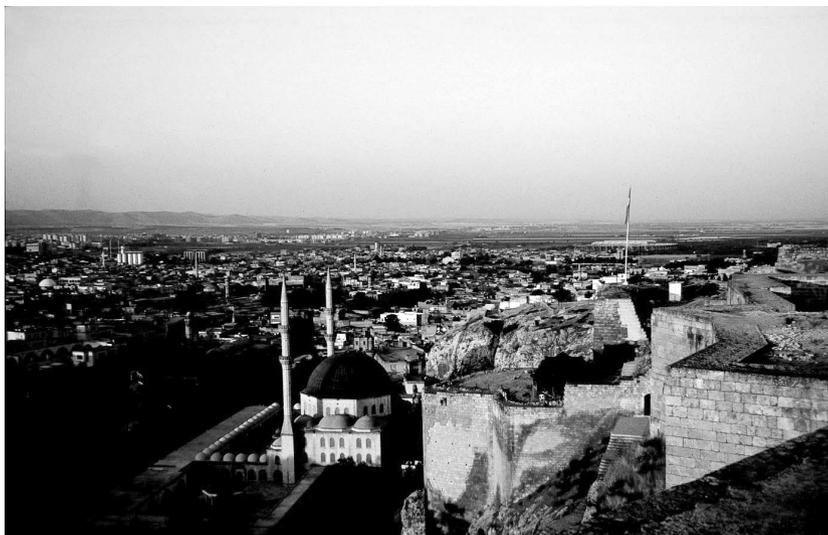

Рис. 4. Вид с крепости на северо-западную часть города и на северные горные хребты. Вдали на самой высокой точке находится Гебекли Тепе

сударству без колонизации своей центральной территории. Это, однако, имело следствием тот факт, что на турецком востоке в течение долгих последующих десятилетий 20-го столетия многие события, с одной стороны, происходили вдали от мирового процесса и, с другой - западным сообществом просто не воспринимались как стоящие внимания.

Также различные имена города обусловили со временем его относительное забвение. Европейское средневековье знало Урфу под греческим именем Эдесса. Тогда как местное население явно предпочитало названия Руха или Орхаи, позже Орфа или Урфа, которые восходят к значительно более раннему пласту топонимов, чем Эдесса. В 80-е гг. прошлого столетия Урфе было присвоено дополнительное название Шанлы, которое переводится как «знаменитый/славный». Таким образом, официально город сегодня называется Шанлыурфа, однако местные жители продолжают называть его первоначальным коротким именем – практика, к которой мы охотно присоединяемся. Присуждение почетного дополнительного имени восходит к событиям начала XX в., когда с востока тоже существовала угроза турецким территориям. Некоторые города стали бастионами страны. Названия Газиантеп – Гордый Антеп, Кахраманмараш – Непобедимый Мараш и уже названная Шанлыурфа – Славная Урфа - свидетельствуют о сохранении

в общественном сознании турок исторической памяти об этих бурных драматических событиях.

Перенесемся еще на одно столетие назад, потому что и сегодня актуально краткое описание этого города, сделанное в середине XIX в. Гельмутом фон Мольтке, состоявшим тогда в качестве прусского военного советника на службе у Высокой Порты. Вот что было зафиксировано им в «Письмах о положении и событиях в Турции»: *«Орфа все еще большой и красивый город, весь построенный из камня, с нарядными стенами и укрепленным замком на возвышающихся скалах. Над замком поднимаются две высокие колонны с богатыми капителями... Еще в древнейшие времена стены здания и башни (Улу Ками, большая мечеть – примеч. авт.) во внутренней части города были сложены из больших прекрасно обтесанных блоков без раствора. У подножия замка вода из многих источников собирается в два бассейна, окруженные ивами, платанами и кипарисами, среди которых возвышается медресе с красивыми куполами и минаретами. В чистой воде плавает бесчисленное количество карпов, которых никто не трогает, потому что они священны, и каждый, кто попробует употребить их в пищу, ослепнет».*

Упомянутые источники стали причиной того, что в 30-е гг. IV в. до Р.Х. воинственными македонцами Александра город был назван Эдессой. Они дали ему такое имя в память о родной Эдессе в Македонии с ее живописными водопадами. Войска полководца все время были подвержены этой склонности: называть знакомыми, перенесенными из родных мест именами захваченные во время похода Александра области. При Селевкидах, ставших властителями этой территории после Александра, город получил новое имя – Антиохия Калирë – «Антиохия, прекрасно текущая». Таким образом была отдана честь как одному из употребляемых в этой династии имени Антиохос, так и обилию городских источников.

Трепетное отношение к священным карпам, что связано с популярной в Урфе по иудейской и исламской традициям историей Авраама, а также другие удивительные характеристики богатой легендами, всегда переплетенной с религиозными делами жизнью города – все эти тонкости подробно можно узнать из книг местных библиотек и архивов. Данная информация не поддается пониманию только при опоре на наши школьные знания. Честолюбивое стремление бывших крестоносцев устроить резиденцию в Эдессе в любом случае объясняется не только стратегическими причинами. В средние века был очень знаменит и долго хранился в Урфе «Mandylion» – предположительно выполненное с натуры изображение Христа, сделанное портретистом мумий. Не будем далее углубляться в информацию по истории Урфы,

потому что Егуда Сегал уже создал подробную ее подборку в своем томе «Эдесса – благословенный город». Вместо этого мы позволим себе еще раз предоставить слово фон Мольтке: *«Орфа раскинулась у подножия голых скал. Дальше отсюда вниз на юг начинается Чэль, или пустыня, необозримая равнина. В данный момент она покрыта зеленью, однако скоро засохнет. Орфа образует со своими фруктовыми деревьями и вербами оазис между песчаной и каменной пустынями».*

Даже если этой простирающейся к югу от Урфы пустыни, превращенной благодаря современным оросительным проектам в вечнозеленую плодородную долину, сегодня уже нет, приведенный короткий пассаж хорошо поясняет характер города и ландшафта. Урфа лежит на границе богатого дождями таврского предгорья. За горной цепью Тавра начинается анатолийское плато, которое простирается со своими широкими степными и пустынными территориями до Аравии. Мощные родники дают большое количество воды и делают Урфу фактически городом-оазисом. В его окрестностях при среднегодовом количестве осадков 480 мм случаются относительно сильные ливни. Известно, что необходимый минимум осадков для неполивного земледелия составляет 250 мм в год. Разумеется, в южном направлении количество осадков резко уменьшается и составляет, например, в удаленной на 150 км сирийской Ракке всего лишь 100 мм.

С обособленностью Юго-Восточной Турции, по крайней мере в сфере археологических интересов, было покончено в середине 60-х гг. XX века. Тогда началось сооружение многих больших плотин на турецком Евфрате, и, таким образом, возникавший озерный ландшафт уничтожал значительные участки суши одновременно с большим количеством памятников культуры. Чтобы исследовать хотя бы самые важные из затопляемых памятников, в Турции стали осуществляться международные программы по их спасению. Это привело в 1968 г. – с начала первого большого проекта по спасению, охватившего район плотины Кебан в окрестностях расположенного на среднем юго-востоке страны г. Элязыга, – к настоящему археологическому прорыву. За Кебаном последовало строительство плотины Каракайа в Малатьи, а с 1979 г. – одной из самых больших турецких плотин – плотины им. Ататюрка в районе Урфы. Строительство двух меньших плотин недалеко от сирийской границы завершено лишь недавно; в районе реки Тигр строительство продолжается. И в течение многих лет в конце лета, осенью (наиболее удобное время для раскопок в данном регионе) известные археологи со всего мира собираются на базе музея Урфы, чтобы принять участие в спасательных работах.

Однако Гёбекли Тепе, который, как уже говорилось, был виден на горизонте из Урфы, оставался до описанного посещения в 1994 г. незамеченным. Конечно, ему не угрожали проекты водохранилищ. Расположен Гёбекли Тепе в горах, где строительство плотин не планировалось. А упоминание Бенедикта о кладбище однозначно задушило в зародыше возможный интерес к посещению данного места археологами, т. к. мусульманские могилы заложены на вечность, соответственно полностью исключают раскопочные работы. Бенедикт также не фиксировал Гёбекли Тепе как памятник особого значения. Он поместил его в длинный список мест, по итогам археологической разведки^{*} юго-восточных провинций Турции 1963 г. впервые упомянутых в науке в качестве потенциальных «кандидатов» в древнейшие поселения.

Проект «Изучение доисторического периода Юго-Восточной Анатолии» («*Prehistoric Research in Southeastern Anatolia*») был инициирован Халет Чембел и Робертом Брэйдвудом. Оба исследователя являются выдающимися представителями специальности «доисторическая археология». Чембел преподавала в Стамбульском университете, а Брэйдвуд в Восточном институте Чикагского университета. Мне посчастливилось познакомиться с ними во время их еще активной работы в 1978 и 1979 гг., как и посетить тогда замечательный памятник – Чайёню. Этот объект тоже впервые был упомянут в обзорном сообщении Бенедикта. Там он отмечался как «исключительное» место, и после разведочных работ, естественно, должны были последовать многообещающие раскопки. Стационарные раскопки Чайёню начались в 1964 г. под руководством Чембел и Брэйдвуда. Вскоре появились важные результаты, так что исследования продолжались из года в год более 20 сезонов. В названные годы я много раз посещал район раскопок и впервые получил возможность ближе познакомиться с периодом раннего неолита.

Подробнее о Чайёню будет рассказано позже, а теперь вернемся в 1994 г. к Гёбекли Тепе и его повторному открытию. Почему мне захотелось увидеть памятник, который никого уже так долго не интересовал? Мой план состоял в том, чтобы посетить все известные потенциально относящиеся к периоду каменного века места находок в районе Урфы, ознакомиться с их состоянием и окружающим ландшафтом, все зафиксировать. Это была часть рабочей программы в рамках подготовки моей диссертации. Исходя из удивительно скрытого расположения изучавшегося тогда Невали Чори, я хотел своими глазами увидеть другие

^{*} Археологическая разведка – первичное системное обследование местности с последующим представлением научного отчета. - *Примеч. ред.*

пункты ранних поселений в регионе и постараться выяснить, какие факторы сыграли решающую роль при выборе соответствующего места их основания. Я также хотел проверить, имелись ли в данном районе пещерные археологические объекты, которые, возможно, позволили бы исследовать проблему перехода от древнего каменного века к новому. О том, что посещение Гёбекли Тепе в самом начале полностью изменило мою программу, я уже говорил и, таким образом, хотел бы теперь рассказать, как продолжилась эта история открытия и исследования одинаково завораживающего и с научной точки зрения выдающегося памятника давно ушедшей культуры.

Сельские охранники

На второй день после первого посещения последовало второе. Мы снова были вчетвером, однако проводник из села нам был уже не нужен. Четвертым товарищем стал Мурат Акман, турецкий археолог, проработавший много лет в Чайёню. С гордостью показали мы ему свое открытие. Поскольку Мурат занимался также раскопками в Невали Чори, долгих утомительных разъяснений не потребовалось. Как посетители археологического заповедника мы обошли большую территорию, обнаружив многочисленные новые детали, однако общая оценка осталась неизменной. Незаметно стемнело. Такси, которое должно было доставить нас в Урфу, припаркованное у подножья базальтового поля, мы нашли уже в полной темноте.

Когда на автомобиле мы приблизились к деревне, то в свете фар увидели стоящий поперек дороги грузовичок, непонятным образом оставленный и перекрывавший путь. Мы затормозили. Вдруг из темноты как привидения возникли несколько мужчин с автоматами Калашникова наперевес. Наша эйфория быстро сменилась противоречивыми чувствами. Все-таки мы находились на юго-востоке Турции, сотрясаемом в те годы интенсивными боями с курдскими повстанцами. Сообщения о действующих в то время в провинции Урфа подпольных группировках не были тогда чем-то необычным. Годом раньше в соседнем городе мы оказались свидетелями серии нападений с применением гранат. И хотя никто из нас при этом не пострадал, но одни лишь грохот и сила близко раздавшегося взрыва – взрыв был произведен в банке и вызвал много жертв – заставили нас упасть на колени. Короче, той ночью возле Гёбекли Тепе мы испугались, попав в такую неприятную ситуацию.

К счастью, нам повезло с водителем, немолодым господином из Урфы, самим спокойствием, говорившим по-курдски. Он вышел равнодушно из автомобиля и начал громко и четко говорить на курдском языке – мы

ничего не понимали из того, что совершенно однозначно должно было подтвердить нашу безобидность. И действительно, вооруженные люди ответили, завязался разговор. Уже только это обстоятельство подействовало на нас успокаивающе. Михаэль и я, как дисциплинированные немцы, тотчас начали рыться в карманах в поисках наших загранпаспортов, наивно полагая, что с такими бумагами все можно урегулировать. В то же время Мурат, будучи родом из Кайсери на западе страны, не был уверен в уже миновавшей опасности и пытался по возможности ничем себя не проявлять, прижавшись к спинке заднего сиденья.

Дело выяснилось, к счастью, быстро и без кровопролития. Слава богу, это было не нападение. Более того, вооруженные люди оказались так называемыми сельскими охранниками, которые и сами боялись ночных посещений боевых групп и хотели проверить приближающуюся к селу машину со всеми кажущимися им необходимыми мерами предосторожности. Сегодня, впрочем, бывшие охранники составляют ядро наших раскопщиков. Тогда присутствовали Бакир, Сезай, Ламих и Вехби. И, если теперь в период раскопчного сезона предоставляется возможность поговорить возле костра, мы всегда очень весело вспоминаем нашу первую ночную встречу.

Третьим посещением в 1994 г. были определены основные направления работы на Гёбекли Тепе, которые до нынешнего момента координируют этот исследовательский проект Германского археологического института. Мой учитель в академии Гаральд Хауптманн, ординариус древнейшей и ранней истории Гейдельбергского университета, приглашенный для работы первым директором Стамбульского отделения Германского археологического института, посетил Урфу. О его исследованиях в Невали Чори, в которых Михаэль и Мурат многократно, а я постоянно имели возможность участвовать, еще будет рассказано. Стоя возле дерева желаний Гёбекли Тепе, глядя на широкую простирающуюся перед нами территорию, мы на месте согласовали будущий план раскопок, результаты которых и составляют главный предмет содержания данной книги.

ЧАСТЬ II. НАХОДКИ, ИССЛЕДОВАТЕЛИ, СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ

Чтобы вы, дорогие читательницы и читатели, имели возможность не только восхититься уникальными сооружениями и объектами, которые к настоящему времени в большом количестве уже обнаружены на Гёбекли Тепе, но также понять и по достоинству оценить их культурно-историческое значение для человечества, мне бы хотелось в следующих главах подробнее познакомить вас с основными известными науке характеристиками той археологической общности каменного века, на следы которой мы натолкнулись недалеко от Урфы. На этом увлекательном пути вы познакомитесь с важнейшими археологическими местами находок каменного века, прежде всего на территории Передней Азии. В известной мере они облегчат вам понимание открытий на Гёбекли Тепе. И поскольку мы, как в конечном счете каждый, кто занимается историческими исследованиями, находимся в границах этих исследований и обогащаем себя знаниями других специалистов, даже если приходим затем к новым, нередко противоречащим старым представлениям результатам, я познакомлю вас также с некоторыми выдающимися личностями, каждая из которых внесла свой вклад в понимание неолита, т. е. нового каменного века. Таким образом, вы увидите научно-исторический контекст, в рамках которого осуществляются работы на Гёбекли Тепе. Наконец, я попытаюсь мимоходом и как можно осторожнее познакомить вас с основными понятиями и методами своей профессии.

Оставим пока Гёбекли Тепе и начнем наш осмотр археологических площадок нового каменного века с овеянного легендами города Ветхого Завета Иерихона.

ГЛАВА 1. СИСТЕМА ТРЕХ ВЕКОВ, НОВЫЙ КАМЕННЫЙ ВЕК И ИЕРИХОНСКИЙ ШОК

В первой половине XX в., в то время когда занятие археологией существовало практически только как оторванное от серьезной работы хобби состоятельных дилетантов, которые интересовались искусством, датчанин Христиан Томпсон⁵ разобрал в Копенгагенском национальном музее артефакты из «Собрания нордических древностей». Он обнаружил, что каменные, бронзовые и железные предметы появляются в различные периоды в определенной временной последовательности. В своей книге *«Путеводная нить по нордической археологии»* в 1836 г.

он описал так называемую систему трех веков. Когда Томпсон формулировал эту концепцию, то едва ли предполагал, какая долгая жизнь и история успеха выпадет его системе. Деление на каменный, бронзовый и железный периоды до сегодняшнего дня остается хронологической основой всей доисторической археологии.

До Томпсона доисторическими находками и связанными с ними научными вопросами занимались, прежде всего, геологи. *Геогнозия*, как раньше называлась геология, уже во времена Гёте, в XVIII в. сформировалась как университетская дисциплина. Геологи разработали стратиграфический метод, основывающийся на том, что в последовательности накладываются слои нижние имеют возраст древнее, чем лежащие выше, соответственно более молодые. Естественно, особый интерес в таких слоистых отложениях вызывало обнаружение следов однозначно человеческой жизнедеятельности. Таким образом, первому этапу формирования научной дисциплины «доисторическая археология» начало положили геологи. Археология искусства, родоначальником которой стал Иоганн Иоахим Винкельманн (1717–1768), не могла делать научные выводы, основываясь на камнях и глиняных черепках, поэтому матерью доисторической археологии следует рассматривать не «классическую археологию» с идеями Винкельманна, а геологию, которая сегодня представляет собой наряду с «классической археологией» важнейшую «разновидность» многочисленных «предтеч современной археологии». Эта связь полезна еще и потому что дает доисторической археологии методологическую основу, характеризующуюся тесным переплетением гуманитарных и естественных наук.

Во второй половине XIX в. произошло уточнение системы трех веков. Британец Джон Леббок в 1865 г. сформулировал важное открытие, а именно: он разделил каменный век *на периоды древнего и нового камня*, т. е. древнего и нового каменного века или на профессиональном языке – палеолита и неолита. До середины XX в. оба периода легко можно было отделить друг от друга, потому что в неолите появляется много новшеств: шлифованные каменные орудия, керамические сосуды, долговременные жилища... В течение всего времени подтверждалось исследованиями, по крайней мере на территории Европы, что неолитические культуры были оседлыми с производящим хозяйством, палеолитические же – охотничьими и кочевыми.

В 50-е г. XX в. произошло нечто необычное, то, что я хочу назвать иерихонским шоком и далее пояснить. Речь идет о расположенном на северном берегу Мертвого моря около Иерихона месте, сегодня называемом Тель эс-Султан, – памятнике, хорошо известном христианскому Западу.

Знаете ли Вы историю о взятии Иерихона и о ведении войны Иисусом Навином нетрадиционными средствами? В переводе Новой Иерусалимской Библии об этом говорится следующее: *«В седьмой день встали рано, при появлении зари, только в этот день обошли вокруг города семь раз. Когда в седьмой раз священники трубили трубами, Иисус сказал народу: Воскликните, ибо Господь предал вам город! Город будет под закланием, и все, что в нем, – Господу. Народ воскликнул, и затрубили трубами. <...> Как скоро услышал народ голос трубы, воскликнул народ громким голосом. И обрушилась стена до своего основания, и народ вошел в город, каждый со своей стороны, и взяли город»* (Иисус Навин, 6, 11–20).

Насколько велика и сегодня сила действия этого ветхозаветного предания о рухнувших от звука израильских труб стенах Иерихона, свидетельствует история его исследований, интересная для нашей работы⁶. Так, авторитетный археолог, госпожа Кэтлин Кеньон, руководившая раскопками на берегу Мертвого моря в Телль эс-Султане, решила, очевидно, под впечатлением ветхозаветной истории – случайно или нет в конце II тысячелетия – соответствующим образом интерпретировать остатки стены каменного века, которые она обнаружила в Иерихоне. Перед ее одухотворенным взором из руин каменного века поднялась упомянутая в Библии огромная городская стена. То, что находки можно интерпретировать иначе, будет подтверждено далее.

Иерихон, натуфийский и докерамический периоды нового каменного века

Иорданская низменность представляет собой самую глубокую впадину на Земле. Депрессия достигает почти 400 м ниже уровня моря. На уровне 230 м и примерно в 10 км от Мертвого моря есть поселок, называемый сейчас Телль эс-Султан. Остатки библейского Иерихона, с большой долей вероятности, находятся под ним. Поселение расположено в экстремально аридном, т. е. засушливом, районе, где в среднем выпадает только 100 мм осадков в год. Для сравнения: в расположенном западнее примерно на уровне 800 м над морем Иерусалиме среднегодовое количество осадков составляет уже 500-700 мм. Однако в Иерихоне имеется мощный источник, Айн эс-Султан (*айн* по-арабски – *источник*), который может обеспечить водой более 50 000 человек. Таким образом, несмотря на низкое количество выпадающих осадков, это экологически комфортный район, благоприятный для поселения.

В 1868 г. Чарльз Уоррен предпринял первые раскопки в Телль эс-Султане, не надеясь, по его собственным словам, найти там что-либо существенное. Обращает на себя внимание факт, что Уоррен смог уже

тогда понять: этот холм представляет собой искусственное возвышение. Феномен теллей – целенаправленно и многократно надстраиваемых поселений на руинах своих предшественников, в результате чего и возникал искусственный холм – на том этапе развития исследований большого внимания еще не привлекал.

Затем в 1907 и 1909 г. теолог Эрнст Селлин и классический археолог Карл Ватцингер провели в Телль эс-Султане новые раскопки. С точки зрения методики их работа соответствовала скромному стандарту того времени. Вместе с тем заслуживает похвалы публикация ими в 1913 г. отдельной монографии. А в 1930 г. раскопки были возобновлены и продолжены до 1936-го Джоном Гарстангом. Из его работ опубликованы только предварительные сообщения. Так же как Селлин и Ватцингер, Гарстанг добрался до «докерамически-неолитических» слоев, т. е. остатков поселения нового каменного века без каких-либо следов керамики, однако все названные исследователи не поняли исключительности и значения своих находок. *Сосуды из обожженной глины со времен Леббока считались одной из основных характеристик неолита.* Поздний каменный век без керамики просто не существовал в сознании тех ученых.

Понимание того, что в древнейших слоях Иерихона скрыта оседлая сельскохозяйственная культура, в которой глиняные сосуды еще полностью отсутствовали, пришло лишь к Кэтлин Кеньон, когда она между 1952 и 1958 гг. в течение 7 археологических сезонов проводила раскопки в Иерихоне. Уже в 1952 г. Кеньон обнаружила названные ею *докерамическими* неолитические слои. По всем критериям в традиционном понимании их следовало бы считать неолитическими, однако им недоставало главной группы находок – обязательных, как это понимали тогда, керамических черепков. Таким образом, она натолкнулась на докерамическую культуру нового каменного века и смогла определить ее. Кеньон выделила древний и новый докерамические слои, назвала их соответственно *докерамический неолит А и В (Pre-Pottery Neolithic A and B)*, из чего возникли сокращения PPNA и PPNB, которые вам еще ни один раз встретятся при чтении данного текста. Можно легко заметить, что *PPNA обозначает более древний, а PPNB – более молодой докерамический слой нового каменного века.* В соответствии с этим Кеньон классифицировала еще два более молодых слоя, в которых уже появляется керамика в качестве «путеводного ископаемого», как *керамические слои нового каменного века А и В (Pottery Neolithic A and B)*, или в сокращении PNA и PNB.

Кстати сказать, Кеньон обоснованно использовала в своей классификации определение *докерамический* вместо *акерамический*. «Акерами-

ческий» значит просто «без керамики», не задавая при этом временного отношения между керамикосодержащей и не содержащей керамики культурами. Мы знаем сегодня многочисленные акерамические культуры, глиняные сосуды в которых не использовали, в то время как в соседних обществах они считались обычным явлением. Ранние же неолитические слои Иерихона были напротив именно докерамическими. *Изготовление керамики тогда просто было еще не изобретено.* Все остальные черты культуры между тем определялись как неолитические: доказуемы оседлость, следы культурных растений, а вместе с ними производящее продукты питания хозяйство. Был также уже изобретен «новый камень», т. е. шлифованные каменные орудия. Это обстоятельство вызвало у археологов, занимающихся доисторическим периодом то, что я называю иерихонским шоком. Существовали ли докерамические неолитические культуры в других странах? На примере соответствующих исследований в Греции мы видим, что иерихонский шок повсюду приводил не только к интенсивным поискам аналогичных феноменов, но временами и к натянутым интерпретациям результатов раскопок.

Между тем докерамический новый каменный век не оказался в Иерихоне самой ранней фазой поселения. Древнейший, лежащий непосредственно на скале слой относится к культуре, открытой в 1928 г. исследовательницей Дороти Гаррод в Палестине в пещере Шугба недалеко от Вади Натуф и названной соответственно натуфийской культурой. *Натуф* – название, связанное с конкретной местностью. Составные части этого слова обозначают «капающая вода» – феномен, наблюдающийся в расположенных здесь пещерах и нависающих скалах. Арабское слово *вади* можно перевести как «русло реки». Однако, как правило, речь идет о руслах пересыхающих рек. Лишь после сильных ливней вади, часто только на короткое время, наполняются текущей водой, нередко в виде бушующего, разрушительного, бегущего с гор потока. Это неравномерное распределение влаги основывается на двух факторах. Во-первых, ливни в Передней Азии почти всегда бывают зимой. Они, как правило, недостаточны, чтобы длительное время питать активные ручьи или реки. Во-вторых, слабое наличие или полное отсутствие растительного покрова, который в умеренных широтах как губка накапливает дождевую воду и медленно передает ее в дренажную систему ландшафта, приводит к тому, что бушующий в вади после сильных ливней гигантский поток уже через несколько часов теряет свою силу и, как правило, через несколько дней исчезает совсем.

Это то, что касается особенностей функционирования вади. Вскоре Гаррод исследовала у Вади аль-Магарах, расположенном в Кармельских

горах, другие натуфийские памятники, в том числе Мугхарет эль Вад, «Долинную пещеру». Наряду с этими пещерными стоянками на открытой местности известны более поздние натуфийские поселения, например Айн Маллаха на озере Гулех, Нахал Орен (арабскому *вади* соответствует еврейское *нахал*) и сам Иерихон.

Натуфийская культура, которой принадлежит самый древний археологический слой Иерихона, возникла в XII-XI тысячелетии до Р.Х. Запомните это понятие и эту дату, поскольку в тексте вы еще встретитесь с ними в разных ситуациях. Эти и другие названные в лежащей перед вами книге абсолютные временные данные получены на основе *дендрокалиброванного радиоуглеродного анализа*. Принцип этого метода датирования основывается, прежде всего, на измерении нестабильного и распадающегося изотопа углерода C_{14} , который поглощается всеми организмами во время жизни из воздуха и содержание которого в найденном предмете (например, древесном угле или кости) органического происхождения позволяет сделать вывод о дате умирания соответствующего организма. Однако измеряемое содержание изотопа C_{14} зависит не только от возраста находки, но также от содержания C_{14} в земной атмосфере в период жизни соответствующего организма. Открытие того, что содержание C_{14} в атмосфере с течением времени было непостоянным, и понимание того, что эти колебания могут исказить определение даты относительно астрономического года (факт, который надолго, особенно в Германии, дискредитировал радиоуглеродный метод), привели к применению другого, уже уточняющего метода. *Дендрохронология* изучает формы и композиции последовательностей годовых колец деревьев, зависящих от годового климата, т. е. от астрономического года. Чередування тонких и толстых годовых колец большого числа стволов деревьев могут быть сведены методом, сравнимым с расшифровкой знаков Морзе, к длинной связной цепи, к так называемым *указательным кривым*, которые после интенсивных исследований могут тянуться от нового времени через средневековье и античность, через тысячелетия в ледниковый период. Сопоставление данных C_{14} и указательных кривых годовых колец с соответствующими им точно подсчитанными дендрологическими ограниченными солнечным годом измерениями дает возможность получить точную датировку. Это и называется *коррекцией* или *калибровкой* всех данных радиоуглеродного анализа.

Дендрокалиброванные радиоуглеродные данные составляют сегодня позвоночный столб археологической хронологии. Небольшой методологический экскурс, вероятно, поможет понять, что речь при определении времени в течение тех многих тысячелетий, через которые мы отправи-

лись из нашей эпохи в прошлое, исследуя Гёбекли Тепе и окружающие памятники, а также культурные ареалы и эпохи, где они возникли, идет не о результатах нескольких произвольных оценок (которые уже скоро могут снова измениться). Более того, можно утверждать, что эти даты опираются на солидный фундамент очень широкого набора надежных методов определения времени. Таким образом, мы не любим псевдонаучным жонглированием тысячелетиями, а рассматриваем надежную хронологическую систему.

Что делает натufийские памятники и время XII-XI тысячелетий до Р.Х. таким значительным? Тенденции, наблюдаемые в культуре той эпохи, которые в конечном счете – так сказать, *opinio communis* (общепринятое исследовательское мнение) – ведут к целенаправленному и планируемому, производящему продукты питания образу жизни. В натufийском сообществе это происходит значительно раньше, чем в других археологических культурах Земли. Места поселений позволяют понять, что люди все больше склонялись к тому, чтобы на некоторое время стать оседлыми, а не использовать свои земли только сезонно – в определенное время года, когда природа в изобилии давала фрукты и дичь. Такие археологические находки, как серпы, ступки, песты, представляют собой надежные свидетельства того, что растительная пища уже заняла важное место в питании людей. По последовавшей за натufийской ступенью эпохе PPNA (т. е. древнейшей докерамической фазе неолита), которая датируется X тысячелетием до Р.Х., можно понять, что тенденция к оседлости и целенаправленному производству продуктов питания превратилась в осознанную стратегию. Тогда был перейден порог к неолиту. *Значение этого процесса для культурного развития человечества невозможно переоценить. Поэтому его также называют «неолитическая революция».* Позже мы об этом еще поговорим.

Так как натufийская фаза в Иерихоне не исследована достаточно полно, обратимся на короткое время к другому памятнику натufийского времени, где представлены все инновации той эпохи. Вади Хаммех находится севернее античной Пеллы, как и Иерихон, расположенной на границе иорданской низменности. Большие, сложенные частично из нескольких концентрических рядов камней круговые структуры могут интерпретироваться в качестве остатков жилых сооружений. Шесть почти полностью сохранившихся серпов из кости и рога, большое количество ступ и пестов, а также похожих на мотыгу предметов из кремня отражают начало нового образа жизни. Некоторые украшенные фигурами объекты, самые яркие из которых – песты с фигурно вырезанными рукоятками и удивительная украшенная орнаментальным рельефом камен-

ная скульптура высотой 1,6 м, дали нам основание занести это место в *первый класс* древнейших поселений Передней Азии. Только в натуфийское время на Востоке впервые появляются изображения фигур в достойном внимания количестве. В удивительном и до сегодняшнего дня труднообъяснимом противоречии к Европе – мы имеем в виду выразительные рисунки мадленской культуры в пещерах Ласко во Франции или Альтамиры в Испании или же Венеру из Виллендорфа, женскую статуэтку верхнего палеолита из Нижней Австрии – палеолит на Востоке оставался до этого момента почти без изображений. Хотя в остальном здесь наблюдается культурное развитие, схожее с европейским верхним древним каменным веком.

Распространение натуфийских памятников ограничено Левантом. А так как эта культура считается предшественницей раннего неолита, т. е. нового каменного века, здесь лежала и лежит одна из важнейших причин того, чтобы искать следы зарождения неолита именно в данном регионе. До сегодняшнего дня в Верхней Месопотамии не было известно памятников натуфийской или сопоставимой с ней по времени культуры. Самые северные точки Натуфа – Нахр эль Хомр, Дибзи Фарай и Мурейбит - достигают даже сирийского Евфрата. Между тем в центре Верхней Месопотамии на археологической карте XII-XI тысячелетий до Р.Х. до сих пор еще полная пустота. Представляется, что эти данные обусловлены достигнутым на сегодня уровнем исследований, ведь еще несколько лет назад докерамические неолитические стоянки в регионе Урфы тоже были почти неизвестны. Едва ли стоит ожидать, что плодородные земли, которые вместе с реками Тигр и Евфрат и многочисленными их притоками в предгорьях Тавра, обеспечивая достаточную продовольственную основу, в конце ледникового периода были совершенно не заселены. Поиск предшествующих докерамическому неолиту культур в Верхней Месопотамии только начался. Это значит, нужно набраться терпения. Открытым мне кажется только вопрос: обнаружим ли мы места стоянок, схожие с натуфийскими памятниками, или совершенно другие феномены, относящиеся к тому времени, что покажут иную картину?

После этого первого знакомства с эпохой, регионами, основными памятниками и понятиями вернемся снова в Иерихон. Здесь для уже многократно упомянутой исследовательницы Кеньон интерпретация данных осмотра остатков стен как свидетельств *оборонительных сооружений* раннего докерамического неолита казалась доказанным фактом. И Кеньон идет еще дальше. Объяснив остатки каменной стены руинами крепостной стены, она смело делает вывод о том, что неолитический Иерихон был *городом*.

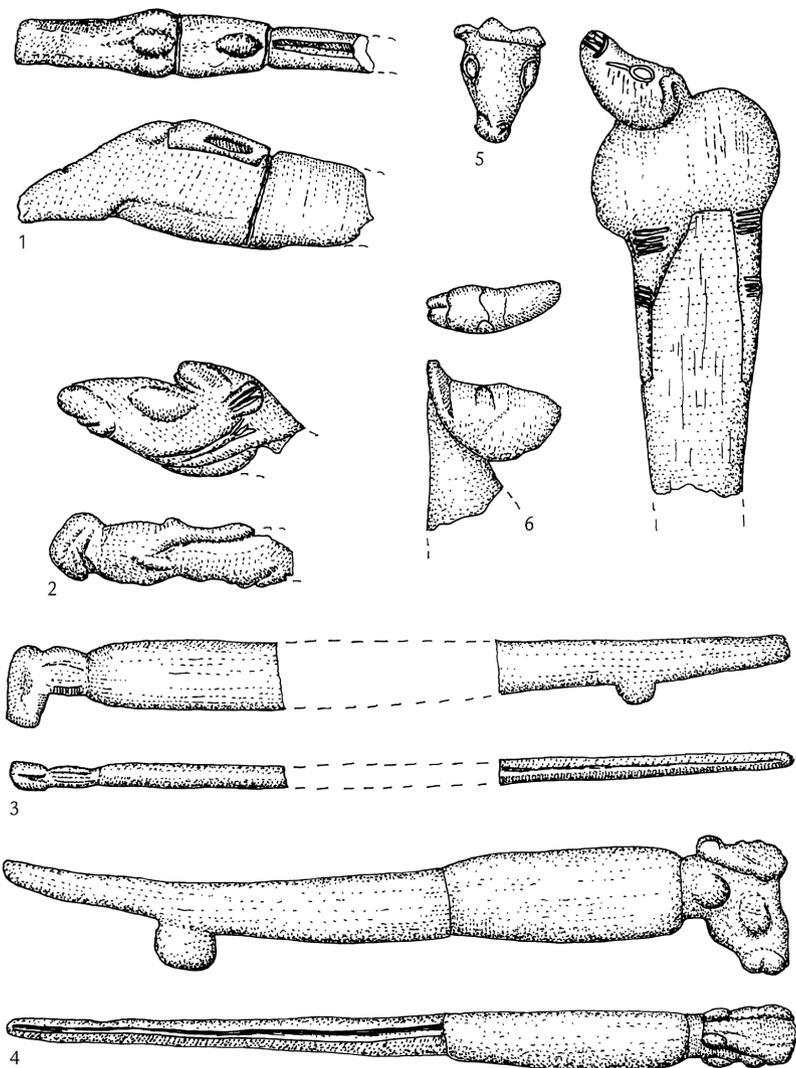

Рис. 5. Натуфийская культура. Роговые и костяные рукоятки жатвенных ножей, украшенные вырезанными фигурами: 1–4) Кебара, 5) Эль Вад, 6) Нахал Орэн

«Древнейший город мира» и «синдром святой земли»

Не будем в этом месте излагать в деталях, какими критериями нужно руководствоваться, чтобы, рассматривая поселение, говорить о «городе». Среди коллег-специалистов по данному поводу единого мнения нет⁷. Дальше, если будет важно для нашей главной темы, мы вернемся к этому вопросу. Сначала же примем к сведению, что наличие укрепления и других оборонительных сооружений в целом далеко еще недостаточно для доказательства существования города. Разумеется, города могут быть построены и без укреплений. Отсутствие свидетельств в них военной организации не может вводить исследователя в заблуждение. Но и крепость, являясь очевидным фактом, не всегда обозначает наличие города.

Были ли те конструкции, что мы видим в Иерихоне, – та башня и та сомнительного свойства стена – действительно частью оборонительного сооружения? Израильский археолог Офер Бар-Йозеф, как и его немецкий коллега Рольф Гахманн, приходят к выводу, что другие попытки истолкования не только возможны, но и могут получить однозначное предпочтение при опоре на имеющуюся документацию исследований Кеньон.

Сама Кеньон могла бы найти «правильный угол зрения» на иерихонские стены, что помогло бы ей открыть иной характер этого сооружения, однако она находилась под воздействием искусства обольщения уже рассказанной ветхозаветной истории. Так что трубы перед Иерихоном разрушили не только оборонительное сооружение, но и способность археолога критически мыслить. А посему раскопанные в Иерихоне остатки больших стен, очевидно, просто *обязаны* были стать частями городских укреплений, так же как и обнаруженная там башня – быть объявленной башней городской стены. И если мы находим в библейской археологии с одной стороны, гигантский потенциал для идеальной возможности сопоставления письменных и археологических источников, то в то же время этот исследовательский метод легко попадает под давление ожидания слишком желаемого совпадения археологических свидетельств с библейскими текстами. Вследствие чего нередко случается недостаточный учет тех аспектов анализа данных, которые явно *не* подходят к библейскому сценарию или, по крайней мере, не соответствуют ожиданию археологов. История археологических исследований самого Иерусалима полна таких притянутых и ошибочных интерпретаций.

В числе прочего Кеньон обнаружила два больших похожих на ступку камня с углублениями и двенадцать скелетов, сложенных у основания той лестницы, что вела в башню неолитического времени. Оба камня она сочла за цоколи несохранившихся тотемных столбов. Эта интерпретация кажется весьма правдоподобной, поскольку в Неваля Чори, другом

важном неолитическом памятнике той эпохи, как и в Гёбекли Тепе, были обнаружены подобные находки.

Однако не указывают ли данные свидетельства и их интерпретация больше на культовую принадлежность сооружения? И не противоречат ли, в конце концов, скелеты толкованию башни в военном аспекте? На останках не обнаружено никаких признаков жертв военных действий, и не нужно быть военным, чтобы предположить, что двенадцать погребений у основания лестницы, ведущей в оборонительную башню, стали бы помехой для бегающих вверх и вниз защитников. Тем не менее Кеньон не проследила путь возможной интерпретации находок в ритуальном контексте древнейшей докерамической культуры каменного века (PPNA).

Иерихонская башня сохранилась до сегодняшнего дня. Не считая лестницы, ее внутреннее устройство совершенно неизвестно. Состоит ли она из сплошной каменной кладки, может быть, других расположенных внутри концентрически оболочек или из бесструктурного каменного, а может, и земляного заполнения? Строилась ли башня как единое целое, или изначально пустая оболочка стены была заполнена уже позже? Ясно только то, что башня могла возводиться лишь одновременно с обустройством ее центра. На мысль о возможности существования в первое время внутреннего помещения меня навели круглопланные сооружения Гёбекли Тепе, и об этом мы еще поговорим. Но я не хочу торопиться. Давайте сначала предоставим слово археологу Гахманну, которого смелые объяснения Кеньон также не очень убеждают: «...пожалуй, акерамическое поселение дает много доказательств заметной сложности культуры в то раннее время, однако в первую очередь оно свидетельствует о значительном весе религиозного в эту эпоху, что, как и в предшествующем палеолите, выражалось в существовании большого количества различных культовых практик» (из журнала: *Baghdader Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts*, 1994, S.73).

Умершие в Иерихоне и загадка черепов

В Иерихоне найдены останки 491 человека интересующей нас эпохи, причем полностью сохранилось только 200 скелетов. Немецкий антрополог Готтфрид Курт, научную работу которого обобщил его ученик Олаф Рёер-Эртль, входил в команду Кеньон, причем сообщения о раскопках свидетельствуют, что сотрудничество не обошлось без проблем. Научная обработка антропологического материала из Иерихона до сегодняшнего дня недостаточно согласована с археологической документацией.

Курт обратил внимание на то, что обнаружены останки меньшего количества людей, чем можно было ожидать, и что среди останков явно преобладала группа молодых людей времени докерамического неолита А и В.

Что стоит за этим иерихонским фактом? Ясно, что выявленные пропорции смертности не характерны для иерихонского общества эпохи неолита. Данные находки не являются материальными свидетельствами естественного биологического процесса, очевидно, здесь имели место определенные манипуляции. Среди иерихонских умерших группа молодых людей должна была бы составлять меньший процент, чем тот, что был выявлен, иначе у популяции почти не оставалось шансов выжить. Из этого, очевидно, можно сделать вывод, что район Иерихона был предпочтительным местом погребения небольшой группы людей, умерших в молодом возрасте. На вопрос «почему?» в любом случае вразумительного ответа нет. Однако можно, по крайней мере, осторожно предположить, что люди, умершие в молодом возрасте и похороненные в Иерихоне, относятся к особой группе – к группе, для которой уже при жизни действовали особые правила, и с телами умерших ее членов нужно было поступать соответствующим образом. Не углубляясь далее в гипотезы, следует лишь подумать над вопросом: а не являемся ли мы свидетелями человеческих жертв, похороненных в Иерихоне, в то время как «нормальные» умершие хоронились в других местах?

Насколько причудливыми могут быть действия, связанные со смертью и умершими, что может быть интерпретировано только лишь в культовом контексте, показывают, пожалуй, самые обсуждаемые находки из Иерихона – восстановленные черепа. Группе черепов, положенных отдельно от скелетов, была возвращена «плоть». С помощью глины или гипса им восстанавливали лицо, при этом глаза часто заменяли раковины каури. В отдельных случаях на щеках и лице отмечены рисунки. Нет ответа на вопрос, стремились ли тогда люди к изображению лица умершего, т. е. пытались ли изобразить его лицо близким к портретному сходству, или хотели лишь представить некий идеальный образ. Для древнего докерамического слоя, неолита PPNA, такие действия с черепами умерших не доказаны, они датируются – в соответствии с сегодняшним уровнем знаний – более поздним периодом - PPNB.

Восстановленные черепа обнаружены не только в Иерихоне, но также на другом поселении, которое тоже является важным для понимания культурного окружения Гёбекли Тепе и которому посвящается следующий раздел.

Айн Гхасаль – брат Иерихона

Поселение было открыто в 1974 г. во время строительства скоростной дороги от иорданской столицы Аммана к городу Зарка. Некоторые части Айн Гхасалья тогда были разрушены бульдозерами. Этот памятник каменного века расположен в западной части долины Вади Зарка, которая (непонятным образом) целый год не пересыхает. Среднегодовое количество осадков 250 мм характеризует эту зону как переходную от средиземноморской кустарниковой к индотуранской степной. После окончания ледникового периода в раннем голоцене – примерно 10 000 лет до Р.Х. – климатические условия, вероятно, были более благоприятными, чем теперь, потому что, имея площадь 15 га, Айн Гхасаль относится к самым большим из известных неолитических поселений Ближнего Востока. С 1982 г. под руководством археолога Гари О. Роллефсона проводились раскопки по спасению этого памятника, который ожидало уничтожение в ходе строительных работ. Из скромного сельского поселка периода среднего PPNB, возникшего около 7 250 г. до Р.Х. в течение следующих столетий выросло поселение с числом жителей примерно 2 000 человек. К началу VI тысячелетия до Р.Х. поселение Айн Гхасаль пережило сильное сокращение людей, вероятно, из-за слишком интенсивного использования пашни, которого земля не выдержала, следствием чего стали все меньшие урожаи; в дальнейшем уже к началу V тысячелетия до Р.Х. поселение было оставлено.

В эпоху докерамического неолита Айн Гхасаль, несомненно, представлял собой значительное поселение. Со своими 15 га он в 4 раза превосходил неолитический Иерихон, с которым его объединяет много общего в архитектуре, искусстве и ритуалах. Роллефсон и назвал эти археологические памятники братьями. К тому же ученый предполагает, что рост населения в Айн Гхасале, очевидно, связан с упадком в развитии Иерихона, произошедшем в середине VII тысячелетия до Р.Х. По его мнению, часть людей могла переселиться тогда из Иерихона в Айн Гхасаль.

Не будем, однако, останавливаться подробнее на истории заселения Иерихона и Айн Гхасалья, потому что в данном случае нас интересует, прежде всего, культурное самовыражение жителей Айн Гхасалья, особенно в области ритуалов. Как и в Иерихоне с черепов некоторых умерших людей, очевидно относящихся к особой группе, удалялись мягкие ткани, части лица восстанавливались потом посредством гипса и разрисовывались. В дальнейшем эти черепа выставляли в определенных местах.

Кроме того, имеются другие интересные находки. Две проколотые кремневыми остроконечниками фигурки животных из глины были обнаружены под полом одного из домов. Отдаленно эти свидетельства напоминают манипуляции карибских жрецов Вуду или африканских «поклонников гвоздей». Комплект из 24 глиняных фигурок быков (коров), сгруппированных вокруг непонятого глиняного объекта, был также открыт в заполнении другого дома. Несомненно, и здесь речь идет о предметах, участвовавших в ритуалах, осуществлявшихся на поселении, однако мы еще не можем понять или представить подоплеку и сценарий развития этих действий. Данную проблему я буду часто озвучивать перед вами, поскольку, как вы сами можете себе представить, в принципе несравнимо тяжелее на основе одних лишь археологических свидетельств реконструировать ушедшую культуру, чем делать то же самое, имея тексты, т. е. письменные источники, которые объясняют или представляют отдельные ситуации с точки зрения современников. Тем не менее мы можем сказать, что в Айн Гхасале, так же как и в Иерихоне – и здесь возникает важная параллель с еще более ценными находками на Гёбекли Тепе, – материальное наследие позволяет пролить некоторый свет на интерес древних людей к культовым и ритуальным связям и действиям.

В подтверждение данного факта говорят самые интересные находки из Айн Гхасала, а именно те более 30 гипсовых статуй⁸, которые, по мнению многих исследователей, могут считаться изображениями предков. Соответствие такого объяснения действительности еще остается под вопросом. В любом случае, статуи величиной от 35 до 90 см выделяются среди других меньшего размера пластических фигур и позволяют взглянуть на полный ассоциаций мир неолитической ритуальной практики, не проникая, тем не менее, глубоко в его тайны. Фрагменты похожих статуй были найдены в Иерихоне, однако вид целых экземпляров восстановить тогда не удалось. Только благодаря находкам из Айн Гхасала это стало возможным.

Статуи Айн Гхасала были найдены в двух комплектах, положенных в ямы. Первая группа включает 13 фигур, выполненных во весь рост размером 80-90 см, и 12 бюстов высотой 30-45 см. При рассмотрении данных объектов обращает на себя внимание явная так называемая полидактилия: у некоторых статуй, безусловно, антропоморфной формы вместо пяти пальцев шесть. Впрочем, это наследственное свойство и в наши дни не редкость.

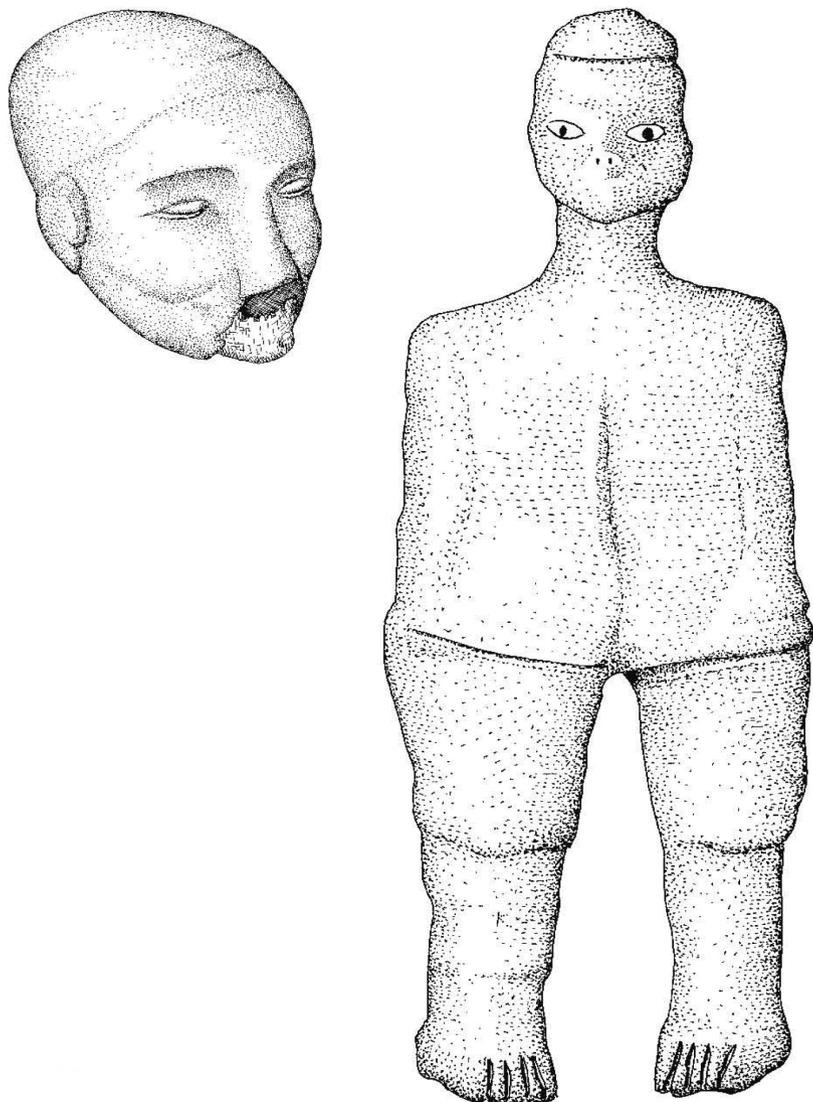

Рис. 6. Восстановленный череп из Иерихона и статуя из Айн Гхасалия

Вторая коллекция была открыта всего лишь в 8 м северо-западнее первой. Здесь речь идет об 11 объектах – статуях и бюстах, из которых минимум две статуи и один бюст имели по две головы. Функция этих обращающих на себя внимание фигур (по общему мнению, ритуального свойства) не вполне понятна. Их расположение показывает намеренную изоляцию, что, однако, не позволяет делать какие-либо далеко идущие выводы о назначении и применении данных объектов⁹.

Необходимо коротко сказать и о другом месте находок – пещере Нахал Хемар. Среди обнаруженных там свидетельств особое внимание обращает на себя до сих пор уникальная группа предметов. Мы говорим об уже упоминавшихся восстановленных черепахах, которые, однако, совсем не похожи на те, что были обнаружены в Иерихоне или в Айн Гхасале. Дело в том, что в Нахал Хемаре не пытались вернуть черепу облик лица, а создавали на задней части головы с помощью асфальта сетку, которая должна была изображать либо саму прическу, либо, что вероятнее, сетку для волос. Данный вывод мы делаем на основании того, что среди текстильных находок имеются остатки похожей сетки для волос. Весь набор свидетельств из Нахал Хемара относится к кульгово-ритуальной сфере, никакая практическая связь тут не обнаруживается. При этом речь идет об изолированной группе находок, которая, тем не менее, не дает нам ответа на вопрос о начальном применении выявленных предметов. Нахал Хемар показывает, что восстановленные черепа позднего докерамического неолита (PPNB) могут встречаться с разными вариациями оформления.

Известные на сегодня моделированные черепа каменного века Передней Азии, а всего их обнаружено более семидесяти, относятся не только к фазе PPNB, некоторые из них датируются более поздней эпохой – керамическим неолитом. Но почти все они географически соответствуют довольно небольшой области в районе Иорданской низменности и равнины, примыкающей к Дамаску. Наряду с уже упомянутыми местами восстановленные черепа обнаружены и на других памятниках, расположенных в основном в обозначенном регионе, однако я не хочу перегружать вас большим количеством названий¹⁰.

Хотя к настоящему моменту мы обнаружили, на первый взгляд, удивительно большое число восстановленных черепов, оно является относительным с учетом постепенной интенсификации исследований каменного века Передней Азии. В сопоставлении со сведениями о растущем населении каменного века общее число найденных черепов приближается к бесконечно малому количеству. Это подтверждает мысль о том, что только *избранные* черепа подвергались процедуре восстановления; это

ни в коем случае не была обычная форма погребения. Очевидно, черепа являлись культовыми предметами, возможно сравнимыми с реликвиями наших дней. Таким образом, следует считать их объектами, которые торжественно уводили людей из повседневности в некую область сакрального.

Израильский археолог Йозеф Гарфинкель считает, что человеческие черепа использовались в качестве предметов культа в эпоху докерамического неолита В (PPNB), но не в более древнем PPNA, где восстановленные черепа полностью отсутствуют. Отделенные от скелета черепа того времени находят не в специальных ямах, а в помещениях. Однако уже и на ранней фазе докерамического неолита определенным черепам придавалось особое значение. Это еще более стало очевидным, когда среди отделенных черепов стали находить экземпляры с широким лицом, которые, вероятно, выделялись современниками в качестве пригодных для отделения. Исходя из вышесказанного, мы можем говорить о достаточно древнем культе черепов, хотя практика их моделирования пришла уже позднее.

Вероятно, можно уточнить мысль израильского коллеги, сделав попытку представить то, что какая-либо группа людей вследствие бросающихся в глаза признаков (особая форма черепа?) уже при жизни была предназначена для особых задач – активных (в качестве исполнителей культа) или пассивных (в качестве жертвы). Обращает на себя внимание распределение по возрастным группам остеологических находок Иерихона вышеупомянутого антрополога Рёер-Эртля: все восстановленные черепа принадлежат молодым людям или взрослым и никогда действительно старым. Сделанный на основании этого вывод в любом случае не совпадает с мнением подавляющего большинства исследователей о проявлении здесь «культа предков». Кое-что скорее указывает на привилегированный уход за останками отдельно избранных умерших, которым в обществе отводилась особая функция. После смерти их черепа подвергались уже описанной специальной обработке, а потом использовались как объекты культа.

Экскурс в Южную Германию – культ черепов в пещере Офнет
В Европе мы также встречаем вполне сопоставимые в основных чертах действия с черепами. Что демонстрирует, например, находка женского черепа, относящегося к мадленскому времени позднеледникового периода – примерно 15 000 лет до Р.Х. – из пещеры Мас д’Азил в Юго-Западной Франции. Он был обнаружен оставленным на выступе скалы. Нижняя челюсть и большинство зубов отсутствовали, в левую глазницу

была вставлена костяная пластина, вторая пластина для другого глаза находилась в окружающих отложениях. Однако особое значение до сих пор имеют свидетельства, обнаруженные в Южной Германии на краю провинции Нёрдлинген в пещере Офнет, точнее говоря, в большой пещере Офнет.

Первые раскопки были предприняты в 1875—1876 гг. Оскаром Фрасом. Роберт Рудольф Шмидт продолжил эти работы в 1908 г. Шмидт нашел в слоях палеолита на небольшой глубине два расположенных недалеко друг от друга углубления, которые вмещали скопления человеческих черепов, засыпанные смесью охры, золы и земли. Большая группа состояла из 27, меньшая - из 6 черепов. У всех сохранились нижние челюсти и шейные позвонки. Последнее наблюдение может свидетельствовать о том, что там находились не только уже очищенные от мягких тканей черепа, но и непосредственно отделенные от тел головы. Когда их обнаружили, все глазницы без исключения были направлены на запад, в сторону входа в пещеру. Выкладывание голов осуществлялось, по мнению Шмидта, не одновременно, а через временные интервалы концентрически, начиная от центра. Среди черепов определено 4 мужских, 9 женских и 20 детских. Мужские черепа были захоронены без каких-либо сопутствующих предметов, в то время как детские украшали раковинами улиток. Возле женских черепов было положено в общей сложности примерно 200 просверленных оленьих зубов и около 4 000 раковин моллюсков.

Шмидт относит названные свидетельства к Тарденуазской культуре, то есть к среднему каменному веку (мезолиту, 10 000—6 000 лет до Р.Х.), соответственно, ко времени последнедиковой культуры охотников и собирателей. Радиоуглеродные исследования уточнили дату, вокруг которой одно время шел научный спор, установив время находки приблизительно 6 300 г. до Р.Х., что является поздним мезолитом.

Комплекс пещеры Офнет оказался не единственным подобного рода, впоследствии к нему добавились и другие находки, однако он далеко превосходит все их по значимости. Сопоставимые свидетельства обнаружены в Южной Германии, в частности на горе Кауферсберг, что расположена тоже на краю провинции Нёрдлинген, и в Голенштейн-Штаделе швабского Лонеталя. Не останавливаясь подробно на этих примерах, можно сказать, что названные находки человеческих черепов, положенных отдельно от тел, в Центральной Европе хотя и немного моложе находок докерамического неолита (PPN) Ближнего Востока, в целом принадлежат одной и той же эпохе. И мы обнаруживаем наряду с сопоставимыми явлениями определенные различия. Вспомним, что в Передней

Азии черепа, уже освобожденные от мягких тканей, укладывались иначе, чем в пещере Офнет. Особого разделения по половым и возрастным признакам отмечено не было. Можно сказать о снова высокой доле молодых людей – обстоятельство, которое, как мы видим, вполне соответствует традиции захоронения черепов на Ближнем Востоке в период докерамического неолита. Южно-немецкие жители, правда, не занимались восстановлением черт лица или похожей практикой, однако они богато декорировали черепа, за исключением мужских, большим количеством украшений. Едва ли это было возможно, если рассматривать данный вопрос в парадигме «исполнитель — жертва» или предположить, что речь идет об охотниках за головами.

Документально доказанное наличие большого количества детских черепов в этом контексте ставит под сомнение любую форму «культы предков». В общих чертах способ захоронения черепов в среднем каменном веке в Южной Германии соответствует тому, о чем говорит уже упомянутый ученый Гарфинкель, размышляя над вопросом о захороненных отдельно от скелета черепах позднего докерамического неолита Передней Азии. По его мнению, данные останки принадлежали выделяющейся еще при жизни особой группе людей с особыми задачами; после смерти их черепа служили членам сообщества в качестве культовых объектов и сохранялись в местах, открытых теперь археологами. Ставшая здесь осязаемой сфера ритуала и в конечном счете религии – если мы воспринимаем данные явления как возможность приобщения посредством сознания к сакральному, что находит свое выражение в соответствующих действиях – однозначно указывает на то, что историю Европы нельзя рассматривать в отрыве от событий древнего и среднего каменного века Передней Азии.

Значение вероятной религиозной мотивации в более ранних исследованиях, где делалась попытка ответить на вопрос, почему в какое-то время охотники превратились в крестьян, почти не рассматривалось. В справочниках вместо этого до сих пор везде утверждается: в конце последнего ледникового периода экологическая необходимость обусловила в Передней Азии раньше, чем в других районах Земли, переход культур охотников и собирателей к оседлому образу жизни с соответствующим аграрным производством продуктов питания. О том, как проявлялась и действовала эта необходимость, существуют различные точки зрения, о которых говорить в деталях мы не будем, все они исходят из того, что, в конце концов, природа вынудила человека изменить образ жизни. Это глубокое изменение форм хозяйствования, постепенно превратившее земледелие и животноводство в важнейшую основу существования, сопровождалось согласно данной интерпретации изменениями челове-

ской жизни во всех других областях, особенно появлением с течением времени определенного вида укрепленных «мест проживания». Возникнув в ранние периоды как скопления скромных сооружений палаточного типа или в виде нескольких вырытых землянок, они постепенно превращались в первые сельские поселения с постоянными конструкциями из дерева, глины или камня, чем и было положено начало для всего дальнейшего развития.

Эта, как резьба по дереву, привлекательная картина не претендует на исчерпывающую полноту, однако мы можем изобразить ее значительно красочнее, пластичнее и многограннее, учитывая такие уже в древнем каменном веке действенные факторы как ритуал, культ и религия, что станет еще нагляднее в ходе дальнейшего повествования.

ГЛАВА 2. ПЛОДОРОДНЫЙ ПОЛУМЕСЯЦ И «ХОЛМИСТЫЕ ФЛАНГИ»

Где конкретно мог начаться процесс перехода к оседлости? Какие для этого должны были появиться условия, чтобы от испокон веков привычной формы получения продовольствия отказались, а взамен пришла до толе людям совершенно неизвестная практика, превратившаяся в итоге в основной способ существования культуры?

В связи с поставленными вопросами исключительную роль играют понятия «неолитическая революция», сформулированное археологом Гордоном Чайлдом, и «Плодородный полумесяц», принадлежащее египтологу и историку Джеймсу Генри Брестиду. Оба понятия являются самыми известными терминами из всех, сопровождающих исследования перехода к неолиту в Передней Азии, и превратились уже в устойчивые словосочетания.

Упомянутые раньше Роберт и Линда Брэйдвуд осуществляли полевые работы в рамках концепции, представители которой искали начало неолитического образа жизни не в больших речных долинах и оазисах Ближнего Востока, а в зоне обитания диких животных, прирученных в неолите, т. е. на холмистых предгорьях Тавра и Загроса, в так называемых *флангах Плодородного полумесяца*. Состоявшиеся исследования привели к возникновению широкого понятийного топонима *холмистые фланги*. Даже если Боб Брэйдвуд сам комментировал данный факт в связи с изменившейся точкой зрения словами: «...это понятие, кажется, повиснет у нас на шее, как мертвый альбатрос», сегодня *холмистые фланги* заняли, а вместе с ними и внутренний

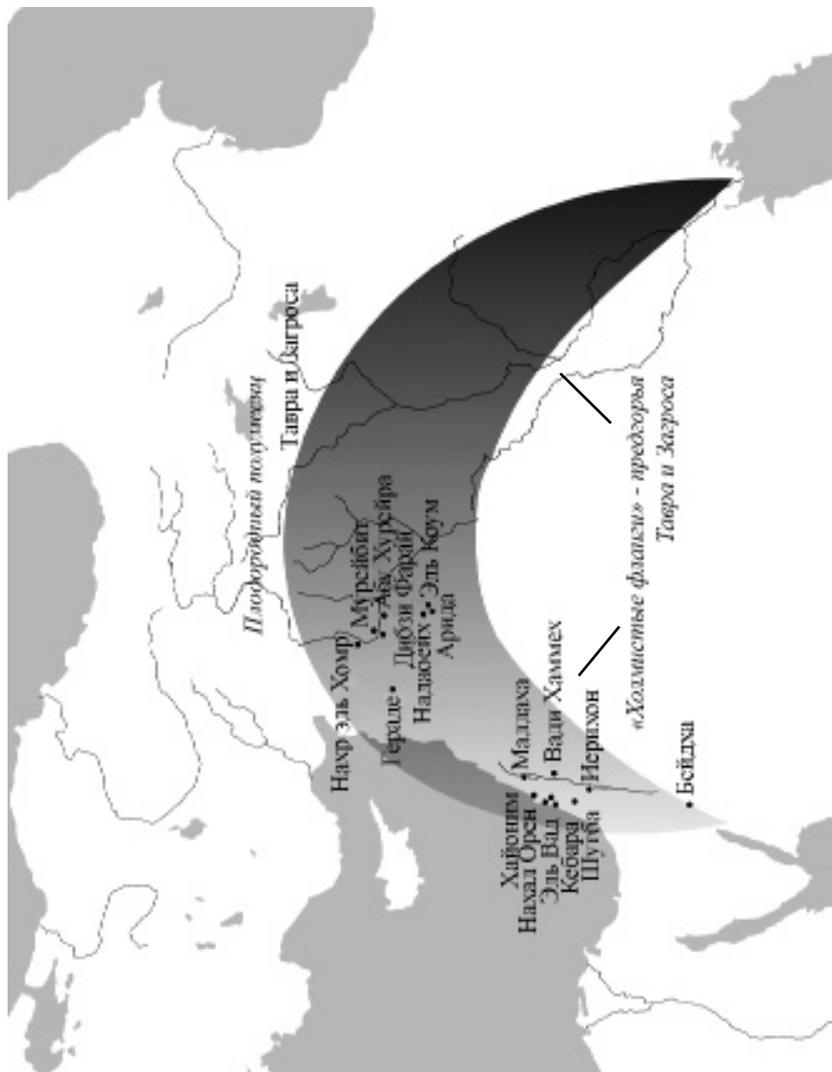

Рис. 7. Зона Плодородного полумесяца и основные археологические памятники натуйфской культуры

край *Плодородного полумесяца*, называемый Верхней Месопотамией, снова центральное место в исследованиях.

Верхней Месопотамией называется горная страна между Евфратом и Тигром, большая часть которой находится на юго-востоке Турции. Не-

далеко от южной турецкой государственной границы она переходит в среднесопотамскую равнину. Таким образом, Верхняя Месопотамия простирается на востоке до Загроса, на западе до Мараша, который во все времена служил заметной культурной и климатической границей между Киликией и Левантом с одной стороны и Востоком с другой. Следовательно, Верхняя Месопотамия охватывает территорию, лежащую перед исторической Месопотамией – Ассирией и Вавилонией. Она состоит из горных цепей восточного Тавра, высокогорья с большим количеством плато, по которым протекают Евфрат, Тигр и их притоки. К югу тянутся холмистые предгорья с отдельными равнинами и большими потоками застывшей лавы. Эта область географически расположена в зоне континентально-средиземноморских сухих лесов с вечнозеленой растительностью и выраженными зимними дождями, далее к югу переходя в полусухую степь с мягкой зимой.

Значение данного региона было недооценено для изучения процессов перехода к неолиту в Передней Азии. То же самое можно сказать и о территории всей Турции, где существование культур добронзовой эпохи (то есть культур, возникших ранее III тысячелетия до Р.Х.) долгое время подвергалось сомнению, несмотря на инициированные Бобом Брэйдвудом в 60-е гг. прошлого века исследования. Археолог Кенъон и ее раскопки Иерихона подготовили в историографической традиции почву для появления теории «левантоцентризма», рассматривающей другие регионы относительно происхождения неолитического образа жизни лишь как периферийные или, в любом случае, с материалами маргинального характера. Еще в 90-е гг. XX в. французский археолог Жак Ковэн, один из ведущих исследователей своей страны, говорил о «вторичной неолитизации», следовательно, в известном смысле о неолитизации второй очереди, если речь шла о верхнемесопотамском регионе.

В этой ситуации, разумеется, нужно учитывать, до какой степени актуальные политические события на Ближнем Востоке влияют на археологию. Работа израильских коллег в соседних странах почти невозможна, а для арабских исследователей действует то же самое табу в отношении их деятельности на территории Израиля. Северный Ирак только периодически оказывался доступен для археологов. Кроме того, прежние колониальные структуры продолжают активно оказывать влияние на действительность. Сирия отдает предпочтение франкофонам, Израиль и Иордания – до 1948 г. подмандатные британские территории – англоязычным коллегам. Турция как единственная страна, никогда не являвшаяся колонией, оставалась, по крайней мере, на востоке долго совершенно не исследованной, пока после реформ Ататюрка не пре-

Рис. 8. Для Верхней Месопотамии характерно наличие рек и речушек, берущих свое начало в горах Тавра. Фотография реки Тигр возле города Хасанкейф

одолела исторически обусловленное отставание от европейской и американской археологии. Собственными силами ей, конечно, сделать бы это не удалось. Так сказал, в частности, не кто иной, как Курт Биттель, позже президент Германского археологического института и специалист по *предыстории* Стамбульского университета.

Прежде чем закончить экскурс в тему археологии и политики, добавим один факт, который не подходит к данной весьма упрощенной схеме, – вне сомнения, это интерес Роберта Брэйдвуда к предгорьям Тавра. Он давно понял, что Южный Левант покрывает только очень маленькую часть *Плодородного полумесяца* и что значимость событий на севере и востоке, возможно, не только недооценена, но и вообще серьезно пока не учтена.

Роберт Брэйдвуд не устал повторять, что он сознательно осуществляет свое намерение искать на *холмистых флангах* начало процесса оседлости (неолитизации). Он утверждал, что его работы не преследуют цели раскопать привлекательные находки для музейных выставок, не говоря уже о том, что он не мечтал найти золото или царские могилы. Однако – и этого Брэйдвуд не говорил, но мы позволим себе добавить – отказ от сенсационных находок, от золота и царских могил, притом что он не сопровождался громом иерихонских труб, сделал возможным серьезное изучение и понимание важнейшего периода человеческой истории.

В 1989 г. Роберт подвел итог работам, проведенным им вместе со своей женой Линдой в 1947 г. в Ираке (следовательно, до раскопок Иерихона Кеньон и не находясь под их влиянием). Результаты раскопок поселений Джармо и Карим Шахир по значимости не уступают результатам открытий в Иерихоне, однако из-за отсутствия библейских имен и дорогих вещей они прошли мимо общественности почти незамеченными. Фактически не помогла и публикация Линдой Брэйдвуд в 1953 г. научно-популярного издания «*Раскопки по ту сторону Тигра*», где она в деталях представила, как тщательно американские археологи подготовили и в каких сложных условиях провели в середине XX в. экспедицию в Ираке. Признанию работы специалистами противостояло почти полное равнодушие со стороны СМИ.

Известные высказывания Брэйдвудов, которые сводили до минимума любую возможность открытия ярких «музейно ценных находок», свидетельствуют о том, как мало ожидали они от того, что обнаружат в своих археологических экспедициях. Они действительно предполагали найти не более чем следы отдельных очагов, возможно окруженных остатками примитивных землянок и хижин. Они были готовы к тому, чтобы с криминалистической тщательностью искать следы самых первых подвергнувшихся доместикации растений и животных. Но они оказались совсем не подготовленными к тем свидетельствам, с которыми неожиданно столкнулись: большая, частично монументальная архитектура, высокий уровень искусства и следы дифференцированного общества охотников – эти данные не соответствовали ни одной из известных этнологических моделей. Супружеской паре Брэйдвудов до конца так и не удалось принять вызов действительного положения вещей, мысленно отказаться от предвзятой точки зрения на *ранние земледельческие сообщества* как медленно развивающиеся из маленьких, борющихся за свое выживание групп, что категорично подразумевало лишь зачатки оседлых культур в древнем неолите. Мои слова не следует считать дешевой критикой трудов известной исследовательской пары, однако пусть данное замечание поможет лучше понять историю открытия Гёбекли Тепе, кратко изложенную в Части I. В картину столь ранней фазы развития человечества также мало вписывалось представление о сложной культовой практике, как и представление о монументальной архитектуре.

Обход территории, о котором сообщал американский археолог Питер Бенедикт, когда Гёбекли Тепе в научном контексте был упомянут впервые, осуществлялся под общим руководством Халет Чембел и Роберта Брэйдвуда. Он состоялся в 1963 г., через 15 лет после начала комплекса полевых исследований, изучавших переход к оседлому образу

жизни. Задним числом приходится признать большой ошибкой ведущего специалиста, что важнейший памятник переднеазиатского неолита, открытый уже тогда в рамках экспедиций Чембел и Брэйдвудов, не привлек к себе должного внимания по своему содержанию и значению. Так, Брэйдвуды вынуждены были ограничиться в своем послании исследовательнице Метхильд Меллинк оговоркой: «...к сожалению, мы не смогли изучить зону холмов в области Урфа-Вираншегир-Мардин-Чизре. Хоу¹¹ во всяком случае посетил место восточнее Урфы, Гёбекли Тепе. ...В целом можно сказать, что для этого памятника характерны режущие орудия из лучшего кремня. Однако они не похожи на находки из Чайёню или других мест данного региона».

Фессалия и поселение Аргисса

Лишь немногим позже начала проекта Брэйдвудов в Гейдельбергском институте древнейшей и ранней истории археолог Владимир Милойчич, движимый совершенно другой целью, начал изучать фактически тот же феномен. Его научный интерес распространялся на раннюю историю человеческих сообществ Европы с точки зрения воздействия на них культур Передней Азии. Справедливо ли утверждение *ex oriente lux* (в свободном переводе: культура идет с Востока), или историческое развитие происходило иначе? Как раз в то время был открыт радиоуглеродный метод, однако еще должны были пройти годы для того, чтобы он стал обычным инструментом археологических исследований. Наряду с геологическими возможностями датировки, тогда было распространено так называемое *ценное датирование*, позволявшее определить не только относительный возраст находок при их сопоставлении друг с другом, но и абсолютные календарные даты.

Архимедовой точкой опоры этого метода определения дат стали высокоразвитые культуры Древнего Востока с их богатыми письменными источниками, известными с III тысячелетия до Р.Х., которые позволяют для многих династий и событий реконструировать точные хронологические данные. Для ряда бесписьменных культур Европы, в том числе раннегреческой, можно было определить исторические даты, основываясь на сопоставлении достоверных с точки зрения возраста так называемых *диагностических* находок с соответствующими предметами Древнего Востока. Однако требуется знание многих промежуточных пунктов, чтобы, например, исходя из точно датированных египетских каменных сосудов эпохи фараонов, перейти к надежной дате, касающейся культуры Германии. Нужно рассмотреть длинную «цепь сопоставления находок»: так, египетские каменные со-

суды довольно часто встречаются в качестве импортных товаров на Крите; там они сопоставляются с находками критского происхождения, которые затем приходят в континентальную Грецию того времени в качестве импорта и т.д. Ясно, что точность этого метода датирования зависит от двух главных факторов: географической дистанции, которую следует преодолеть посредством цепного датирования, и наличия надежных письменных источников. Соответственно, ранее 3 000 г. до Р.Х. возможность для получения надежных дат подобным путем фактически уже отсутствует.

И вот Милойчич попытался получить абсолютные даты для некоторых культур доисторической Европы посредством цепного датирования. Его исследования были нацелены на Грецию, которой он отводил функцию моста. На карте эта страна смотрится как вытянутый в направлении Передней Азии бастион юго-восточного фланга Европы. Такое географическое положение с наибольшей вероятностью позволяло ожидать в Греции общие артефакты для Европы и Азии. И так как в греческой Фессалии характер ландшафта больше всего соответствовал условиям Передней Азии, Милойчич выбрал именно этот регион для своих археологических изысканий.

Во время работы в Фессалии на Мило, как его звали ученики, несомненно, подействовал иерихонский шок. Утверждение, что неолит и наличие керамики представляют собой монолитное единство, было разрушено. Существовал ли в Европе докерамический неолит, период, который оказался полностью пропущенным исследователями из-за отсутствия *фрагментов керамики*, факт, который долго имел место и в Передней Азии? Если да, то важнейшие места археологических свидетельств должны были бы находиться, вероятнее всего, в Греции, особенно в Фессалии, где и локализовалось поле деятельности Мило.

Мы не можем здесь подробно рассматривать работы Милойчича. Ограничимся лишь констатацией того, что вопреки утверждениям некоторых справочников, в континентальной Европе, по-видимому, не было периода, схожего с переднеазиатским ранним неолитом; исключение составляют лишь свидетельства большого острова Кипр и, возможно, Крита. Несмотря на то что развитие культуры последнеднепровского времени происходило в Юго-Восточной Европе немного иначе, чем в остальной части континента, попытки Милойчича доказать здесь существование докерамического неолита не удалась. Правда, сам он и некоторые его единомышленники придерживаются другой точки зрения¹². Чего не достиг тогда Милойчич, досталось британцу: открытие действительно новой неолитической культуры в районе, который на всех неолитиче-

ских картах долгое время оставался лишь белым пятном. Однако находится этот район как раз не в Европе.

ГЛАВА 3. ЧАТАЛ ХЁЮК – ЕЩЕ ОДИН «ГОРОД» КАМЕННОГО ВЕКА

Примерно в то же время, когда Роберт Брэйдвуд изучал *холмистые фланги*, а Владимир Милойчич исследовал Фессалию, схожей проблематикой заинтересовался один англичанин. Среди археологических открытий на территории Малой Азии наиболее известными являлись тогда раскопки Трои. Они были начаты Генрихом Шлиманом в XIX в., продолжены Карлом Блегеном в середине 20-го столетия и возобновлены в наши дни Манфредом Корфманном. Он, к сожалению, рано скончался. Самые древние слои этого холма, заселение которого начиналось в античную эпоху, датируются ранним бронзовым веком (III тысячелетие до Р.Х.). Таким образом, они относительно не очень стары. Понятие «дотроянский» в XX в. еще оставалось покрыто дымкой таинственности, многие исследователи допускали, что в Западной Анатолии дотроянских культур могло вообще не существовать.

Эта точка зрения еще полностью не была преодолена, когда археолог Джеймс Меллаарт в 1958 г. вместе с Аланом Холлом и Дэвидом Френчем холодным ноябрьским днем незадолго до наступления темноты в первый раз достигли Чатал Хёюка. Речь идет о мощном поселении-холме, расположенном на равнине Конья, высота которого после того, как он был обмерен, оказалась 17 м, а площадь — 15 га. Холм был полностью покрыт зеленой растительностью, однако можно было разглядеть места, которые часто дующий юго-восточный ветер сделал открытыми. Там определялись развалины покрашенных красной краской домов из кирпичича-сырца, большое количество фрагментов керамики и множество предметов из обсидиана – все это, несомненно, относилось к новому каменному веку. Меллаарт сообщает, что к общему удивлению остатки поселения каменного века находились не только в основании холма, т. е. в ожидаемых древнейших слоях, но продолжались и до его вершины. Три года спустя, в 1961 г. Меллаарт начал раскопки, продолжавшиеся с перерывом в 1964 г. до 1965 г. Его опубликованный в 1967 г. в виде монографии отчет стал настоящей сенсацией¹³. Снова нашли «город каменного века», и на этот раз не в Палестине – местности, которая до того дня занимала первое место в сообщениях о первобытных культурах, а в Анатолии.

Чатал Хёюк, несомненно, исключительный памятник. Возникший в VII тысячелетии до Р.Х., он относится к периоду керамического неолита и, таким образом, моложе иерихонской башни более чем на две тысячи лет. Следовательно, глиняные сосуды тогда уже были известны. Однако они встречаются среди находок Чатал Хёюка в незначительном количестве и не играют еще особой роли в общей картине материальных свидетельств. На передний план выходят культурные традиции, характерные для времени докерамического неолита.

Отливающие черным блеском каменные орудия из обсидиана превращены посредством двустороннего ретуширования поверхностей в настоящие произведения искусства. Помещения присоединенных друг к другу домов, построенных из кирпича-сырца – специалист называет этот способ строительства агглютинированным, – часто украшают настенные рельефы и цветные настенные рисунки. Другие многочисленные элементы оформления, как, например, восстановленные посредством глины черепа животных, выставлявшиеся на возвышенных площадках, позволяют предположить, что здесь находилось место исполнения мистических культовых действий. Интерпретация и сегодня еще уникальных находок специалистами, касающаяся, по крайней мере, основного содержания, на удивление единодушна. Однако данные изыскания периодически наталкиваются на сложности, что отчасти является результатом не всегда без пробелов составленной документации раскопанных зданий и значительного количества разнообразных элементов оформления их интерьера.

В качестве примера мне хотелось бы напомнить о многократно встреченных на внутренних стенах выпуклостях с отверстиями в середине, которые располагались отдельно, попарно, а также рядами и которые Меллаарт определил как «женские груди». Однако опубликованные снимки недостаточны, чтобы безоговорочно согласиться с этим утверждением, и позже мы, вероятно, получим более достоверное объяснение, если посмотрим на удивительное содержание этих выпуклостей с другой точки зрения. Меллаарт каждый раз сообщает, что из отверстий, «сосков», торчали различные предметы: лисьи зубы, череп ласки, нижняя челюсть гигантского кабана или клюв ястреба (в последнем названном случае сам череп сипа белоголового был спрятан в «груди»).

С объяснением выпуклого образования на стене как женской груди согласилось большинство коллег. Они пришли к выводу, что комбинация женщины и коршуна (или женщины и дикого животного) ведет к соединению женщины и смерти – соединению, кажущемуся вначале шо-

кирующим, однако, по Меллаарту, логичному: дарующая жизнь сила выступает одновременно и как предвестник смерти¹⁴.

Другие исследователи изучали изобразительное искусство древнего каменного века, находясь под влиянием известных работ французского археолога Андре Леруа-Гурана. При анализе иконографического материала Чатал Хёюка они сконцентрировали свое внимание на том, чтобы распознать мужские и женские символы и установить связи между ними. Образы *Женский*, *Мужской* и *Цикл «Жизнь — Смерть»* они рассматривали как главную направляющую линию языка символов и одновременно как путеводную нить, которая в итоге объясняет все значение архитектуры и всю общественную жизнь времен неолита.

Лично мне кажется сокращение неолитического мира символов до доминант *Женщина*, *Мужчина*, *Жизнь* и *Смерть* неким упрощением. Не должны ли мы немножко большего ожидать от человеческих сообществ послеледникового периода? Не обладали ли они все-таки развитыми образными мифическими мирами, которые выходили за рамки основных жизненных констант, пусть даже предустановленных, так что в своих изображениях не всегда должны были лишь монотонно их повторять? Не подвергаемся ли мы в противном случае опасности, отражая собственные представления о «примитивном», выдумать этот мир *в соответствии с существующей модой*? Неизбежный здесь вывод, что обсуждаемые мифы никогда не смогут быть реконструированы, вероятно, лишит кого-то уверенности. На этот счет я позволю себе высказаться образно и немного возвышенно: даже глядя на «кулисы», мы можем понять, что тут разыгрывались действия «большого театра», а не просто одноактный спектакль с навеки потерянной драматургией.

Рожающая богиня

Одна из центральных фигур Чатал Хёюка – «рожающая богиня», согласно интерпретации Меллаарта. Мотив многократно выражен горельефами. Речь идет о семи фигурах, причем трех отдельных и четырех парных. Лицо во всех случаях было сбитым, руки и ноги часто разрушены. На одну из фигур нанесен рисунок неравномерной паутины, а ее пуповина подчеркивается концентрическими кругами. Как и настенные рисунки, этот рельеф в разное время покрывался новыми слоями штукатурки, и на одном таком слое, не содержащем других изображений, красной краской нарисована рука ребенка. В нескольких случаях «богиня» находится над букранией (профессиональное обозначение изображения бычьей головы или отделенного от тела бычьего черепа).

Комбинация «женщина и букрания» привела Меллаарта к выводу, что женщина рождает быка.

На остальных рельефах можно было наблюдать в основном головы животных. Представлены, как правило, быки, однако имеются изображения голов баранов, а также оленей. Целиком показанные фигуры редки; их репертуар ограничивается оленем с повернутой головой и тремя парами хищников, причем звери находятся каждый один против другого, т. е. они противопоставлены друг другу.

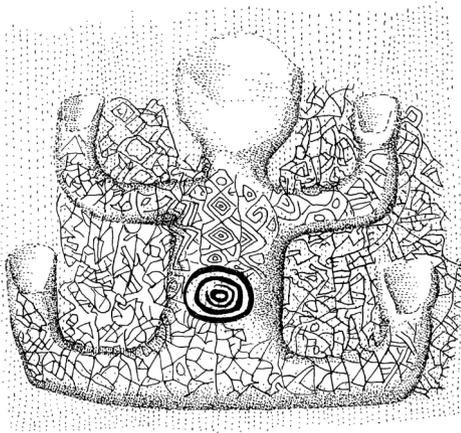

Рис. 9. Центральной темой изображений Чатал Хёюка является так называемая рожаящая богиня

Подробные данные о находках имеются не только в публикации Меллаарта. Один из участников раскопок любезно представил долгожданные материалы по разъяснению и оценке результатов исследований Меллаарта. Ян Тодд в книге «Чатал Хёюк и загробная жизнь» предлагает непредвзятое, а поэтому такое интересное и востребованное обобщение рассматриваемых ситуаций. Тодд подчеркивает, что в изображении так называемой рожаящей богини ничто, кроме не-

много увеличенного живота, который расценивается как свидетельство беременности, не указывает на половые признаки. Груды, которые появились на реконструированных Меллаартом изображениях, ничем реальным не подтверждаются. И как мы уже упоминали, ни в одном случае не сохранилось лицо богини.

Дома в Чатал Хёюке служили одновременно местом захоронения: умерших хоронили под полами в жилых помещениях и оставляли, таким образом, в жизненном пространстве потомков. Для нового каменного века в этом нет ничего особенного, потому что обычай, по которому живые и мертвые оставались в одном доме, можно наблюдать во многих культурах древнего мира. Так, во всяком случае, представляется данный феномен многими авторами. В наших условиях нельзя выяснить далее, были ли там похоронены все жители дома или только

избранные. Тодд сообщает о почти 500 полных или частичных захоронениях. Из них только 84 могли быть идентифицированы как мужские и 132 как женские. Останки почти 300 индивидуумов принадлежат детям и тем взрослым, чей пол точно определить не удалось. Число большого количества погребенных детей настораживает, однако высокую детскую смертность в то время вполне можно предположить, так что сразу думать о детских жертвоприношениях нет оснований. Возможная ситуация, применимая к иерихонским могилам, что умершие едва ли представляли все население, а относились лишь к избранным, кажется, подходит и для Чатал Хёюка. Однако не стоит слишком часто приводить данный аргумент, тем более что все поселение Чатал Хёюка представляет собой особый случай.

Как правило, умершие хоронились под платформами в домах, уложенными на левую сторону, в согнутом виде, причем с направлением головы к центру помещения, а ногами к стенам. Следы циновки, текстиля и кожи в могилах указывают на то, что умершие пеленались или укладывались на соответствующую постель. То, что во многих случаях кости скелетов часто находились в сильно нарушенном состоянии, позволяет сделать вывод об, очевидно, продолжавшихся захоронениях в одни и те же могилы – так называемых подзахоронениях, когда предшествующие останки просто сдвигали в сторону.

Имеются многочисленные свидетельства вторичных захоронений. Это означает, что умершие хоронились не сразу в том месте, где были впоследствии обнаружены их останки. Надежным подтверждением данного факта является, например, то, что кости окрашены охрой. Такие манипуляции могут быть допустимы только тогда, когда мягкие ткани исчезли. Этот жутковатый для нас метод при существовавшей тогда практике домашних захоронений можно понять, поскольку в противном случае погребение «свежих» тел быстро бы привело к гигиеническим проблемам.

В домашних могилах Чатал Хёюка неоднократно встречен сопутствующий инвентарь. Как правило, он представлен сосудами. Причем наряду с каменными присутствуют и деревянные изделия, наружные стенки которых были обожжены огнем. Обуглившаяся деревянная посуда, таким образом, сохранилась до наших дней. Нередко женские захоронения включают предметы украшений; так, в десяти случаях были найдены зеркала из обсидиана. Мужские могилы сопровождаются оружием из вулканического стекла. Интересным является то, что среди сопутствующего погребениям инвентаря ни разу не были обнаружены глиняные сосуды или глиняные фигурки.

Обращает на себя внимание полное отсутствие в мире символов Чатал Хёюка – как в «верхнем мире», так и в «нижнем» – отражений сельскохозяйственного образа жизни. Притом что археологией доказано наличие на памятнике различных видов культурных растений, т. е. эта сфера деятельности хорошо подтверждается материально. Также примерно из двухсот исследованных Меллаартом помещений поступил лишь один-единственный фрагмент жатвенного ножа, в то время как в других поселениях неолита этот инструмент представлен многочисленной группой находок. Обнаруженные кости животных свидетельствуют, что жители держали крупный рогатый скот, который, несомненно, являлся для них важной экономической составляющей. Тем более удивляет то, что эти животные не получили пропуска в мир символов. Среди многочисленных зооморфных изображений на стенах, насколько позволяют сделать этот вывод сами изображения, есть дикие крупнокопытные, первобытный бык, но не одомашненные животные. Если жители Чатал Хёюка действительно увековечивали посредством искусства свою охотничью добычу, то мы, наверное, исходя из данного факта, можем полагать, что в сознании своем они еще не совсем освоили новую реальность, какой бы ни была их повседневная жизнь. Если судить о них по настенным картинам, то в любом случае они не занимались (исключительно) домом и двором. Им еще снились старые сны охотников.

От диких животных к домашним

Существенный критерий отличия древнего или среднего каменного века (палеолита и мезолита) от нового каменного века (неолита) находится в области, которая в узком смысле распространяется на естественные науки. Для подтверждения археологических данных неолитического образа жизни – возделывания культурных растений и содержания домашних животных – необходимо привлекать специалистов, так называемых археоботаников и археозоологов (палеоботаников и палеозоологов). Понятия *доместикация* и *культивация* следует объяснить несколько подробнее. Читателям, которые хотят глубже вникнуть в обсуждаемую тематику, можно рекомендовать книги «Человек и его домашние животные» Норберта Бенеке и «История культуры и биология культурных растений в Германии» Удельгарда Кёрбер-Грохне¹⁵.

Дикие животные, как правило, могут приручаться. Однако понятие «приручение» не стоит идентифицировать или смешивать с одомашниванием, т. е. доместикацией. Звери в зоопарках в большинстве своем приручены, другими словами, привычны к человеку. Но прирученная

косуля далеко еще не домашнее животное. Косули, как и многие другие виды животных, не могут быть одомашнены, т. к. этому комплексному процессу противостоят заложенные в них природой нормы поведения. Обычно содержащееся в неволе дикое животное реагирует на данный факт бесплодием. Однако некоторые виды животных лучше, чем другие, способны преодолеть состояние неволи. Если удастся получить потомство от таких животных, то новое поколение сразу начинает отличаться маленьким ростом и различными деформациями в скелете, так называемой *монсоголовостью*. Так происходит, потому что наряду с психическим стрессом, которому бывают подвержены прирученные животные, только в редких случаях человек может обеспечить их всем многообразием имеющегося в природе питания, необходимого для здорового развития. Речь при этом идет не столько о достаточном количестве питания, т. е. о калориях, сколько о бесчисленных травах и другой пище, находящейся в природе, которую дикое животное (также чисто хищное) периодически потребляет наряду со своим любимым питанием, что делает его здоровым и сильным. Животному, содержащемуся в неволе, такой доступ к «природной аптечке», как правило, закрыт. Поэтому мы можем исходить из того, что ранние в культурно-историческом отношении формы одомашнивания постоянно требовали освежения генофонда за счет скрещивания новоприрученных диких животных с домашними.

Некоторые животные могли бы быть одомашнены, если бы не было проблем другого рода, вытекающих из их размеров и связанной с ними опасности. Не в последнюю очередь это касается мужских особей, которые во время брачного сезона не поддаются воздействию. Классическим примером здесь является слон. Слоны из-за опасности самцов разводиться не могут. Группы прирученных животных должны постоянно обновляться за счет вылавливаемых диких, и для этого выбирают только самок.

В то же время одомашненные животные не всегда должны быть добрыми и ручными. Домашнее животное может сознательно содержаться в условиях, приближенных к диким, как, например, испанские боевые быки, которые, несмотря на явную строптивость, должны рассматриваться как настоящие одомашненные животные. Особый случай представляет собой северный олень. На первый взгляд, здесь речь идет о домашних животных, однако особого вида. Условия для одомашненного оленя по сравнению с диким состоянием изменились незначительно, он кочует в соответствии с естественным инстинктом с летних пастбищ на зимние и наоборот, получая почти

неограниченно все предлагаемое природой многообразии питания. Человек приспособил для своих нужд это животное, ведя вместе с ним кочевой образ жизни. Самцы данного вида опасны, и поэтому большинство из них подвергается кастрации, иначе могут возникать трудно контролируемые бои соперников. Итак, человек активно вмешивается в разведение популяции оленей, однако во всем остальном оставляет животных выживать в привычных для них природных условиях. Таким образом, олень, являясь домашним животным, существенно отличается от определяемых для этого норм.

Другие виды животных имеют слово «дом» в составе своего названия, однако не являются домашними. В частности, домовая мышь и домовая крыса просто освоили новую экологическую нишу, результат данного процесса запечатлен теперь в названии видов. Нет необходимости объяснять, что этот случай *комменсализма* – так звучит соответствующий термин, обозначающий примерно «совместный стол», – произошел, разумеется, не по воле человека, и весь феномен не имеет ничего общего с доместикацией.

Последний пример, который я хочу здесь привести, снова относится к особым случаям. В нем речь пойдет о животном, безусловно, домашнем. При этом стремление к превращению волка в одомашненного, кажется, в равной степени исходило и от человека, и от самого животного. Собака содержалась в хозяйстве, как правило, не в качестве поставщика мяса, молока или шерсти, а как охранник и помощник при охоте. Таким образом, не удивительно, что именно она оказалась самым первым домашним животным, потому что охотник и волк (или собака) имеют похожие страсти и похожие потребности, которые не в последнюю очередь направлены на регулируемую социальную среду. Прирученный волк занял свое прочное место в обществе человека в качестве собаки.

В общих чертах остается сказать, что успешная доместикация возможна только у сравнительно небольшого количества видов животных. Шок от содержания в неволе вызывает у большинства зверей бесплодие. Если все-таки удастся получить потомство, часто оно страдает дегенеративными проявлениями. Данное обстоятельство с археологической точки зрения делает из результата снова процесс, поскольку на стадии начинающейся доместикации имеющихся животных необходимо было скрещивать с дикими особями, которые оказывали влияние на формирующуюся популяцию домашних животных.

Таким образом, в археологических находках часто одомашнивание представляет собой процесс. Если доместикация свершилась и нет необходимости скрещивания с дикими формами, то можно легко дока-

зять наличие домашней популяции. Распознать же текущий процесс доместикиции по понятным причинам намного сложнее. К счастью, археологи могут спокойно эту задачу передать коллегам-палеозоологам.

С растениями дело обстоит, естественно, иначе. Соответствующая земля и хороший климат позволяют растению процветать независимо от того, попало ли семя в землю само, или оно было посажено. Здесь главную роль играл качественный отбор человека – раннее применение генных технологий на практике, что способствовало превращению диких растений в культурные, обладающие общим свойством: по урожайности они превосходили природные формы. Далее углубляться в детали мы не будем.

Решающий вопрос состоит в следующем: почему охотники и собиратели именно Передней Азии послеледникового периода раннего голоцена начали превращаться в земледельцев и скотоводов, «помогая» природе и манипулируя ею? Вероятно, уже охотники древнекаменного века ловили, растили и приручали молодых животных, однако одомашненные животные в то время не появились; собиратели знали о хороших местах для определенных растений и о времени года, в которое те давали урожай. Почему же именно тогда и именно в том регионе? Однозначного ответа мы дать не можем, однако, вероятно, приблизимся к нему в ходе дальнейшего изложения. На этом месте необходимо подчеркнуть важное обстоятельство, играющее, несомненно, большую роль в том значительном с точки зрения человеческой истории процессе: *все дикие формы ранних домашних животных и культурных растений находятся в зоне Плодородного полумесяца, и полный набор диких форм, пригодных для доместикиции, имеется только в зоне Плодородного полумесяца. Только здесь человек мог заниматься всем тем, что предоставил неолит древнему миру: возделыванием зерновых и разведением домашних животных – овец, коз, крупного рогатого скота и свиней.*

Новый проект по изучению Чатал Хёюка

«Археология – это не наука, а вендетта». Такое лаконичное высказывание великого британского археолога сэра Мортимера Вилера предвещает опубликованную Кеннетом Пирсоном и Патрицией Коннор книгу под названием «*Die Dorak Affäre*» (в свободном переводе: «Скандал вокруг Дорака» – Примеч. ред.). О ее содержании мы говорить не будем, т. к. оно дискредитирует Джеймса Меллаарта и заканчивается тем, что его деятельность как исследователя Чатал Хёюка внезапно завершилась в 1963 г.¹⁶

В 1964 г. Генеральная дирекция по вопросам древностей в Анкаре действительно отказала Меллаарту в разрешении на раскопки, а на официально разрешенных раскопках 1965 г. он смог быть участником, но не руководителем работ. Однако уже четырех кампаний - 1961, 1962, 1963 и 1965 гг. - стало достаточно, чтобы обеспечить рассматриваемому памятнику большое внимание и устойчивую известность.

Благодаря Чатал Хёюку неолит на территории современной Турции занял надежное место в пестром калейдоскопе научно-популярных археологических публикаций. Глиняная фигура сидящей на троне «богини» с леопардами по бокам приобрела такое же всемирное признание, как и «рожающая богиня» или великолепные цветные настенные изображения людей и зверей. В 1993 г. под руководством английского археолога Яна Ходдера начался новый проект по изучению Чатал Хёюка, который был преимущественно посвящен уточнению деталей раскопок Меллаарта. К настоящему времени сохраняется незыблемым понимание того, что это далеко видимое на равнине возвышение представляет собой уникальный археологический комплекс с многочисленными ритуальными предметами, каких не имеет никакое другое место раскопок. Холм переполнен артефактами культового характера.

Работами Ходдера подтверждается особая роль Чатал Хёюка в каменном веке Анатолии. Расчеты имеющихся в окрестности ресурсов и возможного числа жителей не должны исходить из предположения (явно не обоснованного), что на данной археологической источниковой базе можно исследовать потребности обычного поселения. Чатал Хёюк имел необозримо большой район поступлений. Доказано, что значимую роль играли сделки с обсидианом и солью. Однако при всем этом нельзя не заметить исключительно важный культово-религиозный характер памятника. Разумеется, его трудно оценить количественными методами, но на основании того, что мы там наблюдаем и находим, можно заключить: именно культовая сфера стала решающим фактором в том, почему дома Чатал Хёюка были оформлены таким образом, какими их реконструирует археолог сегодня.

Работы по новому проекту «Чатал Хёюк» идут полным ходом. Они уже предоставили и продолжают предоставлять новые детальные картины, которые помогают лучше понять это место и его культуру. Теперь, однако, оставим Чатал Хёюк и равнину Конья. Нам было важно обратиться к этому памятнику, поскольку многое там предстает перед наблюдателем в уже великолепно развитом состоянии – многое из того, что во времена, когда стал функционировать Гёбекли Тепе, только начало формироваться. По датировкам Чатал Хёюк относится к раннему

керамическому неолиту. Его история начинается со второй половины VIII тысячелетия, а культура достигает расцвета в VII и VI тысячелетиях до Р.Х. История же Гебекли Тепе начинается в X тысячелетии до Р.Х. Поэтому он относится к другому, значительно более древнему миру, в котором многое из того, что в Чатал Хёюке являлось уже устоявшейся основой человеческой деятельности, должно было быть еще изобретено и осмыслено.

ГЛАВА 4. ЧАЙЁНЮ – ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЕ РОЖДЕНИЕ ГЕФЕСТА?

В ходе уже не раз упоминавшихся исследований местности, предпринятых Робертом Брэйдвудом и Халет Чембел на юго-востоке Турции, в этой части страны впервые были открыты ранненеолитические археологические объекты. Для первых раскопок уже в следующем году выбрали место западнее истоков Тигра, которое изначально называлось Кётеберкем. На сегодня археологическая площадка Чайёню считается одним из самых значительных неолитических поселений Передней Азии.

Особенно примечательны многочисленные строительные остатки. Древнейший строительный слой представлен круглоплановыми жилищами, относящимися к эпохе раннего докерамического неолита (PPNA), в то время как в более поздней фазе (PPNB) мы наблюдаем большие четырехугольные дома, план которых напоминает так называемый гриль. Это значит, что возвышающиеся части здания опирались на фундамент из параллельных коротким стенам строения и друг с другом каменных кладок. Отдаленно план похож на решетку для гриля. Такая довольно трудоемкая в исполнении нижняя структура (фундамент), вероятно, должна была обеспечивать сухое хранение запасов. Позже при развороте направления «решетки гриля» возникли дома с прямоугольными подпольными *каналами*. Следующая строительная фаза периода позднего PPNB – этап домов с ячейками, получивших такое название, потому что их внутреннее пространство было разделено на множество небольших помещений. Завершает рассматриваемую строительную эпоху так называемая фаза ширококомнатных домов с одним помещением, во время которой от дробного деления внутреннего пространства снова отказались. В целом эта эпоха получила определение акерамическо-неолитической секвенции (ступени).

Особое значение имеют три здания, которые относятся к фазам домов с фундаментом гриль-плана, домов с каналами и домов с ячейками, что

хорошо прослеживается стратиграфически. Их форма выдает функцию, которая существенно отличается от предназначения обычных (жилых) построек и явно не имеет ничего общего с жильем или складом. Ни одно из этих сооружений полностью, правда, не сохранилось, но очевидно, что эти «особые здания», как мы их назовем, имеют однообразный, примерно прямоугольный, план с единственным большим помещением. К фазе домов с фундаментом гриль-плана относится сооружение, пол которого сделан из больших известняковых плит, так называемое *Здание с известняковыми плитами*. В центре помещения находилось два вертикально поставленных каменных блока.

Вторая специальная постройка называется *Домом черепов*, т. к. в подвальных перекрытых каменными плитами помещениях хранилось большое количество человеческих костей и черепов. В самом сооружении обнаружена похожая на алтарь каменная плита значительных размеров. Менгироподобные вертикально установленные каменные блоки, так называемые *standing stones*, окружали примыкающую к зданию свободную территорию. Рассматриваемое строение, относящееся к фазе домов с каналами, сменило своего круглопланового или овального в плане предшественника, от которого сохранились лишь фрагменты фундамента.

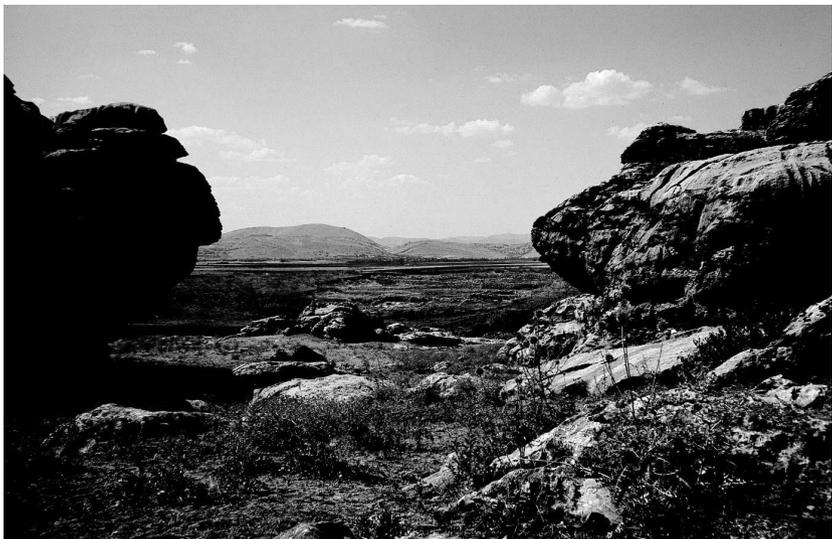

Рис. 10. Немного южнее от Чайёно расположен причудливый ландшафт с горами Гилар, откуда сделан этот снимок. Со скал открывается вид на противоположную речную террасу с неолитическим поселением

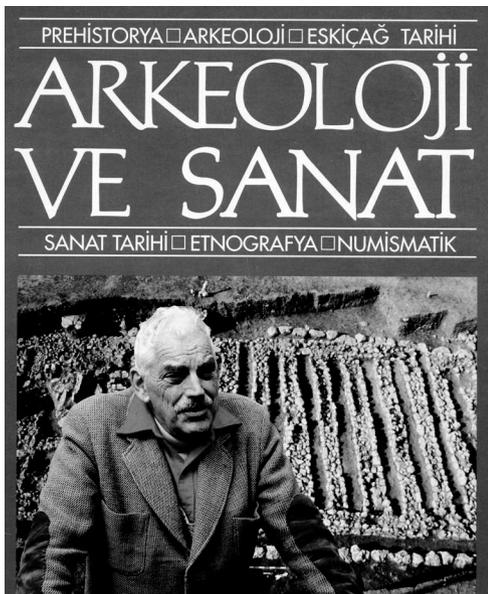

Рис. 11. Титульный лист турецкого журнала «Arkeoloji ve Sanat». Роберт Брайвуд на фоне раскопанных остатков постройки с фундаментом гриль-плана в Чайёно

Самое молодое и, следовательно, относящееся к фазе домов с ячейками специальное сооружение называется по способу оформления пола *Зданием с мозаичным полом*. Мозаичные полы до раскопок в Чайёно были известны лишь начиная с *римского* времени, т. е. с периода более позднего на несколько тысячелетий. Чтобы изготовить этот особый тип пола, толстый содержащий известняковую крошку слой раствора после затвердевания шлифовался, так что возникало гладкое похожее на бетон покрытие. Еще точно не установлено, нужно ли было для изготовления известкового раствора обжигание или нет. Для изготов-

ления мозаичного пола в Чайёно каждый раз использовался красноватый известняк. В этой поверхности древний строитель посредством включения белой извести параллельные полосы, отличающиеся по цвету от основного фона. По паре белых полос обрамляют с запада и востока центр здания. Очевидно, здесь было еще что-то интересное: в более позднее время тут побывали грабители, пол оказался взломан и, к сожалению, разрушен. Возможно, в центральной части здания находились *standing stones*, т. е. вертикально установленные каменные блоки или конструкции другого неизвестного вида.

В сохранившейся части строения обнаружена, как и в Доме черепов, большая похожая на алтарь каменная плита, на одной стороне которой распознаваем горельеф стилизованного человеческого лица, сделанный примерно в натуральную величину. Это изображение остается в Чайёно единственным свидетельством крупноформатных скульптурных произведений.

Стоит отметить, что в среде специалистов памятник приобрел известность не только по причине удивительных архитектурных находок,

но и благодаря другому обстоятельству, хотя до конца оно оказалось не подтвержденным. Чайёно некоторое время считался родиной древнейших металлургов.

Археолог Ульф-Дитрих Шоп представляет в своей книге *«Рождение Гефеста»* важное собрание ранних медных находок Передней Азии. Красиво выбранное заглавие обеспечило этой книге доступ в такие библиотеки, в которых обычно находятся произведения, посвященные античной древности. Если бы библиотекарь не только посмотрел на титул, но и заглянул бы в содержание, он бы увидел, что в ней нет места знаменитому греческому богу кузнечного дела, т. к. автор интересовался древнейшими культурами, использовавшими металлы, и сбивающее с толку название связано с ранней историей обработки металлов.

Чайёно в этой связи принадлежит в любом случае важная роль. Располагаясь в непосредственной близости от медных месторождений Эргани, которые эксплуатируются до сих пор, памятник знаменит артефактами из самородной меди. Изначальная надежда археологов, вызванная к жизни открытием мозаичных полов, которые позволили предположить, что их творцы, возможно, владели техникой обжига извести, и поэтому в Чайёно, вероятно, была известна пиротехнология древнейшей выплавки меди, пока не подтвердилась. Тот же результат был получен в других неолитических поселениях, в которых находили артефакты из самородной меди.

Это означает, что люди, работавшие тогда с металлом, еще окончательно не осознали его возможности как материала и его преимущества по сравнению с традиционной обработкой камня. Такое осознание или открытие пришло уже к значительно более поздним поколениям. В Передней Азии лишь в V тысячелетии до Р.Х. был достигнут технологический уровень, который сделал возможным плавку самородной меди (и золота), а также внедрение плавильных технологий металлосодержащих руд. Греческая мать богов Гера или ее восточный двойник должны были несколько тысяч лет ждать, прежде чем произвести на свет маленького Гефеста.

«Восточное крыло Плодородного полумесяца»

Раскопки в Чайёно долго оставались единственными полевыми исследованиями памятника каменного века в этом регионе. Открытие и исследование других объектов стало возможно лишь благодаря международным археологическим проектам по спасению, сопровождавшим строительство больших плотин на Евфрате, Каракайской плотины и плотины им. Ататюрка. Важными памятниками являются Джафер Хёюк

возле Малатьи¹⁷, Гритилле, Хайаз Хёюк и Невали Чори возле Самсата, античной Самосаты, столицы царства Коммагене¹⁸ и родины греческого автора Лукиана (II век н. э.).

Раскопки проводились также в восточном районе верхнего течения Тигра - в Халлан Чеми, Немрике и Гермез Дере, причем два последних названных места находятся в соседнем Северном Ираке. Эти три археологические площадки предоставили самые удивительные результаты. Поселения Гермез Дере и Халлан Чеми прослеживаются до времени Натуфа (XII—XI тысячелетие до Р.Х.). Обнаруженная там материальная культура в важнейших чертах предстает как независимая от Леванта. Данными исследованиями был положен конец монополии, которую ученые отдавали Леванту в вопросах «древнейшего перехода к оседлости» и «древнейшей неолитизации». Исследователь Немрика Стефан Козловски рассматривает *Восточное крыло Плодородного полумесяца* как зону ранней неолитизации, происходившей здесь в эпоху докерамического неолита (PPN). Новые находки, соответствующие данным расположенного в западной части верхнего течения Тигра Чайёню – памятника, который долгие годы один представлял верхнемесопотамский ранний неолит, — в последнее время были объединены понятием «культура Чайёню», а территория Верхней Месопотамии, включенная в этот район, сейчас получила название *Золотой треугольник*. Исследования работающих здесь археологов в течение всего времени были направлены на то, чтобы выявить характерные особенности, местное развитие, наконец, особое значение верхнемесопотамского раннего неолита – значение, которое, как представляется, сильно превосходит роль Леванта для нового каменного века.

Персидско-арабский залив – потерянный рай?

В любом случае, вопрос о возникновении древнейших оседлых культур ставится более широко, и некоторыми коллегами утверждается как аксиома, что область сегодняшнего Персидско-арабского залива следует рассматривать в качестве прародины цивилизации, потерянного сада Эдема (это шумерское слово обозначает *пустыню*, или *степь*)¹⁹. Данная мысль, на первый взгляд, достаточно привлекательна. Значительное снижение уровня моря во время ледникового периода с давних пор считается важным фактором изменения исторических процессов, например, в случае с пропавшей впоследствии Берингией – перешейком между Сибирью и Аляской. Район сегодняшнего Персидско-арабского залива тогда был сушей, вероятно заселенной людьми. Последнее наступление моря (поднятие его уровня)

привело здесь и в некоторых других частях земли к разрушению жизненного пространства.

Однако большего мы не знаем. Содержание плейстоценовой (2 млн лет – 10 тыс. лет до Р.Х.) и ранней голоценовой культуры в еще не заполненном водой Заливе нам неизвестно, все остальное носит чисто гипотетический характер, и рассуждения о саде Эдеме на территории Залива можно в лучшем случае причислить к дискуссионным вопросам археологии. Для обществ этого озерного региона на территории Залива можно предположить культурные, религиозные, а также, вероятно, социально-иерархические формы. Но то утверждение, что в области Залива по сравнению с остальным Передним Востоком возник предшественник неолитического образа жизни, не имеет серьезных обоснований. Например, кажется очень маловероятным, что район Залива относился к зоне распространения диких злаков, возделывание которых стало главным признаком переднеазиатского неолита. Только в Месопотамии идеальным образом сочетаются области распространения диких форм последующих культурных растений. Для X тысячелетия до Р.Х. именно в этом регионе, по сегодняшним данным, можно предположить существование главной зоны древнейшей оседлости. Что в то время происходило в Заливе, мы не знаем, однако ничто не указывает и на то, что там не возникали древнейшие оседлые культуры (также неизвестного вида) и большие группы людей позже не уходили вследствие затопления данной области на северо-запад.

То же касается других территорий, затопленных по причине поднятия уровня моря в голоцене, как, например, района нынешнего Черного моря, которое в конце ледникового периода было отделено полосой суши от мирового океана. Прежнее внутреннее озеро имело, подобно сегодняшнему Мертвому морю, уровень ниже мирового океана, и большие части современного дна моря были тогда сушей. Повышение уровня Мирового океана привело к прорыву перешейка и к затоплению всей территории. Возникли Дарданеллы и Босфор. Относительно возможности существования ранних неолитических культур в этой области могут быть приведены те же аргументы, что и в области Залива. Далее мы будем исходить из того, что главные акты драмы «От охотника к земледельцу», по имеющимся на сегодняшний день данным, разыгрывались в северной части Плодородного полумесяца.

ГЛАВА 5. НЕВАЛИ ЧОРИ – В ДОЛИНЕ ЧУМЫ

Название «Невали Чори» может быть переведено примерно как «Долина чумы» и звучит так пугающе, что мороз пробегает по коже. Однако под словом «чор» подразумевается, к счастью, не столько «черная смерть», сколько определенная болезнь помидоров, разновидность «томатной чумы». Было ли это связано с болезнью овощей, которую там обнаружили, или нет? По крайней мере, для науки данное обстоятельство оказалось столь драматичным, что отразилось на названии памятника.

История началась осенью 1979 г., когда один молодой археолог осуществлял разведочные работы в среднем течении турецкой части Евфрата. По поручению Гаральда Хауптманна, руководителя заново начатых раскопок на Лидар Хёюк, Ханс Георг Гебель исследовал окрестности данного поселения бронзового века с целью обнаружить другие археологические памятники.

При обследовании Гебель передвигался только пешком, благодаря чему смог достичь и таких мест, которые находились в стороне от всех путей и дорог. В конце изнурительного рабочего дня он обнаружил в районе одного из небольших притоков Евфрата неприметный с первого взгляда памятник, на поверхности которого можно было найти в значительном количестве кремневые орудия. Среди них попадалось много фрагментов пластин и маленькие наконечники стрел. Никакие другие места обследованной территории не имели сравнимого спектра находок. Гебель сразу понял, что перед ним, по-видимому, стоянка раннего неолита. Его местный проводник, знающий эту территорию пастух, назвал имя Невали Чори, которое обозначало всю долину, но являлось одним из местных названий, и его невозможно было найти на карте. Таким образом, Гебель дал найденному месту номер 40 и название Невали Чори I, потому что в той же долине предполагалось обнаружить еще и другие археологические объекты, в основном места эпохи палеолита.

В то время я незапланированно оказался на раскопках в Лидаре и имел возможность сопровождать исследователя несколько дней в его путешествиях. Так благодаря счастливому случаю я стал первым среди тех, кто после первооткрывателя увидел этот памятник. Никогда не забуду унылый дождливый осенний день и маленькую необжитую долину, в которую вела только одна козья тропа, долину, покрытую клубами тумана и вызывающую зловещее, почти мистическое впечатление. Она казалась местом, которое скрывает неизвестную и загадочную стоянку. Именно это предчувствие подтвердилось. Открытие Невали Чори, большого поселения периода докерамического неолита (PPN), принципиально изме-

нило понимание истории Передней Азии. Утверждать, что мне уже тогда стало ясно, что встреча с этим местом окажется решающим переводом стрелок во всей моей дальнейшей жизни, было бы преувеличением. Однако как у меня, так и у Ханса Георга появилась мысль, что перед нами теперь огромная задача, которая потребует, судя по всему, большого напряжения сил. Наши пути пролегли независимо друг от друга, но во многом параллельно. Для Ханса Георга научной родиной стала Иордания, и сейчас он является там признанным специалистом по каменному веку. Завершив раскопки в Басте (1986—1992), в настоящее время Ханс исследует одно из самых загадочных поселений неолита – Байа, окруженное причудливым ландшафтом набатейской Петры. На памятник можно попасть только через узкое ущелье, и, конечно же, это сразу ставит вопрос: почему именно здесь возникло данное поселение? Но то уже другая история. А мое собственное профессиональное будущее лежало на Евфрате, к нему мы и обратимся.

После открытия Невали Чори прошло еще несколько лет, пока в 1983 г. там не начались раскопки под руководством Аднана Мысыра, специалиста из музея в Урфе, и Гаральда Хауптманна. Мне самому посчастливилось принять участие во всех кампаниях вначале как руководителю сектора раскопок и, наконец, в качестве исследователя, работающего с коллекцией мелких предметов. А зимой 1991/1992 г. этот памятник безвозвратно скрылся под водами водохранилища им. Ататюрка.

Первые кампании проходили особенно интенсивно. Так как в эти годы необходимое разрешение нам выдавалось всего лишь на четыре недели, работали в тот период мы без единого выходного дня, не считая двух небольших перерывов, от восхода до захода солнца. Удаленность места раскопок каждый раз требовала часового похода туда и назад, так что рабочий день продолжался от утреннего подъема в 4 часа до возвращения в лагерь в 20.00. В конце археологического марафона почти все участники превращались в весьма дико выглядящих бородатых парней, т. к. короткого времени отдыха хватало лишь для самого необходимого ухода за телом, но не для бритья и других трудоемких процедур.

В 1989 г. и в последующие кампании для археологов в непосредственной близости от места раскопок сооружался палаточный лагерь. Большое облегчение. Отпала необходимость в ежедневном изнурительном походе. Таким образом, можно было в спальном мешке переждать, пока на рассвете почти в полной темноте не раздавался звук приближающихся рабочих, проходивших торопливым шагом из ближайшей деревни мимо лагеря к месту раскопок. Короткий завтрак, и через несколько минут мы уже на месте работы. Теперь следовало организовать снаб-

жение сносно функционирующего лагеря, и часто при чтении почты с родины я вспоминал одно место из «Писем о положении и событиях в Турции» Гельмута фон Мольтке, написанных прусским офицером в 1835—1839 гг.: «Самое большое наслаждение для меня - регулярно читать здесь на берегу Евфрата "Всеобщую аугсбургскую газету"; я получаю ее каждые 14 дней через татарина из Стамбула, с опозданием обычно уже на 21–28 дней; это переносит меня неожиданно через горы и моря в Европу...» В Невали Чори я получал «Франкскую земельную газету»... В конце XX в., после изобретения железной дороги, самолета, космических ракет, а также отмены татар-почталыонов уходило в среднем 14 дней на доставку мне удовольствия побывать в мыслях на родине, и я считаю это несомненным прогрессом.

Немногословные, занимательные «турецкие письма» фон Мольтке, которые он отправлял домой, будучи прусским военным советником султана в Восточной Турции, составляли мое вечернее чтение, потому что многое, о чем фон Мольтке сообщал в середине XIX в., казалось мне весьма актуальным. Позволю себе еще одно отвлечение на письма фон Мольтке, содержанию которых уже добрых 150 лет, описывающее окрестности Невали Чори немного ниже по течению Евфрата: «Недавно в одну звездную ночь стоял я на развалинах старого римского замка Зевгма (фон Мольтке ошибочно считал Зевгмой крепость Румкале – Примеч. авт.). Евфрат блестел глубоко внизу в пропасти, и его шум наполнял тишину вечера. Здесь в лунном свете проходили Кир²⁰ и Александр²¹, Ксенофонт²², Цезарь²³ и Юлиан²⁴, с этого самого места они видели царство Крёза²⁵ на другом берегу потока и видели точно таким же, как сейчас, поскольку местная природа из камня и она не меняется. Тогда я решил пожертвовать в память о великом римском народе золотые гроздья, что сначала были принесены в Галлию и которые я провез с западной до восточной границы их огромного государства. Бросил бутылку с высоты вниз. Она скрылась под водой, заплескала и заскользила по течению к Индийскому океану. Однако Вы правильно полагаете, что перед тем я опорожнил ее. Я стоял там, как старый кутила:

Допил последнюю каплю и бросил священный сосуд

Вниз, в поток.

Я видел, как он падал, пил желтую воду Евфрата.

Глаза мои закрывались.

Больше я не выпил ни глотка. Бутылка имела дефект -

Она была последней».

Гиршфельд в издании 1917 г. дает точные комментарии. Занятие довольно неблагоприятное – так педантично рассматривать столь блестяще написанный текстовый пассаж. Даже несмотря на то что Румкале дей-

ствительно не Зевгма, три вышеназванных полководца и также, возможно, император Юлиан не в самой Зевгме, а намного южнее, в Тапсакусе, вышли к Евфрату и перешли его, и не Цезарь, а Красс когда-то вторгся возле Зевгмы в Парфянское царство. Проводя параллель, Гиршфельд продолжает: *«Нельзя точно сказать, штурмовали ли греки Илиос²⁶, но несомненно, что слепой певец хорошо знал местность восточнее устья Дарданелл»*. Комментатор XXI в. имеет основание добавить: даже если фон Мольтке в чем-то явно и ошибся, то ему удалось прекрасно описать ситуацию, которая в этой части страны более чем через столетие может точно повториться.

Назад, в лагерь! Усилия в «Долине чумы» не пропали даром. Результаты раскопок Невали Чори превзошли все ожидания. Они только частично уместились в картину верхнемесопотамского раннего неолита, известную по Чайёню. Как и в Чайёню, были обнаружены большие отдельно стоящие каменные дома. Многочисленные постройки канального типа из Невали Чори в Чайёню тогда были еще неизвестны. Кроме того, среди мелких предметов проявляется типовой спектр, который в Чайёню и в других менее изученных поселениях этого региона тоже еще не был обнаружен. А с 1987 г. в Невали Чори начинают фиксироваться необыч-

Рис. 12. Ранненеолитическое поселение Невали Чори (его точное нахождение можно определить по четырехугольным раскопам) скрыто в небольшой боковой долине Евфрата. Такое расположение выбрано, по-видимому, для того, чтобы не отпугивать дичь, направляющуюся к броду на Евфрате

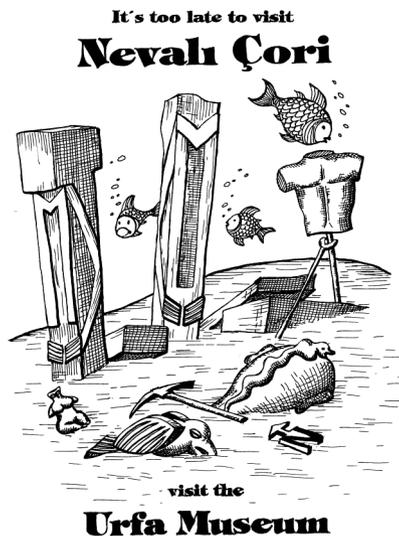

Рис. 13. Образное представление Невали Чори, созданное во время последней археологической кампании перед затоплением территории. Показаны характерные столбы со «столой», руками и кистями рук. Правый столб состоит из фрагментов, левый имеет сохранившуюся Т-образную верхнюю часть

бище на Гёбекли Тепе не смог узнать, что находилось перед ним. Нам и присниться не могло, что монументальные каменные плиты и неолит каким-то образом связаны, и сначала работы на этом участке были отложены. Геодезист, который проводил обмер площадки, использовал самый большой каменный блок как геодезический знак для ориентирования на местности и даже выдолбил маркировочный крест в кажущемся осколке скалы.

Я вовсе не утверждаю, что первым обратил внимание на это странное сооружение, однако настойчиво поддержал зародившуюся у Гаральда Хауптманна во время сезона 1987 г. мысль о том, что в этом районе есть что раскапывать. Тогда приступили к работам в секторе H11 системы квадратов, которые были заложены в ходе первых кампаний.

Уже начало исследований принесло сенсацию. Так как камень с геодезическим крестом в отличие от других лежащих плит находился в силь-

ные крупноформатные объекты, которые обеспечили этому поселению особое место в истории исследований.

«Римская могила»

«Римской могилой» назывались на нашем археологическом сленге несколько больших каменных плит, лежавших на поверхности в северной части Невали Чори. Всем было ясно, что название это является условным. Как выглядели римские могилы, или, по крайней мере, могилы римского времени в области турецкой части Евфрата в независимости от того, каким народом они были сделаны, но в любом случае относящиеся к I тысячелетию до Р.Х. или еще моложе, этого, по правде сказать, в команде, изучающей неолит, точно не знал никто. С нами произошла та же история, что и годами раньше с Питером Бенедиктом, когда он в мнимом клад-

нонаклонном положении и мог сползти, мы решили его убрать. Когда же он был приподнят, мы увидели на до тех пор скрытой нижней стороне камня диагональную рельефно выделенную полосу. Плита оказалась значительно больше, чем мы вначале предположили. Скорее, это был специально обработанный каменный блок, который, если не считать нескольких сколов на узкой стороне, имел, несомненно, тщательным образом обработанные поверхности. Рельефная полоса подземной части плиты позволила нам увидеть, что и на надземной «подветренной стороне», несмотря на сильное разрушение, еще остались следы такой же линии, на которую мы вначале не обратили внимания.

С этого момента события перевернулись. Имевшийся вначале песимизм в отношении того, что рельефный камень мы никогда не сможем точно датировать, уже в первый час работы с данным объектом превратился в эйфорию большого открытия: на том месте, на котором в земле лежал камень, появился вертикально стоящий прямоугольный блок таких же размеров. Рабочие, которые, как и археологи, оказались охваченными энтузиазмом от этого открытия, перехватили инициативу. Удивительно дружно возвратили они всеящий многие центнеры каменный объект, который только что с таким трудом перетащили на край раскопа, и поставили его отбитой стороной на возвышающийся из земли каменный блок – сколы обеих частей плотно прилегли друг к другу.

Мнимый осколок скалы с геодезическим крестом и рельефными полосами превратился в упавшую верхнюю часть длинного прямоугольного столба, стоявшего на своем первоначальном месте *in situ* и в первоначальном виде. Несомненно, он относился к неолитическому слою. Полосы уходили вниз и были интерпретированы при дальнейших раскопках как изображения немного согнутых рук. Это объяснение можно принять без колебаний, потому что на передней узкой стороне вскоре появились соответствующие V-образно противопоставленные кисти рук. Таким образом, столб превращался в антропоморфное, т. е. человекоподобное, каменное существо. Отсутствовала только голова, которая, однако, как теперь точно установлено, еще в древности была разрушена, потому что сколы на соответствующей стороне камня имели глубокие следы коррозии, появившиеся в течение столетий, а может быть, даже тысячелетий.

Две другие прямо и параллельно друг другу спускающиеся полосы на передней узкой стороне блока с анатомической точки зрения объяснению не поддаются. По виду это одежда, напоминающая столу като-

лического священника. Обе ленты закачиваются немного выше положенных на «живот» кистей рук. В области груди описываемые полосы были V-образно соединены, так что они могли изображать одежду, связанную на шее и спадающую по обеим сторонам тела²⁷.

При продолжении раскопок стало понятно, что этот блок является северным центральным столбом квадратного здания, когда-то имевшего два отдельно стоящих столба в центре помещения. Южный «двойник» был полностью разрушен, но отверстие в полу однозначно свидетельствует о его былом существовании. Сам пол скрывал другую сенсацию: он оказался мозаичным, совсем как тот, что мы уже видели в Чайёню. Не повторялась только красная, декорированная белыми полосами окраска того мозаичного пола. Здесь пол был известково-серым.

Другие представшие нашему взору каменные плиты оказались плитами, покрывавшими протянувшуюся по всему периметру внутренней стены здания скамью, в поверхность которой были вмурованы столбы, по размеру меньшие, чем центральные блоки. От них сохранились почти без исключений только нижние части, в то время как верхние были разрушены. Один из столбов упал и таким образом, хотя и не в полной мере, избежал последствий уничтожения. Он был разломан на три части, однако в остальном хорошо сохранился. Рельефные изображения рук, пальцев, одеяния находились в отличном состоянии – и наконец мы увидели голову. Она была, как и всё тело этого странного существа, в высокой степени стилизована и имела геометрическую форму, Т-образно располагаясь поперек длинного тела. Лицевая половина анатомически точно оказалась массивнее затылочной части головы.

Кого хотели изобразить творцы этих столбов-образов? Предков, демонов, богов? Открытия в Невали Чори были так великолепны, разнообразны и многочисленны, что сначала почти не оставалось времени попытаться понять эти находки. Ясно было одно: перед нами предстал аналог известного из Чайёню Здания с мозаичным полом. Но строение Невали Чори *полностью* сохранилось в плане и не было сильно разрушено, как в Чайёню, при выемке большого количества земли. В Чайёню не обнаружено ни одного столба. Однако теперь можно сделать вывод, что, по всей видимости, и в Здании с мозаичным полом Чайёню в центре помещения также были установлены два блока, впоследствии давшие повод ранним иконоборцам²⁸ их разрушить.

Иллюстрированная рисунками-реконструкциями публикация Гаральда Хауптманна об этой важной находке в Невали Чори показала намного лучше, чем опубликованные свидетельства Чайёню, каким обра-

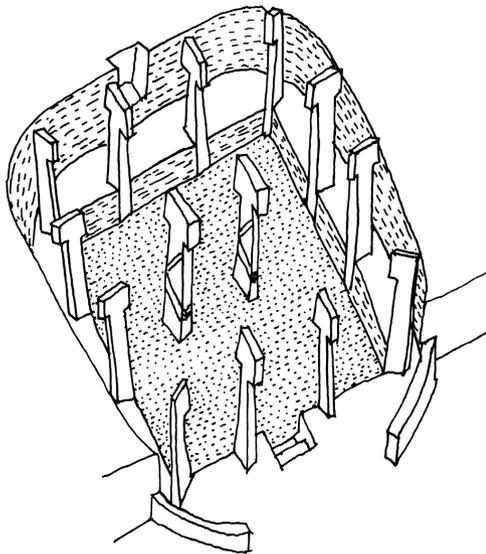

Рис. 14. Поздний вариант Здания с мозаичным полом Невали Чори (реконструкция по рисунку Гаральда Хауптманна)

зом когда-то могли выглядеть ранненеолитические сооружения специального назначения, т. е. те постройки, которые по всем признакам не являлись жилыми домами, а служили, вероятно, культовым целям.

Значение открытия такого сооружения в Невали Чори оказалось бóльшим, чем в Чайёню, не только потому, что оно лучше сохранилось и там были обнаружены столбы-существа. Сооружение в Невали Чори несло в себе еще одну тайну, раскрытию которой мы обязаны стечению обстоятельств. Невали Чори располагался в зоне затопления водохранилища им. Атаюрка и был затоплен зимой 1991/1992 г. С целью сохранить Здание с мозаичным полом (Дом 13 по полевой документации – *Примеч. ред.*) для потомков Гаральд Хауптманн во время последнего сезона решил все сооружение от первого до последнего камня разобрать, чтобы позже восстановить его на другом месте. Эти работы были старательно проведены Муратом Акманом. Каждый камень был пронумерован, его положение зарисовано, чтобы затем обеспечить адекватное оригиналу воспроизведение. И тогда пришла сенсация: в восточной стене здания были обнаружены замурованные фрагменты известняковых скульптур. Еще никогда до этого не встречались находки подобного типа. До открытий Невали Чори были известны лишь маленькие женские фигурки, относящиеся к неолиту, размером несколько сантиметров из кости, камня или глины. Только плоские, как доски, гипсовые статуи Айн Гхасалья и Иерихона размерами почти до одного метра были значительно большего масштаба. И вот Невали Чори преподнес серию крупноформатных каменных экземпляров.

По тому, в каком контексте нам предстали эти скульптуры, мы позволили себе с определенной долей уверенности предположить,

что обнаружили «участок захоронения» данных фигур, к тому же в других местах того времени район восточной стены построек был предпочтительным для погребений.

В самом позднем варианте Здания с мозаичным полом обнаружены фрагменты скульптур человеческого (?) торса и птицы, клюв которой на конце переходит в лицо человека. В стене оказалось замуровано

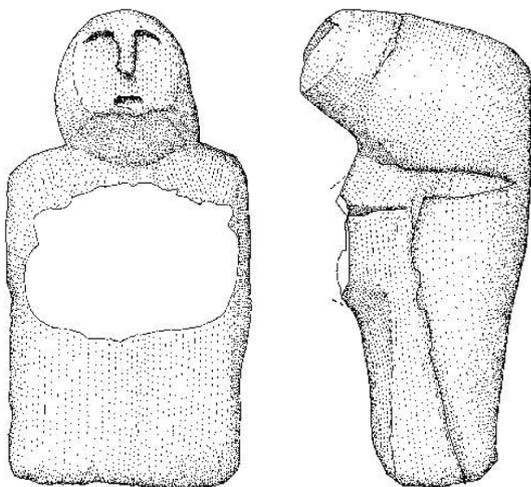

Рис. 15. «Человек-птица», известняковая скульптура из Здания с мозаичным полом Невали Чори

превосходящее человеческие размеры скульптурное изображение головы без волос, по затылку которой спускалась змея. Голова была с отбитым, направленным когда-то внутрь помещения лицом.

Кроме того, среди остатков предыдущего здания обнаружены: похожая на пеликана скульптура птицы, фрагмент фигуры другой птицы, голова которой не сохранилась, а также фрагмент головы и тела странного существа с человеческой головой и птичьим телом (в первой попытке объяснения) и другая фигура с птичьей головой и птичьим телом, клюв которой внезапно переходит в лицо человека, так называемый «человек-птица».

От самой древней постройки, предшественницы двух более поздних вариантов Здания с мозаичным полом, сохранилось мало свидетельств. А единственная крупная скульптура, относящаяся к тому времени, найдена не в Здании с мозаичным полом, но в одном из обычных для этого поселения домов с каналами, которому мы дали номер 3. Она изображает превышающую естественные размеры человеческую голову, лицо которой осталось в сохранности.

Культурно-историческая ценность находок Невали Чори ни в чем не уступает по значимости пещерному искусству верхнего палеолита. Их открытие стало началом научной сенсации, еще больше усиленной результатами, которые были достигнуты во время обработки данных материалов в Гейдельберге.

В тени тотемных столбов?

Летом 1995 г. в Институте древнейшей и древней истории Гейдельбергского университета была подготовлена небольшая выставка скульптур из Невали Чори – разумеется, не оригиналов, которые находились и находятся в музее Урфы, а копий, выполненных реставраторами Римско-германского центрального музея г. Майнца во время раскопок в Урфе. Мне посчастливилось принять участие в подготовке этой выставки, и я воспринимал за особую честь возможность поработать с такими уникальными находками, несмотря на то что это было всего лишь представление копий. В числе прочего моя задача состояла в том, чтобы сделать на витринах короткие и точные описания предметов. Это оказалось намного сложнее, чем я ожидал. Хотя я хорошо знал каждый предмет по раскопкам, для каждого описания мне понадобилось несколько часов, потому что со второго и третьего взгляда открывались новые удивительные возможности толкования. Каждую скульптуру нужно было в который раз брать в руки и рассматривать со всех сторон. При наличии оригиналов из известняка это была бы работа для атлета, и в тех условиях она оказалась бы совершенно невыполнима. Полиэфирные же копии внутри были пустые и очень легкие. Можно было играючи передвигать предметы, оригиналы которых весили до 50 кг.

Моя работа неожиданным образом не пропала даром, потому что, жонглируя копиями, я обратил внимание на ранее не замеченную возможность совмещать некоторые экземпляры. Это было совершенно неожиданное открытие, хотя потом оно не казалось мне таким уж исключительным, потому что во время раскопок Мурату удалось совместить маленький фрагмент скульптуры с упомянутым выше существом с человеческой головой и птичьим телом. Во всяком случае, в моих руках с первого раза сложились в верхнюю часть тотемной колонны с изображениями три по отдельности уже мною описанных скульптурных фрагмента, обнаруженных в *Доме 13*. Если открытие Невали Чори было событием выдающимся, то этот результат стал выразительнейшим его дополнением.

Упомянутая птица без сохранившейся головы, несомненно, могла быть установлена на то смешанное существо с человеческой головой и птичьим телом, к затылку которой подходил еще один маленький фрагмент, указывающий на сетку для волос, которая совершенно очевидно принадлежала другой человеческой голове, повернутой в противоположную сторону. Таким образом, возникло сооружение из скульптур колонного типа с птицей и двумя человеческими головами, которые имели необычные тела. Птица, судя по всему, представляла собой верх-

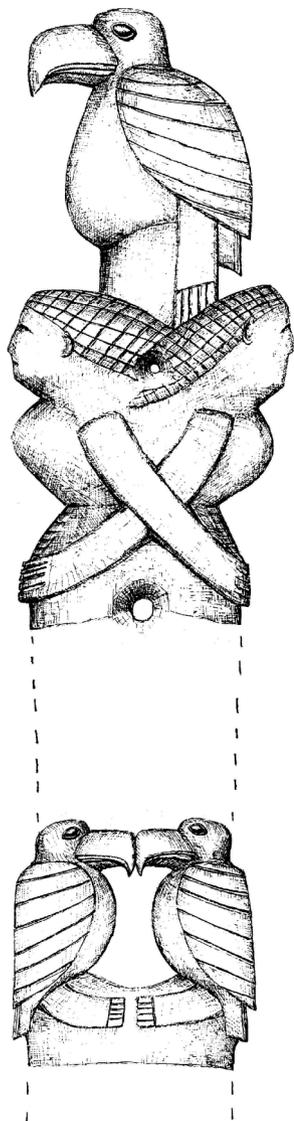

Рис. 16. Рисунок-реконструкция так называемого тотемного столба Невали Чори. Восстановление из трех разделенных частей удалось в 1995 г. благодаря доставленным в Гейдельберг точным копиям. Две противостоящие птичьи фигуры с большой вероятностью также относятся к этой скульптурной колонне

ную часть сооружения, т. к. диаметр ее шеи слишком мал, чтобы нести еще одну фигуру. В нижней части конструкция имела, по-видимому, продолжение, которое не сохранилось. Основываясь на размерах, можно также с большой уверенностью предполагать, что еще один обнаруженный в этом месте фрагмент – если бы имелась недостающая соединительная часть, к сожалению, неизвестной длины и с неизвестными изображениями на ней – мог быть присоединен к нижней части колонны. Данный фрагмент представляет собой ноги и хвосты двух противопоставленных птиц. Он также имел некое продолжение внизу. Всё сооружение, таким образом, представлялось в виде тотемной довольно сложной композиции. Объяснить эту скульптурную конструкцию нелегко. Однако можно понять, что птица, кажется, схватила две человеческие головы. Нет сомнения в том, что такие объекты относятся к области ритуала, культа и религии.

Составные части статуи с мотивом «птица и человеческие головы» позволили дать предположительную интерпретацию скульптурному изображению головы из *Дома 3*. В колоннообразном объекте, что, судя по всему, находился над ней, узнается, несмотря

на сильную фрагментацию, большая птица. Голова ее отсутствует, однако хорошо сохранились изображенные линиями на обратной стороне крылья, а также выпуклая птичья грудь. И снова кажется, что птица схватила человеческую голову. Не стоит делать не обоснованных пока предположений о связи культа черепов Невали Чори, как и всего

переднеазиатского раннего неолита, косвенные свидетельства которого я уже приводил, с этими изображениями. Очевидно, птицы выполняли по представлениям того времени важную задачу. Если вспомнить, что они могут достигать сферы, совершенно недоступной древнему человеку (а для нас сегодня доступной с большими техническими затратами), то не нужно иметь много фантазии, чтобы понять, в чем же состояла эта задача²⁹.

С открытием крупных скульптур и столбов с рельефами в Невали Чори наши знания о свидетельствах переднеазиатского раннего неолита значительно расширились. Можно было бы рассказать о многих других находках и группах находок, однако ограничимся одним объектом, который нам пригодится и в дальнейшем, когда речь пойдет о шаманизме в каменном веке. К сожалению, в единственном числе и фрагментарно дошла до нас известняковая чаша с рельефом на внешней стороне. Она сохранилась примерно на треть своего объема. По причине явных следов копоты на ее внутренней стороне эту чашу следует сопоставлять с группой обычно не украшенных сосудов, называемых каменными лампами или кадильницами. На ней

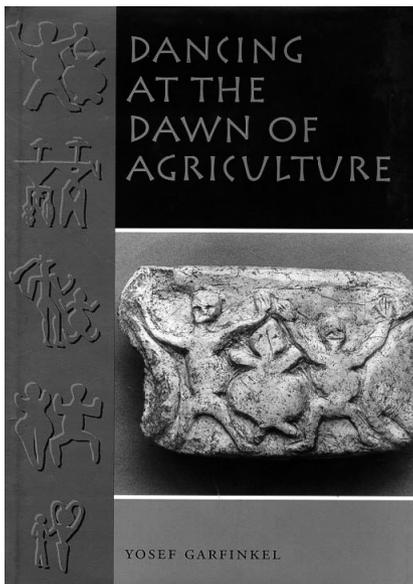

Рис. 17. Каменный фрагмент чаши из Невали Чори украшает титульный лист книги Йозефа Гарфинкеля, исследовавшего ранний период в истории танцев

изображены две человеческие фигуры анфас, с поднятыми руками, большими животами и расставленными ногами. Они образуют такую же фигуру с большим животом и в такой же позе, которая, тем не менее, представлена не как человек, а напоминает скорее черепаху. Эта сцена имеет продолжение с правой и левой стороны рельефа, но там фигуры ввиду фрагментарности сосуда уже не определяются. Очевидно, всю чашу опоясывал фриз с изображениями. По оставшемуся фрагменту можно судить, что на нем была показана *сцена танцев*.

При взгляде на группу многочисленных маленьких фигурок (подробно на них мы останавливаться не будем) становится понятным то, что изображенные

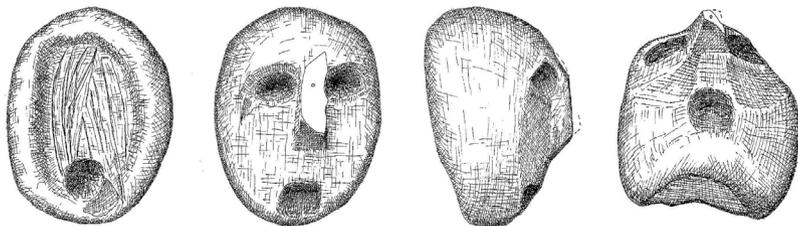

Рис. 18. Миниатюрная маска Невали Чори из известняка повторяет каменные маски натуральной величины, известные по Нахал Хемару и другим местам южного Леванта

мотивы по-разному представлены различными материалами – глиной и известняком. Глиняные фигурки посвящены в основном двум темам: они показывают всегда стоящего, обнаженного до пояса (?) мужчину, вероятно, с возбужденным половым членом (выражаясь научным языком, «находящегося в *итифаллическом* состоянии») и сидящую женщину. Фигурки животных из глины странным образом почти не попадают.

Совершенно иначе обстоит дело с фигурками из известняка. В этой группе преобладают изображения животных, хотя определить их биологический вид, как правило, трудно. Многие объекты являются единственными экземплярами, и повторения мотивов очень редки. А наиболее интересными фигурками из известняка оказались миниатюрные копии мегалитических Т-образных столбов с узнаваемыми навершиями, руками и кистями рук. Размеры некоторых составляют всего несколько сантиметров. Помимо этого, следует назвать миниатюрное изображение маски, которое напоминает соответствующую обычным размерам лица человека маску, например, из Нахал Хемара.

Исследование пространственного распределения находок в Невали Чори привело к важному результату. В поселении и, прежде всего, на свободной примыкающей с восточной стороны территории были обнаружены редкие типы наконечников стрел – преимущественно в ареале вокруг Здания с мозаичным полом, которое представляется нам местом отправления культа. Эти определенного вида наконечники на других памятниках встречаются часто, однако в Невали Чори довольно редки. Была ли когда-то данная территория вокруг Здания с мозаичным полом центром притяжения посетителей из далеких районов? Были ли миниатюрные столбы своего рода «сувенирами»? И было ли Здание с мозаичным полом окружено возвышающимися, видными издалика тотемными столбами? Тотемные столбы сооружались, как известно, в деревнях Северной Америки индейцами северо-западного побережья. Они стояли перед до-

мами и сообщали посредством серии изображений о мифологических событиях и генеалогии жителей. Имелись ли в Невали Чори деревянные столбы и была ли найденная там известняковая версия, осколки которой в дальнейшем поместили в скамейку Здания с мозаичным полом, точнее сказать, тщательно спрятали, особенно крупным экземпляром? Мы помним, что уже исследовательница Кенъон считала две цокольные детали в натуфийском слое Иерихона (XII—XI тысячелетия до Р.Х.) основаниями тотемных столбов. Были ли такие тотемные столбы типичны для оформления многих поселений? Или они имелись только в некоторых местах, которые и являлись поэтому центрами культового паломничества, магнитом для посетителей из отдаленных районов? Хорошо обоснованные ответы на все эти вопросы было и будет трудно найти, однако ясно одно, что благодаря данным находкам ранняя неолитическая история Верхней Месопотамии обогатилась новыми гранями и красками, до сих пор совершенно неизвестными.

Обнаруженный материал поставил множество новых вопросов и исследовательских целей, которые до этого времени вообще не могли так формулироваться. В моей собственной жизни ученого, самое позднее к этому моменту, произошел поворот, направивший мое профессиональное развитие в другом направлении. Было все-таки трудно представить, что Невали Чори является единственным местом, скрывавшим крупноформатные скульптуры и тотемные столбы. Не пропущены ли другие, возможно, еще более важные памятники?

Археологическая карта раннего неолита была ко времени рассматриваемых раскопок беспорядочно отмечена точками находок. Огромные территории оставались еще совершенно не исследованными. Сам Невали Чори как ранненеолитическое поселение открыли лишь в 1979 г., а до правильной оценки «римской могилы» должны были пройти годы. Период раннего нового каменного века (докерамического неолита) до работ в Иерихоне был полностью неизвестен, т. к. поселения без керамических находок в сетевом поиске археологических полевых исследований просто не предусматривались. На фоне всех этих обстоятельств у меня возник вопрос, который сегодня можно сформулировать так: насколько плотным могло быть ранненеолитическое заселение Верхней Месопотамии и как далеко от Невали Чори располагались соседние пункты? Были ли это разрозненные деревни, которые имели относительно одинаковые внутренние структуры, или же существовали и более значимые в поселковой иерархии места?

Становилось ясным, что на огромной территории между Тигром и Евфратом можно рассчитывать на большое количество пока не открытых

археологических памятников. И, тем не менее, в 1994 г. мы довольно неожиданно получили сообщение о том, что в этом районе обнаружена до сих пор неизвестная акерамическая площадка. По своему расположению и времени функционирования она подводит нас уже вплотную к Гёбекли Тепе. В непосредственной близости от Шанлыурфы нашли поселение Гюрджютепе.

ГЛАВА 6. ГЮРДЖЮТЕПЕ И РОЖДЕНИЕ НОВОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

Историю открытия Гюрджютепе можно передать в нескольких словах. Осенью 1994 г. Генри Райт, опытный американский археолог, сообщил находящейся в Урфе команде, которая занималась тогда находками из Невали Чори и с которой вы уже познакомились при первых посещениях окрестностей Гёбекли Тепе, о новом, к тому времени еще неизвестном неолитическом поселении. Могла ли группа, изучающая каменный век, не заинтересоваться этим памятником?

Место именовалось Гюрджютепе, что примерно обозначает «грузинский холм». Название указывает на некий исторический фон, который мы, однако, не имеем возможности выяснять. Гюрджютепе расположился на восточной окраине Урфы в нескольких километрах северо-западнее от Телль Казанеха, огромного холма-поселения, исследовавшегося Генри и его сотрудниками. При обходе окружающей территории Генри обнаружил видимую с дороги, но до того времени не замеченную раннеолитическую стоянку Гюрджютепе. Памятник каменного века не входил в программу команды, ориентированной на эпоху бронзы.

Сообщение о Гюрджютепе поступило незадолго до повторного открытия Гёбекли Тепе. После этих событий в последующие дни оба места были многократно и интенсивно обследованы. Вскоре родилась идея нового исследовательского проекта, а точнее, продолжения программы, начатой в Невали Чори. Проект «Урфа», объединявший теперь Невали Чори, Гюрджютепе и Гёбекли Тепе, быстро набирал обороты. В Гаральде Хауптманне, недавно ставшем Первым директором Стамбульского филиала Германского археологического института, мы нашли всемерную поддержку, какую только можно себе представить, а срочно основанное в 1995 г. попечительское объединение *Archae Nova e. V.* позволило мобилизовать частные инициативы, которые уже на начальной стадии проекта сделали невозможное возможным.

Осенью 1995 г. из Гейдельберга выехали «пионеры» вновь запущенного проекта «Урфа», чтобы провести в сотрудничестве с музеем Урфы первую археологическую кампанию. Я не могу назвать по именам всех многочисленных участников последующих экспедиций, однако небольшое ядро первых лет заслуживает особого внимания. Вместе с автором там работали археологи Мануэла Бейле-Бон, Сонгюль Джейлан, Кристоф Гербер, Чигдем Кёксал и Михаэль Морш. Геодезисты Маркус Геёс и Стефан Обермейер осуществили необходимые на тот момент топографические измерения. Раскопки на Гёбекли Тепе и Гюрджютепе должны были проводиться по месяцу. Мы решили начинать не с Гёбекли Тепе, поскольку он нам казался слишком большим, почти пугающим, а с вполне обозримого Гюрджютепе. Далее я кратко изложу результаты первой и последующих кампаний.

Гюрджютепе расположен на юго-восточной окраине Шанлыурфы с северо-западной стороны равнины Харран. Протяженность памятника с запада на восток примерно 1,2 км, и в его пределах находятся не менее четырех холмов-поселений нового каменного века без керамических находок (акерамическо-неолитических), которые мы обозначили Гюрджютепе I–IV. Самый большой – Гюрджютепе II диаметром около 200 м и высотой 6 м. Эта цепь холмов располагалась вдоль русла карстового³⁰ ручья, идущего из Урфы, почти исчезнувшего сегодня из-за продолжительного водозабора на орошение.

Мы начали с измерений и систематического обхода огромного ареала. Лишь на Гюрджютепе I был обнаружен керамический неолитический материал, что говорило о наличии над акерамическими неолитическими слоями более молодых керамическо-неолитических. Обследование других холмов показало, что керамика там полностью отсутствовала, и уверенность в том, что мы на правильном пути, нам придавало еще одно обстоятельство.

Первые раскопки

На Гюрджютепе II находится старая водокачка Урфы. Получаемая там грунтовая вода подается в городской водопровод. В связи с очисткой воды пребывание на этой территории осложняли раздражающие хлорные испарения. Непонятно, почему трубы на холме были открыты, но периодически из них в течение многих лет текла вода и питала появившийся таким образом небольшой ручей. Для археологов это удача. В размытом русле на северном склоне холма обнажились слои каменного века. В профиле миниатюрного каньона были видны глиняные стены, полы и ямы. «Русловым гравием» явились предметы из кремня и

обсидиана, чисто вымытые и, можно сказать, отсортированные по размерам. Таким образом, стало ясно, что поверхностные находки, которые были видны на всех холмах Гюрджютепе, не вводили в заблуждение. По меньшей мере, на Гюрджютепе II фиксировались мощные раннеэолитические культурные отложения. Соответственно, раскопки начались в районе размытого русла.

В первые дни работы на Гюрджютепе непосредственно под поверхностным слоем были открыты могилы с кирпичным перекрытием без сопровождающего инвентаря. Они датируются поздним античным временем. Могильные ямы представляли собой большие прямоугольные сооружения с каменным фундаментом и кладкой из утрамбованной глины.

Определение кладки из утрамбованной глины – часто технически сложная задача, т. к. в отличие от кладки из кирпича-сырца тут отсутствуют регулярные швы. Внешние грани глиняной кладки также почти невозможно выявить, поскольку окружающий грунт, как правило, состоит из того же материала, что и стена, и представляет собой стёкшую верхнюю часть кладки. Выбор слова «стёкшую» может удивить читателя, незнакомого с глиняным строительством в странах Средиземноморья, где до сих пор при традиционном возведении домов используют необожженный кирпич или практикуют, с применением особых приемов, создание монолитных стен из утрамбованной глины, которые также остаются необожженными. Хотя оба метода представляют собой различные технологии и традиции, они ведут примерно к одинаковому результату – стенам из необожженной глины – и могут применяться вместе при сооружении одного здания. Если имеется защитное перекрытие, то такая глиняная постройка переживает поколения. Лишь незащищенные перекрытием верхние части стены подвержены быстрому разрушению, тогда материал в период дождей в буквальном смысле «стекает» на землю.

Как крыша сверху, так и каменный фундамент снизу защищает стену от разрушающей влаги. Такие каменные фундаменты считаются надежным доказательством наличия глиняной стены, даже в тех случаях, когда следы кладки или кирпича-сырца полностью исчезли или нет уверенности, принадлежат ли им имеющиеся остатки. Искать этого последнего доказательства в Гюрджютепе, к счастью, не было необходимости. Команда археологов имела достаточный опыт работы с глиняной архитектурой, так что смогла определить многие сооружения из утрамбованной глины. Еще различимые их очертания позволили выявить остатки домов с маленькими помещениями, что не вызвало особого

Рис. 19. Группа холмов Гурджютепе, расположенных на северо-западной окраине равнины Харан. Вид с высоты птичьего полета

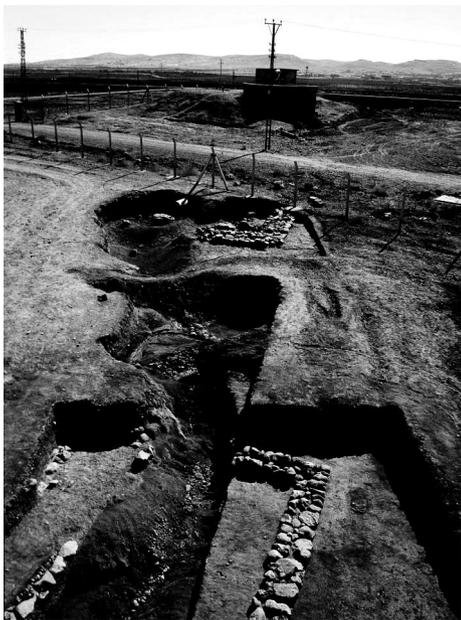

Рис. 20. Вид с севера на открытые архитектурные остатки Гурджютепе II, частично разрушенные ручьем

удивления, поскольку похожие структуры были к тому времени известны из других мест этого периода, и ничего иного мы почти не ждали.

Одно из строений имело стены толщиной 1,4 м. Использование больших каменных плит для облицовки заставляет думать скорее о специальном, нежели о жилом назначении здания. Но от этого сооружения остался один только угол, так что однозначная оценка здесь невозможна. Фрагменты керамических сосудов при раскопках не обнаружены, однако каменные орудия встречены в большом количестве, что и предполагалось еще при осмотре размытого ручьем русла.

Данными радиоуглеродного анализа для Гюрджютепе мы еще не располагаем, но археологическое датирование конкретных его слоев установлено достаточно точно благодаря *руководящим формам*, выявленным по материалам других памятников и надежно распределенным хронологически. Чтобы считаться руководящей формой, тип находок должен соответствовать двум главным условиям: он должен встречаться на максимально большом количестве памятников, т. е. иметь широкое пространственное распространение, и фиксироваться в минимальный промежуток времени. В геологии по похожему принципу работает палеонтологическое понятие *руководящие окаменелости*. Руководящие окаменелости являются надежными маркерами для датировки геологических слоев. Достаточно, если одна руководящая форма на некоторых археологических площадках зафиксирована абсолютно точно во времени. Полученные таким образом даты могут переноситься на другие места раскопок для определения возраста находок.

Прежде всего, руководящие формы должны быть надежно отобраны. Список потенциальных кандидатов длиннее, чем список успешно сдавших «экзамен». Особенно много работы доставляют исследования групп находок, относящихся к каменным орудиям.

В Гюрджютепе выявлен позднейший докерамический слой нового каменного века (PPNB), он моложе, чем остатки поселения в Невали Чори. В качестве руководящих форм для определения времени на Гюрджютепе

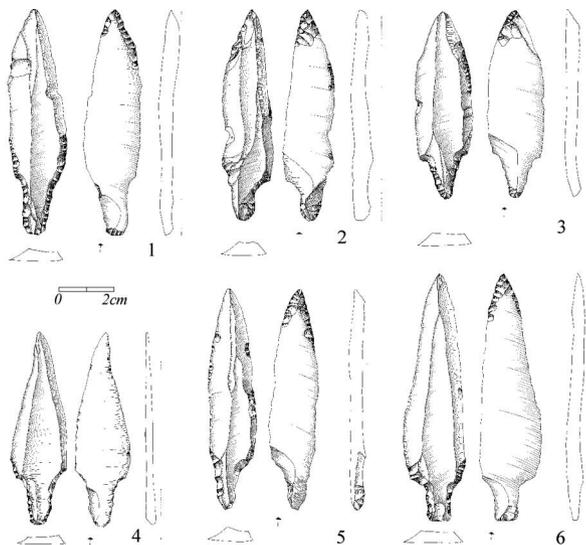

Рис. 21. Кремневые черешковые наконечники образуют главную группу находок докерамического неолита (PPN), содержащую наконечники копий, стрел и кинжальных клинков. Одним из вариантов так называемых библиоских наконечников являются пальмирские наконечники, которые часто встречаются на Гюрджютепе

послужили так называемые библосские наконечники стрел, названные по месту их обнаружения в слоях каменного века в Библосе – важном финикийском городе II и I дохристианского тысячелетия на ливанском побережье. При упоминании библосских наконечников имеется в виду большая группа форм, которые еще должны быть классифицированы подробнее, чтобы стать действительно руководящими формами. На Гюрджютепе мы смогли определить один такой тип, для которого введено название «пальмирские наконечники». Этот тип может считаться в Верхней Месопотамии руководящей формой позднего докерамического неолита, а именно позднего PPNB. В слое Гюрджютепе II он встречается очень часто и полностью отсутствует в более древнем Гёбекли Тепе.

В целом Гюрджютепе II, **по-видимому, представлял собой известный уже тип раннеолитического поселения с жилыми постройками и специальными зданиями.** Рядом с ним в непосредственной близости можно было найти воду и землю под пашню. Совершенно аналогично ситуации в Чайёню, судя по всему, имела и керамическо-неолитическая фаза поселения на определенной пространственной дистанции от акерамической. Наряду с обнаружением большого количества орудий из кремня и обсидиана были найдены и другие интересные объекты, среди них полированные каменные сосуды и специальные сверла для каменных сосудов из твердого кварцита, указывающие на существование соответствующих мастерских.

В третьем сезоне можно было начинать прямые исследования Гюрджютепе I. На нем единственном, как уже отмечалось, при обходе мы обнаружили значительную концентрацию керамических находок неолита. Но проведение тут раскопок столкнулось с определенной проблемой. Этот почти плоский тель был включен в оросительную систему долины Харран и использовался в сельском хозяйстве. Часто там высаживали дыни, красный перец или хлопок. И для нас не обошлось без затрат на возмещение убытков крестьянам в те годы, когда поле специально оставляли под паром.

Так было в 1997 г. Глинобитные сооружения, какие мы обнаружили в Гюрджютепе II, здесь не выявлены. В то же время широкая площадь раскопа открыла, помимо других объектов, выложенные из камня платформы для сушки продуктов питания, что, несомненно, говорит о жилом характере слоя. Только глиняная площадка с центральным очажным местом указывала на некую архитектурную структуру. Однако ограничивающие стены, следы плетня или отверстий для столбов тут найдены не были. Керамические находки вопреки ожиданиям в более глубоких слоях уже не попадались. А так как на поверхности

Гюрджютепе I был выявлен керамический материал неолита, мы пришли к выводу, что открыли здесь переходную фазу от позднего докерамического (PPNB) к керамическому (PN) неолиту. Домов той эпохи нам обнаружить не удалось.

Группа холмов Гюрджютепе – долинное поселение каменного века

Глубокий зондаж, проведенный на Гюрджютепе II во время третьей кампании, дал следующий результат: неолитическая последовательность слоев в этом месте, равная 4,1 м, приблизительно соответствовала профильному разрезу 1995 г. В мощных открытых горизонтах попадалось много мелких предметов и костей животных. Строительных структур обнаружено не было. Характер этого ареала как свободного пространства между строениями на всем протяжении существования поселения не изменялся.

Среди археологов развилось что-то похожее на страх перед глубиной. Рабочие тоже, кроме одного человека по имени Ахмет Гёк, боялись спускаться в глубокую яму. Ахмет проявил истинно горское упрямство, которое позволило продвигаться вглубь. С помощью ведер, троса, треноги и направляющего ролика разрешилась проблема выемки земли, таким образом, ведро за ведром мы поднимали почву отвала наверх. Вскоре узкая шахта достигла глубины 7,5 м. Хотя геоморфологическая обработка собранного материала еще не проведена, основываясь на археологической оценке полученных данных, можно сказать, что функционирование поселения Гюрджютепе II было ограничено по времени поздним периодом докерамического неолита (PPNB).

Это относится и к другим холмам группы Гюрджютепе, которые годами исследовались как минимум посредством шурфовки. На всех холмах заселение датируется поздним докерамическим неолитом (PPNB). Более ранние или более поздние слои, кроме упомянутого исключения Гюрджютепе I, не доказаны.

В качестве особой находки на Гюрджютепе III я хочу упомянуть маленький фрагмент известнякового объекта, функцию которого мы определить не смогли. На нем просматривается рельефное изображение, возможно, собаки. Голова, к сожалению, не сохранилась. Он был найден в заполнении постройки канального типа. Кроме того, во время закладывания шурфа на холме I мы нашли предмет из стеатита, похожий на печать.

Интересную информацию дал анализ костей животных. Его провели Ангела фон ден Дриш и Йорис Петерс. У многих видов исследование показало наличие ранних признаков *одомашнивания*, которые в материале

Рис. 22. Объект из стеатита, по форме напоминающий печать. Найден в Гюрджютепе I

более древнего Гёбекли Тепе полностью отсутствуют. Богатый список животных, доказанных для Гёбекли Тепе, охватывает исключительно *диких* представителей, прежде всего первобытного быка, газель, дикую свинью, лису и онагра, дикого азиатского осла.

Аналогичную картину мы наблюдаем при оценке ботанического материала, обработанного Рейндером Нэфом: культурные растения в Гюрджютепе хорошо определяются, однако они отсутствуют в материалах Гёбекли Тепе. Поселение Гёбекли Тепе не просто старше, чем Гюрджютепе. Дело в том, что люди этой местности имели другие привычки в питании и продовольствием они себя обеспечивали другими способами. Таким образом,

«долинное поселение» Гюрджютепе вступает во все более острый контраст с «горным поселением» Гёбекли Тепе. Гёбекли Тепе и Гюрджютепе – мы должны это принять в качестве основного результата исследований – представляют собой два разных типа памятников раннеолитической эпохи.

ЧАСТЬ III. ГЁБЕКЛИ ТЕПЕ

Итак, мы закончили рассмотрение некоторых материалов, важных для понимания того, что ожидает нас в Гёбекли Тепе. Мы встретились с различными исследователями и их находками, которые дали нам представление о мире нового каменного века Передней Азии. Стало ясно, что люди той далекой эпохи осваивали ранние формы земледелия и животноводства, хотя некоторые еще и вели промысловую жизнь охотников. Но творческая способность их данными занятиями не ограничивалась. В домах того времени хранились большие и маленькие предметы культа, которые мы с полным правом можем назвать уже художественными произведениями. Мысли людей не были полностью посвящены лишь насущным проблемам будничного обеспечения своего существования, а все больше обращались к сложным вопросам мироздания, отражая действительность мифическими образами. В этой сфере их жизни важными являлись не только служившие ритуальным целям «специальные сооружения», но и, возможно, как показывает отношение к определенным черепам, конкретные люди или группы людей, которые играли особую роль в обрядах. Вероятно, уже можно говорить о складывании в основных чертах религиозной системы как организованной формы отправления культовых практик.

Рассматриваемая сфера живо интересовала людей совершенно разных местностей, когда они еще, по-видимому, даже не овладели гончарным ремеслом с техникой обжига глиняной посуды. И все-таки, перед тем как обратиться к материалам Гёбекли Тепе, мы должны хорошо понимать, что имеем дело с достаточно высоким уровнем культуры X тысячелетия до Р.Х., которого достигли тогда наши предки. При таком подходе нам будет легче разбираться в происходивших на тот момент в Гёбекли Тепе процессах.

В данной части я попытаюсь описать архитектурные детали, а также изображения третьего, самого древнего слоя, датированного, как уже сказано, X тысячелетием до Р.Х. Оба более молодых уровня – и прежде всего второй – мы рассмотрим лишь в конце этой книги (в ч. V), когда будем говорить об упадке и, наконец, исчезновении культуры наших далеких предшественников из Гёбекли Тепе.

При прочтении следующих страниц, посвященных описанию находок и их расположения в Гёбекли, я попрошу вас набраться немного терпения. Сначала я в форме экскурсии познакомлю вас с сооружениями и образным миром данного центра каменного века. Не перегружая память излишним количеством новых понятий и интерпретаций – это и для

меня во многих случаях не под силу, а здесь было бы просто лишним, – составьте, пожалуйста, собственное мнение. В течение экскурсии я буду высказывать свои мысли о структуре и характере сооружений и изображений, а в ч. IV и V представлю широкие выводы, что поможет понять всю многогранность этих открытий. Вы будете поражены не менее нас, шаг за шагом открывая для себя Гёбекли Тепе.

ГЛАВА 1. «ВЫПУКЛАЯ» ГОРА

Результаты, полученные в Гюрджютепе, основываются на работах 1995—2000 гг. Эти исследования проходили параллельно с раскопками на Гёбекли Тепе и могут считаться в основном законченными. Потому что, хотя Гюрджютепе и раскопан далеко не полностью, речь здесь идет о типе археологической площадки, который встречается довольно часто. Другие экспедиции на других памятниках того же типа получали аналогичные результаты, которые фрагмент за фрагментом складываются в насыщенную мозаику свидетельств каменного века. Гюрджютепе добавил в нее свои красочные камни. Они, несомненно, имеют ценность при создании большой панорамы «истории первых оседлых культур». Но для этого серьезного раздела мозаики у науки сейчас уже есть заменяемые между собой частицы одинаковой формы. Продолжение в большем масштабе работ на Гюрджютепе, судя по всему, стало бы приносить дубликаты имеющихся фактов и знаний. Однако мне хочется тут же подчеркнуть, что точно никто не может быть уверен наверняка, не скрываются ли еще в этих холмах важные археологические сенсации.

Тем не менее - как это было и раньше, так к этому необходимо стремиться и сейчас - следует наилучшим образом концентрировать свои усилия. Гёбекли Тепе – место совершенно иного вида и бросает совершенно другие вызовы. Турецкое слово «Göbek» обозначает «пуп», «живот» или «купол». Словосочетание «Гёбекли Тепе» лучше всего перевести как «пуп земли» или «выпуклая гора» – название, которое точно отображает силуэт холма с руинами. Он возвышается как огромный купол на ровном известняковом плато. Еще многих лет полевых исследований, если не десятилетий, потребует этот памятник до того, как пойдут менее ценные для науки «дубликаты». Нам изначально было понятно, что поспешные и необдуманные действия на месте подобного значения могли бы принести огромный вред, поскольку *раскопки* всегда означают необратимое *разрушение* – разрушение поясняющего контекста, в который включены все объекты и сооружения. В отличие от

естественно-научных работ, особенностью которых является возможность повторения эксперимента для проверки или уточнения данных, археологические раскопки неповторимы. Неописанные и незадокументированные свидетельства потеряны навсегда. Технические ошибки раскопок также не поддаются последующему исправлению – археологический памятник не прощает халтуры. Несмотря на имевшийся опыт, приобретенный в Невали Чори, именно Гюрджютепе давал нам желанную возможность не в полную силу, а постепенно начинать работы на Гёбекли Тепе. Мы начинали медленно, осторожно...

Первые наблюдения и находки

Первым делом, разумеется, нужно было обстоятельно изучить поверхностный видимый слой Гёбекли Тепе. Мы систематически обошли памятник. Находки и встреченные структуры были типизированы, каталогизированы и включены в общий топографический план работ, составлявшийся одновременно с проведением первых полевых исследований. Уже среди находок, собранных нами на Гёбекли Тепе во время самых ранних кампаний, наряду с многочисленными кремневыми артефактами имелись до сих пор неизвестные группы предметов, в частности объекты, похожие на фрагменты больших каменных колец, диаметр которых мог достигать более полуметра. Кроме того, на поверхности памятника мы обнаружили довольно много крупноформатных скульптур из известняка, таких, что были известны до этого только по данным Невали Чори.

Первый день обхода в 1995 г. принес неожиданность: на южном склоне Гёбекли Тепе мы обнаружили свежую яму. Она совершенно очевидно была выкопана непосредственно перед нашим посещением крестьянами, которым давно уже приходилось раскапывать и убирать с участка мешающие камни. Недалеко от ямы на поле лежала большая известняковая плита, вытасченная, вероятно, оттуда. На плите мы увидели сидящее животное. Это была скульптура, или, точнее, горельеф, потому что животное и тщательно обработанная со всех сторон плита оказались изготовленными из одного блока. Тело животного, имеющего четыре ноги и хвост, скульптор сделал прижатым к плите. Несмотря на толстый подтекающий слой извести (подтекание – выделение извести или кремниевой кислоты. – *Примеч. авт.*), легко узнавались пасть и зубы.

Подобное, но намного более натуралистичное изображение похожего животного мы нашли чуть позже, разумеется, уже в музее. Там был экземпляр, принесенный крестьянами за несколько лет до начала наших работ, найденный на Гёбекли Тепе и оставшийся совершенно

Рис. 23. Большие известняковые кольца известны до настоящего времени только по данным Гёбекли Тепе. Их предназначение пока непонятно

Рис. 24. Крупноформатные находки собираются и документируются в «каменном саду» Гёбекли Тепе

без внимания из-за отсутствия сравнимых находок. На этом горельефе зверь воспринимается как рептилия, почти как дракон. Открытая пасть и оскаленные зубы весьма реалистично угрожают наблюдателю. Если попытаться определить вид этого животного, непроизвольно возникает мысль о крокодиле. Однако, по данным археозоологии, в Евфрате и Тигре никогда не водилось ничего подобного – ни драконов, ни крокодилов.

Первое, найденное нами на пашне изображение животного, лапы которого раздвинуты в стороны, напомнило настенный рельеф, названный Меллаартом изображением рожавшей богини. Это сходство открывает, разумеется, широкое поле для рассуждений, поскольку в Гёбекли Тепе мы, несомненно, говорим о животных, но не о богинях. Мы также помним, что на изображениях рожавшей богини из Чатал Хёюка лица не сохранилось. Может быть, богиня вовсе была не богиней? Другая находка, плоский рельеф на стоящем *in situ* столбе в Гёбекли Тепе, еще раз чуть позже привлечет наше внимание к данному мотиву и поставленному вопросу.

Пока остановимся на поверхностных находках нашего памятника. Их состояние вследствие повреждений и погодных условий, к сожалению, очень плохое. Так изображенные мотивы у многих предметов неясны и точному определению не поддаются. Среди объектов, которые мы

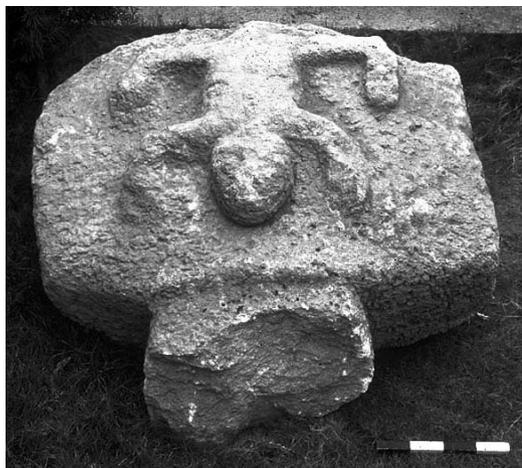

Рис. 25. Горельеф животного, похожего на рептилию, был обнаружен в первый день первого полевого сезона при осмотре поверхности Гёбекли Тепе. Длина фигуры животного - 81 см

смогли объяснить, имеется скульптурное изображение человеческой головы, выполненное больше реальных размеров. Этот фрагмент, судя по сколам, видимым не только на шее, но и на затылке, был частью

не просто статуи, а сложной фигуры, что, возможно, имело вид «тотемного столба» как колонна в Невали Чори, где две человеческие головы находились под когтями птицы. Сколы на затылке экземпляра из Гёбекли Тепе дают простор для размышлений, которые тотчас превращаются в исполненные фантазиями реконструкции.

Еще один объект представляет собой грубо обработанное изображение лица неестественно крупных размеров. По вогнутой пустой обратной стороне данный артефакт может быть объяснен как увеличенная маска. Подобные, сопоставимые с размерами человеческого лица, маски неоднократно находили при раскопках неолитических памятников Леванта, например в Нахал Хемаре или Басте. С уменьшенной формой масок, как вы помните, мы познакомились в Невали Чори.

Вероятно, самым выразительным изображением является почти полностью сохранившаяся мужская фигура с возбужденным половым членом. Несколько лет назад эта скульптура была передана музею вместе с «драконом» или «крокодилом». Так как данный объект сохранился полностью, можно заметить, что руки и нижняя часть тела изначально отсутствовали в замысле скульптора и, соответственно, не изображены. На профессиональном языке объект называется *ithyphalliche Protome* – «итифаллическая протома». О возможностях интерпретации этой находки далее мы еще поразмышляем.

В одной из куч, сложенных крестьянами из убиравшихся с поля камней, мы нашли скульптурное изображение головы похожего на волка хищного животного с оскаленной пастью. Голова имеет естественные размеры. Следующий фрагмент трудно интерпретируемой фигуры на-

поминает мотив «птица и человеческая голова» из Невали Чори. Человеческая голова (высота примерно 20 см) как будто схвачена птицей, как и большая голова из Невали Чори. Однако состояние находки не позволяет делать однозначных выводов. В другом фрагменте сразу узнается человеческая голова, на которой сидит зверь, на этот раз не птица, а четвероногое животное.

На одной из больших известняковых плит имеется выгравированный рисунок змеи. Далее в средней части склона южной долины найдена скульптура, которая, очевидно, была убрана с холма во время вспашки и выброшена вниз. Если бы значительное количество времени она не оставалась закрытой землей, то имела бы большие разрушения, вызванные погодой. Содержание изображения, однако, точно определить нельзя. Кажется, что оно распадается на два мотива, связанные между собой так же, как на колонне, состоящей из нескольких фигур, в Невали Чори. На одной половине можно узнать похожие на змею пластические образы, вторая часть имеет форму человеческого седалища.

Доминирующее географическое положение, изображения диких опасных животных, фигуры с возбужденным половым членом (итифаллические протомы), а также повторяющийся мотив «животное и человеческая голова», как и рассеянные по всему холму фрагменты столбов и определяемая архитектурная планировка, уже тогда показали нам, что в Гёбекли Тепе мы имеем дело не с ординарным видом памятников, представленным серией известных неолитических поселе-

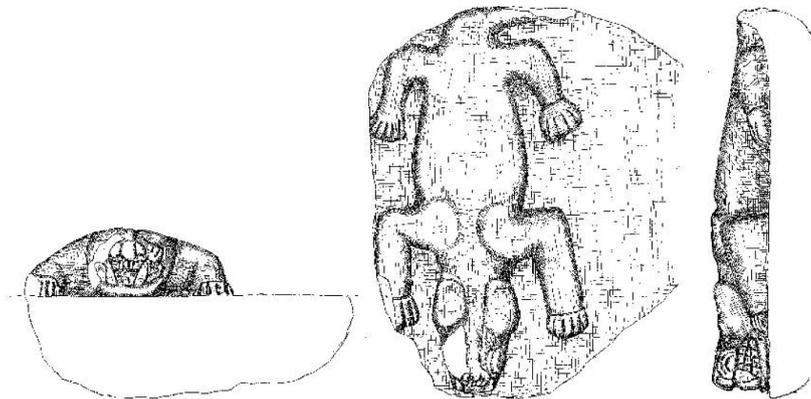

Рис. 26. Сравнимая с предыдущим объектом (см. рис. 25) находка была передана крестьянами еще за несколько лет до начала археологических исследований Гёбекли Тепе музею в Урфе. Тогда она осталась незамеченной. Длина фигуры животного - 47 см

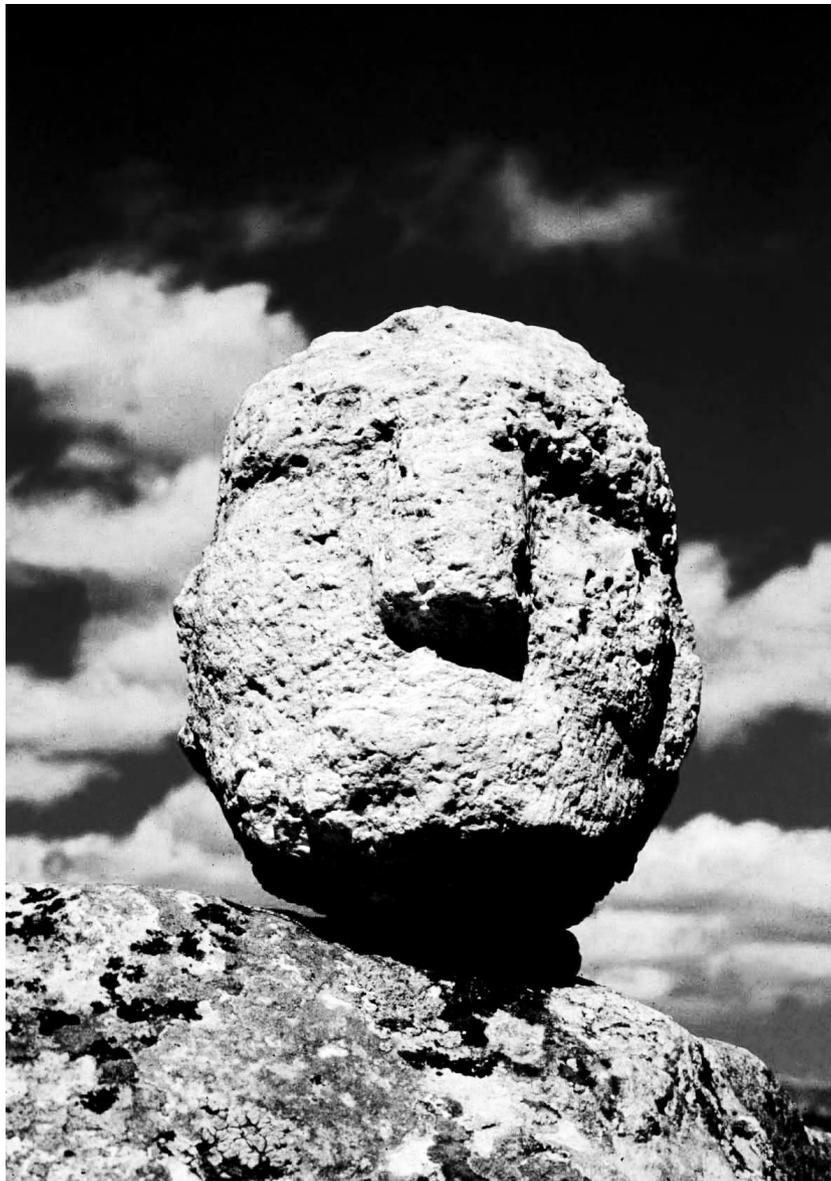

Рис. 27. Голова из известняка, выполненная больше чем в натуральную величину, могла быть частью сложного изображения типа «тотемный столб», известного по материалам Невали Чори (высота - 23 см)

ний, как правило, с одиночными культовыми «специальными сооружениями». Наши предки создали здесь куда более значимое место, в первую очередь религиозного толка. Сравнение со всеми известными археологическими площадками Верхней Месопотамии раннего неолита показало, что в Гёбекли Тепе мы нашли до сих пор невиданное обилие ритуальных предметов, не зафиксированных в таком количестве даже в Невали Чори. Таким образом, уже первая попытка интерпретации с учетом всех имеющихся наблюдений привела к совершенно очевидному пониманию того, что Гёбекли Тепе следует рассматривать не как обычное сельскохозяйственное поселение.

Что могло проявиться лишь при вскрытии Гёбекли Тепе? Несмотря на наше более чем скромное финансовое положение и ограничение остававшегося времени — все-таки были уже израсходованы четыре первых недели двухмесячной командировки 1995 г. работами на Гюрджютепе, — мы решились на пробные раскопки.

В каком месте следовало начинать? На теллях, т. е. памятниках, скрывающих остатки поселений в холмах, начинают обычно на вершине, с верхней ее точки. Если при этом необходимо определить последовательность и протяженность имеющихся слоев, то соответственно по склону от верхнего до нижнего уровня холма закладывают ступенчатую траншею. Однако для этого необходимы несколько сезонов и деньги, поскольку без определенного количества землекопов такой объем археологических работ невозможен. Времени и финансов в сезон первой нашей кампании было явно недостаточно. Поэтому для пробных работ, ограниченных несколькими неделями, мы выбрали место на юго-восточном склоне, на том участке, где крестьянин уже выкопал глубокую яму, удаляя мешающие при вспашке каменные блоки. В самой яме просматривались верхние части каменных стен и, что еще более интересно,

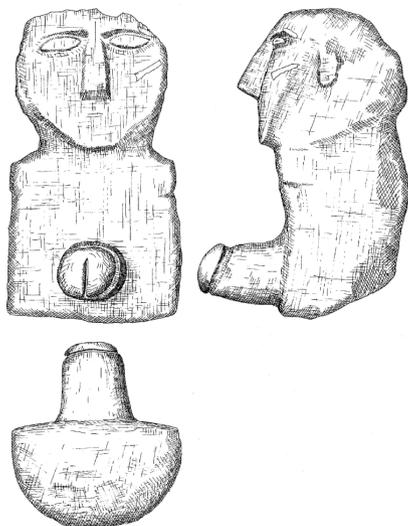

Рис. 28. Монолитная скульптура представляет мужское изображение без конечностей с возбужденным половым членом (на языке специалистов – итифаллическая протома). Высота фигуры — 40 см

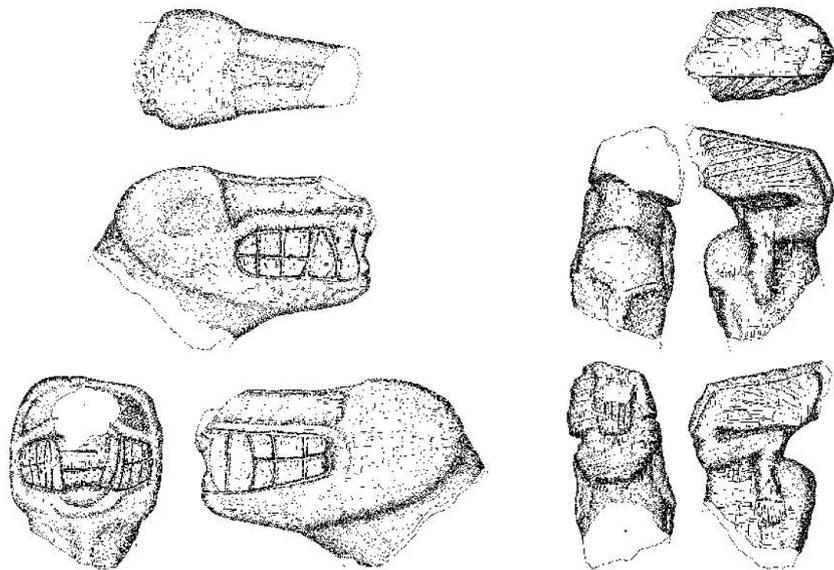

Рис. 29 (слева). Известняковая скульптура изображает морду оскалившегося хищного животного. Если его считать волком, то голова имеет естественные размеры (длина - 32 см)

Рис. 30 (справа). Сильно поврежденная скульптура, очевидно, изображает птицу на человеческой голове (высота - 40 см)

разбитый мозаичный пол в том виде, в каком он предстал перед нами в Чайёню и Невали Чори.

Таким образом, начинать решили на этой территории. Наши предварительные оценки полностью подтвердились. Непосредственно под поверхностью мы обнаружили не менее пяти строительных уровней с каменными стенами, вертикально установленные каменные плиты, так называемые ортостаты, и остатки четырех слоев мозаичных полов, уложенных непосредственно друг на друга. Этот трудоемкий способ устройства пола и использование ортостатов в Чайёню и Невали Чори ограничивается лишь единичными специальными сооружениями. Но для Гёбекли Тепе трудоемкие мозаичные полы и ортостаты по всей территории оказались явно «нормальным случаем». Уже сегодня мы можем это утверждать, хотя полная реконструкция затронутых строительных остатков вследствие грандиозных размеров данного комплекса станет возможна только после широкомасштабных раскопок, в том числе и прилегающей вокруг площади.

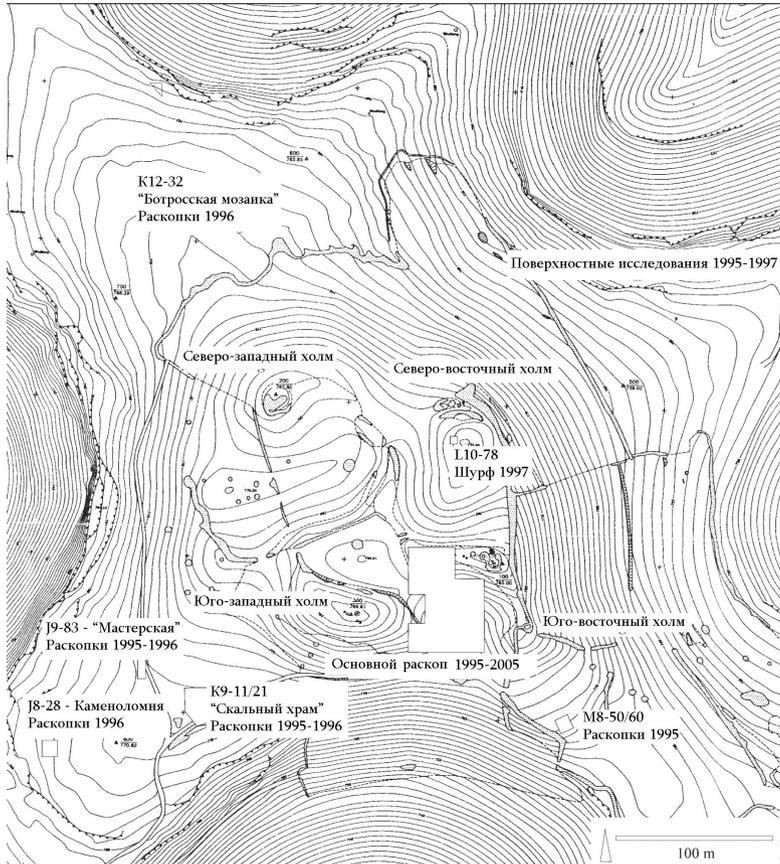

Рис. 31. Топографический план Гёбекли Тепе

Благодаря пробным раскопкам мы также смогли уточнить даты заселения памятника, которые на основании данных поверхностного осмотра в целом представлялись нам акерамическо-неолитическими, и, действительно, глиняные черепки здесь полностью отсутствовали. Каменные находки охватывали спектр типов, характерных для ранней и средней фазы позднего докерамического неолита (PPNB). Тогда как свидетельства поздней фазы PPNB уже не проявлялись. Помимо этого, многочисленные предметы соответствующих типов, позволили предположить существование более древних слоев эпохи PPNA. Таким образом, возраст строительных остатков памятника, без сомнения, мог исчисляться X-IX тысячелетием до Р.Х., *т. е. временем первых строительных сооружений человечества без*

учета обнаруженных в Сибири следов жилищ палаточного типа и домов верхнего палеолита из костей мамонта.

Скалистое плато и «римский храм»

По времени параллельно с раскопками, проводившимися на юго-восточном склоне, обследовались окрестности Гёбекли Тепе. Памятник расположен на плоской и совершенно голой вершине горы. Окружающее его плато распространяется во все стороны горизонта. Только в северной части оно имеет небольшой понижающийся выступ, переходящий в горную гряду такой же высоты, что и уровень телья. С остальных же сторон начинаются круто ниспадающие склоны, часто обрывистые утесы.

Территория скалистого плато вокруг Гёбекли Тепе – и мы это вскоре обнаружили – в отличие от соседних гор изменялась не только под воздействием сил природы. Во многих местах без какого-либо укрытия следы человеческой деятельности отчетливо были видны под ярким месопотамским солнцем. Нам стало ясно, что здесь открываются хорошие перспективы для понимания нашего памятника. Начатое в 1995 г. археологическое исследование плато в 1997-м было дополнено геоморфологическими

Рис. 32. Характерный признак неолитических каменоломен на плато Гёбекли Тепе – U-образный канал. По ширине он соответствует толщине человеческого тела. Его использовали для отделения мегалитической заготовки. В данном случае работа над овальным предметом была не закончена

Рис. 33. Семиметровый столб с характерным Т-образным навершием остался лежать в каменоломне северной части плато

работами, которые наряду с составлением карт местности позволили разграничить естественные карстовые формы и структуры, созданные человеком.

Благодаря нескольким профильным разрезам на склонах горы удалось дать общую характеристику места и выявить тут три главных феномена – эрозию, а кроме того, свидетельства неолитической и постнеолитической добычи камня в каменоломнях. В частности, на юго-восточной стороне плато была обнаружена освоенная человеком площадь скалы с четырьмя каналами длиной примерно 10 м и шириной 20 см, служившая в качестве каменоломни для вырубки больших прямоугольных блоков. Однако, по-видимому, здесь мы столкнулись, как и в большой с четырех сторон огражденной соседней структуре, со следами античного (т. е. уже не в период неолита) использования южной части плато. Сейчас определено, что на восточном склоне южной части плато находится каменоломня античного времени. А квадратное сооружение, основание стен которого мы обнаружили, очевидно, было сторожевой башней римской границы на Евфрате эпохи империи. Граница тогда являла собой не просто палисад или каменную стену, как мы представляем ее по нашей ретско-германской границе, что в принципе также известно и по «немецкой» границе, а глубоко эшелонированную систему оборонных сооружений со сторожевыми башнями и гарнизонами на всем протяжении.

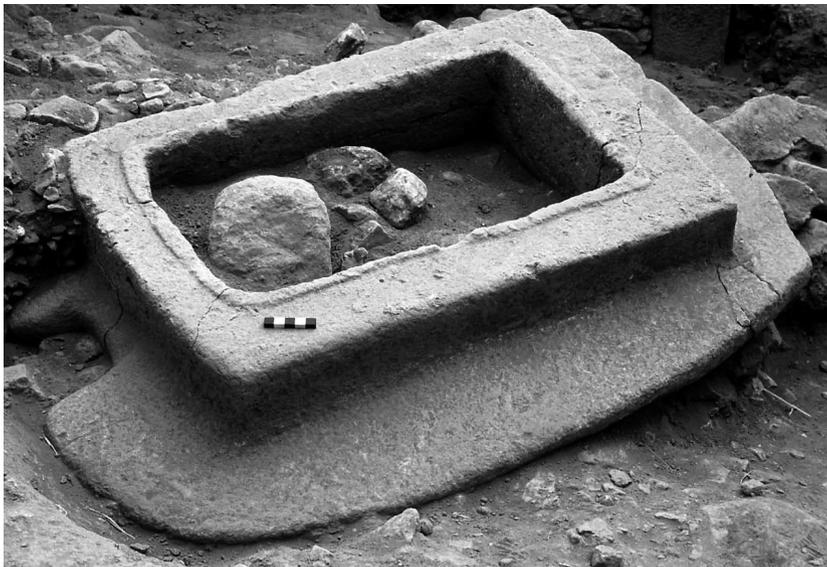

Рис. 34. Созданный из цельной монументальной каменной плиты объект с большим центральным прямоугольным отверстием, окруженным искусно сделанной окантовкой («наличником»). Найден в заполнении Сооружения В. Похожий экземпляр на юго-восточном плато примерно в два раза больше, но плохо сохранился

Чтобы однозначно рассматривать «римский храм», как мы прозвали и теперь еще называем эти руины по аналогии с «римской могилой» Невали Чори, в качестве пограничного сооружения, нам нужно будет проконсультироваться с археологами, занимающимися непосредственно соответствующей эпохой. Тут неизбежно сказываются недостатки узкой специализации. Выяснение данного вопроса запланировано на будущее, для нас сейчас это все-таки не самая актуальная проблема. Важно то, что часть попутно открытых структур на Гёбекли Тепе и поблизости от него – результат деятельности значительно более позднего периода, чем того, который исследуем мы. Без сомнения, они не связаны с событиями неолита, и это строительство осуществлялось в совершенно другом историческом контексте.

После обследований поверхности горы мы были абсолютно уверены в том, что большинство созданных здесь человеком структур представляют собой неолитические каменоломни. Большие монолитные (изготовленные из одного камня) архитектурные детали, установленные в Гёбекли Тепе, добывались в окрестных скалах следующим образом: по периметру блока каменными инструментами выдалбливали соответ-

ствующей глубины траншею; на следующем этапе блок отделялся от скального основания. Работа эта была нелегкая, требующая общего руководства и плана, силы, определенных навыков, а кроме того, *людских ресурсов*.

Круглопланные траншеи, как показала очистка одной структуры на западном плато, делались для получения овальных или круглых заготовок. Одна целая прямоугольной формы с закругленными углами каменная плита с большим отверстием в центре была найдена вне границ каменоломни, на юго-восточной стороне плато, куда, очевидно, она упала. Плита имеет монументальную длину кромки примерно 3×3 м. Нижняя ее часть ровная, в то время как на верхней стороне имеется возвышающаяся тщательно сделанная окантовка, обрамляющая отверстие (рис. 34). Такие признаки характеризуют несколько соответствующих объектов, найденных на поверхности телля и при раскопках.

Вначале мы классифицировали эти предметы из-за присутствия подестов в «Скальном храме» (с которым мы сейчас познакомимся ближе, рис. 35) как «цоколи столбов». Но не исключено, что это своеобразные каменные наличники дверных проемов, какие, например, встречаются в больших каменных могилах Западной и Северной Европы. Там в вертикально установленной каменной плите пробивалось овальное отверстие, служившее затем входом в погребальную камеру. В некоторых могилах оно имеет размер лишь с толщину руки и названо археологами «отверстие для души». Человек не может пройти через такой проем. Возможно, душа пролетала сквозь него, когда расставалась с телом?

Отверстия каменных плит Гёбекли Тепе значительно больше, чем «отверстия для души», и человек через них может пройти без проблем. В мегалитических храмовых сооружениях Мальты также имеются подобные монолитные каменные дверные проемы. Как и объекты Гёбекли Тепе, они тщательно сделаны. Их прямоугольные отверстия имеют высоту двери и, бесспорно, были задуманы как обрамление входа. Но помимо формальной схожести это сравнение нам ничего не дает, ведь храмы Мальты, как и ее сооруженные из крупных камней могилы, более чем на пять тысяч лет моложе творений каменотесов из Гёбекли Тепе.

Определенного ответа на вопрос, действительно ли рассмотренные находки Гёбекли Тепе представляют каменные дверные проемы, цоколи столбов или выполняли какую-то другую, пока неизвестную функцию, к сожалению, еще нет. Многочисленные их фрагменты, как правило, в виде более мелких объектов размерами приблизительно 1×2 м встречаются при раскопках. Но ни разу они не были обнаружены в своем

Рис. 35. Так называемый «Скальный храм» Гёбекли Тепе расположен на юго-западном участке плато. От него сохранилась углубленная в поверхность скалы овальная площадка с двумя подестами в центре и примыкающей к окружной стене скамьей (возвышением). Ввиду типичности для круглоплановых сооружений Гёбекли Тепе формы и установки в центре двух столбов «Скальный храм» был назван также Сооружением Е

функциональном положении, которое позволило бы нам достоверно определить их назначение. Как объяснить наличие высокого выступа вокруг отверстия на одной из сторон плиты, мы тоже пока не знаем. По крайней мере, он представляет собой важный признак этой группы находок. В имеющемся материале мы можем надежно идентифицировать уменьшенные копии таких объектов на основе этого окаймляющего выступа. Впрочем, миниатюрное изображение архитектурных деталей и даже целых сооружений наблюдается довольно часто. Мы знаем, например, модель дома из глины по материалам Чайёню, а о моделях домов бронзового века написаны целые тома. Если каменные плиты с «отверстием для души» имели действительно ту функцию, которую предполагают для них ученые, то в сооружении они играли очень важную роль, поэтому не удивительно, что также находят их миниатюрные образцы.

На северном плато среди оставшихся в каменоломне еще не обработанных и не отделенных от основания заготовок точно можно определить гигантский столб с Т-образным навершием (рис. 33). Это самый большой раннеолитический архитектурный объект из известных в регионе на сегодняшний день. Столб имеет сохранившуюся длину примерно 7 м и ширину навершия 3 м. Два других немного меньших Т-образных столба обнаружены в каменоломне южного плато.

Хотя остаются сомнения, каким образом на холме могли устанавливаться столбы подобных размеров, найденные там уже во время раскопок экземпляры высотой более 4 м позволяют сделать некоторые выводы об обществе их творцов. При этом, поскольку все столбы стоят *in situ*, о полной фактической их высоте можно говорить лишь предположительно, ведь нижние части ортостатов все еще находятся под землей. Отмечу, что общество было в состоянии, по крайней мере, на короткое время мобилизовать и организовать большие массы людей, иначе подобные работы – добыча камня, транспортировка, установка – были бы невозможны. Интересным сравнением здесь являются данные знаменитого норвежского исследователя Тора Хейердала, сообщающего об одном эксперименте на острове Пасхи. 180 человек должны были посредством веревок и деревянных полозьев переместить по территории 12-тонную статую. А для транспортировки самых больших скульптур на острове Пасхи, вес которых достигал 100 т, ему потребовалось от 500 до 700 человек. Не углубляясь в обсуждение этого во всех отношениях отдаленного сравнения, предположим, что для строительства в Гёбекли Тепе была необходима

по численности такая же группа людей. Ведь вес 7-метрового столба-колосса из каменоломни, если бы он был отделен от скального основания, составил бы примерно 50 т. Теперь остается выяснить вопрос, по крайней мере, постараться приблизиться к его решению: проживало ли постоянно такое большое количество людей в этом месте, или, что вероятнее, они собирались по определенным поводам в Гёбекли Тепе? Как бы то ни было, данный комплекс сооружений мог возникнуть – притом что его возведение требовало от строителей огромных

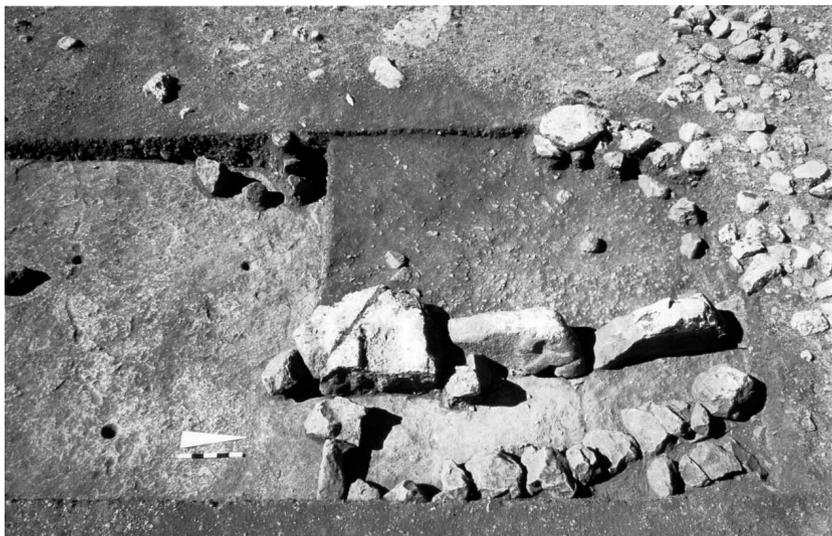

Рис. 36. В мастерской на западном краю холма обрабатывались известняковые плиты для создания архитектурных деталей и скульптур. Слева направо видны незавершенная разбитая плита дверного проема, так называемая колонна с изображениями и другие неоконченные объекты

усилий – лишь при условии, если это место и происходящие на нем действия для всех участников имели исключительную важность.

Одна расположенная вне теля и углубленная в скалу площадка напоминает своими размерами и планом более позднее Здание со стенами Невали Чори, культовое значение которого мы уже обсуждали. Вероятно, и рассматриваемой структуре Гёбекли Тепе отводились сравнимые функции. Внутри данной площадки обнаружены два возвышения с отверстиями для столбов, а также огибающая периметр сооружения очень низкая скамейка. На краю конструкции найдена искусно обработанная плита, ведущая во внутреннее помещение.

Рис. 37. Столб со скульптурным изображением животного найден установленным в мастерской на западном краю холма, затем доставлен в музей Урфы (высота - 1,20 м)

Тщательно сделанный из природного камня и выровненный пол, судя по всему, представлял собой вид древнейшего «мозаичного покрытия». Два похожих на цистерны примерно 2-метровой глубины овальных помещения, вырубленных в скале, непосредственно примыкали с северо-западной стороны. Очевидно, они были связаны с предыдущей структурой. Одно из этих помещений включало ведущую внутрь пятиступенчатую лестницу и изготовленную из камня скальной породы, имеющую высоту стола плиту, вполне вероятно, алтарного назначения.

Углубленную в скалу площадку мы назвали «Скальный храм» ввиду схожести ее плана с планом культового строения Невали Чори.

В последующие археологические сезоны, о которых мне хотелось бы сейчас рассказать, на южном склоне Гёбекли Тепе были обнаружены четыре сравнимых в плане сооружения, их обозначили буквами А, В, С, D. А так как мы точно установили, что «Скальный храм» повторяет типичную форму проекции, характерную для всех этих круглоплановых сооружений, то позже назвали его «Сооружение Е». В целом все эти конструкции представляют собой удивительный комплекс зданий, который непосредственно служил культовым целям.

Рис. 38. Палаточный лагерь археологов на западном плато у подножья Гёбекли Тепе

На западной окраине холма в 1995 г. мы нашли столб со скульптурным изображением животного, похожего на льва. Предпринятое в 1996 г. детальное исследование подтвердило предположение, что на том месте, где он был обнаружен в первый день, находилась мастерская древнего скульптора. Данное заключение сделано на основании фиксации большого количества отходов кремня и известняковой крошки. Полностью изображенное животное больше всего похоже на льва или медведя. Несмотря на сильную коррозию, в лапах зверя просматривается человеческое лицо, так что и это произведение повторяет в вариации сюжет «птица держит человеческую голову».

На горизонтальной скалистой поверхности юго-восточного плато мы обнаружили группу из трех схожих рельефных изображений фаллоса. Правда, на этих склонах мы также нашли каменоломню античного времени, соответственно датировка данных изображений вызывает некоторые сомнения, но наиболее вероятно все же их связь с постройками телля. Как вы уже успели заметить, мотив полового члена не был чужд скульпторам эпохи неолита.

Наконец, в небольшой разрушившейся пещере на западной кромке разлома мы обнаружили наскальный рельеф. Он представляет быка в почти миниатюрном исполнении. Внутренняя стена пещеры покрыта многочисленными неровностями и желобками, однако другие «картины» выявить на ней не удалось.

Собрав впечатляющее количество находок и поняв громадный потенциал исследования сооружений в Гёбекли Тепе, изучив наскальные изображения и строительные структуры вне телля, а также на территории самого холма, мы пришли к выводу, что место это, по-видимому, являлось выдающимся горным святилищем эпохи раннего неолита. В конце первой исследовательской кампании уже не оставалось никаких сомнений в том, что мы обнаружили культовый центр, над которым работали люди целого региона в течение длительного времени и который, возможно, еще намного раньше посещался людьми для отправления культовых действий.

ГЛАВА 2. СООРУЖЕНИЕ А – ЗДАНИЕ СО ЗМЕЯМИ НА СТОЛБАХ

Исследования на пробной территории, начатые в 1995 г., в следующем были прерваны, потому что в конце первой раскопной кампании на пашне южного склона холма обнаружили гигантские обработанные каменные блоки, со всей очевидностью стоявшие на своем исходном

месте и приведшие всю археологическую команду в большое волнение. Несомненно, это были Т-образные столбы, однако несравнимо больших размеров, чем те, что мы знали по материалам Невали Чори (50-тонный колосс в каменоломне на северном плато к тому времени еще не был открыт). Оба навершия столбов на пашне раскопал крестьянин с целью разбить и убрать эти мешающие его работе камни. Один столб сохранился полностью, однако видимое на поверхности навершие второго оказалось частично разбито кувалдой.

Продолжение этого разрушения мы, к счастью, прекратили, пообещав крестьянину, что отказ от очистки поля пойдет ему на пользу, т. к. мы собираемся взять участок в аренду и проводить в будущем на этом месте раскопки. В 1996 г. на том месте, где в 1995 г. мы снова засыпали и таким образом спасли от разрушения навершия гигантских столбов, нами были заложены два сектора раскопа площадью 9 x 9 м каждый. С тех пор наша команда ежегодно выплачивает довольному селянину кругленькую арендную сумму в качестве компенсации за потерю урожая.

Решение не работать на том участке, где мы начали исследования в 1995 г., а сменить его на другой, где были открыты навершия столбов, оказалось очень удачным. Возле пары столбов в скором времени появи-

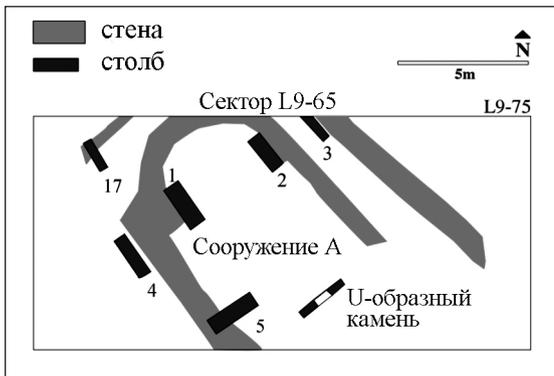

Рис. 39. Схематичный план Сооружения А

лись части большого строительного сооружения с многочисленными монолитными архитектурными деталями, и еще не было видно окружающей стены или общих границ этого помещения.

По обеим сторонам от объектов, названных теперь столбами 1 и 2, каждый высотой более

3 м, стоят на примерно одинаковом расстоянии и с одинаковой ориентацией другие столбы - 3 и 4. Более молодая неолитическая застройка, состоящая из прямоугольных помещений, выявлена только в западном участке сектора. Она соответствует поздней фазе докерамического неолита (PPN) и значительно моложе сооружения, к которому относятся столбы. Стены более молодой фазы расположены высоко над еще не рас-

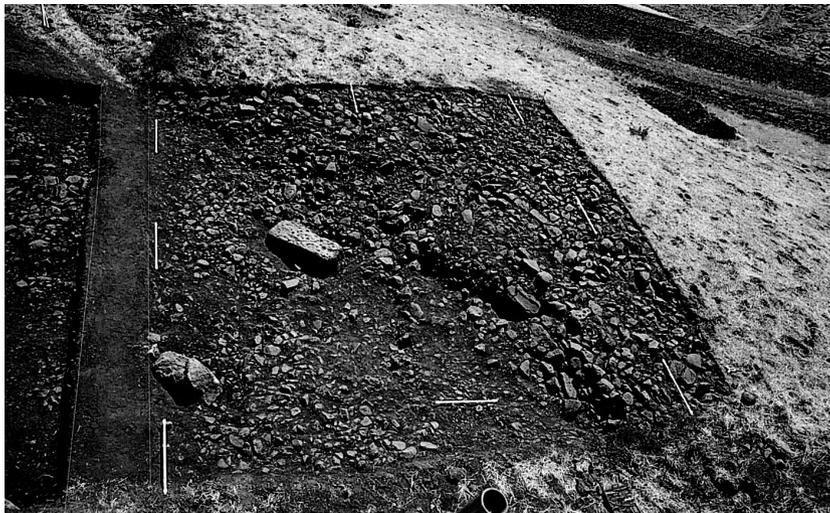

Рис. 40. В 1995 г. крестьянин частично выкопал большие камни на южном склоне Гёбекли Тепе, чтобы разбить их и таким образом очистить пашню. В 1996 г. стало ясно, что это были навершия центральных столбов Сооружения А

копанным основанием находящегося в наклонном положении под землей столба 4. В центральной части вокруг столбов и в восточной стороне более молодой строительный уровень отсутствовал. Здесь мы нашли только мощные насыпные слои, что распространялись до лежащей на глубине 1-2 м верхней части древней стены, которая соприкасалась со столбами.

Соединяющие столбы стѐны толщиной более 1 м, намного массивнее, чем стены позднейшей постройки. Даже строительный материал, из которого сделаны сооружения разных периодов, отличается. Относящиеся к древнейшему сооружению камни представляют собой не грубые куски бута, а тщательно обработанные, имеющие форму буханки хлеба блоки длиной до 80 см. В целом они значительно крупнее, чем камни кладки более молодой фазы. Споллии, т. е. камни древнейшего времени, которые позже использовались снова, а среди них и очень большие фрагменты столбов, часто встречаются в молодой фазе застройки.

На верхней части стены мы нашли скульптурный фрагмент изображения похожего на льва зверя с подчеркнутыми ребрами и возбужденным половым членом (рис. 42). Он почти полностью сохранился. Только на задней части объекта имеется скол, который указывает на

Рис. 41. В сезоны 1996 и 1997 гг. Сооружение А было раскопано на больших площадях. В центре фотографии видны в полную высоту столбы 1 и 2, наверхия которых, открытые крестьянином в 1995 г., показаны на рис. 40

место соединения с другой скульптурной деталью, не относящейся к этому животному. Данный фрагмент вполне может быть объяснен как верхняя часть колонны с изображениями (тотемного столба) типа объекта, обнаруженного в Невали Чори. Недалеко отсюда в засыпке найден еще один скульптурный фрагмент, изображающий голову кабана в натуральную величину.

Другая скульптура находилась в материале заполнения возле столба 3. Сохранившийся фрагмент этого сильно поврежденного объекта округлой формы представляет собой заднюю часть звероподобного существа, лапы которого держат человеческую голову. Точно определить вид животного невозможно, однако снова перед нами вариация уже известного мотива «птица и человеческая голова». В засыпке перед столбом 3 найден также фрагмент, изображающий голову кабана почти в натуральную величину.

Столбы 1 и 2 обрамляются каменной скамьей, которая примыкает к стене апсиды – внешней стене, формирующей выступающую часть здания полукруглой формы. От обоих столбов идут продолжающиеся на юго-восток стены. Зафиксировано, что находящиеся с внешней стороны столбы 3 и 4 были скрыты при специальной засыпке этих каменных стен. В западную продолжающуюся в юго-восточном направлении стену оказался встроенным столб 5 высотой 2,1 м – ортостат, представленный прямоугольным обработанным каменным блоком. Хотя внешний вид целого сооружения был еще не вполне ясен, мы

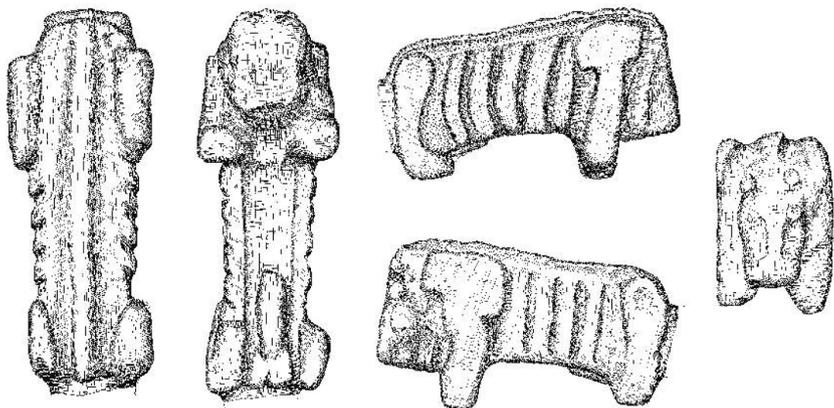

Рис. 42. Скульптурное изображение похожего на льва животного с подчеркнuto выраженными ребрами найдено на верхней кромке стены Сооружения А. Длина фигуры - 68 см

быстро поняли, что перед нами монументальное строение, в котором доминировала такая строительная деталь как Т-образный столб.

Т-образные стелы скрывали одну неожиданность. Оба самых больших столба 1 и 2, а также столб 5 имели изображения. Ими, однако, оказались не согнутые руки на боковых поверхностях столба, которые оканчивались на передней стороне противопоставленными кистями, с чем мы многократно встречались в Невали Чори. Здесь открылись рельефы с изображениями животных, и эти животные каким-то образом были связаны с соответствующим им столбом. *Мы совершенно точно поняли, что рассматриваемые столбы не выполняли своей первичной архитектурной функции, например, в качестве опор или контрфорсов; они определяли наиболее существенную часть всего сооружения. Иными словами, столбы не были конструктивными элементами здания, а являлись самой сутью строения, тогда как здание служило лишь обрамлением этого центра.*

Менгиры на Евфрате – загадка изображений и попытка их объяснения

Попытка интерпретировать столб как антропоморфную, человекоподобную, фигуру была сделана еще в Невали Чори. Контуры рассматриваемых в профиль наивысший Т-образных столбов повторяют в стилизованном виде профиль человеческой головы. Особенно наглядно мы определяем это у экземпляров Невали Чори, лицевая часть которых значительно длиннее по сравнению с затылком. Обнаруженные в качестве прямых доказательств антропоморфности столбов изображения на них рук и кистей с пальцами лишь подтверждают данную точку зрения. Объяснение Т-образных столбов как стилизованно представленных людей позволяет археологам говорить о «передней и задней части», о «животе и спине», о «правой и левой стороне». Правда, в Гёбекли Тепе изображения *кистей и рук* обнаружены только у некоторых столбов (с ними мы еще познакомимся), а лицо и затылок Т-образных столбов Гёбекли Тепе приблизительно одинаковых пропорций. *Но мы уверены, что и столбы Гёбекли Тепе должны пониматься как изображения из камня человекоподобных существ.*

В музее г. Газиантепа, западного соседа Урфы, хранится находка, которая заставляет задуматься о том, не являются ли Т-образные столбы (по крайней мере, в некоторых случаях) существами с двумя лицами. Эта скульптура, происхождение которой неизвестно, однако которая, весьма вероятно, относится к эпохе докерамического неолита, имеет, как и римской бог Янус, два в противоположные стороны смотрящих лица.

Одну статую с двумя лицами мы обнаружили также в Гёбекли Тепе, но голова у нее не выдается вперед и назад подобно образцу из Газиантепа, который дал повод к предположению, что Т-образные навершия столбов могут изображать два лица. Ни на передней, ни на задней части наверший Т-образных столбов Гёбекли Тепе мы не находим даже намека на лицо. Их поверхности либо совершенно гладкие, либо, и мы это еще увидим дальше, заняты изображениями животных.

На сделанном из камня экземпляре Газиантепа находится пара согнутых рук, которые, несмотря на наличие двух лиц, без труда обозначают переднюю и заднюю части тела. Для толкования столбов это в принципе ничего не меняет. Далее мы продолжим говорить о передней и задней части по отношению к столбам; в то время как загадка, могут ли являться Т-образные навершия изображениями двух лиц или нет, пока остается нерешенной.

Кого воплощают эти каменные существа? Данный вопрос мы уже ставили в Невали Чори, не имея возможности дать окончательного ответа. Кто это – боги, демоны, предки? В поисках сопоставимых сравнений для антропоморфных столбов неолита ученые, как правило, обращаются к европейским менгирам и их ближневосточным аналогам семитской культуры – маццевам. Не останавливаясь подробно на общепринятом функциональном совпадении значения неолитических столбов с названными более молодыми феноменами, следует заметить, что менгиры и маццевы чаще всего интерпретируются как вместилища божеств или духов умерших. Очевидно, не будет большой ошибкой применить данное объяснение также к ранненеолитическим столбам Невали Чори и Гёбекли Тепе. Выбор одного из вариантов – предки (духи) или боги – в настоящее время невозможен. В этой связи еще следует отметить, что менгиры и маццевы представлены вертикально установленными, но необработанными камнями. Открытые нами Т-образные столбы, напротив, имеют обработанную поверхность. Тем не менее кажется вероятным, что все три группы ортостатов происходят из одной семьи.

Столб 1 (рис. 44 и 45) был очищен до уровня каменной скамьи, в которую включалось его основание. На передней стороне изображены в общей сложности пять змей. Четыре верхних змеи показаны ползущими вниз, пятая в нижней части столба, напротив, стремится вверх. Они движутся по двум прямым и параллельным друг другу спускающимся лентам, а также в пространстве между этими лентами, которые столь характерны для столбов Невали Чори и которые я описывал выше как столу. Не все столбы Гёбекли Тепе имеют подобную столу, и у всех известных примеров со столгой постоянно

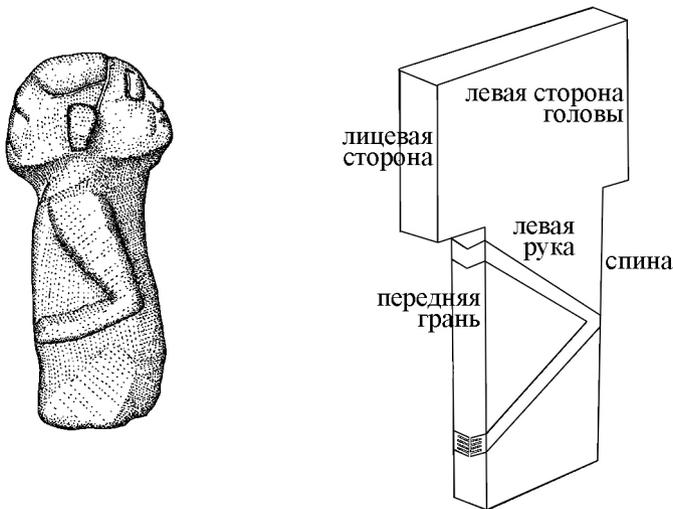

Рис. 43 (слева). Скульптура из музея г. Газиантепа (высота - 59 см)

Рис. 43а (справа). Схематическое изображение Т-образного столба Гёбекли Тепе

отмечается одно отличие от соответствующих столбов из Невали Чори. В Гёбекли Тепе ленты начинаются сразу у «подбородка» столба и не связаны V-образной лентой. Хотя в Гёбекли Тепе среди столбов, стоящих *in situ* на полную высоту, еще ни один экземпляр с такими лентами не раскопан, остается ожидать, что они покрывают не всю поверхность «живота», а закачиваются где-то в его нижней трети. Данное предположение основывается на известных примерах Невали Чори и одной сполли из материалов Гёбекли Тепе.

На левой стороне столба 1, непосредственно под Т-образным навершием, находится удивительная сетчатая структура – мотив, который мы осторожно определяем как проглотившие друг друга змеи. На верхнем краю «сетки» обнаружено восемь, на нижнем девять рельефов в форме сердца, которые в Гёбекли Тепе использовались при изображении змеиных голов. Скопления змей на столбе 33, раскопанном в 2003 г., о котором мы позже поговорим, окончательно развеяли имевшиеся ранее сомнения. Теперь известны и другие находки со сложными змеиными группами. Таким образом, нет сомнения в том, что сетка на столбе 1 может интерпретироваться как сетка из змей или скопление змей. (Правая сторона столба 1 рельефных изображений пока не показывает, одна-

Рис. 44. На передней стороне столба 1 находится несколько изображений змей – на стóле и между лентами. Обращает на себя внимание то, что только одна из них ползет вверх. Высота столба - 3,15 м

ко и раскопана она еще не полностью, возможно, в дальнейшем они будут здесь обнаружены.)

Ниже «переплетения змей» просматривается относительно небольшая фигура животного на четырех ногах, вероятно, барана. Это все, о чем можно говорить уверенно. Мучительный вопрос, что данный мотив и комбинация со сплетением змей обозначают, остается пока без ответа, однако тут я решусь на смелое предположение.

Мифы Древнего Востока предлагают своего рода трамплин, охотно используемый, когда нужно преодолеть пропасть через тысячелетия. Одну особенно соблазнительную исходную точку для попыток интерпретации представляют собой ритуалы, странные детали которых нередко уже во времена их проведения были почти непонятны. Во многих случаях это связано с огромным отрезком времени, отделяющим от начала установления конкретной ритуальной практики, из чего можно сделать вывод, насколько далеко традиции уходят в глубь истории. Сетка из змей и баран на столбе 1, вполне возможно, иллюстрируют ритуал, переданный нам впоследствии хеттским источником II тысячелетия до Р.Х. И мы должны исходить из того, что хеттам содержание данного ритуала было известно. Речь идет о так называемом мотиве козла отпущения: все грехи и пороки в ритуале «сваливают» на козла, а животное в конце процедуры изгоняется в пустыню и там предоставляется своей судьбе. Таким образом, силы зла изгоняются из человеческого сообщества. В этих действиях просматривают-

ся происхождение и функция продолжающего жить и в наши дни мотива «козла отпущения».

Так как до сегодняшнего дня в общественном сознании хеттская история козла отпущения уже пережила почти четыре тысячелетия, нам не кажется изначально абсурдной точка зрения о том, что ее возраст можно увеличить в три раза. Делая смелую попытку толкования, мы узнаем в змеиной сетке угрожающее человеку зло, а в баране *козла отпущения*. Если эта интерпретация верна – что, конечно, точно не доказуемо – то на столбе 1 изображен ритуал. Пять змей на передней стороне столба могли бы в этой истории в картинках располагаться на любых участках как дополнительные иллюстрации к всеобщему воплощению зла. Само антропоморфное существо, представляемое нам столбом 1, в соответствии со всем вышесказанным может восприниматься в качестве лица, осуществляющего данный ритуал.

Без сомнения, это объяснение весьма гипотетично, а поскольку я не тайный мистик, то больше не буду предлагать подобных попыток интерпретаций. В общих чертах изложенный пример должен, прежде всего, показать, насколько широк спектр толкований изображений Гёбекли Тепе. Становится очевидной относительность таких объяснений: возможно, мы попадаем в точку, а возможно, истина где-то рядом. Если есть желание в противоположность гипотетическим рассуждениям на серьезном уровне глубже понять богатое иконографическое наследие людей Гёбекли Тепе, то от таких предположений на основании использования отдельных картин следует отказаться. Прежде всего, нужно продолжать собирать многочисленные данные, анализировать их и устанавливать между ними связи, которые позволят нам – как это станет ясно в ходе дальнейшего повествования – подняться над уникальными археологическими фактами до понимания общих характеристик сложного материального и духовного мира наших далеких предков, живших в X тысячелетии до Р.Х.

Бык, лиса и журавль

Столб 2 также обнаружен в 1995 г. на пашне. В верхней части он оказался сильно поврежденным, в 1997 г. был очищен до уровня каменной скамьи. Вопреки нашему первоначальному ожиданию он не повторял изображения змей и лент первого столба. Его передняя узкая сторона полностью лишена украшений, однако задняя имеет изображение головы быка (букранию) в виде горельефа, расположенное непосредственно под Т-образным навершием – головой (мы предполагаем антропоморфную форму столба и считаем его верхнюю часть в соответствии с этим

Рис. 45. Столб 1 с рельефным изображением сетки из змей, под которой находится четвероногое животное, очевидно, баран

Рис. 46. На правой стороне стержня столба 2 находится вертикально расположенная группа животных – бык, лиса и журавль. Букrania задней стороны стержня столба 2 на этом снимке не видна. Столб возвышается на 3,15 м над уровнем каменной скамьи

головой). Рога животного, выполненные в форме месяца, загнуты вниз, так что, возможно, тут показана голова барана.

Букрании (головы быка) проявляются в неолите как изобразительные мотивы довольно часто и в различных ситуациях. Так, в Чатал Хёюке их находили в виде подлинных бычьих черепов, покрытых глиняной обмазкой. В Халлан Чеми, поселении раннего неолита, расположенном на востоке Турции недалеко от Тигра, был обнаружен одиночный череп быка, находившийся первоначально, по заключению археологов, в закреплённом состоянии на стене раскопанной там круглоплановой постройки. В то же время в поздненеолитической халафской культуре букрании являются популярным мотивом росписи на сосудах. Можно ли считать букрании «мужским» символом? Несмотря на известное единогласие исследователей по этому вопросу, данное предположение нам кажется сомнительным. По крайней мере, в Гёбекли Тепе ожидаемый в таком случае двойник – символ женского начала – не обнаружен.

Прилегающая к апсиде – уже упомянутому полукруглому помещению, переходящему в зал, – широкая сторона столба 2 была без рельефов. Однако на другой его стороне, направленной в помещение, друг над другом оказались изображены не менее трех плоских рельефов животных. Все три фигуры опять смотрят направо, т. е. на юго-восток, в сторону входа. В нижнем изображении однозначно можно узнать большую птицу, которая, судя по всему, не хищная, вид ее напоминает аиста или дрофу, а с еще большей вероятностью – журавля.

Расположенное посередине животное похоже на собаку. Узнается его принадлежность к мужскому полу. Животное называли лисой, хотя точное определение между шакалом, волком, лисой или просто собакой затруднено. В верхнем рельефе мы видим крупное парнокопытное, вероятно, быка. У этого изображения есть некоторые особенности. Голова показана в форме букрании (вид сверху с оттопыренными рогами и ушами), в то время как остальное тело изображено в профиль.

Такая стилистика необычна. Подобные изображения можно найти на наскальных рисунках Аравийского полуострова. Правда, вопрос определения дат для этих рисунков еще не решен. Таким образом, не исключено, что между отмеченными наскальными рисунками и рельефами Гёбекли Тепе существует некая связь.

Что все-таки обозначают эти «звериные собрания», будь они из Гёбекли Тепе или с наскальных изображений? От исполненных фантазии объяснений, как уже заявлено, мы отказываемся. Тем не менее краткие комментарии к группам зверей следует сделать. Букранию, быка и лису или змей со столба 1 можно легко представить как отводящие опасность

символы хранителей. Однако целая рельефная композиция «бык, лиса и журавль» в любом случае требует более широкого толкования. Скрывается ли за ней некое предание общества творцов Гёбекли Тепе? Не тотемная ли символика перед нами? Возможно то и другое объяснение, оба предположения допустимы, и здесь мы должны признать, что скрытый язык образов нам остается неясен. Кому-то в данном конкретном случае может померещиться геральдический характер рельефа. Да у нас самих возникает подобное ощущение от изображения рогатого животного с головой в стиле букрании и наличия, кроме того, отдельной букрании.

Если мы внимательнее посмотрим на столб 2, то заметим, что длинные ноги журавля согнуты в довольно странном, невозможном для птицы положении, напоминая человеческие колени. Эта деталь могла бы указывать на то, что изображение птицы связано с отсутствием наблюдательности у художника. Однако, несомненно, люди того времени хорошо знали окружающую природу, от которой в большой степени зависело их выживание. Таким образом, они не могли передать эту деталь, ошибаясь. Не изобразили ли они передающийся из поколения в поколение символ? Такой довод кажется малоубедительным. Но может быть, журавль вовсе не журавль, а переодетый человек. Поскольку уже обнаружено несколько рельефных изображений журавля с «человеческими коленями», мы еще вернемся к затронутой теме и посмотрим на этот феномен с точки зрения шаманизма.

Рельеф птицы заметно менее выпуклый, чем фигура рогатого животного. Выступающая широкая полоса на левом краю его изображения может быть понята скорее как остаток первоначально находившегося здесь другого рисунка, рельеф которого был удален и заменен на птицу – приём, напоминающий о *Damnatio memoriae* (лат. осуждение памяти. – *Примеч. ред.*) более поздних эпох. Этот приём, при котором, например, надписи свергнутых римских императоров уничтожались и заменялись новыми, чтобы стереть память о прежнем властителе, очевидно, запечатлен и в рельефе существа, похожего на собаку. На его спине можно увидеть направленную вверх наклонную линию, что, вероятно, также является остатком предыдущего изображения. Кроме того, перед журавлем распознаются следы другой птицы, ставшей, очевидно, жертвой предполагаемой замены рельефа на столбе.

Еще одно косвенное доказательство позволяет задуматься о возможных манипуляциях со столбом 2: букрания на задней части столба обрамлена лентами, напоминающими столу, с ними мы уже знакомы по столбам Невали Чори. Стола однозначно маркирует переднюю

часть столба. Данные обстоятельства соответственно указывают на то, что столб 2 не только использовался повторно, но и был повернут на 180°.

На столбах 3 и 4 рельефов мы до сих пор не обнаружили. Столб 5 имеет на направленной в помещение стороне «живота» рельеф ползущей вниз змеи. Следующие по счету столбы от 6 до 16 относятся к сооружениям В и С. К Сооружению А относится открытый позже в северо-западном углу столб 17, однако от него раскопано лишь наверху, сильно поврежденное и без украшений.

Возраст сооружения и первые мнения о его назначении как места для отправления культа по умершим

Определить приблизительный возраст строительного комплекса нам удалось довольно быстро с помощью археологических методов. На первом исследовавшемся участке в 1995 г. была собрана коллекция артефактов, а именно соответствующие наконечники стрел, которые позволили установить время функционирования памятника ранним докерамическим неолитом - PPNA и PPNB. Переход между этими двумя периодами – древней докерамической фазой неолита и новой докерамической фазой неолита - произошел примерно в 8 800 г. до Р.Х. Мы думаем, что

Рис. 47. Единственная змея находится на столбе 5, который встроен в западную стену Сооружения А. Столб возвышается немногим более чем на 2 м над видимой слева от него плитой скамьи

Сооружение А возникло в это время. Неоднократные радиоуглеродные анализы остатков растений показали дату около 8 900 г. до Р.Х.

Помимо орудий из кремня в значительном количестве на памятнике представлены так называемые артефакты из скальных пород камня. Это каменные топоры для обработки дерева, песты и ступки для измельчения продуктов питания, каменные сосуды. Наряду с данными группами, типологически близкие предметы которым находятся и на других памятниках раннего неолита, в Гёбекли Тепе мы обнаружили неоднократно встречающиеся объекты, какие до этого времени нигде больше известны не были. Так, я уже говорил о найденных на плато «каменных плитках дверного проема» и больших каменных кольцах, чья функция

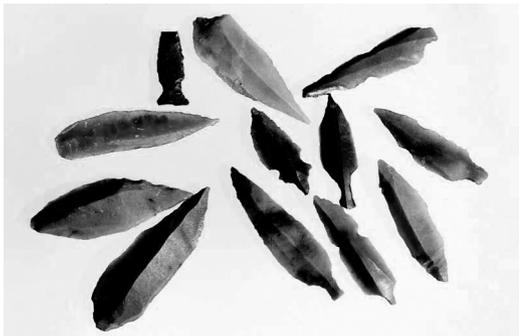

Рис. 48. Наконечники эль-хиамского, гельванского, не-мрикского и библосского типа из Гёбекли Тепе. Они относятся к руководящим формам и позволяют определить время культурного слоя как конец древнего докерамического неолита (PPNA)

пока не понятна. Вместе с тем мы также не знаем пока аналогий маленьким каменным, похожим на пуговицы бусинам, определенно-го вида украшениям и подвескам в материалах других сопоставимых по времени с Гёбекли Тепе памятниках.

Изучая собранную нами коллекцию, мы вскоре поняли, что здесь полностью отсутствуют два элемента, характерных обычно для неолитических поселений: глиняные изображения женских символов и женских фигур. Вероятно, именно это наблюдение указывает путь к активизирующему познание вопросу, ответ на который может стать ключом к пониманию рассматриваемого комплекса. Не играет ли важную роль выбор сырья при изготовлении фигур? И если совершенно не найдены изображения женщин и глиняные женские фигурки, не отсутствует ли тогда один из центральных аспектов общественной жизни в символике Гёбекли Тепе, который в других местах и поселениях обычно доказывается? Если связать женские глиняные фигуры и женские символы в широком смысле слова с плодородием и в конечном счете с «жизнью», то их отсутствие на Гёбекли Тепе выдвигает на первое место наличие необходимого для понимания нашего памятника явственного ее двойника-антипода – «смерть» и, соответственно, общение со-

пока не понятна. Вместе с тем мы также не знаем пока аналогий маленьким каменным, похожим на пуговицы бусинам, определенно-го вида украшениям и подвескам в материалах других сопоставимых по времени с Гёбекли Тепе памятниках.

Изучая собранную нами коллекцию, мы вскоре поняли, что здесь полностью отсутствуют два элемента, харак-

временников с этой антропологической величиной. Правда, еще не обнаружены сами могилы, которые необходимо предъявить, если мы хотим подтвердить данное объяснение. Однако пока почти и не вскрывались те слои, в которых могут ожидать сделанные под полами захоронения, относящиеся к докерамическому неолиту, или быть встречены находки, подобные упоминавшемуся Дому черепов Чайёню.

Вопрос о функции круглоплановых сооружений Гёбекли Тепе имеет, конечно, принципиально важное значение. До сих пор мы собираем для его прояснения различные доказательства, но дать окончательный ответ пока не можем. То, что мы обнаружили на сегодняшний день и что я хочу в следующих главах представить вам, очень убедительно свидетельствует о том, что в Гёбекли Тепе перед нами открылся монумент культа мертвых.

ГЛАВА 3. СООРУЖЕНИЕ В – ПОЯВЛЕНИЕ МЕСОПОТАМСКОГО СТОУНХЕНДЖА: ЗДАНИЕ С ЛИСИЦАМ НА СТОЛБАХ

Со временем мы поняли, что подробную информацию о плане Сооружения А можно получить только при проведении раскопок и на других участках. Прежде всего, было неясно, имеем ли мы вообще дело с настоящим зданием, в прямом смысле этого слова, или с колоннадой столбов в виде системно организованных менгиров – подобия бретонского Карнака³¹. По этой причине в 1997 г. раскопки Сооружения А были остановлены на уровне скамьи, а в следующую кампанию начались исследования северных прилегающих секторов (рис. 50). Как и ожидалось, количество находок из Сооружения А пополнилось вскоре еще четырьмя вертикально стоявшими и, по-видимому, находившимися в оригинальном положении мегалитическими столбами. Их расположение было таким, что ни одна из разработанных ранее гипотез не подтверждалась.

Более поздний уровень застройки снова можно было проследить только по западной части раскопа. Новый столб 6 вклинивался в эту более позднюю структуру. В восточной части сектора появились столбы 7, 8 и 9, где, так же как в ареале Здания со змеями на столбах, более молодой строительный уровень полностью отсутствует. Столбы снова оказались засыпаны мелкозернистым сыпучим материалом, который, очевидно, еще в неолитическое время был специально доставлен для заполнения свободного пространства, окружавшего столбы. По всей площади мы

проводили раскопочные работы сначала только до верхней кромки стен, соединенных со столбами.

Даже во время сезона 1998 г. мы не были уверены, существует ли вообще отдельное Сооружение В или найденная строительная структура является частью Здания со змеями на столбах. Лишь в конце кампании следующего года мы смогли окончательно ответить на данный вопрос. Если на основе материалов предыдущих раскопок предполагалось простое линейное расположение Т-образных столбов, то теперь это однозначно было исключено. Появились новые столбы, которые сомнений больше не допускали. В новых обстоятельствах стало понятно, что мы исследуем отдельное, многостороннее (полигональное) сооружение примерно округлой формы (рис. 50), которое по своей концепции весьма напоминает английский Стоунхендж. Очень разная высота столбов и их достаточно беспорядочное расположение поставили вскоре на повестку дня вопрос, должны ли мы воспринимать данное круглоплановое сооружение как здание, имевшее крышу, или это (по крайней мере, первоначально) было открытое гипетральное строение под открытым небом наподобие Стоунхенджа. На этот вопрос окончательного ответа мы сейчас не имеем.

Интересна ориентация находящегося в западной бровке* данного сектора столба 15. Он единственный не следует радиальному расположению остальных столбов комплекса, а установлен так же, как центральные столбы 9 и 10, с ориентацией север-юг. В его наверху впервое было обнаружено небольшое отверстие диаметром с толщину руки. Подобные свидетельства нам встречались потом много раз. От соседнего северного столба 16 сегодня видна только выступающая из бровки Т-образная голова. Она, однако, снова показывает радиальное положение стелы. Перед этим столбом мы нашли скульптуру, изображающую, судя по всему, большой фаллос.

Столб 15 Сооружения В помог нам лучше понять расположение объектов Сооружения А, которое в западной и северной части до настоящего времени еще полностью не раскопано. В Сооружении А оказалось странным положение столба 5, установленного строителями поперек линии единой ориентации столбов 1-4. Отклоняющееся от радиального порядка положение столба 15 в Сооружении В привело нас к выводу, что столбы 1-5 установлены с такой своеобразной ориентацией целенаправленно, и весьма вероятно, что здесь имела место соответствующая ре-

* Бровка – археол., полоска нетронутой земли между секторами или более крупными участками раскопа, оставленная для того, чтобы лучше проследить стратиграфию памятника. - *Примеч. ред.*

Рис. 49. Вид с востока на раскоп 1998 г. позволяет наблюдать новые появляющиеся столбы, относящиеся к Сооружению В

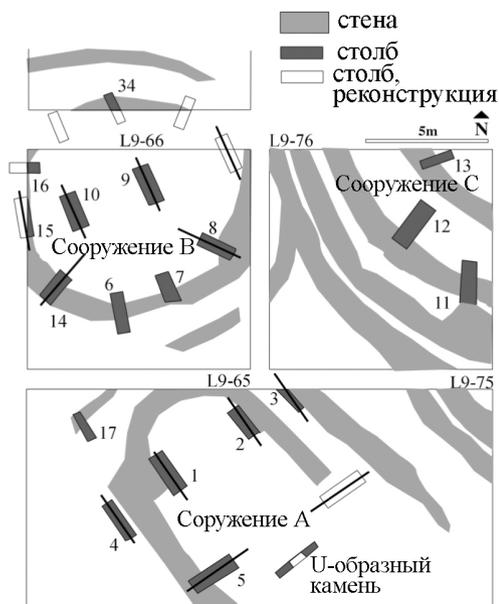

Рис. 50. Столбы Сооружения В, открытого в 1998 г., стали хорошими помощниками для понимания столбов 1–5 как центральной части Сооружения А

конструкция. Столбы 1 и 2 образуют центральную пару, вокруг которой возведены остальные столбы и стены. Эта ограда была не круглой, а скорее квадратной, однако в принципе она повторяет структуру Сооружения В. Столбы 3 и 4 радиально не ориентированы (как и столб 5), а – что соответствует столбу 15 из круга В – имеют параллельное центральной паре стел расположение.

Во многом Сооружение А похоже на Здание с мозаичным полом из Невали Чори, где окружающие столбы также группируются вокруг двух центральных стел, расположенных на примерно квадратном плане. С западной стороны той постройки зафиксирована лестница, которая вела ко входу.

Сооружение А также когда-то имело полностью оформленный, сейчас хорошо определяемый вход на юго-востоке. От него осталось основание каменной плиты, что была вертикально установлена с юго-восточной стороны напротив центральных столбов 1 и 2. Верхняя часть этой плиты сломана; на среднюю часть скол не распространяется. Явные следы обработки свидетельствуют о том, что плита когда-то имела в середине отверстие. Тот факт, что она с обеих сторон под прямым углом окружена кладкой, убедительно говорит о том, что мы обнаружили дверную конструкцию. Правда, сохранившаяся часть дверной плиты не вполне соответствует уже описанным каменным объектам с отверстием, фрагменты которых часто находят на Гёбекли Тепе. Ни один из них не был зафиксирован в исходном положении на начальном месте установки. У плиты Сооружения А отсутствует обрамляющая отверстие выступающая рамка. Таким образом, кажется, что здесь речь идет об упрощенном варианте дверного камня без выступающей окантовки вокруг центрального отверстия.

Священные столбы Египта

Я уже упоминал о возможности отсутствия перекрытия над сооружением при наличии столбов. Как правило, об опоре в архитектуре говорят только тогда, когда этот объект выполняет *несущую* функцию. Если перекрытие отсутствует, то использование термина «опора», по крайней мере, в техническом понимании не совсем корректно. Однако понятия, появившиеся в исторические периоды развития языка, не всегда точно отображают неолитические реалии. Слово «Pfeiler» (нем. столб, опора, колонна, пилястр, устой и др. – *Примеч. ред.*) вполне может применяться к находящимся под открытым небом и не имеющим крыши (гипетральным) объектам. Кроме того, данный термин, как и название «колонна», может обозначать в археологии отдельные памятники культуры. *Лексикон египтологии* различает, например,

техен-, *джет-* и *иун-*столбы. Эти столбы никогда не служили опорами, а стояли отдельно и не были напрямую связаны со строительными сооружениями.

*Техен-*столбы представляют собой объекты, длительное время называемые древнегреческим именем «обелиск» (от гр. Obeliskos – изначально «небольшой вертел»). Обычно они устанавливались попарно перед храмами. Расположение выбитых на них надписей следовало жестким правилам. Так как знаки египетских иероглифов всегда были направлены в сторону начала текста, при этом последний мог быть лево- или правосторонним, то у многих вывезенных и установленных на другом месте обелисков – например, в Стамбуле, Риме или Париже – сохранилась определяемая исходная ориентация. Строки передней и задней сторон были всегда направлены в сторону дороги, ведущей ко входу в храм, строки на боковых сторонах – к самому храму.

Этот принцип ориентации фасадных сторон *техен-*столбов совершенно очевидно прослеживается и у неолитических Т-образных объектов. Представленные на них животные смотрят внутрь круга. Животные парных столбов изображены на соответствующих сторонах ортостатов, обращенных к двойнику, и смотрят в сторону входа (который сегодня определяется по косвенным данным).

Имеются и другие аналогии. Доставка и установка столбов в Древнем Египте были важной частью ритуального действия, что, по-видимому, было характерно и для эпохи неолита. Восточный столб 9 в высоту максимально достигает 3,4 м, западный столб 10 максимально возвышается на 3,6 м над поверхностью земли. Столб 9 имеет объем 2,3 м³ и вес 7,1 т, столб 10 - объем 2,4 м³ и вес 7,2 т. Эти данные отображают только надземную часть столбов и не позволяют определить параметры их оснований. Даже если мы округлим общий вес до 10 т, то по сравнению с египетскими монументами он кажется легким. Вес отмечавшегося выше незаконченного столба в каменоломне определен примерно в 50 т. Но и эта цифра блекнет перед определением веса более 1 100-тонного обелиска из Ассуана. Тут справедливости ради надо сказать, что даже для Египта данный весовой показатель уникален - обычные обелиски весят 200–500 т.

Центральная пара свободно стоящих столбов в круглоплановых сооружениях Гёбекли Тепе дает нам повод со всей осторожностью сформулировать вопрос о возможности сопоставлений. Не существует ли между обоими видами памятников связующей линии развития – здесь Египет, там Гёбекли Тепе? Судя по имеющимся данным, происхождение обелисков далеко еще не исследовано. И нельзя не учитывать то обстоятельство, что обелиски образуют только одну наиболее известную группу сре-

ди памятников с отдельно стоящими парами столбов. Разработка вопроса о возможном их общем происхождении кажется весьма перспективной. Но если мы хотим обоснованно на него ответить, то должны провести более широкие исследования, чем те, которые провел и тем более изложил здесь я.

Центральные столбы Сооружения В

Столбы 9 и 10 являются центральными в Сооружении В. Они находятся в середине круга, точнее сказать, многоугольника, состоящего из нескольких радиально расположенных и соединенных стеной столбов. Навершая обоих центральных столбов ориентированы приблизительно по линии север-юг. На обращенных друг к другу их боковых сторонах находятся рельефы, изображающие в натуральную величину прыгающих в южном направлении лисиц. Оба животных стилистически очень похожи, видно, что это самцы. Другие рельефы, вопреки нашим ожиданиям, на обоих столбах отсутствовали. Мы достигли пола, не обнаружив при этом иных изображений на поверхности центральных столбов. Как и ожидалось, пол оказался мозаичный.

В мозаичном полу перед столбом 9 была встроена каменная чаша. Маленький желобок ведет снаружи по диагонали к этому сосуду. Весь комплекс свидетельств дал нам повод предварительно определить данное вместилище и другие найденные на поверхности похожие объекты в качестве «жертвенных чаш». Конечно же, это название предварительное. Мы пока не можем точно выявить первоначальную функцию таких сосудов³². Вопреки ожиданиям, на западной стороне перед столбом 10 другой чаши обнаружено не было. А поскольку на поверхности пола в левую и правую стороны отходили два желобка, то наше разочарование кажется обоснованным.

Обращают на себя внимание процарапанные рисунки на западной стороне столба 10, которые располагались ниже уровня лиса. Вероятно, они не относятся к начальному времени украшения столба. Рисунки изображают дикую свинью и трех собак. О том, что это действительно собаки, свидетельствуют характерно закрученные в сторону голов хвосты. Вся композиция напоминает сцену охоты.

Круг стены со столбами Сооружения В раскопан примерно на две трети. В западной, южной и восточной частях он открыт полностью. В северном еще не исследованном примыкающем секторе раскопа остался лишь ожидаемый с большой вероятностью северный сегмент строения с предположительно большим количеством столбов. Диаметр дан-

Рис. 51. Столб 9 Сооружения В демонстрирует на себе изображение лисы в натуральную величину. В мозаичном полу непосредственно перед лисой сделана так называемая жертвенная чаша

Рис. 52. Столб 10, расположенный напротив столба 9, также представляет изображение лисы. Кажется, что оба животных прыгают на посетителя сооружения

ного многоугольника составляет с запада на восток 9 м, с юга на север приблизительно 10–15 м.

Не считая лисиц центральных столбов, только на двух других столбах Сооружения В также имеются рельефы. Столб 14 показывает на своей правой стороне не совсем ясный мотив, поскольку значительная часть его находится в стене. Вероятно, это опять лиса. Другие столбы многоугольника, помимо столба 6, о котором будет сказано ниже, изображений не имеют. Возможно, картина изменится, когда мы продолжим раскопки, потому что и в южной части сооружение открыто еще не до конца.

На этой стадии раскопок мы с уверенностью можем сказать, что ни один столб Сооружения В не имеет столы. Лишь у столба 16 передняя часть не настолько глубоко раскопана, чтобы можно было определить однозначно: есть тут стола или ее нет.

Рис. 53. Столб 14 показывает не очень ясный и частично закрытый стеной рельеф. Вероятно, это снова лиса

Рептилия или леопард – изображения «рожающих богинь»?

Мы были очень удивлены, когда раскопали заднюю часть на вершине столба 6. Там оказалось изображение животного, которое во время работ 1998 г. оставалось скрытым сухой каменной кладкой. Видимый плоский рельеф в основном повторяет мотив двух открытых в 1995 г. горельефов, найденных на поверхности. У животного на столбе 6 показана круглая, совершенно безликая голова, которая заметно отличается от голов горельефов овальных и треугольных, демонстрирующих зубастые пасти. Очень необычным, исходя из имею-

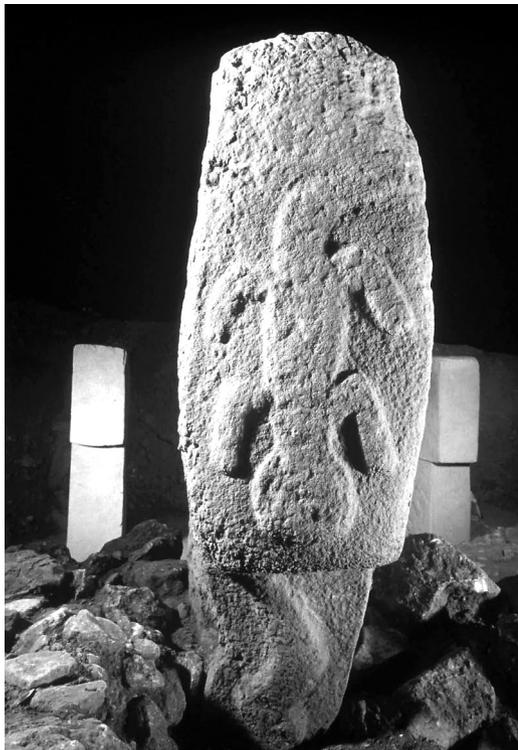

Рис. 54. Животное, напоминающее, скорее, четвероногую рептилию, однако возможно, что перед нами изображение леопарда. Этот рельеф расположен на задней стороне навершия Т-образного столба 6. Ниже на стержне столба можно увидеть хвост змеи

ленных животных показаны, так сказать, стоящими рука об руку рядом друг с другом. К наблюдателю они обращены спиной и таким образом в определенной мере скрывают свой вид. По рисунку шерсти они были идентифицированы как пантеры. Изображенные животные очень похожи на «четвероногих рептилий» Гёбекли Тепе. Но тогда, основываясь на интерпретации открытых нами рельефов, следует поставить под сомнение высказывавшиеся ранее точки зрения, речь пойдет о рептилиях. С той же долей вероятности они могут оказаться пантерами или леопардами. Однозначный ответ пока преждевременен³³.

Определение видовой биологической принадлежности отложим до результатов новых исследований, в первую очередь потому, что сейчас

щихся на сегодняшний день знаний, является то, что этот рельеф находится на задней части навершия. Только на соседнем столбе 14 рельеф расположен на том же месте. Однако он почти полностью скрыт окружающей стеной, так что мы видим пока только кончик хвоста скрытого животного. Может быть, это ползущая вниз змея. Змеей нам представляется также скрытый пока рельеф на столбе 6, находящийся под рептилией.

Сравнимые со встреченными в Гёбекли Тепе изображениями материалы известны по Телль Абуру, памятнику Северной Сирии. Оттуда происходит удивительная каменная плита с процарапанными рисунками. Три одинаково представ-

это внесло бы еще бóльшую неразбериху. Так называемой «рожающей богине» из Чатал Хёюка не хватает только хвоста, чтобы без особых усилий можно было увидеть в ней изображение «рептилии» из Гёбекли Тепе или «пантеры» из Телль Абра.

Йозефу Гарфинкелю, которого мы уже упоминали в связи с восстановленными черепами Иерихона, были еще неизвестны рельефы Гёбекли Тепе и процарапанные рисунки Телль Абра, когда он писал свою книгу *«Танцы и начало земледелия»*. Его исследование основывается на изучении изображений танцев по материалам ранних земледельческих сообществ Передней Азии. Автор пытается объяснить данное явление в контексте развития древнейших земледельческих культур. Гарфинкель тоже сомневается в том, что фигура из Чатал Хёюка действительно изображает «рожающую богиню». Его предложение по интерпретации идет в русле изложенных в книге исследовательских интересов: он заставляет «богиню» не рожать, а танцевать – на основе многочисленных аналогий, представленных в публикации, он пытается, как минимум, с этой точки зрения объяснить направленные в разные стороны конечности рассматриваемой фигуры.

Мотив танца стал бы убедительным объяснением движений «пантер» из Телль Абра, их необычного расположения на рисунке рука об руку. «Рептилиям» из Гёбекли Тепе, по-видимому, не очень хочется танцевать, они прижались к поверхности и готовы к прыжку. Но что бы ни представляли собой изображения из Чатал Хёюка, мы должны отказаться от мысли о них как о «рожающих богинях» в пользу определения животного, по-видимому, пантеры или леопарда, не предлагая, однако, пока окончательного ответа на этот вопрос. По данному поводу важно еще раз подчеркнуть, что ни на одном из настенных рельефов Чатал Хёюка нельзя точно определить половые признаки. Интерпретация изображений «грудей», которые на некоторых рисунках-реконструкциях показаны парными фигурами, как мы уже говорили, полностью гипотетична. Хотя у существ Чатал Хёюка отсутствует хвост, обязательный для всех рассматриваемых фигур Гёбекли Тепе или Телль Абра, по другим признакам между ними обнаруживаются значительные совпадения: у всех изображений задние конечности вытянуты дальше передних игибаются под прямым углом в сторону головы. Фигура Гёбекли Тепе также имеет маленькое углубление, которое можно было бы объяснить как пуповину, если бы другие детали ясно не свидетельствовали, что перед нами вид со спины.

Если придерживаться приведенной аргументации, то в парietальном искусстве, т. е. в художественных произведениях, выполненных на

стенах Чатал Хёюка, изображения людей показаны только в настенной живописи. Монументальные рельефные изображения, прежде всего, показывают диких зверей – не «богинь», но, вероятно, животных, вид которых пока не определен, а также быков и различных хищников.

Если наша интерпретация подтвердится и станет понятно, что нет никакой рожавшей богини, то тогда рухнет вся доказательная база иконографии Чатал Хёюка, на сегодняшний день достаточно обоснованная. Учитывая все факторы, я не могу позволить себе утверждать здесь новое толкование. Однако если предположить, что «рожающая богиня» окажется животным, в пользу чего говорит многое, то в качестве возможного объяснения ритуальной сферы Чатал Хёюка также останется, прежде всего, культ мертвых.

Башни молчания

Культ мертвых в самом широком смысле, с учетом всех известных мероприятий, связанных с погребением, кажется вечной движущей силой, оставившей в неолитических слоях и не только выразительные археологические свидетельства. Иерихонская башня, как уже сказано, с большой долей вероятности, вряд ли служила военным сооружением. Ее нынешнее весьма нечеткое понимание в качестве ритуального строения, возможно, уточнится при сопоставлении с круглоплановыми постройками Гёбекли Тепе. После использования в течение неизвестного времени они были полностью засыпаны. Издалека погребенные строения этого комплекса должны были вызывать у наблюдателя впечатление могильных холмов, а также, однако доказать это не возможно, призраков башни. Не всегда окружные стены оставались без внешних фасадов. Если мы восстановим какое-либо сооружение со столбами в его начальном или не полностью засыпанном землей состоянии, то увидим форму усеченного конуса, который, в зависимости от реконструируемой высоты, все больше будет приближаться по виду к иерихонской башне. А если пространство внутри стен будет заполнено, тогда получим платформу, ту, которую имеем у башни Иерихона. Однако в Гёбекли Тепе все еще отсутствует лестница, а в Иерихоне столбы. Значение высказанного предположения о возможном сравнении башни с сооружениями Гёбекли Тепе не должно преувеличиваться. Речь пока идет о гипотезе, требующей дополнительных доказательств.

Все эти рассуждения подталкивают к мысли о форме погребения, которая на Западе не очень распространена, однако в нашем случае не должна остаться незамеченной. Я имею в виду так называемые «башни молчания». Данный термин стал употребляться европейцами в XIX в. по

отношению к особым иранским и индийским строительным сооружениям. В Иране их называют *дакхма*, что означает «могила». Однако под этим словом подразумевается конкретный вид погребального сооружения. В зороастризме священными считаются четыре элемента: земля, вода, воздух и огонь - их нельзя осквернять. Поэтому ни сжигание, ни захоронение в земле недопустимы. Тогда остается «солнечное погребение», при котором тело оставлялось на поверхности скалы под открытым небом. *Дакхма* устраивались на возвышенных, безводных участках, не имеющих растительности, соответственно их легко обнаруживали птицы, питающиеся падалью. Башни молчания напоминают скорее большие бассейны, чем собственно башни. Птицы-могильщики, ветер, другие погодные условия устранили быстро разлагающиеся мягкие ткани тел умерших, таким образом производилась *декарнация*. Затем очищенные скелеты собирались в специальных хранилищах - вырубленных в скале ямах или в каменных ящиках, так называемых *астоданах*.

Строительство *дакмахов* для многих скелетов, какими мы знаем их сегодня, очевидно, началось позже. Вначале для каждого умершего на соответствующем месте сооружался индивидуальный *дакмах*. Часто он представлял собой небольшое каменное ограждение на вершине скалы. Надежду на обнаружение неких неолитических истоков при изучении данных могильных конструкций мы можем высказывать только крайне осторожно и, разумеется, на очень шатких основаниях. Тем не менее рассмотрение *дакмахов* для интерпретации неолитических круглоплановых сооружений полезно, потому что предъявляемые к расположению *дакмахов* требования те же, что мы встречаем и при изучении материалов Гёбекли Тепе: нахождение на возвышенном и безводном участке, у птиц на виду. Одного лишь этого факта, разумеется, недостаточно для доказательства функциональной идентичности двух типов построек, однако добавляется еще одно звено в цепи наблюдений. Круглоплановые сооружения Гёбекли Тепе стали бы идеальными *дакмахами* для зороастрийской традиции погребения. Нельзя не сказать о том, что среди костей птиц, обнаруженных на Гёбекли Тепе, более 50 % составляют останки вороны, которая, как известно, питается падалью. Кроме того, довольно часто встречаются кости коршуна. Возможно, эти птицы предпочитали возвышенные места с хорошим обзором, а может быть, они находили здесь и готовое пропитание.

Поскольку мы уже отклонились от темы, давайте пойдем еще дальше и рассмотрим некоторые другие важные сооружения, вид которых в контексте изучения материалов Гёбекли Тепе дает простор интересным ассоциациям.

Стоунхендж и другие большие круглоплановые каменные конструкции – знаки самовыражения неолитических сообществ

Стоунхендж знаменит давно. Это сооружение является великолепно сохранившимся представителем целого ряда круглоплановых каменных монументов. Но уникально оно не только из-за величины и степени сохранности. Знаменитый египтолог сэр Флиндерс Питри предпринял здесь когда-то свои первые «научные обходы», желая на основе точных измерений подтвердить особую роль данной конструкции как важного астрономического центра. Однако, кроме основной ориентации, Питри не удалось выявить иных признаков астрономического значения этого сооружения. После такой неудачи он отправился к пирамидам Гизы. Но и там результаты измерений и астрономических сопоставлений оказались не очень впечатляющими, потому что при близком рассмотрении

Рис. 55. Неодруиды в Стоунхендже

большие египетские пирамиды не скрывали серьезных астрономических тайн подобного рода, которые от них ожидали. Питри только в данном вопросе потерпел неудачу. Древнему Египту он оставался верен всю свою жизнь, и дальнейшую судьбу его научной карьеры лучше всего проследить в библиотеках египтологических семинаров или прочитав биографию великого египтолога, написанную Маргрет Дровер. Вместе с тем нумерация стоунхенджских камней, восходящая к Питри, и сегодня еще актуальна.

Итак, что является главной особенностью Стоунхенджа, если не принимать в расчет иногда забавные его оценки современными эзотериками? Обрей Бэл в своей книге *«Большие каменные круги»* констатирует, что Стоунхендж, который среди всех островных наземных памятников кажется особенно британским, - это и не каменный круг, и не британское явление. Наиболее в нем примечательны так называемые трилиты, что в переводе с греческого означает «тройной камень». Представлены эти конструкции двумя вертикальными камнями, на которые

горизонтально положен третий. Таким образом он соединяет их. Пять трилитов в центре Стоунхенджа образуют не круг, а подкову. Только второй внешний ряд выстроен приблизительно кругом. Не углубляясь в детали, при опоре на исследования Бэла можно сделать вывод о том, что Стоунхендж на острове – пришелец, он является произведением континентальных строителей. (Современные археологические находки в непосредственной близости от этого сооружения позволяют предположить даже альпийское происхождение его создателей. Может быть, Стоунхендж построил древний баварец?) Во всяком случае, данное сооружение существенно отличается от всех других доисторических каменных кругов британских островов.

Заканчивая этот экскурс, замечу, что в широком смысле как Стоунхендж, так и сооружения Гёбекли Тепе относятся к семье больших каменных круглоплановых конструкций, даже если в плане они частично скорее квадратные или овальные. И объединяет их не столько набор внешних признаков, сколько неординарность содержания. Подобно таинственному Стоунхенджу не менее загадочный Гёбекли Тепе приобретает сейчас в качестве древнейшего круглопланового каменного сооружения всемирную известность. И его со Стоунхенджем еще не раз будут сравнивать.

Совершенно ясно, что необходимо немного времени и терпения для того, чтобы Гёбекли Тепе приобрел настоящую популярность. Стоунхендж не нужно было кропотливо раскапывать перед тем, как сделать для многочисленных титульных листов фотографии призрачных очертаний великолепного монумента на фоне уходящего солнца. Каменные круги Гёбекли Тепе находились тысячи лет в земле и не были видны людям. Но благодаря этому обстоятельству они не подвергались разрушению и, кажется, сохранились намного лучше, чем на несколько тысяч лет более молодые каменные их собратья из далекой Британии. Остается надеяться, что в будущем откроются возможности для адекватной защиты культурного наследия Гёбекли Тепе. В любом случае бюджета раскопок едва хватает на импровизированные меры, ведь даже возведение временного перекрытия - дело дорогостоящее и весьма трудоёмкое.

Между тем имеются и другие каменные круглоплановые конструкции, ближе сопоставимые с Гёбекли Тепе, чем Стоунхендж или иные аналогичные сооружения доисторической Европы. Предлагаю отправиться теперь из Передней Азии в Африку.

«Тайна зимбабве», так назвал Роджер Саммерс, бывший куратор Национального музея тогда еще Южной Родезии, свою статью в сборнике *«Ушедшие культуры - загадки древних миров»*. Зимбабве сегодня – аф-

Рис. 56. Для возведения навеса требуются специалисты, а иногда и подъёмный кран

риканская страна, которую бывшие колонизаторы называли Родезией. И слово «тайна» в заголовке статьи Саммерса относилось не к стране как таковой. На местном языке каранга *зимбабве* обозначает «каменные дома». Имеются в виду более или менее крупные группы монументальных каменных сооружений, которые повергли в изумление первых европейских исследователей Африки, оказавшихся в этой части континента, в районе южнее реки Замбези.

Особенно грандиозным было место сооружений, названное *Великим зимбабве*, располагавшееся южнее Солсбери, на котором тогда фокусировались интересы белых. В Черной Африке шалашей и глиняных домиков эти каменные монументы были чем-то особенным. К тому же местное население не воспринималось колонизаторами в качестве строителей *зимбабве*, оно само ничего не могло сообщить об истории их сооружения. Таким образом, понятно, почему первые исследователи предполагали очень древнюю дату возникновения этих конструкций и искали доказательства влияния на их строительство далеких регионов. Мудрый царь Соломон и царица Савская были, пожалуй, самыми выдающимися личностями, с которыми связывали возникновение *зимбабве*.

Среди ученых по данной проблеме разгорелся ожесточенный спор. А «загадка *зимбабве*», выйдя на свет, превратилась в большого ребенка науки. Ребенок рос так хорошо, что стал крестным отцом названия целой страны. Однако не будем подробно останавливаться на этой истории. Все заканчивается, если следовать в основном статье Роджера Саммерса, быстро и не так таинственно. Сегодня мы знаем точно, что строители «каменных домов» творили не в глубокой тьме далекого африканского прошлого, *зимбабве* сооружались в средние века и новое время. Нам известно, что это чисто локальное явление, которое стало возможным благодаря богатым запасам золота в тех местах. Мы знаем также, что культура строителей *зимбабве* погибла вследствие междоусобиц незадолго перед прибытием первых европейских исследователей Африки.

Итак, какой смысл искать в рамках нашей книги вовсе не существующую «загадку *зимбабве*»? Один взгляд на планы и рисунки так называемых храмов *Великого зимбабве* дает ответ на этот вопрос. Мы видим большие овальные в плане монументальные сооружения, имеющие мощные стены, а также находим коническую, примерно 10-метровой высоты, каменную башню, которая выглядит, как родная сестра сардинских нураг³⁴ и как кузина иерихонской башни. Хвостатые рептилии с четырьмя лапами взбираются на каменные увенчанные скульптурами птиц стелы. Как и на фрагменте сосуда из Невали Чори, на местных каменных сосудах можно наблюдать идущие по кругу сценические изображения.

Пример *Великого зимбабве* с неоспоримой ясностью доказывает, что видимая схожесть феноменов не должна подталкивать исследователя к поиску общих корней. Мир Гёбекли Тепе по сравнению с каменными домами Зимбабве старше более чем на 10 000 лет и отделен многими тысячами километров от страны на Замбези. Единственная общая база – банальное утверждение – состоит в том, что в обоих случаях трудился *Homo sapiens*. А ему, кажется, не могло прийти в голову действительно что-то новое. Демонстрация своих запросов на власть посредством монументальности – это один из самых широко распространенных феноменов, наблюдаемых в истории человечества, подобным правилам следует также животный мир. Даже если способы выражения амбиций человека в ранние исторические или доисторические эпохи были менее изысканны и сложны по сравнению с современными, то все они, как в каталоге образцов, находят обычно одинаковые характеристики: большой, мощный, монументальный. Следующий шаг – ограничение, охрана и специальное оформление сооружений. Архитектурный ансамбль *Великого зимбабве*, несомненно, имеет похожие черты с конструкциями Гёбекли Тепе. Эта

параллель, однако, основана на форме проявления и только на весьма общем содержательном совпадении феноменов³⁵.

Сходство в изображении животного мира не должно нас удивлять. Так как птицам в дотехническую эру было подвластно недоступное человеку воздушное пространство, они воспринимались именно в этом смысловом контексте. Для человека они всегда являлись – если позволить себе сказать кратко и не впадая в противоречия с другими объяснениями – как минимум *также* потенциальными вестниками богов. Напротив, рептилии всегда действовали на человека отталкивающе, казались архаичными и в конечном счете опасными³⁶. На стелах *зимбабве*, в отличие от рельефов с рептилиями Гёбекли Тепе, изображены, по видимому, все-таки настоящие крокодилы. В целом же пример *Великого зимбабве* соответствует по целям создания и содержанию изображений конструкциям нашего памятника. Не имеет смысла далее искать варианты совпадений по сути или по формальной схожести с сооружениями Гёбекли Тепе, если нельзя доказать их тесную генетическую связь. Тут можно вспомнить и о соответствующих памятниках на Мальте или Оркнейских островах Шотландии, при этом заметим, что Мальта с данной точки зрения однажды еще заслужит нашего внимания.

И последний момент: кажется, на примере Гёбекли Тепе и его строителей подтверждается общее для всех упомянутых внешне схожих сооружений правило: большой, мощный, монументальный. Судя по всему, в Гёбекли Тепе некое лицо (или группа лиц) также желало представиться заинтересованной общественности и показать, кто есть кто и на что способен в конкретном регионе.

ГЛАВА 4. СООРУЖЕНИЕ С – В КРУГЕ КАБАНОВ

Немного восточнее сооружений А и В начинается третья круглоплановая конструкция. В прошлом Сооружение С было сильно разрушено. Время этого события пока точно не установлено, однако, судя по мощным нарушенным лежащим выше слоям, произошло оно, очевидно, несколько тысяч лет назад. Вскоре мы выяснили, что Сооружение С состояло из не менее чем трех концентрических колец. На сегодняшний день оно раскопано только до половины своей предполагаемой глубины. Здесь многие поверхности заняты изображениями диких свиней, точнее, кабанов, поэтому журналист Михаэль Цик назвал его *Домом кабанов*. Такое название не совсем уместно, т. к. вероятность перекрытия в прошлом именно у этого очень большого сооружения с его внушительным более 30 м диаметром

Рис. 57. Раскопки Сооружения С требуют много терпения и способности к импровизации, ведь первые находки появляются здесь только на глубине более 3 м

вызывает сомнения. Кабаны, однако, представлены великолепно и играют здесь важную роль. Из десяти на данный момент очищенных рельефов Сооружения С шесть изображают кабанов, и в общей сложности из четырех известных скульптур кабана три происходят отсюда.

Во внутреннем кольце данной конструкции на сегодняшний день зафиксировано девять столбов. Раньше, вероятно, их было больше, поскольку в различных местах замечены следы просадки земли. Судя по всему, работавший здесь крестьянин, стремясь улучшить пашню, активно убирал мешающие камни. Сохранившиеся столбы в большинстве раскопаны только до уровня Т-образных наверший. Рельефы выявлены пока лишь на двух столбах. Передние стороны столбов 26 и 28 имеют изображения маленького кабана. На правой стороне столба 28 находится еще одно точно так же показанное животное. На передней стороне непосредственно под подбородком столба можно различить абстрактные символы: стоящий на рожках полумесяц находится над горизонтально лежащей балкой. Оба знака окружены боковыми лентами столы в том виде, какой она часто изображается на столбах (рис. 61). Внизу при продолжении раскопок можно ожидать открытия других знаков. Оставшиеся столбы внутреннего круга ничем не примечательны, если не считать часто наблюдаемых глубоких

Рис. 58. Столбы 11 и 12 Сооружения С встроены в среднюю окружающую стену. Столб 13, размеры которого меньше обычных (на сегодняшний день видна только верхняя грань его головы), относится к первому внутреннему кольцу

отверстий в их затылочной части, которые у стел в сооружениях А и В обычно не встречаются.

От второго внутреннего кольца сегодня известны четыре столба. На левой стороне столба 23 видна голова кабана, выполненная в натуральную величину. Тело животного полностью закрыто кладкой окружающей стены. Непосредственно перед столбом в засыпке найдена голова скульптуры животного, оскаленные зубы которого были направлены в сторону навершия стелы. Однако это кажущееся наполненным очевидным смыслом расположение может являться следствием предыдущих разрушений.

Далее на запад идут столбы 11, 12 и 25. Столб 25 не поврежден. К настоящему времени он ничего особенного нам не представил. Т-образное навершие столба 11 снова сильно разрушено. Очищенная на глубину 1,5 м западная сторона его почти полностью перекрыта стеной среднего кольца, так что не видно, имеет ли столб рельефные украшения или нет. Как и на столбе 15 Сооружения В, на столбе 11 имеется отверстие диаметром с толщину руки, которое, однако, не проходит сквозь весь его стержень. С восточной стороны раскопано лишь навершие. Оно показывает рельеф. Можно различить пятипалые лапы большого, сильного животного – медведя, льва или леопарда.

Утки в сети?

Во вторую кольцевую стену встроено также столб 12. К счастью, у него большие площади навершия и стержня остались свободными и хорошо видны. Этот столб снова преподнес нам сюрприз. Как и у столба 11, на его Т-образной голове имеются рельефы, и они впервые покрывают (всю?) поверхность. Пять птиц, похожих на уток, движутся перед линиями, напоминающими сеть (рис. 59). Как будто художника мучил *horror vacui* (*страх пустого пространства*. – Примеч. ред.), он растянул сетку по всему Т-образному навершию, оставив ограниченное место только для птиц. Вероятно, тут изображен мотив «ловля птиц сеткой». Однако единое направление взгляда птиц при различном положении их ног и последовательность в показе фигур – кажется, что движение одной птицы скульптор попытался изобразить в прыжке, разложив его на отдельные изображения, – наводят на мысль о другой интерпретации, отличной от образа с сеткой. Возможно, здесь показан рисунок камней или скал, то есть ландшафта, и в соответствии с этим птиц, прыгающих через камни. Если следовать такому предположению, то, вероятно, это одна и та же птица в моменты прыжка.

Рис. 59. Правая сторона столба 12 в Сооружении С полностью покрыта рельефами. На навершии столба показаны птицы, вероятно, перед сеткой или решеткой, под ними находятся изображения кабана и лисы. Сейчас фигура лисы видна только до шеи, т. к. построенная позже скамья скрывает большую часть рельефа

Данной картиной рельефное оформление столба не заканчивается. В верхней части стержня видна большая фигура кабана. Огромная голова с оскаленными зубами и мощными клыками угрожающе смотрит направо. В отличие от птиц в сетке или прыгающих через камни, кабан никак не связан с другими мотивами, если не считать отверстия диаметром с толщину руки глубиной 20 см, располагающегося над его мордой.

Ниже кабана можно заметить голову лисицы, выполненную в «геральдическом» стиле, как и на столбе 2. Вероятно, голова лисы на этом столбе имеет ожидаемое, уже известное по столбам 2, 9 и 10 продолжение. Но раскопки тут были остановлены мозаичным полом, доходящим до уровня шеи рельефа лисы. Пол связан со стеной внутреннего кольца и еще раз доказывает, что кольца стен Сооружения С представляют различные фазы строительства. По-видимому, кольца возводились внутри круга постепенно, причем вследствие таких встроек внутренняя часть сооружения постепенно уменьшалась.

Интересен тот факт, что непосредственно перед рельефом кабана мы нашли скульптуру средней величины, тоже показывающую кабана. Вид животного было легко определить по отчетливо смоделированной голове, его характерной морде с клыками (рис. 60). Почти полностью сохранившаяся фигура животного имеет на высоте ног скол по всей

Рис. 60. Непосредственно рядом с рельефом кабана столба 12 найдена скульптура кабана, объект с округлыми формами. Длина фигуры - 48 см

нижней части. Очевидно, речь снова идет о фрагменте сложного многофигурного изображения. Крупноформатный скульптурный фрагмент, найденный нами ранее западнее Сооружения А, мы сначала назвали кабаном с определенными оговорками. Но поскольку теперь мы получили точно определяемую фигуру кабана, похожую на него, то и первый фрагмент был более уверенно интерпретирован как принадлежащий изображению кабана.

На верхней кромке внутренней кольцевой стены Сооружения С между столбами 24 и 36 обнаружена большая известняковая плита, на которой располагался почти полностью сохранившийся горельеф. Он изображает притаившееся похожее на собаку животное, ростом с таксу, с оскаленными зубами и широким завернутым хвостом. Голова повторяет в существенных чертах тип «скалящегося хищника», для которого этот хорошо сохранившийся образец мог бы стать главной основой для реконструкции. Вместе с горельефом типа «рептилии» здесь виден еще один устойчивый мотив изображения: притаившееся, несомненно, при-

готовившееся к прыжку агрессивное хищное животное.

Плита, на которой сидит зверь, с трех сторон имеет сколы, и вначале ее площадь была больше. Сечение позволяет предположить, что она являлась камнем дверного проема. Соответственно можно, по крайней мере, предварительно сделать вывод о том, что эта плита после своего

Рис. 61. На столбе 28 в Сооружении С изображены кабаны – один на лбу столба, другой на правой стороне стержня. На передней стороне столба под подбородком находятся два знака – стоящий на рожах полумесяц и лежащая балка

первоначального использования подверглась переделке и была поставлена там, где мы ее нашли. Установка на кромке стены кажется неслучайной. Она произошла после соответствующей обработки плиты. Далее плита была установлена таким образом, что хищное животное стало заметно со стороны над верхней частью окружающей стены Сооружения С и смотрело оно во внутреннее пространство.

Впервые мы натолкнулись на скульптуру, находящуюся, по-видимому, в своем оригинальном положении (рис. 63 и 64). Конечно, нельзя до конца исключить сомнения в том, что объект не упал, а плита не легла лишь случайно горизонтально с горельефом животного наверху. Но такая возможность представляется менее вероятной. Итак, предположим, что плита была целенаправленно установлена именно в том месте

и именно таким образом. Из данного факта можно делать далеко идущие выводы. В частности, мы должны исходить из того, что стена на данном участке сохранилась в полную высоту. Вместе с тем очень трудно теперь реконструировать крышу над сооружением. Конкретно эта стена однозначно не могла быть опорой для конструкции перекрытия. Таким образом, Сооружение С, вероятно, представляло собой открытое сверху святилище (Темenos), стены которого были увенчаны хищными животными - им, очевидно, приписывалась апотропейная, отводящая беду функция.

Путь в круг кабанов?

Кто уже побывал в Греции и посетил места бронзового века микенской культуры, тот, вероятно, помнит величественные с купольными перекрытиями гробницы, а также длинный, как коридор, проход к

Рис. 62. Столб 26 имеет только один рельеф, разумеется, кабана

Рис. 63. При работах в южной части Сооружения С на верхней кромке стены впервые была обнаружена скульптура, которая находилась не в засыпке, а, вероятно, в своем оригинальном положении

Рис. 64. Притаившееся на каменной плите хищное животное с оскаленной пастью (длина - 70 см). См. также рис. 63

ним, *дромос* (рис. 65). По-гречески это слово обозначает просто *путь*. В археологической терминологии оно превратилось в специальное понятие, применяемое не только для описания микенских сооружений. Судя по всему, Сооружение С Гёбекли Тепе имеет подобный *дромос*. Данным термином можно определить один еще не полностью раскопанный участок: две почти под прямым углом ответвляющиеся на юг примерно параллельные стены, возведенные из несоразмерно больших, как правило, обработанных со всех сторон камней. Совершенно очевидно, что они не относятся к окружной стене Сооружения С и ни к какому иному примыкающему круглоплановому строению. Стены явно с двух сторон ограждают путь, ведущий ко второму внутреннему кругу Сооружения С (рис. 76), точно так же как в случае с *дромосом*, ведущим к микенским купольным гробницам.

Как запирающая перемычка большая каменная плита лежит поперек этого входа во внутреннюю часть Сооружения С. Плита сохранилась не полностью, однако отчетливо видно, что у нее по центру когда-то имелось отверстие, которое в какой-то момент было закрыто каменной кладкой, в двух местах еще сохранившейся. Одну такую же, хотя и фрагментарно сохранившуюся, очень похожую строительную деталь мы уже встретили в Сооружении А. Подобный камень дверного проема отмечал там локализованный на юго-востоке подход к сооружению.

На южной стороне плиты, повернутой тыльной стороной к Сооружению С, а к посетителю передней, под дверным проемом находится рельеф. На нем снова изображена дикая свинья, точнее, кабан. Мотив ввиду большого количества кабанов в Сооружении С неновый, однако этот рисунок имеет особенность – животное лежит на спине (рис. 67). Живот и ноги подняты вверх. Первое предположение о том, что зверь оказался в положении на спине, из-за повторного использования столба, рельеф которого был перевернут в результате новой установки, с определенной степенью вероятности можно исключить, поскольку каменная плита значительно тоньше, чем можно ожидать от бывшего столба. Соответственно, мы делаем вывод, что кроме столбов имелась еще одна группа архитектурных деталей, украшавшаяся рельефами, а именно каменные плиты дверных проемов.

Предположение, что лежащий на спине кабан был найден в оригинальном положении, подкрепляется другими обстоятельствами. Демонстрирующий рельеф камень дверного проема имеет поблизости еще один, очевидно, связанный с ним архитектурный элемент, о виде которого мы до определенного времени ничего не знали. Сначала к югу перед камнем дверного проема была найдена хорошо сохранившаяся скульптура жи-

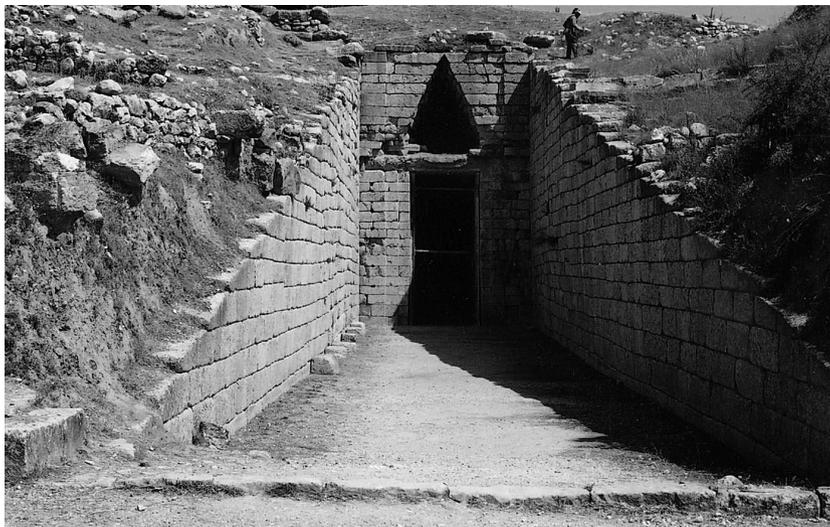

Рис. 65. Микенский дромос возле так называемой могилы Клитемнестры

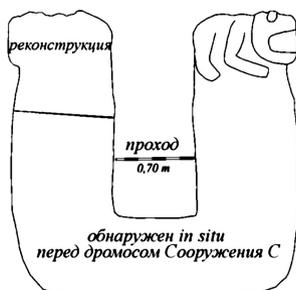

Рис. 66. Мегалитический U-образный дверной камень, раскопан не полностью. Хищное животное на западном конце имело, очевидно, соответствующего двойника на восточной стороне, сейчас, однако, утерянного

Рис. 67. На камне дверного проема, установленном непосредственно за U-образным дверным камнем, находится рельеф лежащего на спине кабана (показан стрелкой)

вотного, имевшая ниже столбообразное продолжение. Она представляла сильного хищного зверя с широко открытой пастью. Нельзя сказать точно, лев это или медведь. Всего лишь на расстоянии 80 см от данной колонны с изображением мы нашли парную деталь, скульптурная верхняя часть которой была, судя по всему, отбита и утеряна. При продолжении раскопок стало ясно, что вторая восточная колонна вместе с западным двойником принадлежит одному массивному U-образному монолитному каменному объекту, сравнить который нам до сих пор не с чем (рис. 66). Очевидно, вместе с первой плитой дверного проема он маркировал подход к Сооружению С. Глядя на ширину проема в 70-80 см, даже не уточняя вид хищного животного, мысленно дополнив утерянную восточную фигуру зеркальным отражением сохранившейся западной, мы можем увидеть перед собой подобие «львиных ворот». Хищные звери охраняют вход, а лежащий на спине кабан вполне мог быть визуальным предупреждением посетителю, что этот путь ведет в другую сферу – в мир мертвых.

Плита дверного проема с рельефом и U-образный монолит, а также связанный с круглоплановыми стенами Сооружения С *дромос* полностью еще не раскопаны. Обрушенные верхние части стен образуют здесь сбивающий археологов с толку каменный лабиринт, поэтому с раскоп-

ками спешить нельзя – допустив ошибку, можно безвозвратно исказить всю картину. Поскольку пока не с чем сравнить располагавшиеся перед входом в *дромос* неолитические «львиные ворота», мы должны набраться терпения и продолжать исследования соседних участков, чтобы точно установить, что не упущены факты, важные для понимания всего комплекса материалов. Обнаружение скульптуры животного длиной почти 1 м и высотой 60 см, которая стояла на каменной плите и была найдена в центральной части засыпки, указывает на то, что здесь можно рассчитывать на интересные находки.

Фаллосы и дикие животные – скульптуры Гёбекли Тепе

Теперь повторим все, что мы знаем о скульптурах и горельефах, встреченных до настоящего момента в Гёбекли Тепе. Уже из первых исследований на поверхности стали известны многие предметы: «колонна со скульптурным изображением» из мастерской, представляющая льва или медведя, в любом случае крупного и опасного хищника; горельеф

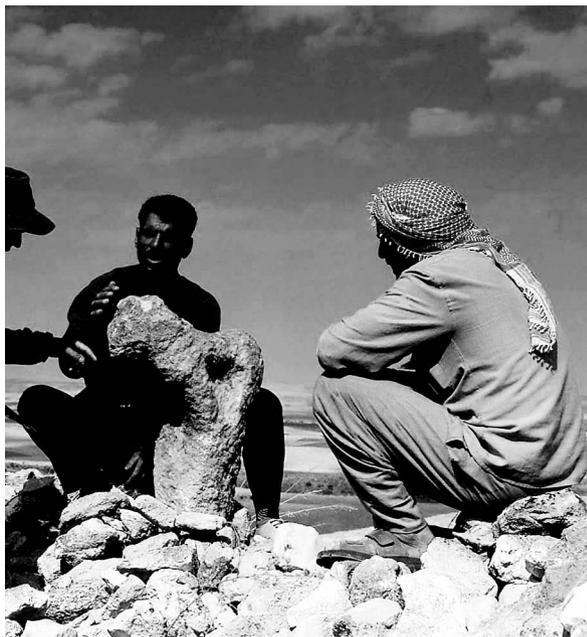

Рис. 68. В юго-западной вершине телля найдена скульптура с подчеркнуто V-образно расположенными лапами (высота - 70 см)

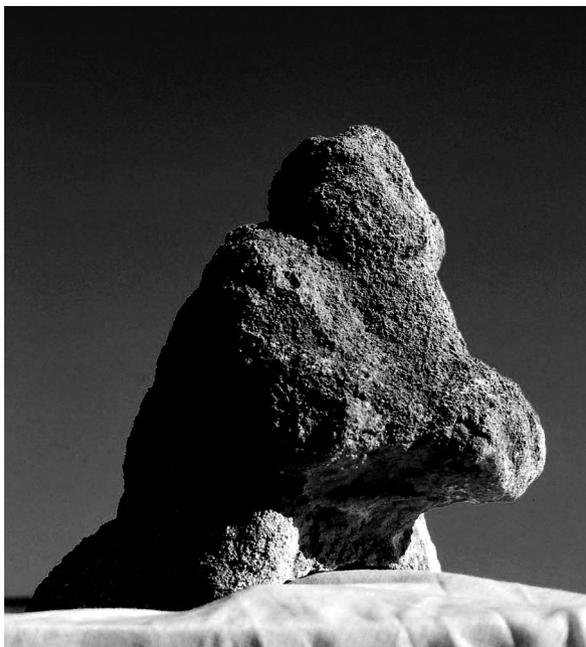

Рис. 69. Эта скульптура, вероятно, изображает стоящего на коленях персонажа, который держит человеческую голову в руках (высота - 26 см)

двух так называемых рептилий и голова хищного животного с оскаленными зубами. В следующие сезоны поступали новые поверхностные находки, например скульптура животного с подчеркнуто V-образно расположенными лапами, которая, по-видимому, изображает льва (рис. 68). Кроме того, из Сооружения А поступили фрагменты скульптур, показывающие тело животного, очевидно, льва с четко видимыми ребрами и голову кабана. Из Сооружения С известны кабан и голова кабана, другая голова оскалившегося хищного животного, а также горельеф полностью сохранившегося зверя, похожего на волка, и, наконец, U-образный камень с сохранившимся скульптурным изображением хищного животного.

Набор скульптур Гёбекли Тепе, несмотря на относительно плохое состояние и почти всегда имеющуюся фрагментарность, можно, тем не менее, уже достаточно четко прокомментировать. Преобладают животные в агрессивной позе. Большинство скульптур, без сомнения, следует отнести к категории «опасное явление». Они были установлены с апотро-

Рис. 70. Большое изображение фаллоса, возможно, было частью скульптуры вида итифаллической протомы (длина - 24 см)

пейной целью – отворотить беду, точнее, отпугнуть. Как Цербер из античной мифологии охранял вход в подземный мир, так, очевидно, и оскалившиеся хищные животные Гёбекли Тепе что-то охраняют. Помогают им в этом деле многочисленные змеи, ползущие по столбам почти всегда вниз – навстречу наблюдателю. Только на столбе 2 одна из змей показана устремленной вверх, но не менее четырех других ползут ей навстречу.

Если определять апотропейное назначение комплекса, то сразу возникает вопрос, что, собственно, в Гёбекли Тепе охраняли. Некоторые скульптуры показывают людей или животных, держащих человеческие головы. Этот мотив сильно не удивляет, т. к. мы знаем о распространении в докерамическом неолите (PPN) культа черепов и обычая восстанавливать черепа. Данные находки Гёбекли Тепе еще раз указывают на то, что здесь на первом месте стояли представления, связанные со смертью.

Размеры обнаруженных скульптурных изображений человеческих голов варьируются от немного бóльших натуральной величины до маленьких. Как можно реконструировать антропоморфные фигуры, к которым они относились, мы увидим, если изучим полностью сохранившуюся статую из Урфы (рис. 93). Многие фрагменты, которые, очевидно, принадлежат скульптурам, представлявшим образ мужчины в виде протом, изображают возбужденные половые члены. В одном случае мы обнаружили двуликую фигуру, она напоминает римского бога Януса, имевшего лица, направленные вперед и назад. О похожей находке из музея в Газиантепе, происхождение которой неизвестно, однако, несомненно, относящейся к неолитическому времени, мы уже говорили.

Интересное наблюдение вытекает из сравнения со скульптурами Невали Чори. Мотив «птица и человеческая голова» представлен там дважды, однако в Невали Чори отсутствуют агрессивные хищные животные, по крайней мере, среди крупных изображений. Единственный представитель этого вида – миниатюрная голова волка или льва, сделанная из известняка, которая, несомненно, повторяет мотив больших голов хищников Гёбекли Тепе. Правда, ввиду относительно небольшого количества крупных скульптур из Невали Чори не нужно переоценивать значимость этих наблюдений. Отсутствие крупных апотропейных животных указывает на то, что Невали Чори отводилась совершенно иная функция, чем Гёбекли Тепе: один был пространством живых, другой предназначался для мертвых.

Выступающие камни, пары отверстий и чашечки

В настоящем подразделе будет рассказано о некоторых обращающих на себя внимание, хотя и не совсем понятных предметах интерьера рассматриваемых круглоплановых сооружений. Так, на внутренней стороне круглоплановых стен были обнаружены выступающие иногда на 20-30 см камни. Они прочно закреплены в стене. Сначала мы думали, что это *ступени*, по которым можно было пройти во внутреннее помещение. Но в процессе раскопок такая версия не подтвердилась, поскольку выступающие камни находились только в верхней части стены и были расположены не как ступени. Высказанное рабочими мнение, что на них устанавливали свечи, не лишено здравого смысла. Едва ли это были свечи. Однако жировые лампы в форме чаш или вытянутых мисок известны со времен неолита и представлены в коллекции находок Гёбекли Тепе.

Если это объяснение подтвердится, тогда мы можем предположить необходимость источников освещения, следовательно, наличие перекрытия, а также ночного использования сооружений. Кроме того, нельзя полностью исключать возможность того, что, по крайней мере, некоторые камни имели форму звериных или человеческих протом. Хотя ни одна «фигурная ступень» так и не была обнаружена, многие закрепленные в стенах камни имеют заостренные концы. В настоящее время найденные необработанными эти камни первоначально могли иметь теперь не сохранившееся оформление из органических материалов. До выяснения всех этих вопросов мы оставляем за данными объектами рабочее название «ступени».

Между тем еще один феномен указывает на вероятное наличие в прошлом предметов из органических, недолговечных материалов. Оба центральных столба Сооружения А имеют на соседних гранях своих

стержней *парные углубления*, которые, уходя в кромки столбов, образуют сквозные отверстия, напоминающие проушины. Мы часто находим такие дыры, покрытые сегодня сталактитами. Если угол, образованный соседними гранями столба, отбит, то видны следы обоих отверстий в форме соединительного канала. Многочисленные полностью сохранившиеся экземпляры не оставляют сомнений в первоначальном внешнем виде поврежденных или покрывшихся сталактитами образцов. На столбе 1 в Гёбекли Тепе такие пары отверстий находятся в почти стандартном расположении, относясь к узкой его части, направленной в помещение. Пары отверстий столба 2 связаны с концами рогов букраний. Мы наблюдали подобные устройства и на других столбах Гёбекли Тепе.

Похожие пары отверстий известны по многим памятникам различных временных периодов. В скальном карнизе Уан Хариг в Тадрат Акакус в ливийской Сахаре можно увидеть сделанные в отвесных стенах скал группы парных отверстий на высоте 30-40 м над землей. Предположение, не могли ли они быть предназначены для того, чтобы с их помощью взбираться на скалу, несостоятельно, потому что в соседних навесах такие отверстия находятся всего на высоте 1,5-2 м над землей. Похожие отверстия имеются также в мальтийских храмах. Там их считают «отверстиями для канатов», использовавшимися при устройстве дверных конструкций – точка зрения, которую мы не можем разделить, поскольку совершенно неясно, каким образом могли выглядеть такие двери. Правда, размеры «отверстий для канатов» мальтийских храмов действительно велики и в принципе пригодны для пропуска канатов.

Рис. 71. Пары отверстий на нижней кромке задней части навершия столба 9

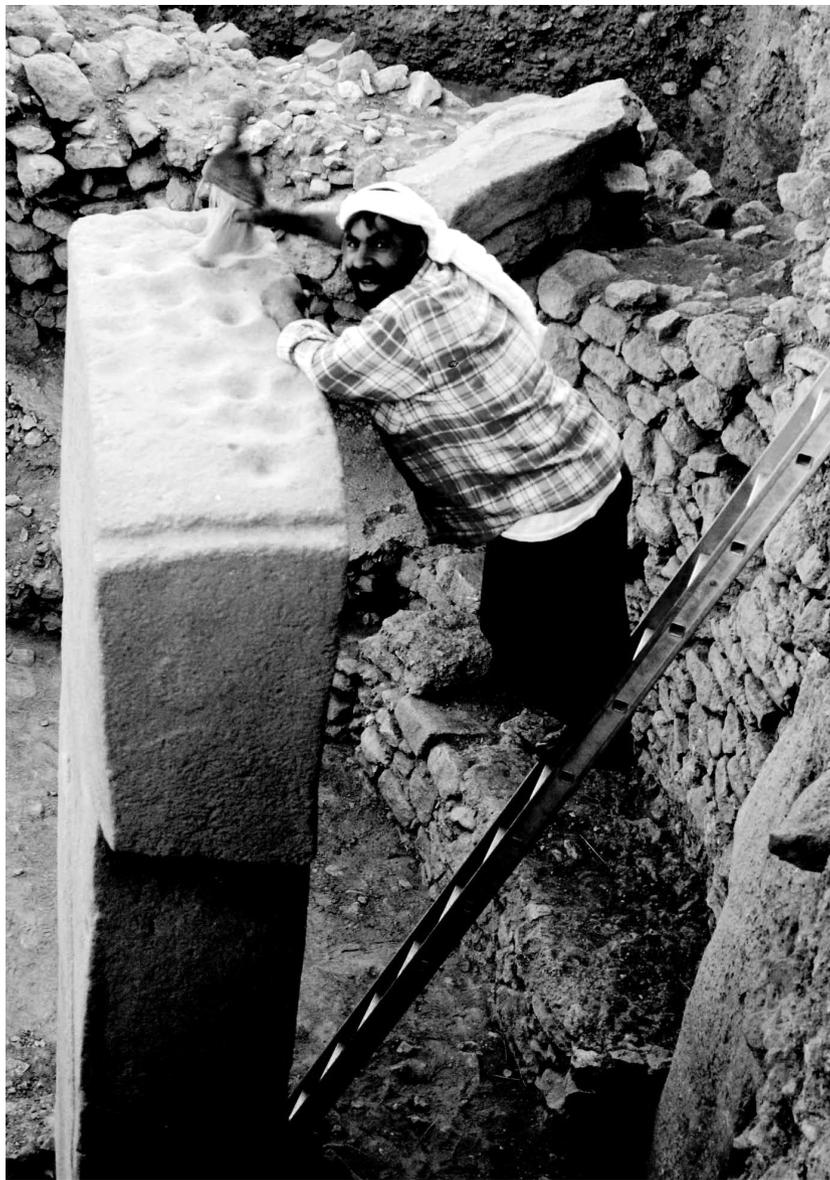

Рис. 72. Чашеобразные углубления верхней грани навершия столба 10 расчищает рабочий Мюслим

Тогда как пары отверстий в Гёбекли Тепе по сравнению с ними почти миниатюрны. Здесь они, по-видимому, выполняли иную функцию.

Уже в палеолите – древнем каменном веке – можно наблюдать феномен парных отверстий или отверстия в скалах. Особенно часто это явление встречается в скальных навесах и гротах Юго-Западной Франции, которые в тех местах называются *абри* (*Abri* – фр. «защита», «убежище». – *Прим. пер.*). В Абри Лабатю в Дордони выступ скалы с обеих сторон имеет отверстия, форма которых напоминает песочные часы. В Абри Селье одна пара отверстий находится на поверхности скалы. Оба места датируются ранним верхним палеолитом ориньякского времени (примерно 35 000 – 22 000 лет до Р.Х.). В мадленской культуре (примерно 18 000 – 12 000 лет до Р.Х.) Кап Бланк знаменит парой отверстий на искусственно созданном выступе, имеющем форму носа, который расположен непосредственно над линией спины рельефа лошади. Также известны многочисленные примеры из Англи-сюр-л'Англяна. Полагаю, что мы правы, когда отклоняем мысль о функции подобных отверстий как месте закрепления шкур для защиты от ветра и отдаем предпочтение версии их специального назначения, связанного с изображениями животных.

Все парные отверстия в Гёбекли Тепе очень маленькие, так что функциональное объяснение, связанное с большой нагрузкой проушин, отпадает. Без труда через них можно пропустить лишь тонкие шнурки. Таким образом, наиболее вероятным кажется то, что на столбах посредством этих отверстий закреплялось что-то легкое, например вымпелы или флажки, а может быть, – фантазия границ здесь не имеет – жертвы или трофеи.

Если следовать этому объяснению и считать так называемые ступени «одетыми в костюмы» фигурами, то серый каменный ансамбль круглоплановых сооружений превращается вдруг в оживший яркий комплекс, больше напоминающий выставочный зал музея, а не голый каменный круг Стоунхенджа. Подобное разнообразное оформление можно предположить и для отверстий, сделанных в Сахаре, а также для палеолитических *абри* Франции.

В качестве третьего феномена нужно назвать чашеобразные углубления, находящиеся на верхних гранях столбов, которые всегда привлекают особое внимание посетителей Гёбекли Тепе. Окончательное объяснение снова невозможно. Ясно только, что перед нами созданные человеком художественные структуры, но не результат природных воздействий. Поскольку эти *чашечки* находятся, главным образом, на верхней

границ столбов, можно предположить, что они не являлись исходными атрибутами, а были сделаны позже, после засыпки сооружения на еще видимой поверхности стел. Не обсуждая подробно данный феномен и не задерживаясь на вопросе *почему*, можно констатировать, что нанесение чашечек, очевидно, подчеркивало особое значение столбов.

ГЛАВА 5. СООРУЖЕНИЕ D – В КАМЕННОМ ЗООПАРКЕ

Четвертое сооружение сохранилось лучше всех. Оно имеет четкий овальный план и максимальный внутренний диаметр почти 20 м, самый объемный по сравнению с остальными структурами. Здесь открыто наибольшее количество рельефов. Проход через круг его столбов создает впечатление прогулки по окаменелому зоопарку. Однако не многочисленность животных привлекает наше внимание, а их интересные сценические группировки. Сложность правильного толкования таких уникальных картин можно пояснить на примере случая с «журавлями на озере», когда волнистые линии сначала мы приняли за водоем – реку или озеро. Помимо этого «озера», два рельефа журавлей дали нам повод для столь поэтичного названия композиции, которое позже даже стало названием статьи о Гёбекли Тепе. В процессе дальнейших раскопок выяснилось, что мнимые волны озера однозначно являются змеями (рис. 88). А поскольку у нас нет надежды когда-либо получить дополнительные источники для интерпретации этого изображения, история, отраженная им, по-видимому, забыта теперь навсегда. Однако понятно, что неолитический посетитель сооружения знал ее хорошо. Мы же можем ошибаться уже при *описании* подобных картин, что в дальнейшем, к сожалению, еще подтвердится.

Сооружение исследовано пока не полностью. Восточный из пары центральных столбов, столб 18, раскопан сегодня примерно до середины своего стержня на глубину около 3 м. Когда раскопки этого сооружения, засыпанного уже в неолите, завершатся, столб будет иметь высоту не менее 5 м над уровнем пола. Очень хорошему состоянию стел, найденных в оригинальном положении, мы обязаны именно засыпке сооружения.

Центральный столб 18 относится к варианту стел типа Невали Чори. Он имеет столу и руки на широких сторонах. Ожидаемые кисти рук спереди еще не очищены (рис. 75). В изгибе правой руки видна лиса. Оба предплечья странным образом скульптором смещены. Ясно видно, что в более старой версии они располагались на стержне столба несколько

Рис. 73. Восточная часть Сооружения D во время расчистки в 2002 г.

Рис. 74. Для раскопок мощного слоя неолитической засыпки требуются различные вспомогательные конструкции

Рис. 75. Глубина раскопных шахт препятствует быстрой расчистке сооружений. Часто возникают статические проблемы. У столба 18 специально оставленный земляной цоколь предотвращает падение мегалита

выше, затем были сколоты и снова вырублены уже ниже их первоначального положения.

На уровне груди, сразу под подбородком, между двумя лентами столы видны абстрактные пиктограммы (рис. 80). Вверху сделан Н-образный символ, под ним круг и лежащий на спине полумесяц. При более близком рассмотрении Н-образный символ разделяется на два противостоящих элемента. Возможно, это фигурки людей или двух поставленных вертикально животных. Более точное объяснение дать пока трудно.

При взгляде на круг и полумесяц приходит мысль об известном мотиве «солнце и месяц». Такие интерпретации пользуются большим спросом. А после того как в Небре был найден «небесный диск», изделие бронзового века³⁷, представить действительно можно многое. Подходя к вопросу толкования со всей осторожностью, следует все же отметить, что мы неоднократно находили круглые символы в Гёбекли Тепе на каменных площадках соседнего плато. Так, на юго-восточном плато обнаружен «выпуклый» наскальный знак диаметром почти 1 м – пластически возвышающийся купол с заметным углублением в центре. На северном плато имеется круглый знак размером примерно 20 см, который сделан рядом с тремя выступами, сгруппированными в треугольник. Кроме

Рис. 76. Общий план основной территории раскопок

Рис. 77. Сооружение D, судя по всему, сохранилось полностью. Однако его северо-западная часть (на фотографии внизу справа) и последний засыпной слой над полом пока не раскопаны

того, известны два значка-полумесяца, изображенные на так называемых *выпрямителях древков* из Телль Карамеля, представляющих собой каменные приспособления с хорошо выраженным желобком. Очевидно, они использовались при изготовлении копий и стрел для выпрямления древков. Знаки полумесяца снова изображены в комбинации с круглым символом, что позволяет отнести данный зрительный шифр к установившемуся канону «солнце и месяц».

Столб 31 является западным двойником столба 18 и демонстрирует похожие размеры. После полного завершения раскопок он будет иметь высоту, значительно превышающую 4 м над уровнем пола. Он несколько тоньше, но также имеет столу и руки. Кисти рук, как и у столба 18, еще не раскопаны. Других рельефов пока обнаружено не было, за исключением одной букрании (изображения головы быка) на передней стороне стелы. Эта голова имеет трапециевидное углубление на лбу, до сих пор такого в Гёбекли Тепе не встречали. Возможно, оно служило для закрепления несохранившегося предмета.

Оба центральных столба Сооружения D относятся к типу стел Невали Чори. Оба имеют на «груди» символы: восточный столб - последовательность знаков – две части, составляющие Н-образную фигуру, далее круг и полумесяц; а западный – букранию. Ясно, что данные символы двух отдельно поставленных столбов содержали важное послание своим

Рис. 78. Южные столбы Сооружения D, вид с восточной стороны

Рис. 79. Вид Сооружения D с юго-западной стороны

Рис. 80. На груди столба 18 находится состоящий из двух частей Н-образный символ, а также круг и лежащий на спине полумесяц

современникам. Однако как понять его нам? Обозначает ли букрания мужчину, а составляющие Н-образной фигуры, круг и полумесяц женщину? В этом случае столб, обозначающий женщину, имел бы под правой рукой лису, в то время как мужской столб (на сегодня) других атрибутов не имеет. Так как толкование символов по половым признакам такое же спорное, как и другие попытки интерпретации, то наберемся терпения. Может быть, однажды новые сопоставимые находки позволят нам отдать предпочтение одному или другому решению, а может быть, мы никогда не выйдем за пределы описания. Делать заключительные выводы еще слишком рано.

Змея, бык и лиса – столбы восточной части круга

В Сооружении D столбы каменного круга почти сплошь покрыты рельефами.

Рис. 81. Столб 31, центральный западный столб Сооружения D. У него на груди рельефом представлена букрания

Мельефами. Мы отправимся на экскурсию и войдем с южной стороны в сооружение через предположительный вход. В действительности этот участок до сегодняшнего дня пока не раскопан. Над ним установлен мостик. Так что реально в сооружение можно попасть не через вход, а при помощи лестниц и мостика.

Внутри сооружения мы будем передвигаться по кругу против часовой стрелки вправо и подойдем сначала к столбу 19. На нем, вероятно, еще в древности, был произведен ремонт старого повреждения. Сегодня столб 19 представляет собой фрагмент Т-образной головы с началом стержня, кото-

Рис. 82. На фотографии запечатлен вид раскопа южной стороны Сооружения D перед удалением бровки (показана стрелкой). От столба 19 видна только передняя часть головы, на которой помещен рельеф змеи

рый установлен на горизонтальную плиту, лежащую на сложенном из камней цоколе (рис. 78, в центре). На передней стороне сохранившейся головы столба показана змея, другие рельефы отсутствуют.

Пройдем дальше на восток к столбу 20, также имеющему старое повреждение. Он значительно выше, чем столб 19, и стержнем доходит до скамьи, примыкающей с внутренней стороны к стене. Столб 20 удивляет нас необычным рельефом: Т-образная голова не несет украшений, однако на передней стороне стержня мы обнаружили ползущую вниз навстречу быку змею. Оба животных кажутся втиснутыми в узкое пространство, оставленное в центре столы, так что бык размещен на верхней части, а голова спускающейся змеи находится напротив головы быка (рис. 83). Эту встречу нельзя назвать мирной. Явно согнутые ноги быка могут означать, ориентируясь также на расположение животных – змея вверх, а бык вниз, - что бык побежден.

Под быком видна лиса. Из-за повреждения столба сохранилась только ее голова, однако изначально, вероятно, были изображены также тело

Рис. 83. Рельефная композиция со змеей, быком и лисой на передней грани стержня столба 20 частично перекрыта каменной скамьей, примыкающей к окружающей стене. Вследствие старого повреждения от фигуры лисы (внизу) остались только голова и передние лапы

и ноги животного. Таким образом, на столбе 20 мы имеем целую композицию, причем бык показан в крайне опасной ситуации.

Правая сторона столба рельефов не имеет. Левая тоже долгое время казалась пустой, лишь в нижней части нам удалось обнаружить две другие фигуры лисы. Они изображены непосредственно друг над другом.

Рельеф нижнего животного был, очевидно, удален, и определить его можно лишь по слабым очертаниям.

Следующий столб 21. На левой стороне его стержня видна голова газели, выполненная почти в натуральную величину. Продолжение рельефа с телом животного здесь полностью скрыто в окружающей стене (рис. 84). В настоящее время видны только вытянутые вперед и согнутые, как при движении галопом, передние ноги. Рога в форме лиры говорят о том, что, вероятно, это газель-доркас, одна из трех разновидностей газели, обитающих в Верхней Месопотамии.

Ниже расположено еще одно животное, но безрогое, похожее на дикого азиатского осла, или онагра. Снова видна только его голова и согнутые передние ноги. Под газелью и онагром имеется третья фигура, однако она почти полностью закрыта кладкой стены. Точно определить вид этого

Рис. 84. На левой стороне стрелня столба 21 видны изображения газели и дикого осла

животного нельзя. Открыта только передняя часть морды. Возможно, это лев или леопард.

Газели, по тому факту как часто встречаются их остеологические останки, составляли основную часть добычи охотников. Эти данные подтверждаются многими памятниками раннего неолита. Таким образом, закономерно, что изображения газелей известны в искусстве докерамического неолита уже давно. Интересно в этом отношении обратить внимание на иорданский памятник Дхувейлу, где учеными фиксируется распространение так называ-

емых *змей пустыни*. Данное название относится к загонным охотничьим сооружениям пустыни (воронкообразным в плане ловушкам с каменными стенами – *Примеч. ред.*), которые своими очертаниями напоминают детскую игрушку – воздушного змея. *Змеи пустыни* разбросаны по всей Аравии, но особенно часто они встречаются в Иордании. Эти конструкции служили ловушками при охоте на газелей. В Дхувейле удалось доказать, что некоторые используемые до новейшего времени сооружения были сделаны еще в каменном веке. Поэтому не случайно, что уже на неолитических процарапанных рисунках мы можем увидеть фигуры газелей. Однако не нужно заблуждаться на тот счет, что изображения животных напрямую связаны лишь с темой охоты. В частности, газели, как и представители иной охотничьей добычи, не зафиксированы в скульптуре и других изображениях Неваля Чори. Хотя среди охотничьих видов фауны газели там также преобладали.

Рис. 85. На столбе 22 видна голова лисы. Другие изображения, судя по всему, скрыты стеной

Дикие ослы тоже известны по изображениям эпохи неолита. Во время раскопок иракского памятника Умм Дабагия были открыты настенные росписи, на которых онагры показаны бегущими. Кроме того, рельефные изображения этих животных присутствуют на фрагментах керамических сосудов, происходящих с данного поселения. В Умм Дабагии изображения онагров легко объяснить наличием большого количества костей диких ослов среди собранных на памятнике остеологических

свидетельств. Жители поселения, судя по всему, охотились преимущественно на этих животных. Не думаю, что при толковании изображений Гёбекли Тепе следует пускаться в аналогичный путь интерпретации. На столбе 30 нам снова встретился дикий осел, однако уже в обществе змей. Здесь расположение одного вида животного рядом с другим, очевидно, несет некую смысловую нагрузку. В слишком же упрощенном перенесении методов интерпретации материалов с одного памятника на остальные скрыта опасность вступления на неверный путь.

В то время как правая сторона столба 21 пуста, на его передней грани можно распознать, хотя и при соответствующем освещении, фигуры двух других очень необычных животных. Ясно, что у них больше чем четыре ноги. Они похожи на насекомых или пауков. Мы не можем точно сказать, процарапанные это изображения или уже сглаженные рельефы. Так как обе фигуры удалось обнаружить с трудом и они очень нечеткие, мы решили до встречи с другими поясняющими примерами пока не обсуждать их на страницах научных изданий. Это решение оказалось разумным,

потому что через некоторое время подобные им экземпляры были действительно найдены, и зафиксировали их в западной части круга, куда мы скоро отправимся.

На левой широкой стороне столба 22 нами обнаружена на том же месте, где находится газель столба 21, голова лисы (рис. 85). Тело животного, как и на столбе 21, закрыто камнями стены. На передней грани столба между лентами столы спускается единственная змея. На правой стороне столба снова животное, однако оно так перекрыто стеной, что его вид определить не удастся. Открытая часть напоминает зайца.

Следующий на нашем пути столб под номером 30. Уже на передней поверхности он показывает рельефы (рис. 86). В самой верхней лобовой части виден абстрактный знак, который напоминает букву Н, повернутую на 90°. Ниже находится змея, от других многочисленных змей отличающаяся тем, что здесь она показана знаком молнии. На уровне живота имеется другое изображение. Безрогое животное с четырьмя ногами, вероятно дикий осел, расположено, наподобие быка столба 20, под группой из четырех спускающихся к нему змей. Одна из змей имеет на обоих концах тела по голове, и направление ее движения непонятно.

На этом обход раскопанной части восточной половины сооружения окончен. По техническим причинам мы должны вернуться к месту, с которого начинали, поскольку продолжение каменного круга за точкой остановки лежит еще под метровым слоем засыпки. Лестницы здесь не помогут. Пять столбов мы уже обнаружили, шестой с высокой степенью вероятности находится в оставленном по техническим причинам, неисследованном пока участке.

Перед осмотром западной половины я хотел бы еще раз перечислить виды животных, которых мы встретили: много змей, одного быка, четырех лис, одну газель и, вероятно, льва, двух онагров, а также насекомых, возможно пауков, и скрытое кладкой животное, быть может зайца. Помимо этого, обнаружена пиктограмма в виде лежащего на боку Н-образного символа. Теперь прошу следовать за мной, западная половина готовит нам новые открытия.

Столбы западной части строения

В западной половине круга фиксируются все шесть столбов, однако три северо-западные стелы раскопаны только до уровня навешиваний. Первый столб слева от предположительного входа, столб 32, пока, на удивление, совершенно свободен от рельефов. Это разочарование было с лихвой компенсировано оформлением столбов 33 и 38. Особое место принадле-

Рис. 86. На передней стороне поврежденного в древности столба 30 находятся повернутый на 90° N-образный символ, змеи и четверногое животное, вероятно онагр (дикий осел)

Рис. 87. На правой стороне стержня столба 38 изображены лиса, кабан и три птицы. Фотография сделана сразу после расчистки столба, в его нижней части видны остатки почвенной влаги

жит столбу 33. Описание этого объекта потребует отдельного времени. По этой причине мы его пока пропустим и рассмотрим сейчас следом идущие стелы западного круга.

Правая сторона столба 38, к счастью, стеной не закрыта. Здесь находятся шесть животных, все, как и ожидалось, смотрят вправо – в центр сооружения. На навершии стелы показан бык. Этот рельеф сохранился очень плохо. Точно определить можно только

ноги и характерные части головы, которая изображена в таком же положении, как и у быка на столбе 2. На стержне столба сразу под навершием находится рельеф лисы, который также дошел до нас в плохом состоянии. Хотя по сравнению с быком фигура лисы узнаваема лучше. Под ней виден кабан. Он сохранился полностью и сильно напоминает экземпляр, который размещен на столбе 12. Под кабаном расположенными на одном уровне находятся три птицы. Левая птица похожа на утку. Но перед ней мы обнаружили двух птиц иного вида, с длинными ногами и длинным клювом. Возможно, это аисты, а может быть, и неудачно изображенные резчиком по камню журавли (рис. 87).

Помимо отмеченных, столб 38 имеет другие рельефы. На передней стороне стержня сразу под навершием находится букрания, рога которой слева и справа частично заступают на столу. Таким образом, речь идет о третьем свидетельстве мотива «букрания и стола», который мы уже встречали на столбах 31 и 2. Левая сторона столба тоже украшена.

Рис. 88. Столб 33. Почти вся поверхность его правой стороны покрыта рельефами журавлей, змей, а также птиц, похожих на уток. На этом снимке проявилась наша давняя проблема: стены возле стел и рядом стоящие столбы не всегда позволяют освещать отдельные участки достаточно хорошо, чтобы рельефы на фотографии были четкими. Этот недостаток особенно нагляден у снимков плоских рельефов

Однако значительная ее площадь закрыта стеной, так что видимым остается только узкое пространство, где можно узнать голову большой птицы. Обращает на себя внимание ее длинный загнутый в конце клюв. Это не утка и не журавль или аист, а, вероятно, новый персонаж, напоминающий ибиса.

Следующие столбы 41 и 42 рельефов пока не представили. Но, не считая верхней части наверший, они еще и не раскапывались. Столб 43 выступает из бровки, однако большая его часть остается скрыта. Уже на правой стороне головы и передней грани стержня этой стелы фиксируются содержательные группы мотивов, которые в связи с неудачей при объяснении композиции «журавли на озере» мы пока комментировать не будем. Только два изображения тут могут быть точно определены: это Н-образный знак в обычном положении и он же, повернутый на 90°.

Многочисленных птиц мы увидим на столбе 33, самом поразительном объекте среди всех раскопанных на сегодняшний день стел. К нему сейчас и обратимся. К счастью, столб закрыт стеной только со спины, так что обе его широкие стороны можно хорошо рассмотреть. Они, как и передняя часть, по всей поверхности покрыты рельефами. Снова живот-

Рис. 89. На левой стороне столба 33 изображена лиса в натуральную величину и ползущие перед ней змеи

ные правой стороны стелы смотрят в центр сооружения, т. е. направо, а левой – соответственно налево.

Представим сначала вид правой стороны (рис. 88). Среди изображений на боковой грани наверху узнаваемы фигуры трех птиц, похожих на уток, которые напоминают «птиц в сетке» столба 12 Сооружения С. Возможно, это дрофы. *Otis tarda* – дрофа обыкновенная – большая и тяжелая, плохо летающая птица. Эти обитатели степей живут стаями в небольших группах. В

полете их шеи вытягиваются, как у журавля или аиста. Среди костей животных в Гёбекли Тепе мы часто находим останки дроф. Фигура четвертого представителя этого вида, которая располагается ниже группы из трех, была значительно «подтерта» за счет стесывания рельефа с каменной поверхности, однако ее очертания еще хорошо различимы.

Если мы проследим взглядом сверху вниз по поверхности стержня, то, прежде всего, увидим двух больших птиц с длинной прямой шеей и длинными ногами. Очень вероятно, что перед нами журавли, т. к. журавля на изображениях узнать относительно легко, даже если это всего лишь «белая зарисовка». У аиста по сравнению с ним значительно более короткая шея, а у цапли шея S-образная, оттянутая назад, более длинный и тонкий клюв. У верхней птицы на столбе 33 широко распущенные короткие перья хвоста, что характерно для журавлей. Хотя эти хвостовые перья расположенного ниже изображения отсутствуют, здесь нельзя предположить какой-либо другой вид птицы, например аиста, поскольку во всех

остальных деталях фигуры очень похожи. В изобразительном искусстве палеолита большие птицы, в том числе журавли, до сих пор неизвестны. Таким образом, возможно, что журавли Гёбекли Тепе – самые древние изображения данного вида.

Если голова, шея и тело показаны почти натуралистично, то ноги фигур сбивают с толку. У всех птиц коленный сустав находится значительно выше, в области оперения тела и внешне не наблюдается. В контуре птичьей ноги зритель фиксирует голеностопный сустав с противоположным по отношению к колену изгибом. Однако у обоих обсуждаемых журавлей колени явно показаны наподобие *человеческих*. Их ноги также необычно толстые, намного толще птичьих. Возникает вопрос, не изображены ли здесь люди, переодетые журавлями. Тем не менее ноги существ переходят в трехпалые ступни, как и полагается у журавлей (четвертый короткий задний палец не изображен). Нам нелегко отделаться от мысли, что здесь показан некий маскарад, когда переодетые журавлями люди танцуют. Они танцуют ритуальный танец журавлей с верой самим стать в танце журавлями. Эта композиция, вполне вероятно, могла изображать момент превращения танцоров в журавлей, а не просто переодетых людей.

У птиц на столбах 2 и 38 мы также наблюдаем ноги, согнутые в коленях как человеческие. И в этом случае допустимо предположение, что перед нами люди, превращающиеся в журавлей. Такой ход мыслей все больше ведет к попыткам обоснованного истолкования этих рисунков, которые мы пока оставим, а вернемся к рассмотрению столба 33.

Оба похожие на журавля существа окружены другими фигурами. Однако древний каменотес так постарался, чтобы «стереть» эти картины, что очень трудно точно определить их мотивы, особенно в левой верхней половине изображения. Возможно, за обеими хорошо узнаваемыми птицами находилась третья того же вида. Достаточно легко определяются несколько повернутых на 90° Н-образных пиктограмм высотой 14 см каждая. Что побудило мастера уничтожить ранние картины, мы не знаем. Однако точно можем сказать, что повернутый Н-образный знак встречается перед шеями журавлей как минимум 4 раза.

Значение повернутого на 90° символа, который мы впервые обнаружили на столбе 18, на данный момент разгадать нельзя, так же как нельзя ответить на вопрос, изменяется ли оно в зависимости от изменения положения знака. Тут может иметь место всего лишь манера изображения одного и того же символа. Это предположение отчасти подтверждается наблюдением, что оба варианта знака появляются почти всегда в комбинации со змеями или змеиными группами.

Между повернутыми Н-образными знаками помещены два смотрящих вправо, миниатюрно изображенных зверя (длина фигур - 12 см). Они смогли быть обнаружены лишь после тщательной очистки рельефов. Очевидно, это хорошо знакомые нам четвероногие животные – лисы. Заключение сделано по узнаваемой форме головы, пропорциям тела и длинному, сильному хвосту. Возможно, эти изображения зверей в зависимости от их размера и контекста «прочитываются» иначе, чем рельефы лис, выполненные в натуральную величину, стоящие отдельно или в группе других больших фигур. Под рассмотренной комбинацией фигурок зверей и символов перед нижним журавлем отчетливо представлено поле с волнистыми линиями (данный участок не имеет следов стесывания предыдущих рельефов). Мы приняли его за изображение воды. Как уже отмечалось, эта группа мотивов получила вначале поэтическое название «журавли на озере», потому что бровка закрывала тогда переднюю часть столба. Когда же она была разобрана, идилия неожиданно превратилась в драму. Оказалось, что показано вовсе не мирное пребывание птиц возле водоема. Волнистые линии не заканчивались кромкой столба, они выходили на переднюю грань стелы, и их окончания принимали форму сердца или листа. Теперь рисунок объяснялся иначе, ведь в Гёбекли Тепе именно таким образом изображались змеи, с которыми мы были уже достаточно хорошо знакомы. Несомненно, перед нами предстали змеиные головы, и мнимые волны неожиданно превратились в тела змей. Тогда композиция «журавли на озере» стала определяться как картина «журавли и скопление змей».

Аналогичной ошибки мы избежали при объяснении рельефа левой стороны столба, потому что она стала видимой только после того, как была убрана бровка и волны сразу превратились в змей. Здесь также имеется поле «волнистых линий», которые переходят на переднюю сторону и заканчиваются змеиными головами. Вместо журавлей появилась фигура большой лисы, она находится в вертикальном положении за змеями (рис. 89).

У лисы есть особенность. До сих пор все представители данного вида были самцами, но не эта. На том месте, где должен находиться половой орган, начинается скопление змей, которые направляются в разные стороны. После нескольких ошибок, допущенных нами при объяснении изображений Гёбекли Тепе, я все же попробую высказать предположение о том, что змеи, возможно, являются порождением той лисы. Такое объяснение делает логичным понимание изображений на противоположной стороне столба как ситуации – журавли высидели змей. Однако для уве-

ренных интерпретаций время еще не настало. Наберемся терпения, пождем. А пока рассмотрим, что показывает передняя часть стелы.

На месте живота столба 33 с двух широких сторон выползающие змеи обрамляют своими головами средний ряд вертикально выстроенных изображений, от вида которых прямо захватывает дух. Кажется, что перед тобой древнеегипетские иероглифы, и невольно ловишь себя на мысли о попытке их прочтения. Животные и абстрактные знаки, выдолбленные из камня, представлены последовательно и четко в вертикальном расположении.

Мы рассмотрим переднюю сторону столба 33 сверху вниз. Как и у большинства столбов, на лицевой части Т-образной головы изображения отсутствуют. На передней грани стержня по краям находятся ленты, которые я неоднократно описывал под рабочим названием «стола». Среднее поле столы всегда немного углублено, так что боковые вертикально ниспадающие ленты выступают рельефно. Если на столбе имеется такая стола, то другие рельефы часто отсутствуют или они размещены между лентами. Только на столбе 1 из пяти змей две ползут на лентах столы и три – между ними. На столбе 33 ленты и пространство между ними, напротив, сплошь покрыты рельефами.

Непосредственно под далеко выступающим вперед «подбородком» столба изображения сохранились очень плохо. Видны только ряды знаков, имеющих форму дуги, которые, по-видимому, изначально показывали намного более сложные мотивы. Однако сегодня в таком состоянии распознаванию они не поддаются. Неясно, почему эти знаки здесь так плохо сохранились. Подвергался ли столб в этом месте длительное время погодным воздействиям? Виноват ли тут некачественный известняк, или знаки были уничтожены умышленно? Здесь и на многих других столбах в будущем нужно провести специальные исследования, которые помогут ответить на вопрос, почему определенные части поверхностей столбов имеют очень нечеткие следы рельефов, в то время как сохранность изображений на соседних участках хорошая. Ясно видно, что стола начинается уже под «подбородком». Эти располагающиеся по краям передней грани стержня ленты соединены наверху под прямым углом посредством ленты такой же ширины.

Рельефы, которые расположены ниже плохо сохранившихся дугообразных знаков, выглядят четче. На лентах столы следуют в зеркальном отражении друг друга поднимающиеся ряды углов. Между ними в средней зоне видны Н-образный знак, три больших направленных вниз змей и снова Н-образный знак. Четвертая, значительно меньшая змея протискивается между правой большой змеей и ограничивающей простран-

ство лентой столы. Возможно, имеется еще пятая, у которой по причине отсутствия места изображен только хвост (рис. 91).

Ниже второго Н-образного символа следует четко вырезанный рельеф хорошо запоминающейся фигуры. Это шестиногое насекомое с толстой задней частью тела и треугольной головой со щупальцами, столь характерными для данного вида существ. Под насекомым снова три больших змеи. Теперь видно, что с левой стороны в изгибе больших змей притаилась еще одна маленькая змейка. Под змеиными головами находится миниатюрное смотрящее влево четвероногое животное, очевидно овца. В длину эта фигурка достигает 10 см. Ее размер соответствует размеру находящихся на правой стороне столба фигурок лис. «Овца», как мы видим, также интегрирована в группу других знаков. В конце этой группы опять появляется многоногое насекомое, выполненное тем же образом, что и отмеченные перед ним экземпляры. Однако теперь оно имеет восемь ног, т. е. уже однозначно может быть названо пауком (рис. 92).

Поднимающиеся по лентам столы ряды уголков начинаются только с уровня Н-знака. Под ними по обеим сторонам находятся выстроенные вертикально друг над другом змеиные головы, которые положили конец кажущейся идиллии картины «журавли на озере». Их изображенные горизонтальными волнистыми линиями продолжения в виде скопления змеиных тел представлены на правой и левой сторонах столба. Так как рельефы стелы продолжают под плитами скамьи, в которую, как и ожидалось, столб был вмурован и которая сейчас обозначает условную границу раскопок, то этот перечень является лишь фиксацией промежуточного результата. На всех участках стержня, закрытых до сих пор скамьей, можно рассчитывать на продолжение изображений. И уже сейчас видно, что как минимум один ряд змеиных голов внизу, на уровне плиты скамьи ограничен повернутым на 90° Н-знаком.

К лисицам и диким свиньям, змеям и быкам мы, археологи Гёбекли Тепе, уже давно привыкли. Но вот мотивы *насекомое* и *паук* застали нас врасплох. Паукообразные составляют в зоологии самостоятельный класс и, соответственно, от насекомых отличаются. Их появление было чем-то новым и неожиданным. Сразу возник вопрос ввиду большой внешней схожести обоих мотивов, действительно ли там изображены два различных вида животных. Длина каждой фигуры составляет 20 см. Можно предположить, что точно не определяемое насекомое – это неправильное по числу ног изображение паука. Сейчас для интерпретации значения данная вариация не столь существенна. Поэтому возможные дополнительные объяснения имеющихся шестиногих экземпляров мы рассматривать не будем. Если наличие шести ног – это признак насекомого, но не паука, то его изображение

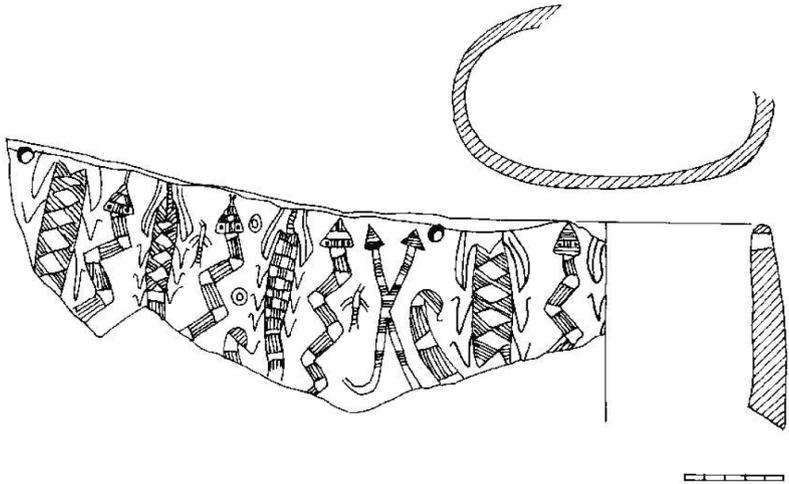

Рис. 90. В Кёртик Тепе найдены фрагменты украшенных гравировкой каменных сосудов. На данном фрагменте змеи и скорпионы изображены в определенной последовательности

преследует, вероятно, такую же цель: показать потенциальную ядовитость животного, что является яркой характеристикой паукообразных (в природе всегда с 8 ногами). Далее в книге эти мотивы будут обсуждаться под общим названием «паук».

Как мы помним по экскурсии в восточной половине сооружения, на столбе 21 фигуры паука представлены дважды. Они также находятся на передней грани стержня столба непосредственно друг под другом. Здесь речь идет либо об уничтоженном рельефе, либо о поверхностно процарапанном рисунке. В любом случае оба знака видны плохо, и только после обнаружения подобных животных на столбе 33 стало возможным надежное определение этих фигур.

Вне Гёбекли Тепе изображения пауков (или насекомых) почти не известны. В Месопотамии пауки встречаются отдельно на рисунках печатей IV и III тысячелетий до Р.Х. В Эгейском мире их редкие изображения датируются концом III тысячелетия до Р.Х. Однако эти примеры по причине своей временной удаленности от материалов Гёбекли Тепе особого интереса для нас не представляют. Животные, похожие на паука, обнаружены также на украшенном вырезанным рисунком фрагменте каменного сосуда древней докерамической фазы (PPNA) в Кёртик Тепе. Изображены, однако, явно скорпионы и, что интересно, только с шестью ногами. Эти

Рис. 91 (слева). На передней стороне столба 33 видна вертикальная последовательность абстрактных знаков и фигур животных, в том числе пауков и змей

Рис. 92 (справа). Увеличенная фотография передней части столба 33 показывает изображения двух животных одного вида, похожих на насекомых и пауков

животные чередуются со змеями, располагаясь в горизонтальном пространстве фриза по венчику сосуда (рис. 90).

Чаша из Кёртик Тепе относится к группе каменных сосудов с выгравированными рисунками, которые обычно демонстрируют геометрические мотивы. Такие артефакты известны по материалам Кёртик Тепе, Халлан Чеми, Чайёню, Невали Чори и Гёбекли Тепе. Изображения животных на них редки. В Халлан Чеми на стенке такого сосуда обнаружено одно изображение собаки, в Гёбекли Тепе – змеи. От этих чаш сохранились только фрагменты. Среди образцов с геометрическим рисунком могут находиться экземпляры, показывающие части изображений фигур зверей, но в настоящий момент они не определяемы.

Тем не менее к мотиву паука из Гёбекли Тепе, вероятно, все-таки удастся подобрать сравнимое раннеолитическое изображение. В Телль Карамеле обнаружен украшенный фигурами выпрямитель древков, на котором

между группами волнистых линий показано очень странное существо с длинными свисающими как-будто заячьими ушами. Точно определить, животное это или человек, не удастся. Но так как ясно различимы восемь ног, то его, скорее всего, можно связать с мотивом паука из Гёбекли Тепе. Особенность состоит в том, что обе задние пары ног согнуты в сторону головы в отличие от двух передних пар, согнутых обычным и для пауков Гёбекли Тепе образом. Если наша интерпретация верна, то группы волнистых линий по обе стороны от животного из Телль Карамеля хорошо соотносятся со скоплениями змей, окружающими с двух сторон пауков на столбе 33 в Гёбекли Тепе.

ЧАСТЬ IV. МЕЖДУ ЗНАЧЕНИЕМ И ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ – ПРИБЛИЖЕНИЕ К ПОНИМАНИЮ КАРТИН И МИРА ОБРАЗОВ КАМЕННОГО ВЕКА

Наблюдать, описывать, понимать – это шаги познания, которые мы предпринимаем каждый раз, когда хотим понять зрительный образ. И если мы смотрим на картину или скульптуру, возникшую в нашем культурном окружении, то этот процесс, как правило, протекает без особых трудностей. Представьте себе, например, композиционную группу распятия в церкви. Вы видите отдельные элементы: само распятие, плачущую женщину с одной стороны и павшего духом мужчину – с другой. Мысленно вы описываете это событие, понимая, что перед вами Иисус, Мария и Иоанн на Голгофе, т. е. в целом – сцена умирания Спасителя на кресте. Процесс познания для вас возможен, потому что вы – каким бы абстрактным и художественно индивидуальным ни был этот образ – находитесь в хорошо знакомом иконографическом окружении и знаете его культурный контекст. Он вам известен из предания о событии, которое отделяют от настоящего времени тысячелетия. По тому же принципу действует этот процесс при восприятии художественных произведений классической античности, например группы «Лаокоон». Сложнее дело обстоит уже с египетскими произведениями искусства и произведениями высокой культуры древней Передней Азии. Однако до тех пор пока мы соприкасаемся с контекстом, свидетельства которого дают нам не только богатые археологические находки, но который раскрывается также через письменные источники, мы относительно легко ориентируемся в возможностях его интерпретации. Хотя для этого, как правило, иногда требуется помощь специалистов при объяснении отдельных знаков, символов и изображений.

Для целого мира образов, в который мы попадаем на Гёбекли Тепе и соседних современных ему памятниках, нам часто не хватает таких информационных средств помощи. Эти изображения нам чужды, и наши традиционные методы восприятия тут не срабатывают. В любом случае подходить к пониманию данных образов следует не с тех же позиций, к которым мы привыкли, обращаясь с подобными им, встречающимися в нашем культурном пространстве. Нужно настраиваться на то, что придется очень долго еще находиться на уровне наблюдения и описания. Причем последнее делать не столь просто, хотя бы уже потому, что время изменило и повредило объекты, прежде чем мы сделали попытку

их понять. Мы осуществляем работу, в которой много неясного, многие пути ошибочны, и нужно стараться охватить максимальный объем материала также с соседних раскопок, чтобы постепенно открывать повторяющиеся элементы и образные послания. Кроме того, полезно учитывать общий контекст пространственных и архитектурных особенностей памятников, чтобы добавить эти важные детали в копилку нашего знания. Сейчас мы должны хорошо уяснить, что для интерпретации изображений докерамического неолита однозначных, точных и простых ответов, как в привычном для нас образном мире, ожидать не приходится.

ГЛАВА 1. ЖИВОТНОЕ И ИЗОБРАЖЕНИЕ ЖИВОТНОГО НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ

Давайте попробуем проникнуть в смысл некоторых имеющихся в нашем распоряжении мотивов. Среди обнаруженных изображений животных, вне всякого сомнения, особенно примечательны фигуры журавлей. Уже на столбе 2, который представляет собой восточный центральный столб Сооружения А, мы обнаружили птицу с длинными ногами и идентифицировали ее как журавля. Эта фигура помещена в вертикальный зрительный ряд, который, начиная сверху, показывает рельефы быка, лисы и журавля. Выполненные в геральдическом стиле (подобно рисункам на гербе) изображения животных заставили нас уже в момент открытия предположить, что речь едва ли идет о простом перечне произвольно взятых объектов охоты. Вместе с тем журавль на столбе 2 среди многочисленных лисиц, диких свиней и змей вначале долго оставался единственным представителем своего вида. Лишь во время сезона 2002 г. на восточной широкой стороне столба 33 были открыты два других экземпляра, на этот раз в обществе змей. Итак, что же для пополнения наших знаний о Гёбекли Тепе может потенциально обозначать повторяющийся мотив журавля?

Журавль – птица сырых равнин и болот. Он строит свое гнездо в укромном месте вблизи водоема, умеет быть очень бдительным, хранить в тайне существование кладки яиц и нахождение птенцов, при возникновении опасной ситуации – отвлекать врагов от гнезда. Знаменит танец журавлей, который исполняется не только в период токования, но и в течение всего года. В нем выражается радость жизни. Журавли очень умные и легко привыкают к близости человека. В «Жизни животных» Брема о журавлях сообщается, что они мирно уживаются с домашними птицами и даже становятся их защитниками.

Однако в Передней Азии журавль не долгий гость. Он выводит потомство в болотистых краях Евразии. Но осенью эта перелетная птица отправляется в жаркую Африку. Богатая водой местность вокруг Евфрата и Тигра всего лишь любимое место его отдыха во время таких перелетов. Здесь делают свою остановку два вида – серый журавль и журавль-красавка. Последний получил свое название из-за пучков белых перьев, находящихся за глазами и выходящих за контуры затылка, а также из-за более длинных перьев на груди. Клюв его короче, чем у серого журавля. Летящие на юг из Европы птицы останавливаются в Месопотамии в октябре-ноябре и на обратном пути – в марте-апреле. Только небольшая их часть сокращает себе маршрут путешествия, зимую в болотах Ирака рядом с Заливом.

В греко-римские времена клинообразной форме журавлиных стай в искусстве уделялось внимание. Было известно, что эта птица пролетает Средиземноморье, но никогда там не гнездится. Поскольку ее появление в начале года обозначало для крестьян время сева, она считалась священным атрибутом античной богини плодородия Деметры. В греческой мифологии журавли выступают, прежде всего, как враги карликового народа пигмеев. Этот популярный мотив – *гераномахия*, война журавлей и пигмеев, – известен в изобразительном искусстве благодаря, в частности, так называемой вазе Франсуа (первая половина VI в. до Р.Х.). Подобную историю передает Гомер. Согласно его рассказу журавли постоянно нападали на поля пигмеев, приносили смерть и порчу. Пигмеи защищались, разрушая гнезда журавлей. Это очень странная история, к нашим мотивам на Гёбекли Тепе она, очевидно, отношения не имеет.

Интересно посмотреть на журавля в искусстве Древнего Египта, где его изображения не редкость. Самые ранние свидетельства датируются раннединастическим временем, т. е. временем около 3 000 года до Р.Х. Хорошо различаются два вышеназванных вида. Любовь к журавлю древних египтян можно объяснить очень просто: журавлиное мясо считалось у них деликатесом. Птиц ловили сетями, что мы видим, например, на изображениях в гробнице Меху, жившего в период правления 6-й династии. Помимо этого, журавли откармливались и содержались в неволе, о чем однозначно свидетельствуют художественные произведения. Например, на рисунках в гробнице Птахотепа ее хозяину преподносятся живые журавли вместе с откормочными волами и гусями. Osteологический анализ подтвердил присутствие останков особей данного вида в культурных слоях памятников Древнего Египта.

Возможно, журавли уже в неолите были любимым объектом охоты. В пользу этого говорит, во-первых, то, что их osteологические останки

часто находят при раскопках поселений соответствующей эпохи. Вторых, известны их изображения, выполненные красной охрой на побеленной известью стене в одной из построек Букраса, крупного памятника сирийской части долины Евфрата эпохи позднего докерамического неолита (LPPNB). На том рисунке сохранились изображения примерно 18 птиц, фигуры которых по своим пропорциям и пышно распущенным хвостовым перьям напоминают журавлей. Более точная идентификация данных изображений, так же как и подобных им древнеегипетских экземпляров, не возможна. Рисунки птиц и весь комплекс свидетельств данного памятника оставляют впечатление, что, скорее всего, эту картину создавал охотник. Таким образом, журавль как мотив Гёбекли Тепе периода раннего неолита неединичный случай, что подтверждает отмеченный пример LPPNB времени из Букраса.

Изображения журавлей встречаются и в более поздние эпохи, но разрознено. В настенной живописи Чатал Хёюка известны два противопоставленных друг другу экземпляра. Помимо этого, в изображениях птиц на сосудах халафской и самаррской культур можно предположительно выделить фигуры журавлей. Позже в высокоразвитых культурах Передней Азии образ журавля (*urniqu*) существенной роли уже не играет.

Подводя итог нашим рассуждениям о восприятии журавля жителями Древнего Востока, заметим, что там он представлял интерес не в качестве заклятого врага пигмеев, но скорее как желанная охотничья добыча, привносящая разнообразие в меню. Независимо от того, подстерегали ли люди этих птиц на охоте или нет, они, несомненно, имели возможность наблюдать уникальный танец журавлей, изучать его и, так же как мы, восхищаться им. Очарование могло быть столь сильным, что люди охотничьей культуры пытались повторить этот танец, чтобы благодаря ему превращаться в журавлей. В пользу данного предположения говорит интересная находка остатков журавлиных крыльев из Чатал Хёюка, которые, очевидно, были частью соответствующего костюма. В этой связи еще раз уместно вспомнить удивительные «человеческие ноги» журавлиного существа на изображениях, встреченных нами в Гёбекли Тепе.

Однозначного объяснения изображений журавля как знака охотничьей добычи, по-видимому, недостаточно. Связь с другими представленными на стене в Гёбекли Тепе животными (бык и лиса) также не должна вести к преждевременному заключению о том, что перед нами обыкновенный «набор охотника». Против данной гипотезы говорит тот факт, что хотя журавль и является добычей, которую мож-

но съесть, однако того же нельзя сказать о лисе, изображаемой в неолите довольно часто. Давайте подумаем о мотиве змеи. При нужде змею есть можно, но стали бы ее использовать в качестве основного мотива охоты для изображений на каменных столбах? Не иные ли характеристики рассматриваемых животных, известные уже в обществе охотников, сделали в то время их образы определенными канонами? Здесь хищное животное, хитрость которого позволяет ему и сегодня преодолевать все охранные приспособления человека, если речь идет о добыче. Там змеи, многие из которых несут в себе яд, представляющий для человека угрозу, против которой нет средств, в случае если ваши пути пересекутся. И мы говорим об эпохе, когда не было надежных лекарств против укуса змеи. Не эти ли вечные характеристики обоих видов животных дали основания для создания устойчивых зрительных образов? Многое свидетельствует в пользу того, что вряд ли змеи, лисы и журавли были выбраны скульптором каменного века в качестве моделей лишь с целью представления охотничьей добычи. Не относится ли это и к другим изображавшимся животным?

Змеи

Размышляя о значении изображений животных, встреченных нами в Гёбекли Тепе, можно попробовать обратиться за подсказкой к письменным источникам ранних цивилизаций Ближнего Востока. Содержат ли они материал для возможного толкования собранной коллекции? Разумеется, такой подход предполагает очень оптимистическое видение того, как традиции из неолита протянулись в мир Древнего Востока III тысячелетия до Р.Х. Однако стоит заметить, что локальные цивилизации имеют вневременные элементы осмысления их естественно пространственного окружения, а это в какой-то степени оправдывает такой осторожный поиск попыток объективной интерпретации.

Чаще всего на столбах Гёбекли Тепе встречается изображение змеи. Мы видим одиночных змей или собранных в группы, а также показанных в качестве антипода рядом с другим животным, например с быком или диким ослом. Из Невали Чори происходит скульптурный фрагмент, представляющий выполненную больше чем в натуральную величину лысую голову человека, на которой расположилась змея. Лицевая часть головы, к сожалению, была разрушена еще в древности, и, вероятно, сделали это преднамеренно. Между тем змея, ползущая по затылку навстречу потенциальному наблюдателю, сохранилась хорошо. Ее большая сердцевидная голова с некоторой долей уверенности позволяет предположить, что это гадюка – существо очень ядовитое. Таких змей и сегодня в Месо-

потамии встречается много. А укусы левантской гадюки (гюрзы – *Примеч. ред.*), если не принять срочных контрмер, смертельны. Ее представители любят погреться на солнышке, расположившись на скалах, что окружают Гёбекли Тепе.

В случае с лысой головой из Невали Чори ядовитая змея направлена в сторону наблюдателя. Создается впечатление, что она является защитником своего носителя. Для лучшего понимания данного объяснения расширим еще немного ассоциативное пространство, вспомнив змею-уреус, обязательный элемент в костюме фараонов, которая с головы хозяина постоянно следила за его окружением. Мне кажется, что изображение из Невали Чори едва ли содержит иной смысл.

Конечно, всего сказанного недостаточно для того, чтобы понять функцию змеи в иконографии Гёбекли Тепе. С помощью представленной информации мы не вышли за пределы основных констант восприятия человеком змеи или, если так можно выразиться, за рамки общепринятого отношения к змее в человеческом обществе. Этот по меркам Земли древний вид был и остается по отношению к нашему несравненно более молодому виду – *cum grano salis* – всегда далеким, чуждым и опасным.

Лиса

Рассмотрим следующий по частоте встречаемости мотив лисы. То, что среди похожих животных речь идет действительно о лисах, а не о волках или о шакалах, видно по пропорциям фигур и их позам. Не в последнюю очередь хвост делает здесь лису бесспорным фаворитом среди других возможных вариантов при определении вида. Кроме того, в отличие от шакала или волка лиса в археофауне Гёбекли Тепе встречается довольно часто, что доказано остеологическими находками.

Во все времена лиса была востребована как яркий образный мотив, чего, например, нельзя сказать о змее. Тем не менее на Древнем Востоке иконография лисы не очень значительна, хотя этот зверь и появляется в начале шумерской письменности среди ранних архаичных знаков Урука начала III тысячелетия до Р.Х. Как и у многих других древних символов, которые изображали животных, там также показана только голова. Особое значение лисы по имеющимся данным выделить сложно.

Нет божества, которое бы демонстрировало лису в качестве своего *постоянного* спутника. Главное место ей принадлежит только в одной серии древневосточных сюжетов, правда, в роли, нас совсем не удивляющей. Оказывается вавилонский лис своего рода прототип мастера Рейнеке. Так, например, он вступает в союз с волком против слуги овцы – соба-

ки. Поэтому на него пожаловались судье, но он умело защищался и ловко ушел от обвинений.

Данные сюжеты имеют, по-видимому, шумерское происхождение, хотя переданы средне- и новоассирийскими текстами. Воплощение подобных рассказов в изобразительном и прикладном искусстве также нашло свое выражение в древневосточной культуре. В частности, материалы царских могил Ура демонстрируют мозаику из ракушек, расположенную между передними ногами так называемого быка с голубой бородой. Возможно, это иллюстрация к сказке. Среди четырех расположенных друг под другом изображений на верхнем поле мы видим героя, который схватил двух диких быков с человеческими лицами. На следующем поле идущий в левую сторону лев держит пивную кружку и чашу. Перед ним в том же направлении лиса несет поднос, на котором находится всевозможная еда. Среди яств угадываются ветчина, бычья и свиная головы. Ниже сидит играющий на лире осел, единственный, кто повернулся направо. Перед ослом танцует медведь. Между этими двумя животными показана играющая на флейте маленькая собачка. На самом нижнем поле человек-скорпион танцует с кастаньетами. За ним следует газель с бокалами. Справа от нее еще одна пивная кружка. Сказку к этому образному ряду мы, к сожалению, не знаем, однако то, что мы видим, немного напоминает известные истории, такие, например, как «Бал зверей». Вероятно, лиса, несущая ветчину, выступает не в качестве официанта, а в своей обычной известной от мастера Рейнеке роли, воруя еду. Совсем как «*Лис, ты украл гуся...*». Вместе с тем нельзя не отметить: все, что связано с интерпретацией данной картины, включая образ лисы, действительно очень гипотетично.

В наших дальнейших поисках мы встретили лису в мифе об Энки и Нинхурсаг, матери всех богов. Энки выступает здесь как мужской бог-создатель, дающий свет, жизнь, развитие и все богатства культуры. Энки женится на Нинхурсаг. Однако отношения между ними не безоблачные. Нинхурсаг исчезает. Беспомощные боги ищут ее. После их напрасных усилий лишь лисе за соответствующее вознаграждение удается вернуть жену Энки. Как видим, и эта история работает только с одним хорошо известным мотивом хитрой лисы.

Кроме того, мы находим нескольких лисиц на кудурру – межевых камнях Вавилонии. На одном из них изображены: лиса, возможно, как атрибут бога Энлиля, кошка, представляющая бога Ану, и рыба-коза – знак бога Эа. Энлиль в III тысячелетии до Р.Х. – главный бог Шумера и бог г. Ниппур. Энлилю принадлежит также звезда Лиса в созвездии Большой Медведицы.

Подводя итог, мы можем сказать, что на Древнем Востоке сюжеты, связанные с хитростью лисы, безусловно, уже были достоянием культуры, как, например, в наше время истории о мастере Рейнеке. Однако объясняется ли такое большое количество изображений лисы только тем, что является ее поведенческой характеристикой? Нужно ли было строить с помощью примитивных технических средств и огромных людских усилий монументальные сооружения лишь для того, чтобы скульптор тяжелым трудом на больших каменных плитах мог создать памятник герою звериного комикса? При внимательном рассмотрении источников задаешься вопросом, не упущены ли здесь некие важные моменты, необходимые для более глубокого понимания лис Гёбекли Тепе.

Многочисленные рельефы лис Гёбекли Тепе не просто увеличивают число уже известных изображений культурного пространства письменных цивилизаций Древней Месопотамии. На самом деле они относятся к другому духовному миру, отражая иные мировоззренческие установки, отличные от проявляющихся в шумерских и вавилонских лисьих изображениях и историях. И из этого положения мы должны исходить при оценке всех без исключения мотивов животных, которые были обнаружены на каменных столбах Гёбекли Тепе.

Стремясь понять смысл данных изображений, возможно, мы сделаем шаг вперед, если вспомним детали сопоставимых неолитических памятников, упомянутых в предварительном обзоре. Эти свидетельства такие же загадочные, как и материал Гёбекли Тепе, они возвращают нас в мир Гёбекли Тепе. Обратимся по этому поводу еще раз к моделированным «грудям» из Чатал Хёюка. «Грудями» Джеймс Меллаарт назвал рельефно созданные выпуклости на стенах домов, и в его интерпретации мы уже высказывали свои сомнения. Интересно было узнать, что в эти выпуклости помещали кости животных, а именно нижние челюсти кабанов, черепа коршунов, лисиц и ласок. Творцы Чатал Хёюка, который по времени на тысячи лет ближе к Гёбекли Тепе, чем дошедшие до нас в письменных источниках мифы Древнего Востока, посредством особого отношения к останкам некоторых животных засвидетельствовали, что между ними и строителями Гёбекли Тепе существовала бóльшая духовная близость, нежели чем между последними и составителями историй о «древневосточном Рейнеке-лисе».

В заключение хочется заметить, что *одного* только взгляда на мифологию древневосточной высокой культуры недостаточно, чтобы (ре)конструировать убедительную и понятную связь между этими историями и изображениями животных в Гёбекли Тепе. Состояние археологических источников неолита Передней Азии дает хорошие точки соприкоснове-

ния. Следует постепенно пройти путь через каменные свидетельства от древних к более молодым эпохам, и тогда уже на определенном этапе может стать очевидной их связь с мифами и изображениями исторического времени.

ГЛАВА 2. КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И ТРОПЫ МЕЧТЫ КАМЕННОГО ВЕКА

«С культурной памятью открываются глубины времени». Из-под пера Яна Ассманна вышел обширный труд, посвященный религиям и коллективной памяти³⁸. В центре этого исследования находится культурная память, которая, несмотря на многочисленные общественные потрясения, способна почти без изменений сохранять предания в течение тысячелетий. Для религиозных традиций культурная память – ключ к пониманию их долговечности. В отличие от нее коммуникативная память подвержена биологическому воздействию и объединяет, как правило, не более трех поколений – детей, родителей и бабушек/дедушек.

У Ассманна, как у египтолога, было решающее стартовое преимущество по сравнению с людьми, не имеющими отношения к исследованиям Древнего мира, ведь в его распоряжении находилось собрание источников, охватывающее не менее 5 000 лет. Знание древнеегипетской и древней переднеазиатской культуры помогло ему не смотреть на проблему сквозь затуманенное стекло совсем неизвестного или малоизвестного прошлого, а ясно видеть нужные цели.

Изобретение письменности в качестве накопителя коллективной и коннективной памяти, переходящих в память культурную, – так Ассманн обозначил точку отсчета, которая открывает в Египте и Месопотамии эпоху доказательно связанной традиции. А то, что было до этого, можно лишь предположительно и фрагментарно пытаться реконструировать на основе материальных свидетельств. Однако передача традиций в производстве орудий известна для очень ранних эпох. Выделение особого вида ручных рубил ашельской культуры (приблизительно 1 500 000 – 120 000 лет до Р.Х.) или различных типов наконечников мустьерского времени (120 000 – 35 000 лет до Р.Х.) было бы невозможным без существования в те периоды культурной памяти, как бы она ни функционировала. Статуэтки венер граветтской культуры (28 000 – 22 000 лет до Р.Х.) могут приводиться в качестве яркой параллели для целого ряда культурных явлений позднего палеолита, что свидетельствует о существовании устой-

чивых связей, передающихся через многие поколения. Со временем связи эти, однако, прерывались или, по крайней мере, сильно ослабевали, потому что до тех пор, пока они не фиксируются в письменном виде, они полностью зависимы от имеющихся условий для поддержания непрерывной устной традиции. Таким образом, мы ни в коем случае не можем исходить из того, что отдельные видимые традиции, которые по-разному устойчивы и продолжительны, могут быть собраны в единый толстый канат, непрерывно протянутый через тысячелетия. Противопоставление, прерывание и новое начало – это нормальные явления в многотысячелетнем процессе.

Взгляды Яна Ассманна могут стать важным ориентиром при интерпретации изображений и знаков Гёбекли Тепе, когда мы будем хорошо, насколько это возможно, знать изобразительные каноны 12-10-тысячелетней давности, на что потребуется еще некоторое время. Отмеченная проблема имеет большое значение и уже начала разрабатываться. Судя по всему, в X и IX тысячелетии до Р.Х. в верховьях Тигра и Евфрата существовала широко распространенная система символов. Ее содержание нам, конечно, неизвестно, однако понятно, что знаки служили людям того далекого времени в качестве инструментов для накопления багажа культурной памяти.

Разумеется, символы были здесь только частью системы. *Песенная паутина*, состоящая из «троп мечты» австралийских *аборигенов*, хорошо иллюстрирует (если можно использовать тут такое антропологическое сравнение), как люди в неолитической Месопотамии за пределами знаний конкретных географических регионов в огромной стране могли ориентироваться, передвигаться и общаться. Мифические истории для *аборигенов* – путеводные нити в их кочевой жизни. Тропы мечты – это растекшиеся в песнях карты страны, где приводятся описания различных мифологических событий, происходивших в определенных конкретных местах странствий людей. *Песенная паутина* ведет во все стороны света и покрывает весь австралийский континент сетью ориентиров. Каждое племя наследует и передает по наследству свое собрание троп мечты, однако ни одна группа не владеет полным комплексом мифологических историй, а видит всегда только часть этих путей. Благодаря данным обстоятельствам тропы мечты стали коммуникативной сетью и средством культурного обмена через расстояния.

Имелись ли в Верхней Месопотамии в X тысячелетии до Р.Х. тропы мечты, сравнимые с австралийскими, мы, конечно, не знаем. Однако, опираясь на весь комплекс доступных материалов, можем утверждать, что уже тогда были известны пути, связывавшие далеко расположен-

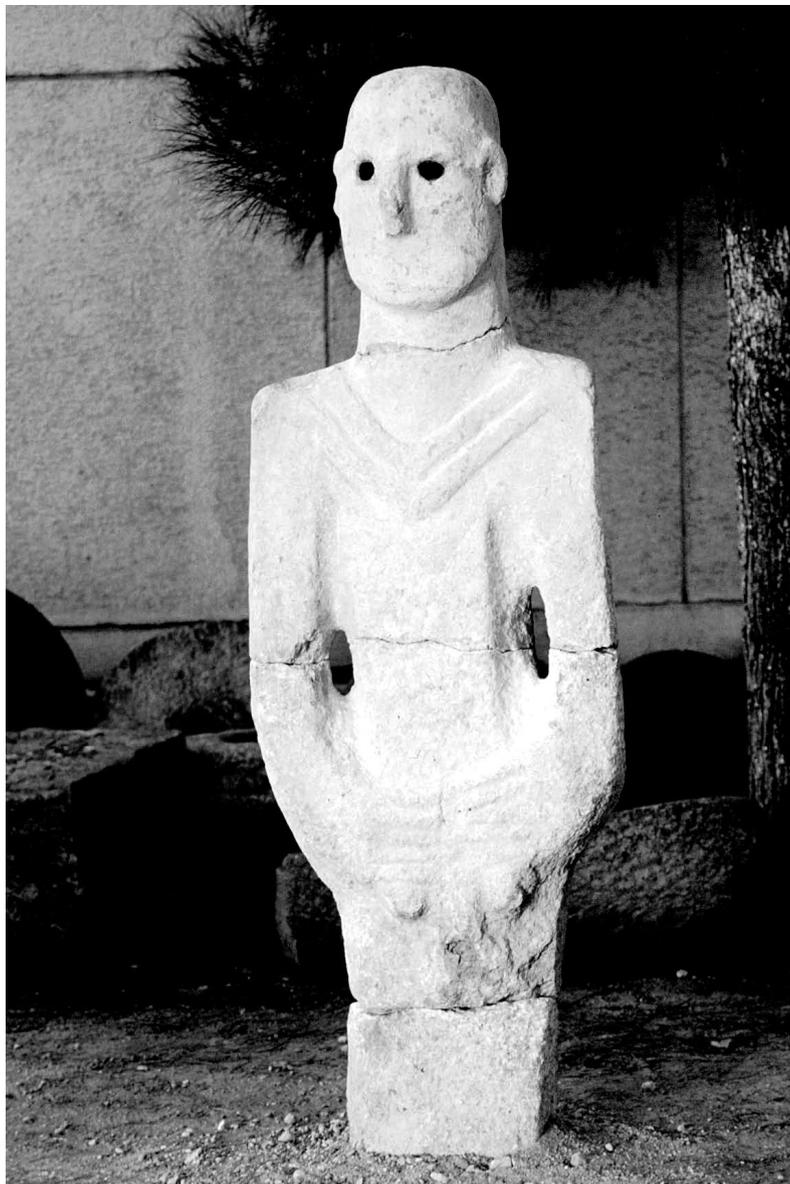

Рис. 93. Статуя из г. Урфы. Относится к самым ранним хорошо сохранившимся скульптурам, изображающим фигуру человека в натуральную величину. Была обнаружена во время строительных работ в старом центре

Рис. 94. Еще не исследованная археологическая площадка Карахан расположена в районе малонаселенных гор Тектек восточнее Урфы. Видимые на поверхности Т-образные столбы не оставляют сомнения в том, что это раннеолитический объект. Данное заключение подтверждается и рельефом змеи, обнаруженным на передней грани стержня одного из столбов, частично раскопанных крестьянином

ные пункты. То, что район вокруг Урфы являлся целью таких далеких путешествий и должен был обслуживаться как зона сакральных мест, сомнений не вызывает.

Сакральные места каменного века

В музейном подвале Урфы много лет хранилась находка особого значения. Существовая в одном экземпляре, она не могла быть сразу классифицирована и, соответственно, научно оценена. Я имел счастье познакомиться с этим объектом задолго до того, как он стал известен широкому научному сообществу. В 1993 г. Аднан Мысыр, тогда директор музея, привел Гаральда Хауптманна в запасник, чтобы показать известняковую скульптуру мужчины, сделанную в натуральную величину. Ее нашли в Урфе, и аналогов ей в изучаемые периоды известно не было (рис. 93). Поэтому она лежала, не привлекая внимания, в углу склада. А когда в музей поступили сенсационные скульптурные свидетельства из раскопок Невали Чори, у специалистов возникло желание лучше рассмотреть тот до тех пор не востребованный объект. Вскоре пригласили меня высказать свое мнение об этой находке.

Сегодня «статуя из Урфы» приобрела мировую славу как самая древняя полностью сохранившаяся скульптура человека, выполненная в натуральную величину. Нет сомнений, что она относится ко времени скульптур из Невали Чори и Гёбекли Тепе. К сожалению, обстоятельства

обнаружения полностью не выяснены, известно только, что нашли ее в 80-е гг. в старой части города, когда строили подземный гараж. Данный район расположен немного севернее так называемого святого источника. Очевидно, здесь уже в каменном веке находилось некое святилище. Иначе как в сакральном контексте статую из Урфы представить себе трудно. Но неолитическая святыня на источнике в Урфе едва ли будет исследована археологами. Этому мешают плотная застройка старого города и, что намного важнее, сооружения, а также особые места исламского центра паломничества, который включает в себя грот, где родился Авраам, и находящийся рядом святой источник. Уважение религиозных чувств исламского населения запрещает здесь развивать саму мысль об археологических раскопках³⁹.

Вместе с тем имеется еще целый ряд других раннеолитических святынь особого значения. Наши знания о них сейчас очень ограничены. Огромная территория, не затронутая сооружением дамб и связанными с ними интенсивными археологическими исследованиями речных долин, до сих пор остается просто не разведанной. Случайно обнаруженными являются Сефер Тепе возле Вираншегира между Урфой и Мардином, а также Кечили или Карахан, одиноко располагающиеся на почти не заселенном лунном ландшафте в районе гор Тектек. Если Сефер Тепе скрыт от наблюдателя в широкой долине и по многим показателям уступает Гёбекли Тепе (его можно распознать как раннеолитический объект с Т-образными столбами высотой 1,5-2 м лишь стоя на самом холме), то Карахан уже издали представляет собой почти сюрреалистический вид, напоминающий картину Сальвадора Дали. Причудливо возвышаются в большом количестве Т-образные наверхия столбов над не тронутым в течение тысячелетий пологим склоном холма, на который раньше приходили за кормом газели, а теперь здесь находят себе пропитание овцы и козы. Их пастухов мало интересуют обработанные человеком камни, так что об этом месте до недавнего времени не знал ни один ученый. Но сегодня уже можно утверждать, что речь идет о большом объекте, несомненно, каменного века, отличное состояние которого и обещание большой архитектуры в любом случае оправдывает широкомасштабные исследования. Сколько еще таких мест, как Сефер Тепе и Карахан, лежат неизученными между Тигром и Евфратом? Вероятно, в грядущие десятилетия они смогут улучшить наши знания о каменном веке, его образах и культурном контексте. В конце концов, это вопрос терпения, связанный в целом с решением загадки Гёбекли Тепе посредством расширения и более тщательной разработки области исследований, что даст возможность глубже понять жизненные реалии наших далеких предков.

Охотники, крестьяне, знаки... Памятники каменного века у подножия Караджадага

Урфа, Гёбекли Тепе, Невали Чори, Чайёню, Кёртик Тепе, Сефер Тепе и Карахан – все эти места ближе или дальше группируются вокруг горы, которую Гельмут фон Мольтке в своих *«Письмах о положении и событиях в Турции»* кратко и точно охарактеризовал так: *«Почти все горы красивы, но Караджа-Даг между Евфратом и Тигром – в своем роде единственная. Из тех, которые я до сих пор видел, она явление уникальное. По постоянно пологому склону не больше 3–5° мы поднимались в течение двух дней и неожиданно к нашему изумлению оказались в снегу. Нам казалось, что мы на равнине, а высота этой горы не менее 5 000 футов, и значит она своими ветрами и суровым климатом»*. Караджадаг возвышается на 1 919 м над уровнем моря. Высота, которую на местности, как это метко описал Гельмут фон Мольтке, без карты не заметишь. Общая площадь примерно 150 км², причем едва ли можно точно определить, где начинается гора, а где заканчивается окружающий ее ландшафт.

Новые исследования Германского комитета норм и стандартов (DNA-Analyse), которые проводились независимо от работ на Гёбекли Тепе и без учета их результатов, обнаружили здесь не просто то, что было изначально запланировано. Данные этих анализов позволяют считать Караджадаг потенциальной родиной современных культурных злаков. Стоя на склонах Караджадага, начинаешь предполагать, что древнейшее земледелие, особенно переход к выращиванию зерновых, вероятно, выглядело совершенно иначе, чем мы себе это представляем. Оно могло осуществляться не на отдельных скромных участках, а на гигантских от горизонта до горизонта площадях, подчиненных масштабным планам человека. На пороге неолита человек должен был, прежде всего, научиться предотвращать поправу диких зерновых растений пасущимися стадными животными. Он заботился о том, чтобы газели и дикие ослы не попадали на территорию сбора диких злаков. Одновременно он предпринимал различные меры, способствовавшие росту растений и обеспечивавшие максимальный урожай.

Однако как защищался человек от животных, которые вдруг стали не просто добычей, но еще и конкурентами по питанию за потребление диких злаков? Вы помните Дхувейлу и так называемых *змей пустыни*? Эти гигантские ловушки для животных в аравийской пустыне, главным образом, служили для охоты на газелей. Могли возводиться целые батареи подобных ловушек из воронкообразных каменных конструкций. Одна сооружалась возле другой, и таким образом создавался новый окультуренный человеком ландшафт. В данном регионе наши предки

начали подчинять себе природу, изменяя окружавший их мир. Мы не знаем, сколько «пустынных змей» было сооружено в каменном веке, а сколько в последующие периоды. Но мы знаем, что охотники из Гёбекли Тепе и в целом из района Караджадага имели больше возможностей преследовать животных и удерживать их вдали от зерновых площадей, чем просто подкарауливать отдельных особей с луком и стрелой. Кроме того, мы предполагаем наличие межрегионального общения в то время и, соответственно, путей, по которым это знание могло передаваться дальше.

Поговорим еще немного о способах охоты в обществах каменного века и обратимся к очень интересной в этом плане топографической ситуации для Невали Чори - места, которое мы вспоминаем чаще остальных поселений - соседей Гёбекли Тепе. Оно расположено на почти закрытой территории в маленькой боковой долине Евфрата в 2-3 км от реки. Примерно в 10 км от него находится большой брод через Евфрат. Человеческое сообщество - то, которое очень сильно зависит от природной окружающей среды, а именно такими были наши предки в каменном веке, - выбирает подобное место для поселения не случайно. Невали Чори было заложено достаточно далеко от брода, чтобы не пугать своим присутствием животных, использовавших этот переход через реку. В то же время Невали Чори находилось достаточно близко, чтобы жители могли быстро добраться до брода. Мы имеем данные этнографии об охоте канадских индейцев на стада северных оленей Карибу. Люди подкарауливали животных на реках во время их ежегодных миграций. Даже если мы не знаем деталей аналогичных процессов десятилетиями давности, многое говорит в пользу того, что стратегия охотников на Евфрате основывалась на схожих принципах и реализовывалась методами, похожими на методы канадских индейцев. При наличии больших рек, как правило, существуют броды, которые могли служить ловушками для животных. Тогда как в сухих областях Аравии люди не жалели сил для сооружения километровых стен, чтобы достичь подобного же эффекта. Данные наблюдения невольно наводят на мысль о ярко выраженной общественной характеристике рассматриваемого вида деятельности. Охота не была занятием отдельных людей, но являлась хорошо организованным предприятием, которое постоянно требовало от коллектива огромных совместных трудовых затрат. Несомненно, охотники X тысячелетия до Р.Х. умели очень хорошо использовать ландшафт. Это, конечно, относилось и к Караджадагу, где стадных животных необходимо было, по крайней мере, не пускать в определенные зоны, чтобы сохранить урожай. Решение данной задачи могло быть достигнуто только тогда, когда различные группы работали сообща.

Все говорит о том, что действия вокруг Гёбекли Тепе основывались на коллективных связях в этом регионе. Возведение строительных сооружений, изготовление мегалитических стел, как и охота, требовали сплоченности и организации большого союза племен. Изображения и знаки, которые сегодня распознаются в Гёбекли Тепе, даже если значения их мы пока совершенно не понимаем или иногда только предполагаем, очевидно, могут быть объяснены лишь при изучении всего многогранного комплекса различных сторон социальной и духовной жизни их создателей. Как далеко в историю уходит данная система и как долго сохранялась основа культурной памяти IX тысячелетия до Р.Х. в последующие эпохи, мы не знаем. Около 8 000 г. до Р.Х. источники Гёбекли Тепе, дающие нам археологические свидетельства специфической формы языка символов, прерываются.

Суммируя наши знания, можно сделать вывод, что уже в далеком прошлом одновременно с развитием *Homo sapiens* развивалась и культурная память. Как минимум в верхнем палеолите (35 000 – 12 000 лет до Р.Х.) на стоянках охотников ледникового периода и в их пещерных святилищах фиксируется существование сложных по существу мнемотехнических образных систем. Если следовать данным новейших исследований, раньше всего этот процесс начался в используемых для инициации пещерах. Как аналогию Ассманн приводит пример древне-

Рис. 95. Оттиск печати из Телля Саби Аби-яд. Рисунок объясняется как стилизованно выполненный мотив паука, который можно сопоставить с известными рельефами Гёбекли Тепе (см. рис. 92)

египетского мальчика, который проходил инициацию не пытками, а учась читать. Мальчику древнекаменного века без некоторых ритуальных изъятий обойтись, вероятно, не удалось. Однако помимо этого он «читал» изображения на стенах пещеры и таким образом узнавал, например, от чего благодаря инициации будет освобожден в действительности.

По сравнению с пещерными картинами послания изображений и знаков Гёбекли Тепе нам менее понятны. А появля-

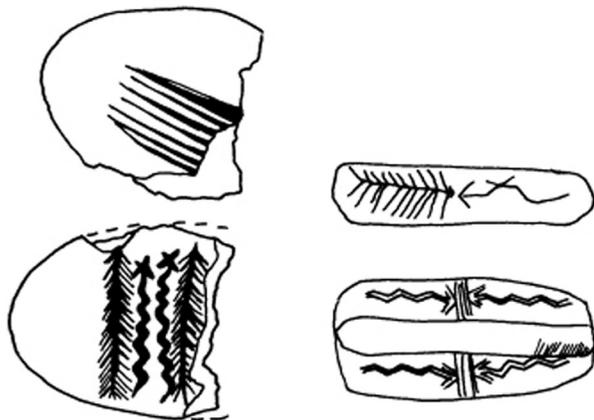

Рис 96. Овальный камень и выпрямитель древков из Тель Карамеля, украшенные фигурами змей между изображениями «веток», которые нами интерпретируются как изображения сороконожек

ются они на заре неолита в сразу до недавнего времени неожиданно высокоразвитой форме. Несомненно, эти символы были зрительными средствами передачи в далекое будущее имеющих для культуры их создателей большое значение тем и сюжетов, иначе люди не приложили бы столько сил и стараний, чтобы представить их таким образом, помещая в потрясающем воображение комплексе монументальных культовых сооружений⁴⁰.

Но насколько глубоко были интегрированы в пространство и время люди, которые создавали и воспринимали палеолитические картины в пещерах или рельефные сюжеты раннеолитической эпохи? Являются ли данные объекты материализованными островками культурной памяти? Спросим дальше, существует ли вообще вероятность обнаружения следов культурной памяти каменного века? С помощью археологии мы настойчиво пытаемся распутать нить Ариадны, по которой сможем пройти через лабиринт тысячелетий и решить имеющиеся загадки.

Пауки, змеи, многоножки и взгляд за границы неолита

Возможно, пауки Гёбекли Тепе плетут начало такой нити, потому что их запоминающийся образ снова появляется на оттисках печатей уже в одном из известных поселений керамического неолита (6 800 – 6 000 лет до Р.Х.). Речь идет о Тель Сабии Абияде, памятнике Северной Сирии, который значительно моложе, чем Гёбекли Тепе. Изображениями некоторых оттисков печатей тут являются ломаные линии в комбинации с треугольниками. Две, часто три М-образные линии расположены одна над дру-

гой. Свободное поле верхней М-образной линии заполняет треугольник, по одному треугольнику находится в свободных пространствах нижней М-линии. Если сравнить данные свидетельства с материалами Гёбекли Тепе, то мотив «шестиногий паук» не исключен. Три М-образные линии образуют пары ног. Попробуем перевернуть группу М-образных знаков. Теперь расположенные вверху треугольники можно считать глазами, а единственный нижний – туловищем (рис. 95).

Эти свидетельства позволяют нам продолжить поиск других сопоставимых мотивов изображений Гёбекли Тепе и Саби Абияда. Археолог Ким Дуйстермаат описала один из таких мотив как «зазубренные листья». Однако права ли она? Если для сравнения рассмотреть аналогичный рисунок из материалов уже называвшегося раннеолитического поселения Телль Карамеля, то мы придем к другому толкованию. На найденном там выпрямителе древков нанесено изображение змеи, напротив которой показан непонятный объект, немного похожий на еловую ветку (рис. 96, верхний справа). При близком рассмотрении можно разглядеть маленькую голову в форме угла, а это указывает на то, что перед нами снова животное. Оно длинное, как змея, при этом изображено полностью и имеет 21 ногу. Ноги примерно одинаково распределены по всей длине тела. Очевидно, здесь показан представитель стеножек. Они вместе с родственными им многоножками относятся к группе сколопендр, а последняя вместе с насекомыми – к членистоногим. Их изображение вполне соответствует изображению животного из Саби Абияда, которое, на наш взгляд, вряд ли может быть веткой растения с зазубренными или игольчатыми листьями.

Рассматриваемый вид животных имеет довольно крупных и очень ядовитых представителей, что, возможно, дало повод мастеру неолитического периода из Телль Карамеля поместить данный мотив в общество со змеями. Сколопендры в длину достигают более 25 см. Тела их приплюснуты, зеленовато-бурой окраски, сегментированы. В каждом сегменте имеется одна из 21, 22 или 23 пар ног. Это ночные животные. Свой аппарат по выработке яда они применяют для защиты и нападения. Их укус вызывает у человека сильные и часто продолжительные боли, хотя он не смертелен.

На выпрямителе древков из Телль Карамеля явно изображены два ядовитых животных. То, что у сколопендр показанное число ног точно не соответствует действительности, для «стеножек» не удивительно. В природе на самом деле ножек не сто, как в названии, и не 21, как на экземпляре из Телль Карамеля, а от 42 до 46 (турецкий язык здесь кажется более точным, на нем сколопендра называется *сороконожкой*⁴¹).

Выпрямитель древков, впрочем, не единственный артефакт из Телль Карамеля, на котором изображена сороконожка. На овальном, украшенном группами прорезанных линий камне, функциональное назначение которого мы не знаем, находятся две рядом расположенные змеи. По обе стороны от змей видны объекты, похожие на ветки ели (рис. 96, слева). После всего вышесказанного вас не удивляет, что мне бы хотелось назвать этот мотив, который известен также по изображению на выпрямителе древков, сороконожкой? Количество ног обеих процарапанных на камне сколопендр 39 или 38 очень близко подходит к реальному. У правого экземпляра можно обнаружить характерные усики сколопендры, служащие сенсорами. Мы определили сколопендру среди мотивов Телль Карамеля, однако и на соседних памятниках встречаются похожие на ветки ели изображения. Разумеется, нельзя сказать, что там везде показаны сороконожки. В отношении поднимающегося ряда уголков столба 33 Гёбекли Тепе в соответствии с сегодняшним уровнем знаний от этой версии следует отказаться. Сравнивая данный декор с достаточно детальным изображением пауков, следовало бы ожидать большего реализма при показе многоножек, а не демонстрацию сугубо геометрического рисунка из ряда углов.

Достаточно убедительно удастся переосмыслить группу печатей времен халколита, найденных в основном в Иране. Халколитом называется период человеческой истории, во время которого происходил переход от века каменного к бронзовому⁴². Тогда на рисунках печатей появляется весьма интересный персонаж, так называемый демон с козлиной головой, о котором мы еще поговорим подробнее. Пока ограничимся наблюдением, что он часто держит в руках змей. На некоторых печатях слева и справа от демона вместо двух змей мы видим те самые «мотивы еловых веток». Но для чего разумному демону еловые ветки? Напротив, если он держит ядовитых сколопендр, то такой мотив по содержанию логически приближается к изображениям, где он хватает змей.

Оставим пока образ демона с козлиной головой, хватающего змей или сороконожек, и обратимся к оттискам печатей из Саби Абияда, которые будто бы изображают мотив веток или листьев. Попробуем узнать в этом мотиве сколопендру. Если есть к тому готовность, то можно констатировать, что в иконографии Саби Абияда имеются два весьма примечательных животных – это паук и сколопендра. Самый легко определяемый их общий «иконографический знаменатель» – в обоих случаях ядовитость и вместе с тем опасность для человека. Поэтому смысл их изображений на печатях объясняется сам собой: рисунки этих опасно ядовитых животных должны были предотвратить разлом печати, с по-

мощью магии защитить опечатанный объект от чужих. Присутствие таких изображений не позволяло даже прикасаться к охраняемым вещам. Иначе можно было подвергнуть себя опасности, исходящей от обоих видов животных.

Мотивы пауков и сколопендр находятся в Саби Абияде в группах с двумя или тремя параллельными S-образно изогнутыми линиями. В целом значительная часть мотивов оттисков печатей из Саби Абияда, кажется, отражает иконографию раннего неолита и не в последнюю очередь Гёбекли Тепе. Заметное исключение составляют изображения печатей с мотивом козла, или каменного козла (зоологический термин), который до сих пор в раннем неолите неизвестен. Мы не можем, однако, полностью исключить того, что мотив козла в Саби Абияде также появляется не впервые. В связи с уже имеющимся длинным списком мотивов животных из Гёбекли Тепе, который удлинится после каждого археологического сезона, мы работаем, обоснованно надеясь, что увеличение найденных групп мотивов поможет нам в целом лучше понять знаки и символы раннего неолита и, может быть, однажды даст возможность объяснить логику расположения, форму и содержание каменных свидетельств. Доказано, что люди раннего неолита в Гёбекли Тепе имели не только монументальную архитектуру, но и огромное собрание символов, весьма сложный знаковый язык, на котором оставили послания современникам и потомкам.

Большой набор символов и монументальность строительных сооружений стали в конечном счете возможны благодаря высокому уровню общественной организации. Так как в древнекаменном веке, в палеолите Евразии, мы видим основы такого развития обществ охотников, то нас не должно сильно удивлять, что в раннем неолите Верхней Месопотамии обнаруживается вдруг «высокая культура», по существу все еще охотничья. Что нас, однако, действительно озадачивает – ее неожиданный конец. В керамическом неолите осталось очень мало выразительных свидетельств символического содержания, идущих от великого времени охотников, однако об этом позже.

Тем интереснее наметившаяся в Саби Абияде периода *позднего* неолита возможность снова увидеть темы *ранне*неолитического мира символов. Если мы сможем проследить путь через границы неолита в культуру первых цивилизаций Древнего Востока, то для изобразительного материала, его иконографических тем в обоих направлениях откроются возможности лучшей интерпретации. Богатый и столь выразительный мир образов раннего неолита, освещенный отблеском костров ледникового периода, вероятно, сможет тогда пополнить намного более скром-

ную материальную культуру последующих столетий художественными мотивами древнейшей истории человека. Ретроспектива, в основе которой лежат каменные свидетельства прошлого, очевидно, когда-нибудь все же позволит нам обнаружить в глубинах прошедших тысячелетий праобразы архаичных пространств и существ, известных по древневосточным мифам.

И хорошо бы пойти по этому пути за тем помощником с козлиной головой, которого мы только что видели за укрощением змей и сороконожек, основные характеристики которого, как обещано, мы рассмотрим теперь внимательно.

За демоном с козлиной головой в поисках шаманов неолита

Демон с козлиной головой – это смешанное существо, с которым мы часто встречаемся на печатях с территории Ирана убейдского времени V и IV тысячелетий до Р.Х. Свою козлиную голову он носит на человеческом теле, предпочитает обувь с длинными острыми носами, обычно окружен различными животными. Среди них, как мы только что видели, присутствуют змеи и сколопендры, которых он умеет укрощать ловкостью и большой силой. Считается, что демон с козлиной головой – древнейшее сверхъестественное существо Передней Азии. Однако что означает «сверхъестественное существо»? Было ли оно божеством? Каким критериям должно соответствовать это существо, чтобы считаться божеством? Очевидно, оно должно иметь собственное имя и собственные личностные характеристики, его нужно встречать молитвами и жертвами, оно должно быть потенциально вездесущим и таким образом выполнять свою общественную задачу. Для демона же достаточно изначально обладать безликой силой, причем греческий *daimon* не обязательно злой, что предполагает современное значение слова и образа.

На этом месте нужно обязательно выяснить некоторые детали и внести терминологическую ясность. В археологической литературе смешанные существа, которые объединяют в себе характеристики различных животных или животных и людей, как правило, называются демонами или монстрами. В большой семье смешанных существ месопотамского искусства демоны и монстры различаются по следующим признакам: существа, которые бегают как животные на четырех ногах, называются монстрами, прямоходящие как люди существа – демонами. Ясно, однако, что полного согласия в понимании того или иного смешанного существа с идентификацией его по набору конкретных характеристик еще не достигнуто.

История развития синкретических существ Двуречья протекала, как видят это ученые, в несколько фаз. В первую фазу, фазу формирования, в убейдский и урукский периоды (V, IV и начало III тысячелетия до Р.Х.) черты различных животных сливаются в сильных и страшных, сложных образах мифических существ. Во второй фазе конца III тысячелетия до Р.Х., в период аккадской династии, ужасные монстры были схвачены и наказаны – тема, которую можно связать с политической программой аккадских правителей как подателей всеобщего порядка. В древнеавилонское время (начало II тысячелетия до Р.Х.) соперничали добрые и злые сверхъестественные существа. Во второй половине II тысячелетия до Р.Х. преобладали звериноголовые демоны, которые до нововавилонского периода оставались персонифицированными злыми образами, как, например, *Ламашту* или *Пазузу*.

Исследователи достаточно обоснованно видят начальный этап истории демонов и монстров Месопотамии в убейдской и урукской эпохах. Если предположить их более древнее происхождение, то тогда можно столкнуться с тем фактом, что археологические и исторические источники мало что могут нам предоставить для подтверждения данной гипотезы. В любом случае потенциальные доисторические корни этих образов, как ни странно, в иконографии переднеазиатского неолита определить практически невозможно. Так, огромное собрание изображений и изобразительных мотивов из анатолийского Чатал Хёюка хотя и имеет фигуры сидящих на хищных животных людей, но там нет образов тех существ, которые бы показывали черты, предвещающие в будущем их утверждение в виде демонов или монстров.

Находки из других неолитических мест, по крайней мере, на данный момент ситуации не проясняют. Может быть, что-нибудь интересное содержит пока не опубликованный материал со свидетельствами малой пластики из Невали Чори, однако подробностей о нем мы не знаем. «Человека-птицу» из Невали Чори, вероятно, можно причислить к монстрам, но для этого нужно сначала ответить на вопрос, идет ли речь о птице с человеческим лицом, или о человеческой голове в клюве птицы, или вообще о человеке, переодетом птицей. То же самое относится и к другой скульптуре из Невали Чори, уменьшенному торсу, плечи которого как будто переходят в голову птицы. Имеется еще несколько похожих изображений, которые также на поставленный вопрос ясного ответа не дают.

Смешанные существа ни в коем случае не являются изобретением месопотамской иконографии. Намного раньше они встречаются в Европе верхнего палеолита (приблизительно 35 000 – 12 000 лет до Р.Х.). Изо-

бражения людей в искусстве ледникового периода редки, а изображения смешанных существ еще реже. Самым древним изображением существа с козлиной головой (точнее сказать, с головой каменного козла) на данный момент может считаться фигура, вырезанная из рога оленя, украшающая так называемый «жезл начальника»⁴³, который происходит из Лас Кальдаса в Астурии⁴⁴. По времени это изделие относится к средней фазе мадлена (важнейшей культуре позднего палеолита), т. е. приблизительно к 14 000 лет до Р.Х. С двух сторон на нём видны изображения. Достаточно хорошо сохранилась голова каменного козла на человеческом теле, которое, судя по обозначенной вульве, бесспорно, принадлежит женщине. Ноги заканчиваются копытами. Изображение на оборотной стороне «жезла» выполнено похожим образом, однако признаки, по которым можно точно определить пол, отсутствуют. Вероятно, здесь показана спина фигуры с козлиной головой. Помимо данного примера вспомним «жезл начальника» из Абри Меже (департамент Дордонь, Франция) того же этапа мадлен, на котором между изображениями лошадей, птиц и змей обнаружены три выгравированных «чертенка» с головами, похожими на козлиные, и человеческими ногами.

Пожалуй, самый древний и значимый пример синкретического существа в искусстве малых форм палеолита относится к ориньякской эпохе (приблизительно 35 000 – 22 000 лет до Р.Х.). Он представляет собой фигуру человека-льва из Голенштейн-Штадела в южно-немецком

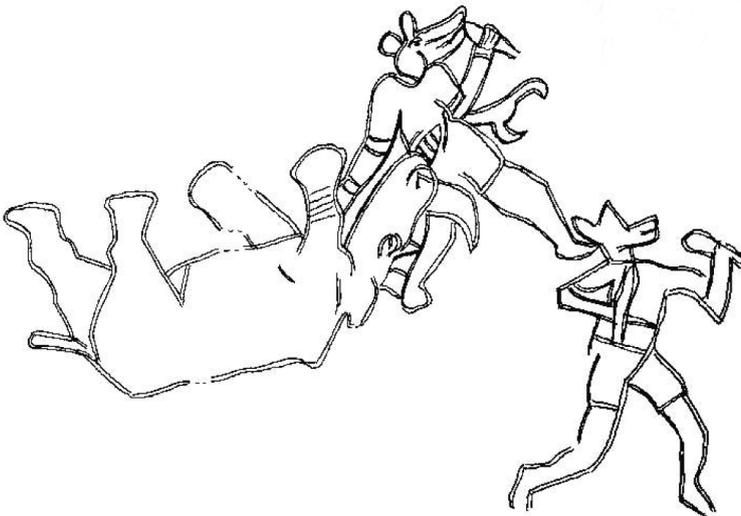

Рис. 97. Существа с собачьими головами из Сахары (в Хабетер III, Феззан)

Лонетале. Вытянутое человеческое тело венчает львиная голова, мускулистые руки прижаты к телу. Приподнятая вверх пятка позволяет предположить, что показан момент танца. Тот факт, что тело не согнуто, что более бы соответствовало позе танцора, без труда объясняется ограниченными возможностями бивня мамонта, из которого изготовлен объект.

Важнейшие свидетельства ледникового периода предоставляет парietальное искусство - так на языке специалистов называются изображения, созданные на скалах, стенах пещер или строений. Смешанные существа с головами животных многократно были обнаружены в пещерах Габийу, Труа Фрер, Фонтане, Альтамиры и Шове. Например, в Габийу в Дордони мы встречаем гравировальное изображение человеческой фигуры с головой бизона. Сейчас оно известно под названием «*Le sorcier*», «колдун». Возможно, при помощи простой линии, прочерченной от морды бизона, показана флейта, которую существо держит в не совсем видной левой руке.

Подобные смешанные существа найдены также в пещере Труа Фрер, одно из них явно музицирует. Другие известны из пещер Фонтанé, Альтамиры, Кандамо, Пеш-Мерль, Лос Казарес, Ле Комбарелль, Орнос де ла Пенья и иных мест. В недавно открытом гроте Шовé найдено нарисованное черной краской изображение существа с головой бизона, у которого предположительно человеческие ноги⁴⁵.

Если применить критерии месопотамской иконографии ко всем этим фигурам, то быстро станет ясно: в искусстве ледникового периода странным образом отсутствуют четырехногие «монстры», однако с «демонами» мы сталкиваемся. Главными персонажами являются человекообразные существа, которые при грубом подходе в классификации по признаку показанных рогов могут быть объединены названием «демоны с козлиной головой».

... И существа с собачьими головами из Сахары

Чтобы лучше понять образный мир Гёбекли Тепе, весьма полезно его сравнение с европейским искусством плейстоценово-ледниковой эры (поздний плейстоцен: приблизительно 130 000 – 10 000 лет до Р.Х.), но кроме того, с наскальными изображениями послеледникового периода. И мы снова приходим к очень похожему результату: рисунки демонстрируют многочисленных «демонов», т. е. антропоморфных существ с головами животных. Опять обращает на себя внимание отсутствие «монстров» на четырех ногах. И хотя датировка таких изображений не всегда обходится без проблем, в данной ситуации для нас является

Рис. 98. Печать из Тепе Гяна. Вид поверхностей двух противоположных сторон, на одной из которых изображены два демона с козлиными головами, существо, похожее на черепаху, и животные

важным, что все они относятся к послеледниковому времени и, очень вероятно, к добронзовому периоду.

В ходе проведенных осмотров со многих рисунков сделаны копии. Среди наскальных изображений Сахары, особенно в Мессакских горах Ливии, находятся многочисленные существа с головами животных. Часто это люди с собачьими головами, изображенные отдельно или группами. Такие кинокефалы, как их называют на профессиональном языке, совершенно очевидно, являются сопоставимыми персонажами для демона с козлиной головой. Только действие перенесено теперь на сцену Африки. Существа с собачьими головами обладают огромной силой и нападают на буйволов, носорогов, гиппопотамов и слонов, которых они без труда могут поднимать в воздух. Часто они изображены в эротических сценах.

Относительно менее известны наскальные рисунки Аравийского полуострова. Здесь, в северо-западной части Саудовской Аравии, среди изображений так называемого парietального искусства Джаббы мы снова видим образы с козлиными головами. Другая область распространения наскальных рисунков открыта недавно в Турции, точнее, в горах Латмос Западной Турции. В окрестностях античного города Гераклеи обнаружены многочисленные, до сих пор абсолютно неизвестные и с точки зрения вариации мотивов совершенно ошеломляющие наскальные изображения. Здесь появляются существа с Т-образными и М-образными головами, которые сильно напоминают демонов с козлиной головой. Сцены охоты тут до сих пор отсутствуют. Точное датирование изображений в Латмосе и Джаббе пока невозможно, поэтому и здесь ограничимся ссылкой на то, что время их создания между ледниковым и добронзовым периодами. Важнее точного датирования в нашем слу-

чае является то, что существа с Т- и М-образными головами часто изображены группами. Таким образом, следует резюмировать: на сахарских наскальных рисунках, в саудовской Джаббе и турецком Латмосе многие существа с головами животных, а также с Т- и М-образными головами выступают совместно. Это может означать, что индивидуальностью они не обладают.

Давайте внимательнее посмотрим на родственные связи существ с головами животных, т. е. териокефалов, начиная с древнекаменного века до послеледникового периода ранней истории. Насколько они могут быть близкими или далекими «родственниками» друг другу? Выясняется, что демон с козлиной головой с месопотамских печатей несильно отходит от более ранних изображений и не меняет своего статуса. Ученые давно уже определили – он не бог. В пользу данного заключения в случае с месопотамским демоном говорят имеющиеся объекты, на которых показаны одновременно два подобных образа, объединенных в одной сцене – об индивидуальности, неких личностных характеристиках речи тут не идет. Несомненно, демона с козлиной головой следует поместить рядом с большой группой палеолитических и послеледниковых смешанных существ, демонстрирующих человеческое тело и голову животного, иногда целиком верхнюю часть животного. Фигуры с телом животного и человеческой головой как в палеолитических, так и в послеледниковых доисторических наскальных изображениях отсутствуют.

Ранние следы шаманизма

Мы еще долго можем заниматься широко разветвленным семейством человекоподобных синкретических существ с головами животных – териокефалами, однако остановимся на сказанном. Сейчас следует повторить важное наблюдение и подчеркнуть еще раз: *во всем изобразительном репертуаре послеледниковых добронзовых наскальных изображений мира мы находим людей с головами животных, но не животных с головой человека.* Кентавров, сфинксов, сирен или русалок здесь нет. Включив в наше поле зрения искусство ледникового периода, мы и там не обнаружили ничего, что противоречило бы этому утверждению. Снова люди с головами животных и снова отсутствие животных с головой человека. Особенно выделяются фигуры человека-льва из Голенштейн-Штадела возле Ульма и колдуна из Труа Фрер – оба персонажа танцуют. И многие териокефалы кажутся танцующими или, по крайней мере, занятыми спортивными упражнениями.

Ключ к пониманию этих смешанных существ лежит, по-видимому, в шаманизме. По данной проблематике существует обширная литера-

тура, о которой говорить здесь подробно я не могу и не буду. В качестве примера назову только работы Жана Глоттеса и Дэвида Левис-Уильямса. Эти ученые много сделали для того, чтобы обсуждаемая тема стала учитываться в археологических исследованиях. По свидетельствам этнографов, шаман общества охотников, как правило, действует по следующему образцу: посредством танца, часто наркотиков он приводит себя в состояние транса. Находясь в этом пограничном состоянии, шаман стремится превратиться в животное и вступить в контакт с силами другого мира. Танец, таким образом, является важной составной частью ритуала. Если сам этот процесс должен быть изображен на картине, то танец можно показать только с помощью двуногого человеческого тела. Голова животного символизирует превращение в животное. Это объясняет, почему мы все время видим териокефалов, а не животных с головой человека. Таким образом, существо с головой животного не столько человек, закрытый маской, сколько шаман, превращающийся в животное. По этой причине ступни ног иногда изображаются как лапы или копыта в соответствии с видом изображаемого животного.

В процессе своих действий в ряде случаев шаман также создает картины. Он этому обучен и имеет необходимые инструменты. В качестве подходящей поверхности для изображений он часто выбирает стену скалы. Скале как медиуму здесь, несомненно, отводится особая роль. Как будто произнося фразу: «Сезам, откройся!», шаман может вызывать из закрытой стены различные символы и существа.

Я согласен с археологом Левис-Уильямсом, который пытался с этой точки зрения объяснить наполненные клювами, челюстями и зубами диких зверей «груди» на стенах Чатал Хёюка. Меллаарт, очевидно, все же не прав, называя останки животных символами смерти. Более вероятно, что эти кусающие части символизируют тех зверей, которые выходят из стены, поскольку их вызывает шаман. От животных он пытается получить сверхъестественные силы, чтобы самому, превратившись в животное, в диалоге с ними выполнить определенную задачу.

С известной долей уверенности мы можем сказать, что в Гёбекли Тепе был шаман. Не представляют ли танцующие журавли с человеческими ногами именно этот шаманский образ? Мы, конечно, не знаем, как выглядела в конкретных случаях работа шамана Гёбекли Тепе. Пока его фигуру нельзя однозначно выделить на имеющихся изображениях. Однако не будем торопиться, потому что и на наскальных рисунках он появляется не слишком часто. Вполне вероятно, что месопотамский демон с головой козла его далекий потомок. Хотелось бы уточнить, нес ли еще этот демон (в частности, изображавшийся на упомянутых печатях)

ть воспоминания о великом времени охотников, а с ним и о том далеком прошлом, когда его предшественники и коллеги по профессии – позволим себе здесь дать волю фантазии – танцевали под бой барабанов между гигантскими Т-образными столбами. На этот вопрос ответить довольно трудно, но все-таки странное существо, похожее на черепаху, с которым мы уже встречались в Невали Чори, также танцует на уже упомянутой печати убейдского времени из Тепе Гияна.

Изображение печати из Тепе Гияна во многом повторяет сцену рельефа на чаше из Невали Чори, мы говорили о ней во время обзора ранне-неолитических поселений, с той разницей, что люди вокруг существа, похожего на черепаху, на этом рельефе имеют обычные, не козлиные головы. В целом можно сделать вывод, что ряд тем ранне-неолитической иконографии повторяется не только на печатях керамического неолита из Саби Абияда, но и на печатях V и IV тысячелетий до Р.Х. Самые наглядные примеры той эпохи представляют собой печати тематической группы с изображениями демонов с козлиной головой. Собственно сам козлиноголовый персонаж в искусстве раннего неолита пока, правда, не обнаружен, однако животный мир, окружающий его на печатях более позднего времени, представлен там вполне определенно.

На сегодняшний день в Гёбекли Тепе найдены шесть рельефов и четыре скульптуры дикой свиньи. Свиньи (возможно, это дикие свиньи) – распространенный мотив печатей. То же самое относится к змеям, которые украшают почти каждый второй столб Гёбекли Тепе, а помимо этого изображены вместе с демоном с козлиной головой на печатях. Кроме того, вероятно, стоит отметить рельефы лис и птиц Гёбекли Тепе, поскольку четвероногие животные, похожие на лис или собак, как и птицы, тоже довольно часто присутствуют на печатях.

Вместе с тем нужно видеть разницу в том, что животные на печатях, как правило, изображены в сценах охоты, животные же из Гёбекли Тепе обычно показаны в стиле, похожем на геральдический: друг возле друга, но вне композиции, подтверждающей отношения между ними. Тем не менее животный мир, окружающий демона с козлиной головой, все-таки очень похож на мир раннего неолита. Близко сопоставимы персонажи, похожие на черепаху из Тепе Гияна и Невали Чори. Объясняется это, по-видимому, существованием одинакового биотопа в двух соответствующих периодах. Интересно, что женские изображения – мотив, который в целом в неолите охотно выдвигался на передний план, – как в Гёбекли Тепе, так и на ранних печатях почти полностью отсутствуют. Очевидно, этой теме на печатях как символу власти значения не придавалось. Связь существ с головами животных с шаманскими ритуалами

охотничьих сообществ в любом случае понятна. Проявлялась она, судя по всему, в различных регионах похожим образом. У нас нет особых причин для того, чтобы делать исключение месопотамскому демону. Собственно не должно удивлять и отсутствие животных с человеческими головами в доисторическом искусстве. Существа с телом животного и человеческой головой, т. е. бегающие на четырех ногах «монстры», являются, в отличие от двуногих «демонов», по крайней мере в пространстве Древнего мира, творением мифологии сформировавшейся высокой культуры. Персонажи с телом человека и головой животного – шаманские фигуры – по сравнению с ними гораздо старше. Так человек столь необычным путем нашел вход в мир образов неолита.

Разумеется, не каждое наскальное изображение можно автоматически считать созданным в результате шаманских действий. В основном такое заключение справедливо для более ранних периодов. Однако затем в процессе появления множества картин распространение художественных навыков, очевидно, приводит к серьезным потерям в передаче значения. Кажется, позже рисовать наскальные изображения начал каждый. Этот вывод основывается на общем низком качестве картин более поздних эпох. Также преобладание выдолбленных или процарапанных, но не нарисованных изображений подтверждает мысль о потере ценза избранности в исполнении данной работы. Неспециалист, случайный посетитель едва ли с собой постоянно носил кисточку и краски. Наскальные рисунки бронзового и особенно железного века приближаются к уровню, который мы сегодня называем *граффити*. В соответствии с этим многочисленные рисунки и надписи на скалах имеют простую цель засвидетельствовать потомкам свое нахождение в определенном месте. Главным для творцов таких *граффити* оставалось только место, где они процарапывали знаки своего присутствия, будь то древнее святилище или что-нибудь другое выдающееся. (По сравнению с ними «искусство граффити» наших дней едва ли руководствуется данными правилами при выборе места.)

Из обществ древневосточной высокой культуры с начала III тысячелетия до Р.Х. шаман постепенно исчезает, трансформировавшись, судя по всему, в жреца. Теперь ритуальные потребности населения регулировались и осуществлялись в храмах, а не в длинных пещерах или под скальными навесами в отдаленных местах. В общих чертах данный исторический сюжет можно легко проследить на судьбе демона с козлиной головой. Становится ясно, почему это древнейшее сверхъестественное существо теряет популярность как мотив в урукскую эпоху. Дело в том, что тогда в формирующихся городах-государствах начинают доминиро-

вать храмы и их жрецы. Антропоморфные персонажи с головами животных, еще населявшие мифологический мир, получили в иерархии месопотамского пантеона менее важные роли. Их существование по отношению к фигуре шамана становится самостоятельным. Выражением подобных изменений можно считать и создание «монстров», которые были чужды доисторическому миру образов.

Подведем итог: демон с козлиной головой до сих пор отсутствует в доказуемой иконографии переднеазиатского раннего неолита. Однако это может также означать, что в то время художники целенаправленно избегали его изображения. Палеолитические примеры, напротив, свидетельствуют, что существа со звериными, среди них и с козлиными, головами были известны уже давно. Их можно – и это осуществляется для различных регионов – поместить в шаманский контекст и связать с определенными действиями. С точки зрения истории религии персонажи с головами животных (в том числе демон с козлиной головой, а также существа с Т- и М-образными головами) могут считаться ранними сверхъестественными существами. Но они, без сомнения, не обладали собственной идентичностью, и их нельзя рассматривать как первых богов.

У нас нет возможности обсуждать в данной работе вопрос о том, имеют ли териокефальные боги Египта в определенной мере родственное отношение к неолитическим предшественникам и можно ли там проследить путь от демона с головой животного к богу. На Евфрате и Тигре это, по-моему, в любом случае происходило не так. Однако если в Месопотамии существа с головами животных не определяются в качестве возможных кандидатов на роль первых богов, то в такой же степени растут шансы другой группы антропоморфов, которую мы уже подробно рассмотрели, представленной в виде Т-образных столбов.

В поиске древних богов горы Ду-ку

Из шумерской мифологии мы знаем место, называемое Ду-ку. Это сакральная гора, где, как рассказывают письменные источники, жили боги Ануннаки – очень древние боги, имена которых не известны⁴⁶. На горе Ду-ку, так гласит предание, была родина овцы и зерна. Здесь были изобретены существенные элементы человеческой цивилизации – земледелие, скотоводство, а также ткачество. Как правило, гору Ду-ку идентифицируют с грядой Тавра и Загроса, благоприятные природные и климатические условия которых сделали возможным развитие отмеченных цивилизационных достижений. Объединив отдельные названные феномены: с глубокой древности обрабатываемую территорию, древних богов без имен и затем стилизованные под человека столбы Гёбекли

Тепе, стоящие вокруг двух столбов того же вида, однако особой высоты и в доминантном положении, мы приходим к интересным выводам. Если объединить все эти пункты, не получается ли, что в Гёбекли Тепе скрывается гора Ду-ку? А антропоморфные столбы Гёбекли Тепе – не древние ли это боги Ануннаки, вдруг ставшие осязаемыми? Не хранит ли культурная память неожиданно конкретные воспоминания о неолитическом прошлом рассматриваемого региона?

В предыдущих главах собраны наблюдения, которые важны для установления данной связи, однако это именно наблюдения, а не цепочка косвенных свидетельств. И прежде чем всерьез отважиться ответить на столь захватывающие и ведущие к дальнейшим рассуждениям вопросы, следует из методических соображений хорошо подумать над главной проблемой: имеем ли мы вообще право ожидать, что в мифологии Древнего Востока в целом и конкретно в случае с горой Ду-ку и Ануннаками скрывается что-то действительно поддающееся локализации, что-то реально осязаемое? Или их поиск – изначально напрасная трата времени? Стоит ли так смело пытаться найти философский камень минералогическими методами? В конце концов, мы снова оказываемся перед главной дилеммой: ввиду огромного промежутка времени между ранним неолитом и первыми текстовыми источниками допустима ли вообще попытка сопоставления материалов Гёбекли Тепе с сюжетами древневосточного предания?

Каждый раз место, на котором предпринимается такая попытка, таит много потенциальных ловушек. Археологу постоянно угрожает опасность ошибиться в интерпретации письменных источников. Специалист по языкам Древнего Востока, т. е. филолог, рассматривающий вопрос с другой стороны, испытывает похожие сложности, обращаясь к археологическим данным. Остановимся на том, что первые успехи в преодолении пропасти шириной в тысячелетия между каменными и письменными свидетельствами достигнуты. Тем не менее время для ответа на поставленные здесь важнейшие вопросы истории Древнего Востока и развития общечеловеческой культуры еще не пришло. Мы можем лишь немного приподнять занавес, отделяющий нас от далекого прошлого, оценив, что открытия на Гёбекли Тепе превосходят все до сих пор вместе взятое и предлагают огромные возможности для интерпретации. Необходимы дальнейшие исследования, прежде чем мы по-настоящему разберемся в материалах раннего неолита. Однако эти старания стоят того и наградят ученого как на месте раскопок, так и за письменным столом еще многими мучительными вопросами.

«Иероглифы каменного века»

Если рассматривать переднюю грань столба 33, то почти невозможно отделаться от мысли о сравнении ее изображений с древнеегипетскими иероглифами. Далее такое ощущение ведет непосредственно к рассуждениям: можно ли эти каменные рельефы понимать так же, как иероглифы, и называть их соответственно?

Слово «иероглиф» состоит из двух составных частей «священный» и «знак», т. е. буквально переводится как «священный знак». Подобным же образом понятие «петроглиф» обозначает «наскальный знак». Получается, что в буквальном смысле вполне допустимо говорить об иероглифах неолитического времени, когда это понятие рассматривается не в том значении, какое понимается сейчас под древнеегипетским иероглифическим письмом. Важно, что зрительный образ древнеегипетских иероглифов уже служил средством для передачи фонетически определенных последовательностей звуков, в конечном счете языка. В соответствии с этим, древнеегипетские иероглифы создают не только образный, но и звуковой шрифт. Древнеегипетское слово, обозначавшее «иероглиф», также значило «слово Бога». В этом смысле понятие «иероглиф» использовалось и в других языковых системах, например в лувийской или хеттской, или в языке майя Срединной Америки⁴⁷.

Подробнее говорить о феномене раннего *письма* сейчас у нас нет возможности. Но, несомненно, египетская иероглифическая письменность стала одной из основ превращения страны на Ниле в государство с высокоразвитой культурой, которое достигло своего первого расцвета в эпоху строительства пирамид 4-й династии, т. е. примерно в середине III тысячелетия до Р.Х. Иероглифическое письмо воспринималось современниками как слово Бога и как великий божественный дар. Все мифические предания отмечают значение и силу письма для своего времени и народа, потому что письмо являлось не только средством общения, но и, прежде всего, средством накопления и сохранения знания. Изначально письменность использовалась только в делопроизводстве, в управлении дворцами и храмами, где применения обычной человеческой памяти было недостаточно. Письменность укрепляла память, с ее помощью древние правители распространили невиданный прежде контроль на подвластных территориях. Она делала возможной передачу сообщений через время и расстояния. Читая древнемесопотамскую клинопись или египетские иероглифы, в конечном счете мы возвращаем людей и их слова пять тысяч лет назад ушедшей эпохи.

Египтолог Ян Ассманн вводит понятие растянутой ситуации, для которой необходима письменность, потому что без нее общение в про-

странстве и времени становится невозможным. Письменность по Ассманну – это средство записи, находящееся на службе памяти, накопитель данных, который функционирует во взаимодействии с соответствующей культурной памятью, гарантирующей длительную читаемость текстов.

Письмо фиксирует обстоятельства, дает ясные определения. Оно похоже на изображение, потому что последнее также фиксирует и определяет. На элементарном визуальном уровне изображение воздействует, безусловно, сильнее письменного шрифта. Выражение *«Не сотвори себе кумира»* показывает силу образов, которую боятся с давних времен, а иногда и теперь. Но по сравнению с изображением письмо обладает другим потенциалом. Посредством ясной фонетизации знаков оно открывает доступ к информационным и посредническим уровням, значительно превосходящим возможности одних только рисунков.

А как обстоят дела с изображениями и знаками в Гёбекли Тепе? Разумеется, иероглифического *письма* в том виде, в котором его создали и развили древние египтяне, ожидать в неолите не стоит. Уже в 1925 г. Ганс Иенсен отмечал в своей *«Истории письменности»*: *«Письмо, достигшее буквенного уровня, невероятно для культурного развития палеолита и едва ли возможно для неолита»*. С этим автором я соглашаюсь. Знаки и символы, которые мы находим в каменном веке, на профессиональном языке называются «пиктограммы» – буквально «рисунки-знаки». Информацию они передают независимо от языка. Без них не обойдется ни один международный аэропорт с интернациональной публикой. Пиктограмма зеленого человечка на светофоре для людей со всего мира одинаково обозначает: «Сейчас ты можешь переходить дорогу», но на каждом языке эта фраза произносится по-разному. Собственно буквенный шрифт позволяет воспроизводить произношение, т. е. звуковую реализацию знаков. Мы можем, например, прочесть венгерский текст, ничего не понимая, однако венгр нас поймет вполне.

Не углубляясь в описание свойств письма как знаковой системы, отметим, что, разумеется, в отношении Гёбекли Тепе нельзя говорить о письменности в подлинном смысле. Но тогда не внесем ли мы путаницы, работая в нашем контексте со словом «иероглиф»? Если его использовать для обозначения символов Гёбекли Тепе, то почему бы тогда не применять, говоря о символах и знаках других неолитических памятников?

Рассмотрим в этой связи два интересных археологических объекта. Пещера Ла Пасьега расположена в Испании. На неровных стенах ее узких проходов имеется большое число выгравированных и нарисованных краской изображений, часто в отличном состоянии. Среди них дикая лошадь, олень и самка оленя, бизон, дикий бык, каменный козел,

серна. Кроме того, присутствуют некоторые знаки. Имеются различные точки зрения по вопросу их стилистического датирования, однако в том, что они относятся к наскальному искусству позднего палеолита франко-кантабрийского региона, сомнений нет. Сохранились воспоминания одного из первых исследователей этого места: *«Когда я в 1913 году посетил пещеру Пасьега ... перед этим знаком я почти инстинктивно произнес: уходи назад, чужестранец, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая»*. Смелое толкование, в основе своей опирающееся на знание библейского текста (Исх. 3, 5). Но оно не доказуемо. Тем не менее эта группа знаков была отмечена тогда как древние пиктограммы ледникового периода. Сегодня мы, без сомнения, можем понять тот восторг, который вызвала в конце XIX – начале XX в. встреча с недавно открытым пещерным искусством ледникового времени. Не поддаемся ли мы сами при рассмотрении неолитических иероглифов, вследствие большого количества их находок в Гёбекли Тепе, похожему и в конечном счете наивному ликованию?

В пещере Мас д'Азиль в предгорьях Пиренеев еще в 1887 г. были найдены многочисленные круглые и продолговатые камни речной гальки светло-бурого и беловатого цвета. Красной краской, содержащей оксид железа, смешанный, вероятно, со смолой или жиром, на них были нанесены рисунки. Открывший эти объекты Эдуард Пьетт распределил свои камни на три группы. Он интерпретировал одну из них как камни для счета с изображенными цифровыми знаками, вторую – как носителей графических символов бога солнца, а третью – либо как камни с алфавитными знаками, передающими звуки, либо по меньшей мере как гальку с графическим изображением деревьев, глаз, змей, гарпунов – в качестве компонентов пиктографического шрифта. Исследователь полагал, что нашел доисторическую школу, в которой обучали чтению, письму и счету. По его мнению, впоследствии этот алфавит переняли финикийцы и приспособили его к своему семитскому языку.

Однако действительно имеющуюся схожесть с буквами финикийского алфавита, вероятно, все же следует рассматривать как случайность. Немецкий исследователь Хуго Обермейер, занимающийся доисторическим периодом, в своих попытках понять, что представляет собой раскрашенная галька из пещеры Мас д'Азиль, был, по-видимому, удачливее Пьетта. Обермейер приводит один этнографический пример. У местных жителей Центральной Австралии каждое племя имело пещеру, в которой как воплощения предков хранились определенного вида деревянные или каменные предметы, так называемые чуринги. И пещеру Мас д'Азиль, по Обермейеру, следует воспринимать подобным образом.

Вскоре аналогичные находки были сделаны в других местах, например в пещере Бирзек недалеко от Базеля. Полученные там артефакты сохранили следы древних разрушений. Сообщалось, что объекты *«представили свидетельства вражеского акта мести, имеющего цель отнять у племени его священную собственность, души предков, и тем самым лишить племя их покровительства»*. Конечно, Обермейер домыслил своим находкам недоказуемый ситуативный контекст, но из сказанного выше понятно, что он, изучая такие камни, даже не намекает на возможную их связь с древнейшими системами письма.

Тем не менее со знаками письменности данные собрания галечных камней имеют нечто общее. В соответствии с новыми исследованиями выясняется, что среди них обнаруживаются периодически повторяющиеся комбинации мотивов и форм камней, а также комбинации отдельных мотивов и частотности их проявления. Понятно, что камни эти несли в себе важное символическое содержание, однако большего узнать так и не удастся. А речь здесь идет, безусловно, о некоей системе символов. Почему же тогда знаки из пещеры Мас д'Азиль тоже не называть иероглифами? На наш взгляд, то, что отличает изображения и знаки Гёбекли Тепе от находок в пещерах Ла Пасьега и Мас д'Азиль, весьма очевидно. Символы Гёбекли Тепе - это не поверхностно процарапанные на стене или нарисованные на камешках гальки знаки, но тщательно выполненные на монументальных Т-образных столбах рельефы, находящиеся в том контексте находок, который, без сомнения, соответствует слову *сакральный*. Эти знаки состоят из реалистичных и абстрактных мотивов. Определенным образом они сочетаются друг с другом, что делает очень вероятной логическую связь между отдельными единицами знакового ряда.

Фонетизацию тут доказать нельзя и, пожалуй, даже не следует ее ожидать. Данное обстоятельство отличает знаки Гёбекли Тепе от иероглифической языковой письменности. Это есть основное отличие. Тем не менее специально подобранная последовательность знаков с большой вероятностью давала своему осведомленному современнику в эпоху неолита хорошо считываемое послание. Для нас же, по-видимому, содержание таких посланий останется скрытым навсегда. Полагаю, что употребление термина «иероглиф» в целом оправданно, т. к. благодаря этому понятию знаки Гёбекли Тепе соответствующим образом выделяются из большой семьи обычных пиктограмм каменного века.

Вспомним уже известный набор знаков Гёбекли Тепе. Это, прежде всего, абстрактные символы, которые мы рассмотрели: 1) Н-образный знак и его на 90° повернутый вариант; 2) круг; 3) лежащий на спине и стоящий на рожках полумесяц; 4) лежащая балка; 5) голова быка или

барана; а также 6) отдельная змея и 7) скопление змей; кроме того, четырехногие животные, которые, вероятно, могут определяться как 8) дикий осел; 9) лиса; 10) овца или коза и 11) «рептилия»; наконец, 12) насекомое и 13) паук.

При рассмотрении изображений животных учитывались только маленькие фигуры, т. к. их создание на столбах преследовало, по видимому, иную цель, чем исполнение крупноформатных рельефов, которые в данный момент к набору основных знаков не причисляются. Мы полагаем, что значение больших изображений животных в широком смысле может быть связано с тотемными представлениями. Название «иероглифы» должно относиться к значительно меньшим по своему размеру фигурам, которые, как правило, создавались в комбинации с другими, в том числе абстрактными, символами.

Эти более мелкие изображения до сих пор встретились только на некоторых столбах. Важнейшим примером является передняя грань стержня столба 33 с расположенными вертикально в ряд символами. Сверху вниз можно видеть такую последовательность: Н-знак, скопление змей, Н-знак, насекомое, скопление змей, овца/коза, паук. На правой стороне этого же столба неоднократно представлены лисы и повернутые на 90° Н-знаки. На столбе 18 видна такая последовательность символов: Н-знак, круг и лежащий полумесяц. На столбе 28 изображен полумесяц над лежащей балкой. На столбе 30 – повернутый на 90° Н-знак, змея, онагр и скопление змей. Изображения головы быка или барана до сих пор встречались только отдельно от других символов, в частности на столбах 2, 31 и 38. Миниатюра рептилии зафиксирована на столбе 43.

Ничего больше причислить к основному составу знаков я не могу. Однако раскопаны далеко еще не все стелы, о существовании которых мы знаем, и можно ожидать, что впоследствии на столбах будет обнаружено много новых рельефов. Кроме того, следует иметь в виду, что всего в до сих пор затронутых раскопками сооружениях А–D на сегодняшний день открыты только 43 стелы. При этом понятно, что в сооружениях А и В могут находиться по 12, а в сооружениях С и D не менее чем по 14 столбов в каждом. Таким образом, ясно, что только в уже известных нам сооружениях предполагается нахождение не менее 9 совершенно неизвестных столбов. И это еще не все. Геомагнитное картографирование подтвердило возникшее в ходе раскопок предчувствие, что рядом с исследуемыми сейчас 4 сооружениями не менее 15 ждут своего открытия. Так как уже раскопанные сооружения имеют в среднем по 14

столбов, можно предположить, что когда-то в Гёбекли Тепе было создано более 200 мегалитических стел, из которых к настоящему моменту мы раскопали 43, в некоторых случаях лишь частично. На многих пока не исследованных столбах окажутся рельефные картины и иероглифы каменного века. Когда нам станет доступна большая часть набора изображений, мы лучше поймем «синтаксис» языка образов Гёбекли Тепе, а с ним и мир человека того времени. На чем основаны эти высказывания и ожидания, я расскажу в следующей главе.

ЧАСТЬ V. ПОЗДНИЕ СЛОИ ГЁБЕКЛИ ТЕПЕ И КОНЕЦ СВАТЫНИ ОХОТНИКОВ

До сих пор мы говорили только о самом древнем слое Гёбекли Тепе и исследованиях окружающей памятник территории плато, при этом подробнее остановились на круглоплановых сооружениях, которые датируются X тысячелетием до Р.Х. В используемом делении слоев от более молодых к более древним самый старший – слой III.

Пока неясна временная связь рассмотренных сооружений с иными объектами, расположенными в слоях других участков, окружающих вершину холма. Возводились ли эти сооружения, как, например, греческие театры, в уже имеющемся углублении, или понижение возникало вследствие целенаправленной выемки грунта перед осуществлением запланированной заранее строительной деятельности? На сегодняшний день нет ответа и на вопрос о временном соотношении между самими сооружениями А, В, С и D. **Возможно, что они возводились и действовали одновременно, но также есть вероятность их поочередного строительства и функционирования.**

До настоящего момента более молодые уровни I и II мы не упоминали. На это есть свои причины. Самый молодой слой не содержит следов строительной деятельности. Он состоит из наносов, возникших

Рис. 99. Здание с львиными стелами, вид с запада. Четыре столба обнаружены стоящими *in situ*

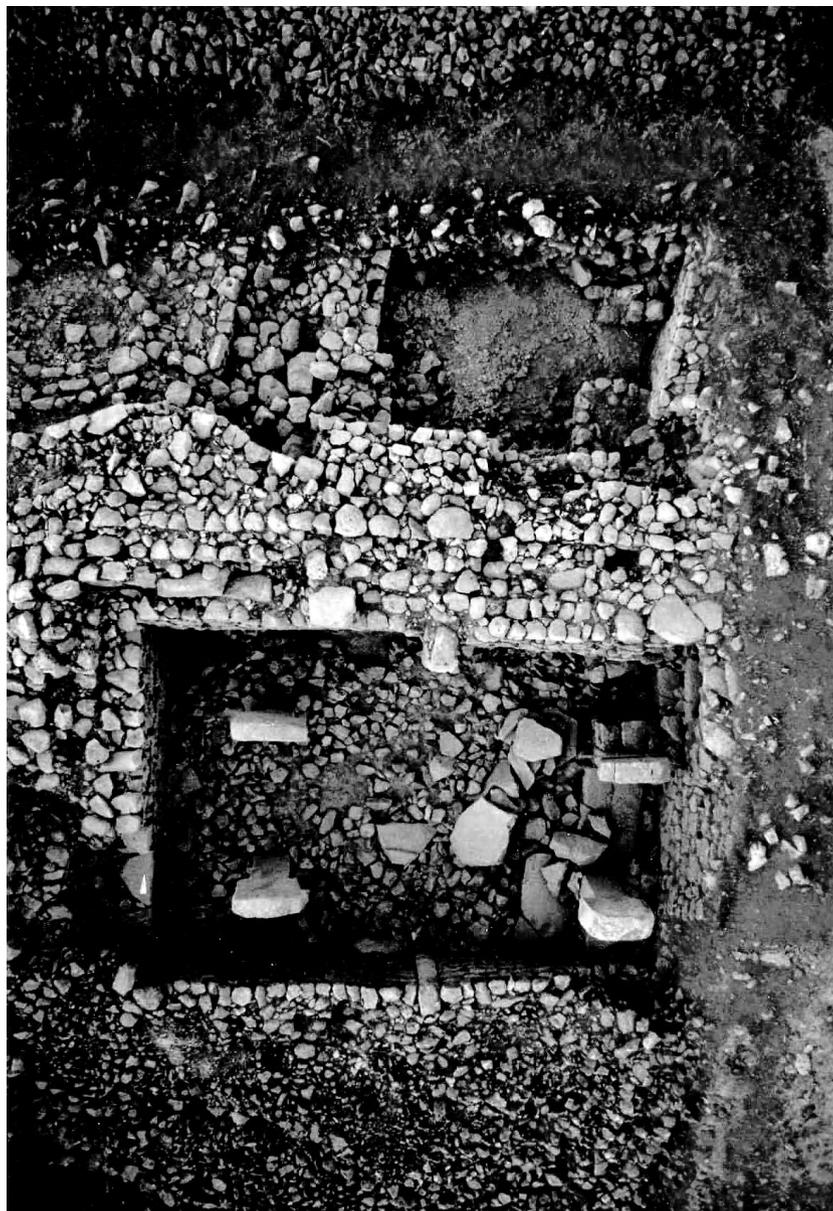

Рис. 100. Здание с львиными стелами с высоты птичьего полета (фотография смещена к северу)

Рис. 101. Столб с изображением столы и кистей рук был помещен в одну из стен Здания с львиными стелами. Верхняя часть его не сохранилась

вследствие естественной и вызванной человеком при вспашке эрозии, когда унесенный материал скапливался у подножья склона. Иногда этот слой достигает там трехметровой толщины.

Очертания Гёбекли Тепе довольно расплывчаты. Телье представляет собой холмистый ландшафт в миниатюре со многими вершинами и понижениями, где скопились самые мощные отложения слоя I. Раскопанные монументальные круглоплановые сооружения

слоя III расположены в глубокой впадине, которая делит южный склон на две половины и открывается в долину. С запада, севера и востока она окружена крутыми насыпями. То, что строения слоя III были засыпаны каменным материалом, осадочными породами и т. д., несомненно, объясняется топографическими условиями. Такое заполнение могло попасть туда вследствие природных явлений и погодных факторов. Однако мы установили, что засыпка сооружений слоя III в основном имеет антропогенное происхождение. Уже люди каменного века постарались, чтобы «закрыть» сооружения. Над этой целенаправленной засыпкой находится мощный слой I. Как правило, нам нужно было прокапывать несколько метров для достижения уровня сооружений каменного века. И все-таки мы благодарны такому стечению обстоятельств, поскольку упомянутые 43 T-образных столба сохранились преимущественно в хорошем состоянии *in situ*, т. е. на своих первоначальных местах.

Что же могло стать причиной столь трудоемкого и неожиданного акта? Как долго сооружения являлись доступными, пока не были за-

сыпаны? Стала ли засыпка строений «финалом» жизни на Гёбекли Тепе? Может быть, люди поняли, что «времена изменились» и теперь нужно переходить к иным формам культурного выражения? Отказались ли они от разрушений из уважения к прошлому или, окончательно попрощавшись с ним, устроили достойное погребение святыни? Последний вариант объяснения, как мы увидим дальше, можно исключить.

К счастью, над западными частями сооружений А и В фиксируются остатки более молодой постройки, которая была возведена на засыпке и позволяет с уверенностью определять время этого заполнения периодом нового докерамического неолита (PPNB). Более поздняя постройка относится к слою II. Находки данного слоя во многом отличаются от древнейшего слоя III. Однако мы можем констатировать существенное обстоятельство: главный символ слоя III, Т-образный столб, продолжает свою жизнь и в слое II. Теперь столбы имеют высоту «всего» 1-2 м и по многим параметрам уступают характеристикам колоссов более древнего времени. Тем не менее их наличие убедительно свидетельствует о продолжении традиции почитания представленных в камне человекоподобных существ. Соответственно, предание земле сооружений слоя III не совпадает по времени с концом отправляемого в Гёбекли Тепе культа.

ГЛАВА 1. БОЛЕЕ МОЛОДЫЕ СООРУЖЕНИЯ И ЗДАНИЕ С ЛЬВИНЫМИ СТЕЛАМИ

Слой II на сегодня обнаружен в двух не связанных между собой секторах раскопа. В западной части сооружений А и В он перекрывает их на высоте наверх столбов и состоит в основном из небольших прямоугольных помещений. Семь помещений полностью или частично раскопаны. Наличие наружных стен мы можем предполагать пока только для восточной стороны, так что размеры этого сооружения сейчас определить трудно, как и его общую планировку. Тем не менее уже понятно, что линия застройки в основном ориентирована с юго-запада на северо-восток в сторону сооружений слоя III. Стены, иногда высотой более 1 м, сложены из меньших по размеру камней, если сравнивать их с сооружениями слоя III. Полы демонстрируют мозаичное покрытие.

Для архитектуры слоя II характерны отдельно стоящие в помещениях Т-образные столбы. По сравнению с экземплярами слоя III они, как уже было сказано, намного меньше и имеют высоту всего лишь 1,5 м

Рис. 102. Северная стела с изображением льва. Высота раскопанной части - 1,45 м

Рис. 103. Изображение льва на навершии южной стелы

(я не включил их в число упомянутых выше 43 столбов слоя III). Так как первый сектор находится на восточном склоне юго-западной вершины, то восемь обнаруженных здесь столбов слоя II вследствие давления грунта наклонились на восток или упали и разбились. В одном из помещений, в его юго-западной части, возле сильно растрескавшихся остатков опоры столба найдено четыре дугообразных каменных фрагмента толщиной в руку. Мы смогли сложить их в полное кольцо диаметром 80 см. Похожие кольца или их фрагменты не раз встречались на этом памятнике, однако их функцию мы определить пока не можем. На мозаичном полу того же помещения обнаружена разбитая на три части известняковая чаша. В другом помещении на полу лежала большая «каменная тарелка».

Второй сектор раскопок, в котором мы выявили застройку слоя II, вклинивается в юго-восточную вершину холма западнее от упомянутого в начале книги дерева желаний – места паломничества локального значения наших времен (с. 15). В одном из сооружений данного сектора нам удалось обнаружить два ряда помещений, каждый из которых состоял из трех «отдельных комнат» и был ориентирован по направлению север-юг. В этой части раскопа обращает на себя внимание то, что ни одно из помещений не имеет следов установки стел. Наружных стен мы тут тоже пока не выявили, поскольку размеры сооружения выходят за пределы площади проведенных раскопок. Полы комнат состоят исключительно из монолитного мозаичного покрытия. В центральном помещении западного ряда, которое полностью попадает в границы раскопа и полностью расчищено, в материале заполнения найден плохо сохранившийся скульптурный фрагмент торса средних размеров, на нем без труда можно узнать только контуры рук. Особенностью данного помещения является его внутреннее убранство. Стены разделены в общей сложности пятью выступами. В северо-восточном и юго-западном углах у стен положены каменные плиты. Очевидно, это скамьи. Примерно в центре помещения непосредственно на мозаичном полу мы нашли большую базальтовую ступку и известняковую плиту с закругленными углами.

Юго-западное помещение также имеет внутренние конструкции. Южный участок лежит вне территории раскопок, однако в расчищенной северной половине помещения обнаружены два подеста, сооруженные из рядов сложенных известняковых плит, западный из которых ниже и уже, чем восточный. Над юго-западным углом последнего находился обработанный со всех сторон известняковый блок, вклинивающийся в помещение. Определить его начальную функцию нам не удалось. Перед западным подестом на мозаичном полу снова лежала

базальтовая ступка. Функциональное назначение этих подестов и их содержимое пока не известны.

В наиболее древнем слое III мы вообще не смогли обнаружить помещений, хотя бы отдаленно напоминающих комнаты, предназначенные для проживания. Там все говорит об исключительно культовом функционировании сооружений. Если что-нибудь в Гёбекли Тепе на сегодняшний день и указывает на возможно жилое использование строений, то это только что описанный комплекс помещений из более молодого слоя II. Однако и в данном случае остаются сомнения. Так как все помещения этой постройки имеют высококачественные мозаичные полы, то и тут крайне сложно увидеть обычное жилое пространство. Хотя в отличие от западного сектора слоя II ожидаемые свидетельства столбов отсутствуют, мы, тем не менее, имеем упомянутый скульптурный фрагмент из внутреннего заполнения помещения, что тоже может указывать на культовую принадлежность этого сооружения. Отсутствуют печи или очаги, характерные для жилищ. Их на Гёбекли Тепе мы нигде не нашли. А что касается обнаруженных в этих структурах ступок и вообще большого количества ступок среди свидетельств Гёбекли Тепе, то они вполне могли служить для приготовления пищи – однако не обязательно для потенциальных местных жителей, но, вполне вероятно, для многих «гостей», присутствие которых предполагается по причине большого объема строительных и скульптурных работ. Ступки могли служить также другим целям, например приготовлению лекарств или наркотиков. Для места с преимущественно ритуальной функцией, что в отношении Гёбекли Тепе является уже доказанным фактом, здесь ничего удивительного нет. Остановимся на том, что мы точно не знаем: какое назначение выполняло «Здание без столбов».

В восточном ареале этого сектора мы снова попадаем на твердую почву. Здесь обнаружено сравнительно больших размеров четырехугольное помещение без окон и дверей. Стены его очень хорошей сохранности и поднимаются на высоту до 2 м, очевидно, до уровня крыши (в отличие от сооружений слоя III сооружения слоя II крышу, по-видимому, имели). Мозаичный пол помещения, к сожалению, сильно поврежден обрушившимися сверху фрагментами каменных плит.

В этом помещении открыто четыре отдельно стоящих T-образных столба. Три из них были сломаны. Однако наверхия стел удалось снова установить на стержни, находившиеся в положении *in situ*. Таким образом, все четыре столба стоят теперь в своем первоначальном виде. Вполне вероятно, что они служили опорами для частично или полностью

каменной крыши, о чем мы смогли сделать вывод по многочисленным фрагментам каменных плит, выявленным нами в материале заполнения. В середине южной стены этого помещения вмурованным в нее обнаружен столб с рельефом типа Невали Чори, с выгравированным изображением рук и кистей (рис. 101). Столб был установлен там вторично, следовательно, изначально не предназначался для этой цели. Пространственно он соответствует расположению сложенного из камней «пилястра», прямоугольного выступа в противоположной северной стене. По многим признакам, это помещение не могло служить обычной для неолита жилой комнатой.

Оба восточных столба данного помещения имеют рельефные изображения. Если не считать столб с руками и кистями рук, вмурованный в стену, то на сегодняшний день это единственные стелы с рельефами (более молодого) слоя II, которые мы нашли *in situ*. Оба рельефа показывают крупных представителей семейства кошачьих, приготовившихся к прыжку. Пасти животных раскрыты. Эти фигуры, выполненные как зеркальные отражения друг друга на противостоящих (внутренних) сторонах двух восточных столбов, направлены на запад. Данные изображения сделаны не как большинство рельефов (более старого) слоя III – на стержнях столбов, а на их Т-образных навершиях.

Сначала мы думали, что на рисунках показаны львы. Сегодня это предположение справедливо ставится под сомнение. Не менее вероятно, что перед нами тигры или леопарды. При сравнении с рельефами древнейшего слоя оба животных изображены намного искуснее. Своим видом они напоминают хеттские рельефы, которым предшествуют примерно на 6 000 лет. Предварительно это помещение мы назвали «Здание с львиными стелами», хотя терминологический скачок или понятийное смещение акцента от помещения к зданию осознаем вполне. В настоящее время вопрос остается открытым. Действительно ли Здание с львиными стелами представляет собой однокомнатную постройку с внешними фасадами, является ли оно частью комплекса помещений, или это углубленное в землю сооружение, напоминающее склеп?

Южнее Здания с львиными стелами мы обнаружили еще одно немного меньшее, однако очень похожее помещение с двумя свободно стоящими *in situ* полностью сохранившимися и двумя вмурованными в восточной стене столбами. Все эти стелы рельефов не имеют. Однако и данная постройка не дала нам ответа на вопрос «помещение или здание?». До сих пор мы не можем выяснить, были это возвышающиеся над поверхностью или заглубленные в землю строения.

Макронимфия, или «любовь к жизни»

Среди скульптур более молодого слоя преобладают антропоморфные изображения. Это фрагментарно сохранившиеся торсы, отбитые головы и возбужденные мужские половые органы – фаллосы. Число диких животных по сравнению с объектами слоя III значительно уменьшается.

Несомненно, есть соблазн рассматривать отмеченные материалы в качестве свидетельств важнейших изменений в жизни человека, как это делает археолог Жак Ковэн, изучая процесс перехода охотников и собирателей к производящему продукты питания земледельческому обществу. Такая мысль действительно кажется очень правильной, однако она должна не оставаться просто высказанной гипотезой, а объективно подкрепляться широкой доказательной базой. Следует проверить, каким образом можно включить, например, известные образы Невали Чори, которые по времени соответствуют слою II из Гёбекли Тепе и которые содержат мотивы коршуна, змеи, а также человеческой головы и смешанного существа человека-птицы, в предложенный сценарий развития, и можно ли их включать вообще. Разумеется, в данном случае должны быть приведены серьезные доказательства. Предварительно я хочу лишь заметить: сравнение скульптур показывает, что в обоих местах разрабатывается одна и та же тематика. Однако для однозначных высказываний материальная база пока недостаточна.

Между тем в Здании с львиными стелами встречено изображение весьма необычного вида, которому мы должны уделить больше внимания. В зоне расположения стел с рельефами львов находится одноступенчатая похожая на лестницу конструкция, ведущая от мозаичного пола к слегка возвышающейся скамье, в которую вмурованы столбы. На плите в центральной части этой конструкции мы обнаружили процарапанное изображение женщины. Художник показал ее сидящей на корточках с согнутыми руками и ногами (рис. 104). Понятно, что она не одета, видна грудь и половые органы, которые имеют странную форму. Две Л-образно свисающие части, похожие на ленты, сразу объяснить довольно сложно. Вероятно, это гипертрофированные большие половые губы. Расставленные ноги и грубо изображенная *макронимфия* (буквально: большие половые губы) указывают скорее на готовность к соитию, чем на роды.

Столь выразительно изображенные большие половые губы не представляют собой нечто особенное. Многие народы манипулировали различными частями тела с целью их уменьшения или увеличения. Ганс Петер Дуерр, этнолог, автор книг «*Время мечты*» и «*Седна, или любовь*

Рис. 104. На одной из плит ступени, примыкающей к каменной скамье в Здании с львиными стелами находится процарапанное изображение обнаженной сидящей на корточках женщины (высота рисунка - 30 см)

к жизни», - признанный знаток соответствующего этнографического материала. Он сообщает, например, о женщинах бушменов Южной Африки. Во время полового созревания они начинают растягивать свои большие половые губы, которые таким образом достигают длины до

10 см. В моменты полового сношения *макронимфия* должна вызывать приятные ощущения. Дуерр приводит много других примеров, которые рассматривать здесь подробно мы не можем. Интересно, например, что у народности бушменов богини также являются обладательницами сильно увеличенных больших половых губ. В целом данный мотив, не свойственный нам, жителям Запада, встречается намного чаще, чем мы могли бы это предположить. Экстремальные примеры показывают, в частности, статуэтки, собранные Тором Хейердалом во время его смелого морского путешествия на остров Пасхи.

В Передней Азии феномен макронимфии, по крайней мере, среди изобразительных мотивов до сих пор был неизвестен. Мотив обнаженной сидящей на корточках женщины иногда, правда, встречался и раньше, но без акцента на половые органы. Обычно рядом с такой женщиной показаны животные, четвероногие рептилии и скорпионы, которые нам уже знакомы по материалам докерамического неолита (PPN).

На наскальных рисунках соседней Северной Африки мотив обнаженной сидящей на корточках женщины обнаруживается чаще. Она

изображается отдельно или в группах. Половые органы показаны, но, как правило, не в увеличенном виде. Эллиптическая форма их внутренней части значительно углублена и анатомически достаточно точна. Такие изображения называются *vénus accueillantes*, «принимающая Венера». Этот тип Венеры часто сопровождают фигуры животных.

Vénus accueillantes, относящиеся к образам североафриканского наскального искусства, на местных языках называются *дженун*. Очевидно, их стоит воспринимать как родственный мотив демону с козлиной головой. *Дженун* могут быть мужчинами или женщинами, при этом они сексуально очень активны или, по крайней мере, готовы к сексуальной активности. На наш взгляд, процарапанный рисунок из Гёбекли Тепе, несомненно, близок подобному типу мотивов.

Между тем похожее по форме на перевернутое сердце изображение головы нашей дамы наводит на некоторые размышления. Это либо объемная прическа, показанная по обе стороны лица, либо голова животного, возможно змеи. Форма головы женщины напоминает также голову «черепахи», той, что является центральным персонажем на украшенной плоским рельефом известняковой чаше из Невали Чори, с которой мы знакомимся, когда говорили о демоне с козлиной головой. Данные сопоставления с дамой из Гёбекли Тепе сейчас остаются под большим вопросом и не дают ничего для обоснованных заключений.

То, что процарапанный рисунок, впервые зафиксированный мотив женщины в Гёбекли Тепе, не относится к деталям изначального оформления Здания с львиными стелами, а появился там позже, – это, так сказать, минимальный результат наших непродолжительных исследований. В пользу данного вывода говорит (даже без учета той ситуации, что находка выявлена на плите, лежащей на полу) в первую очередь сам стиль изображения, который значительно отличается от уже известного «рельефного» стиля Гёбекли Тепе. Кроме того, кажется, что более чем грубое содержание изображения скорее обезображивает, чем украшает Здание с львиными стелами. Или наше восприятие этого рисунка ошибочно?

Объекты с процарапанными фигурами на Гёбекли Тепе редки. Мы выявили процарапанный рисунок змеи на блоке известняка, найденном в переотложенном состоянии. Обнаружили также по одному процарапанному изображению на плитах скамьи в сооружениях А и D, однако их мотивы пока не разгаданы. Можно вспомнить мотив процарапанного рисунка на одном из объектов Невали Чори, который изображает людей в «летащем беге», очевидно танцоров. Для мотива дамы из Гёбекли Тепе в иконографии переднеазиатского неолита аналогов до сих пор не найдено.

Рис. 105. Здание с львиными стелами, вид с востока. У восточной стены внутри помещения находится каменная скамья с вмурованными в нее Т-образными столбами. К ней примыкает сложенная из больших каменных плит ступень. На одной из этих плит процарапан рисунок женщины. Мы показали место его изображения стрелкой

Быть может, несколько прояснит ситуацию текстовый пассаж из монографии Дуерра «Седна, или любовь к жизни». «...В моей появившейся шесть лет назад книге "Время мечты" я проводил мысль о том, что древние люди были менее рациональны, чем мы, сегодняшние, поскольку они с пониманием относились к тому, что лежало вне разума. Можно сказать, что они любили мудрость, то есть были философами. Этот тезис был не столько ошибкой, сколько преувеличением. ...В данной книге я попытаюсь показать, что древние люди знание любили меньше, чем саму жизнь, что они стремились получить жизнь сполна и снова ее воспроизвести. Они были не интеллектуалами, а ритуалистами. ...Этим я не хочу сказать, что их не интересовала действительность. Но если они и любили прикосновение к истине, то это была, как говорил Ницше, истина для их ног, истина, вслед за которой хочется танцевать...»

В последующих главах автор продолжает: «...эта почти ничем не омраченная радость жизни, которую наблюдали многие этнографы у большинства охотников, любовь к жизни такой, какая она есть, а не такой, какая она должна быть, в заметном противоречии к ощущению жизни земледельцев. ...Если для охотников смерть была моментом жизни, то по прошествии времен в сознании людей жизнь становится моментом смерти. ...Если мировосприятие жизни охотников шло через любовь к жизни, которую они видели вокруг себя, и смерть стояла на службе жизни... то склонное к пессимизму ощущение жизни земледельцев превратилось в идеологию смерти, поставившую жизнь на службу смерти».

Возможно, Дуерр не так уж и не прав в своем скорее эмоциональном, чем научном высказывании. Если мы будем следовать обоснованному предположению, что сооружения Гёбекли Тепе служили культу мертвых, то нельзя не заметить, как сильно была поставлена когда-то энергия жизни, сила живущих, на службу культу мертвых, причем в масштабе, до этого никогда не виданном. Охотники X и IX тысячелетий проявляют себя здесь как настоящие пионеры только что начавшегося будущего. Возможно, изображение дамы в Здании с львиными стелами, наподобие современных граффити⁴⁸, было знаком протеста – тому процессу, который Гордон Чайлд представляет, рассматривая другие группы материалов, как «неолитическую революцию». Почувствовали ли люди той эпохи важнейший исторический перелом? Приветствовали ли они начало нового времени действительно с радостью? В любом случае охотники Гёбекли Тепе не поднимались по ступеням в развитии привычного для них образа жизни. Они находились на краю бездны, у конца своего великого времени.

О «маразме мезолита», или Спасение чести ключевой эпохи в истории человечества

Но можно увидеть здесь и другую картину, представив охотников Гёбекли Тепе, растеряно стоящих перед воротами Рая, когда в Адаме они узнали первого земледельца после того, как Бог выгнал его из Рая и завещал неуютное сельскохозяйственное будущее (Быт. 3,17 – 19). Прежде всего, они чувствовали неуверенность в том, куда однажды приведет человечество этот путь. Однако было неотвратимо ясно, что он и дети его детей скоро разрушат их жизненное пространство, их охотничьи угодья. Он проложит путь от периода неолита через энеолит к высокой культуре Древнего Востока, а значит, неизбежно к борьбе за территорию, к войне и рабству. Но данные эпохи лежат уже во времени, исчезающем далеко за горизонтом, до которого хватало взгляда охотника, а потому мы можем оставить их с совершенно спокойной совестью.

Судя по всему, послеледниковые охотники, эти «старшие братья Адама», в неолит еще не пришли. Скорее, они были представителями среднего каменного века, мезолита (примерно 10 000 – 6 000 лет до Р.Х.). Этот термин, обычно обозначающий голоценовые культуры охотников и собирателей, вне европейской древнейшей и ранней истории употребляется мало и даже часто сознательно избегается. В самой Европе «мезолитики», будь то охотники послеледникового периода или археологи, которые ищут их следы, особым вниманием тоже не пользуются. Так, в «Мировой истории» Фишера 1972 г. издания можно прочитать о маразме, т. е. ослаблении и обеднении мезолита, об охотниках, которые после исчезновения мамонтов из-за горькой нужды стали собирателями ракушек, о мезолите как о тупике, в который попали многие представители доисторического мира. В многотомном «Справочнике предистории» Германа Мюллера-Карпе мезолиту не нашлось места. Он даже почти не упоминается там. Так, за томом 1 «Палеолит» сразу следует том 2 «Неолит».

Для общепринятой хронологии доисторической эпохи мезолит как самостоятельный период был признан лишь в 1927 г. Однако и потом он оставался не самым популярным этапом. Но с недавнего времени ему стали больше уделять внимания, поскольку выяснилось, что эта эпоха после 150 лет археологических исследований может преподнести настоящие сюрпризы. Уровень знаний за последние десятилетия изменился настолько, что все более ранние работы полностью лишены теперь информации об основных источниках, которые стали известны уже молодому поколению ученых. Таким образом, в изложении старых изданий содержание исторического развития неизбежно искажено.

Без сомнения, упомянутая в предисловии книга Стивена Мизена «*После ледникового периода*» закрывает здесь один из пробелов, а именно пробел, о существовании которого читательницы и читатели едва ли подозревали. В центре этого сочинения находится неудивительное искусство ледникового периода, возникшее намного раньше, чем время, обозначенное в названии книги (20 000 – 5 000 лет до Р.Х.)⁴⁹ и попавшее крупным планом в заголовки различных изданий особенно после сенсационных открытий наскальных изображений в пещере Шовэ и скульптуры человека-льва из Голенштейн-Штаделя. Культуры ледникового периода образуют для Мизена только основу, чтобы обстоятельно обратиться ко времени послеледниковых охотников и собирателей, то есть к теме, которая, как мы уже отмечали, и у специалистов редко пробуждает интерес. Представленные во второй части рассматриваемой книги материалы исследования ям с черепами в пещере Офнет из Южной Германии еще могут быть отнесены к находкам, о которых знают все. Другое весьма выразительное и хорошо известное открытие происходит из мезолитического поселения Лепенски Вир, возле Железных Ворот, удаленной румынской провинции на берегу Дуная между Сербией и Румынией, о котором мы дальше говорить уже не будем. На этом список главных мест той эпохи заканчивается.

Однако Мизен представляет новейшие данные, лично знает многие археологические объекты и сам работает на раскопках. В своей монографии «*Предыстория разума*», которая появилась в 1996 г., он занимался вопросами возникновения вида *Homo sapiens* и последствиями его распространения на Земле. Новая книга Мизена «*После ледникового периода*» в определенной мере является продолжением его предыдущей работы.

Автор выбрал для этого сочинения форму, которая включает повествовательные элементы, не ограничиваясь обычным перечислением фактов. Он придумывает некоторые события и вводит вымышленное лицо, Джона Леббока, путешествующего во времени, изучающего людей и места прошлого. Этот Джон Леббок имеет знаменитого исторического тезку, который в 1865 г. в своей книге «*Доисторические времена*» одним из первых не последовал библейской хронологии, согласно которой возраст Земли на тот момент составлял не более 6 000 лет. Викторианский Джон Леббок был разносторонним ученым, другом Дарвина и «создателем» периода неолита.

Путешествуя с книгой своего тезки «*Доисторические времена*» в походной сумке, вымышленный Джон Леббок узнает, что смогли изменить 150 лет археологических исследований. Его маршрут начинается с

Передней Азии, там, где «неолитизация» произошла раньше, чем в других регионах мира. Отсюда его путь ведет в Европу, Америку, Южную и Восточную Азию, а также Африку. Во время этого потрясающего кругосветного путешествия Мизену можно охотно простить то, что иногда он занимает англо-американскую точку зрения и не замечает некоторых других важных работ. Если бы Мизен хотел дать своему вымышленному Джону Леббоку в путь еще какую-нибудь книжку для дорожного чтения, то лучше «*Всемирной истории каменного века*» Освальда Менгина, вышедшей в 1931 г., посоветовать нечего. Она бы дала главному герою, как и всем сопровождающим его читателям, огромный объем системно представленных знаний. Впрочем, нетрудно заметить, что форма изложения захватывающей книги Мизена очаровательнее научного стиля изданий академического толка.

Гёбекли Тепе Стивен Мизен посвятил один из разделов. Однако при написании книги автору еще не был известен весь имеющийся на сегодняшний день материал. Нашим читателям в общем виде он сейчас представлен. И не будем в конце данного повествования подвергаться соблазну добавить тут слабо обоснованные, по существу выдуманные сюжеты, которые заняли бы место пока что неполной, часто схематичной и расплывчатой, но, тем не менее, подлинной истории раннего неолита.

ГЛАВА 2. КОГДА ОХОТНИКУ НУЖЕН КРЕСТЬЯНИН. О ЗНАЧЕНИИ СВАТИЛИЩА ЭПОХИ РАННЕГО НЕОЛИТА

Находки Гёбекли Тепе и сопутствующие им данные выходят за пределы археологии к темам культа и религии доисторического времени. Религия упорядоченно объединяет огромное количество всевозможных культов. В свою очередь, культ может состоять из большого числа ритуальных действий, которые имеют свое материальное выражение. Назовем только две такие формы – жертвы и оформление могил. Наряду с этим известны действия, которые вообще не приводят к материальным остаткам, поскольку они находят свое проявление, например, в молитве.

Естественно, в области археологии мы вступаем в контакт, да и то, как повезет, только с материальными свидетельствами давно ушедшего времени, и, следовательно, мы можем предположить в ритуалах только то, что показывает комплекс археологических находок. Вероятно, никогда не произойдет такого случая в исследованиях далекого дописьменного прошлого, когда мы найдем не только следы жертвы, культовый объект или даже в целом посвященный культу памятник, но и еще сверх того все вто-

ростепенные сопровождающие религию данные, связанные с вещественными доказательствами. Полностью такая система не реконструируема. Предпринимающиеся попытки сделать это терпят неудачу уже потому, что в каждой религии есть много особенного.

В общих чертах сущность религии по-настоящему можно узнать только через устные или письменные предания. И совершенно недопустим перенос религиозных представлений обществ, имеющих письменность, на дописьменное прошлое. Нельзя ожидать, что любые изменения в религии можно проследить археологическим путем или же что такие изменения происходили в строгом соответствии с изменениями материальной культуры. В любом случае, стоит попытаться понять лишь трансформацию тех ритуалов, которые имели материальное выражение, но это явление не надо смешивать с изменением всей соответствующей религии.

Я исхожу из того, что человеческие сообщества не позже, чем со времен верхнего палеолита, а может быть, и раньше, имели религиозные представления. Важным подтверждением данного факта я считаю свидетельства захоронений, т. к. обеспечение умершего могилкой и погребальными дарами без веры в потусторонний мир едва ли можно понять. При этом представление о потустороннем мире не обязательно должно было быть составной частью сложной религиозной системы, однако существование такого представления уже предполагает наличие зачатков религии.

Большое значение, несомненно, имеет появление фигурных изображений в ориньякскую эпоху (35 000—22 000 лет до Р.Х.). Их духовное содержание далеко превосходит отражение ежедневной борьбы за выживание. Так называемые статуэтки «Венер» граветтской культуры (28 000—22 000 лет до Р.Х.), к которым относится также статуэтка из обожженной глины, найденная в Дольни Вестонице, формально и, может быть, содержательно предвеляют неолитические изображения. Они являются подтверждением того, что религиозные представления верхнего палеолита или, по крайней мере, ритуалы этого времени не очень сильно отличались от ритуалов периода неолита.

Раннеолитическая религия, формировавшаяся около 10 000 лет до Р.Х., какими бы специфичными чертами она ни определялась, является, скорее, продуктом древнейшего развития, чем совершенно не имеющим корней новаторством. Мы можем исходить из того, что с древнейших времен существовали передаваемые мифы или мифические мотивы, даже если крайне сложно получить надежное подтверждение их наличия в доисторических обществах и вообще невозможно узнать их содержание.

Уже упомянутый Жак Ковэн констатирует, что из доисторического периода ни один миф до нас не дошел, и поэтому остается только рассма-

тривать соответствующие археологические находки как материализацию древних мифов, используя имеющиеся знания об особенностях первобытного мышления. Например, известно, что представители ранних культур в животном виде видели воплощение более высокого существа. Жак Ковэн считает возможным, изучив археологические источники Передней Азии, начиная с натуфийского времени (примерно 12 000–10 200 лет до Р.Х.), проследить историю формирования образов антропоморфных богов. Так, в натуфийской культуре, по Ковэну, еще преобладают изображения животных, доминирующая в этом контексте газель могла бы служить свидетельством особой роли газели в религии. В следующем периоде, раннем докерамическом неолите (PPNA), им рассматриваются в основном лишь артефакты Иерихона, Эль-Хиама и Нахал Орена. Антропоморфные фигуры этой фазы имеют в большинстве женские формы с акцентом на половые признаки. Ковэн считает правильным объяснение перехода от звериных (зооморфных) изображений к человеческим изменяющимися в то время экономическими стратегиями и религиозными верованиями. На этот период приходится духовное рождение пары богов, которая будет и в последующие времена изображаться как женщина и бык, символизирующий мужскую силу.

Хотя по многим пунктам я согласен с Ковэном, однако мне кажется, что он имеет слишком прямолинейное эволюционистское представление о возникновении и развитии неолитических религий от самых простейших форм в эпипалеолите и далее все усложняясь. С этим подходом я не согласен. Возникают еще вопросы: каким образом реконструировать соответствующий духовный фон и как каждый раз понимать феномен «религия»? Даваемые объяснения далеко превосходят информационный потенциал чисто археологических находок.

Вероятная предпосылка правильного понимания состоит в том, что в фигурках палеолита и неолита, т. е. древнего и нового каменного века, нужно видеть больше чем только нейтральное «искусство» или просто детскую игрушку. Вместе с тем мы должны *не* пытаться реконструировать религию мезолита или неолита, а, исходя из утверждения, что была определенная религия, уходящая корнями в древность, исследовать: 1) в какой степени археологические находки представляют собой материализацию ритуала, 2) в каком контексте проявились эти находки и 3) какие следы они оставили среди находок других материальных культур.

Могилы являются местами, в которых особенно часто можно обнаружить наиболее полный комплекс свидетельств материализации ритуала. В идеальном случае богатые вложения, обустройство, размещение и планировка могил могут многое рассказать о мире живущих и об общем по-

ложении дел потустороннего мира, но совсем немного - об основополагающих религиозных идеях. Находки захоронений времен палеолита и мезолита достаточно разнообразны. В ряде случаев яркой характеристикой является то, что череп умершего подвергался определенной обработке, и после этого ему приписывалось особое значение.

В феномене *культы черепов*, истоки которого обнаруживаются еще в палеолите, часто видят особую форму отправления культа предков. Более прозаические натуры, напротив, считают, что здесь фиксируются свидетельства охоты за головами. Окончательное решение этого вопроса пока невозможно. Однако следует, как уже выше подчеркивалось, определить степень однородности наблюдаемого ритуала, что тем более важно, когда источник не позволяет установить, общепринятой ли это была форма погребения у населения или привилегия его избранной части. В пользу последней версии говорят многие косвенные свидетельства. Вместе с тем до сих пор не ясно, являются ли подобные захоронения могилами умерших естественной смертью, или это свидетельства человеческих жертв. А может быть, это захоронения представителей обеих групп?

Ритуальные хранилища предметов культа образуют еще один вид находок, случайно выявляемых при исследовании объектов, не имеющих напрямую ритуального значения. Речь идет о контролируемом удалении ставших ненужными культовых предметов. Они не выбрасывались, а погребались с соблюдением определенных правил. Так как многие из восстановленных черепов поступали из таких хранилищ, то мы можем в любом случае рассматривать обычное погребение черепа как маловероятное. Скорее этот акт надо понимать в качестве специально ритуального – а именно не как обычно практикующееся захоронение умершего в форме погребения его черепа, но как помещение в хранилище ставшего ненужным предмета культа. С этой точки зрения восстановленные черепа позднего докерамического неолита (PPNB) кажутся скорее не свидетельствами выражения общего культа мертвых, а представляют группу находок, выявляющих в конечном счете существование людей, черепа которых специально подготавливались и использовались в ритуальных действиях.

Могилы, захоронения черепов, восстановленные черепа в Гёбекли Тепе к настоящему моменту не обнаружены. Однако памятник открывает нам монументальные мегалитические сооружения и представляется, таким образом, великолепной сценой для сложного и длительного ритуального действия. Если нет черепов, тогда главные роли в этой неолитической драме на этой сцене брали на себя впечатляющие антропоморфные образы, воплощенные в монументальных столбах. Несомненно, это

огромное культовое место с его большими сооружениями, которые мы назвали неолитическими храмами, можно понимать лишь как продукт коллективного труда, созданный большими хорошо организованными группами людей.

Что именно там происходило, какие культы осуществлялись, какие исполнялись ритуалы, мы не знаем. Однако без ритуального действия монументальные сооружения не имеют смысла. Закрытым, «молчаливым» памятником уже в каменном веке архитектурный комплекс Гёбекли Тепе не был. Были ли исполняемые там действия шумными и красочными или торжественно-строгими, решать теперь нашей фантазии. Но если бы заработал культовый механизм Гёбекли Тепе, без сопровождающих празднества хореографии и музыки, думаю, не обошлось бы. Все, что там происходило, совершенно очевидно, имело функцию демонстрации власти, причем и тут мы не знаем, была ли это власть одного человека или некоего сообщества. В любом случае данное место и действие для коллектива и для конкретного человека являлось настолько значимым, что каждый индивидуум в обществе проявлял весьма активное участие, без которого возведение сооружений Гёбекли Тепе было бы немыслимо. На наш взгляд, нельзя переоценить значение *духовных сил* для общего культурного процесса, переживаемого людьми той эпохи.

Общественная власть, потребовавшая от человека возведения монументальных сооружений, – будь то вождь, группа шаманов, может быть уже профессиональных, совет старейшин или коллектив, мы, по-видимому, никогда этого не узнаем, – совершенно очевидно, могла черпать идеологическое подкрепление своим решениям из источника религиозной мотивации без сомнения в том, что он придаст рабочим необходимый импульс. Пройдет еще много лет, прежде чем людям на помощь явятся сильные домашние животные, например волы. Одни лишь человеческие руки и человеческая сила, хорошо организованные и, конечно, уже улучшенные с помощью раннего инженерного искусства и техническими вспомогательными средствами – мы имеем в виду рычаг, катки, полозья, ramпы, – обеспечили этот удивительный успех. Конечно, это был труд не одного дня. В тех условиях работа потребовала многих лет, вероятно десятилетий, точно все это мы подсчитать сейчас не можем.

Но что все-таки значит организовывать людей в течение длительного времени на одном месте, сконцентрировать их силы для проведения общественных работ и достижения цели? Не в последнюю очередь это означает возникновение проблемы обеспечения, т. к. теперь люди не могли заниматься привычной для них охотничьей деятельностью, тем

более в необходимых масштабах. Разовьем данную мысль и примем к сведению, что растениеводство с трудом еще делало первые шаги. Таким образом, к имеющимся гипотезам добавляется вопрос: не стало ли «изобретение» земледелия эпифеноменом тех долговременных многочисленных собраний охотников и сопровождающего их труда? Не наблюдаем ли мы в Гёбекли Тепе общество с начинавшимся разделением труда? Можем ли мы через плотный туман прошедших тысячелетий увидеть тени каменотесов, строителей, рабочих, собирателей, охотников, а кроме того, таких функционеров, которые должны были беспокоиться об интенсивном использовании дикого зерна и вскоре о возделывании земли, чтобы удовлетворить требования по снабжению огромного общественного сооружения? Да не кажется ли в этом контексте, что Гёбекли Тепе, в окрестностях которого еще и сегодня произрастают дикие зерновые, был просто предназначен для подобного вида снабжения, что давало некоторые преимущества относительно опасностей и везения в охоте? Не потому ли мы в таком большом количестве находим здесь базальтовые ступки? Нет смысла сейчас строить предположения о том, кто из обитателей каким видом труда занимался. В любом случае совершенно ясно, что нагрузка по снабжению тут в полной мере распространялась как на мужчин, так и на женщин.

Село, город, святыня – Гёбекли Тепе как центр культового союза

Однако как мы должны понимать сооружения Гёбекли Тепе в окружающем их культурном контексте? Каким образом они соотносились с действовавшими в эпоху неолита социальными структурами? В качестве исходной точки данных рассуждений отметим мнение тюбингенского историка Древнего мира Франка Кольба. В своем солидном сочинении *«Город в древности»* он резко отзывается о работе известного исследователя цивилизаций: *«...я не буду иметь дело с большим произведением Льюиса Мамфорда, которое рассматривает развитие города от самого начала до настоящего времени, несмотря на подробное обсуждение там периода древности. Не говоря уже о принципиально пессимистической оценке исторической роли города, которая также влияет на изложение истории городов древности, его собственные результаты редко совместимы с последними историческими исследованиями».*

В одном пункте Кольб, несомненно, прав: Мамфорд подходит к теме с нетрадиционных позиций и часто провокационным способом. Однако тезис Мамфорда, что не село представляет собой зародыш города, а святылище, место ритуальных собраний, заслуживает внимания. Сущность

города по Мамфорду принципиально отличается от сущности села. Село настроено к посторонним недоверчиво и враждебно, город, напротив приветливо, как будто их ожидает. Таким образом, город возникает не из постепенно увеличивающихся сел, но из пунктов совершенно другого свойства, а именно из святилищ, бывших местом постоянно повторяющихся собраний, которые наряду с их религиозной функцией служили местами общения и обмена – идеями, товарами и людьми.

В крайних случаях эти центры находились в отдаленных нежилых местах, расположение которых было известно ограниченному сообществу. Они должны были только в определенное время предоставлять достаточную территорию для больших групп людей. Обязательным признаком таких мест являлась их религиозная значимость. Мы видим, что ритуальные центры существовали задолго до оседлости и могли быть намного старше древнейших сел. Свою функцию они хорошо выполняли уже для кочующих групп охотников, удовлетворяя элементарную потребность людей в обмене и вербальной коммуникации.

Утверждения Мамфорда едва ли были восприняты. В целом же в публикациях на тему «Город—село» можно увидеть, что село как феномен рассматривается лишь на втором плане. В этом вопросе Мамфорд, без сомнения, был основательнее других, он описывает главные различия между селом и городом не только с позиции города. Им замечено также, что наличие одного поселения в каждом случае позволяет ожидать, что есть и соседние поселения.

Вспомним в этой связи еще раз о Чатал Хёюке. Данный памятник во многих отношениях соответствует условиям, которые историк древнейших времен предъявляет месту при проверке его определения в качестве города. Для надежности давайте применим критерии, сформулированные Франком Кольбом и исследователем дописьменного периода Бернгардом Гензелем: 1) размеры территории и плотность заселения; 2) функцию регионального центра, особенно в экономическом отношении; 3) высокий уровень профессиональной специализации; 4) общую организацию и дифференциацию в архитектуре; 5) долговременное развитие.

Без сомнения, Чатал Хёюк был большим пунктом с компактно проживающим оседлым населением. Едва ли можно оспорить его значение как центрального места для окрестных жителей. Хотя об экономической стороне вопроса сказать здесь что-либо подробнее сложно. Иначе выглядит критерий длительной социальной и профессиональной дифферен-

Рис. 106. Аэрофотосъемка Гёбекли Тепе в 2004 г.

циации населения. Большие, обработанные с обеих сторон кинжальные клинки и относящиеся к ним украшенные фигурками костяные рукоятки, кроме того, искусно сделанные деревянные сосуды, сохранившиеся благодаря благоприятным климатическим условиям, а также настенные росписи в домах и пластиковые модели едва ли были сделаны специалистами-универсалами. Никто не поверит, что это работа одного человека. Чтобы создать такие вещи, должны были трудиться мастера, занимающиеся отдельными ремеслами. Продуманная организация пространства и дифференциация в строительстве Чатал Хёюка также прослеживается, как и фиксация свидетельств долговременного функционирования сооружений.

Впрочем, Меллаарт использует по отношению к Чатал Хёюку – что по-немецки передается не всегда точно как «Stadt aus der Steinzeit»/«город

из каменного века» – английское слово «town»*, которое, выходя за пределы значения «село», не полностью совпадает с немецким понятием «Stadt»/«город». Проверка на основе критериев Гензеля и Кольба показала, что как раз по отношению к рассматриваемому памятнику понятие «Stadt» вполне приемлемо. Задержимся еще немного на этом интересном вопросе и посмотрим, можно ли феномен Чатал Хёюка определить с выбранных позиций подробнее.

Проводимые с 1995 г. до настоящего времени под руководством Яна Ходдера новые исследования доказали, что в обширной долине Конья других поселений того же периода не существовало, ни больших, ни малых, ни «сел», ни «городов». Если видеть в Чатал Хёюке только село, то оно в своей уединенности было бы совершенно особенным случаем, потому что понятийное определение села предполагает существование нескольких таких же поселений в округе. Если Чатал Хёюк рассматривать как город или хотя бы как поселение городского типа, то обращает на себя внимание отсутствие сопутствующих сел, а также в отдалении других подобных городов. Не имея возможности глубже вникать сейчас в особенности данного памятника, мы, тем не менее, заметим, что феномен Чатал Хёюка, судя по всему, находится за рамками принятых в современной науке определений села и города.

Кажущаяся схожесть с Иерихоном ничего нового не дает. Вследствие дезинформирующей интерпретации башни и стены как фортификационных сооружений данный памятник может оставаться вне обсуждения, поскольку именно эти два элемента считались главными критериями, по которым Иерихон был назван древнейшим городом. Обратимся теперь к Гёбекли Тепе. Он представлял собой, как об этом можно судить по предыдущим главам, региональное святилище, что хорошо соотносится с гипотезой Мамфорда.

Гёбекли Тепе расположен в самом центре Верхней Месопотамии. Вид от него открывается на юг через равнину Харран до Сирии, на восток до далекого Караджадага, мощного сегодня потухшего вулкана, ландшафтную маловыразительность которого так метко описал Гельмут фон Мольтке. На западе и севере горизонт ограничивают покрытые снегами большую часть года отроги восточного Тавра.

Даже если мы, как это всегда подчеркиваем, и не можем сказать в деталях, что именно происходило в сооружениях Гёбекли Тепе, сама принадлежность их к культу сомнений не вызывает. Известно, как вы-

* Town – англ. «город», «городок», «административный районный центр». – *Примеч. ред.*

глядели поселения и жилища нового каменного века. Их свидетельства сильно отличаются того, что было открыто в Гёбекли Тепе. Монументальные столбы и круглоплановые каменные сооружения, многочисленные скульптуры и сложные рельефы наглядно демонстрируют перед нами вид неординарного неолитического святилища. Являлись ли круглоплановые каменные постройки даже для большинства их создателей запретной зоной, или же, наоборот, жизнь там кипела без остановок, мы с уверенностью сказать не можем. Однако сомнений не вызывает то, что возведение стел и сооружений было бы невыполнимо без участия большого количества людей, что предполагает достаточно высокий уровень направляющего планирования и организации. Размышления о механизме обеспечения рабочей силой «строительного объекта Гёбекли Тепе» напрямую ведут к выводу о том, что в период X и IX тысячелетий до Р.Х. осуществлялась необходимая договоренность в остальном, вероятно, автономных групп об отправлении в этот пункт нужного количества людей.

Особое значение Т-образных столбов определяется тем, что они, по общему мнению, воспринимаются как стилизованные человеческие фигуры. Эти антропоморфные столбы могли представлять богов, предков или иных сверхъестественных покровителей, которым поклонялись. Несомненно одно – их создание играло важную роль в жизни людей, работавших на Гёбекли Тепе. Как я уже отмечал, геомагнитное картографирование нашего памятника показало, что наряду с четырьмя известными мегалитическими сооружениями предположительно здесь имеется еще не менее 15 других круглоплановых строений и всего более 200 столбов.

Работа в каменоломнях, транспортировка и установка многотонных монолитных, тщательно обработанных со всех сторон столбов из известняка была, как уже многократно доказано, не под силу небольшому числу строителей. Это сложная задача, которая по способу решения и нагрузке сопоставима с возведением обелисков в Египте времен фараонов.

Если обоснованно исходить из того, что в Гёбекли Тепе мы увидели не обычный ритуальный, а *главный культовый центр* округа, то следует предположить, что здесь в эпоху перехода к оседлому образу жизни собирались люди из соседних окружающих поселений: Чайёню, Невали Чори, Телль Абра, Мурейбита, Жерф эль-Ахмара, Телль Карамеля и, наверное, многих других, которых мы еще не знаем. Обитатели этих мест длительный период работали над строительством сооружений Гёбекли Тепе для того, чтобы проводить там по определенным поводам всем вместе или через своих представителей важные ритуалы.

Названные памятники расположены примерно в радиусе 200 км вокруг Гёбекли Тепе. Такая региональная общность кажется весьма вероятной, поскольку на этих поселениях мы находим не только остатки по существу родственной материальной культуры докерамического неолита (PPN) верхнемесопотамского вида, но и в миниатюрной форме те символы, которые были обнаружены монументальными в Гёбекли Тепе.

Попробуем сделать еще один шаг в понимании характера взаимоотношений Гёбекли Тепе с соседними поселениями. Открытие других памятников с Т-образными столбами в провинции Урфа, более высокая плотность археологических объектов в этом регионе и отсутствие мест с Т-образными столбами на других территориях наводят нас на мысль о вполне определенном феномене греческой истории. Крупные культовые сообщества греки называли *амфиктионией*. Исходный смысл этого слова до конца не выяснен, однако в своем ядре оно несет значение «поселение в окружении». Первоначально данное понятие использовалось только для культового сообщества в Дельфах, центром которого был храм Аполлона, но уже в древности это название распространилось и на другие союзы. Историки наших дней предполагают наличие подобных структур у шумеров, филистимлян и иудеев. Главным связующим элементом амфиктионии является центральное святилище. Амфиктиония – это, прежде всего, культовая организация, которая должна осуществлять уход за святыней и ее охрану.

Являлся ли Гёбекли Тепе центральной святыней «амфиктионии каменного века»? Сегодняшние источники вряд ли могут окончательно подтвердить данное предположение. Однако в регионе Урфы установлено концентрированное наличие памятников с Т-образными стелами. При этом отмеченные пункты расположены на большой территории с центром в Гёбекли. Какая роль в этой системе отводилась другим местам с Т-образными столбами, мы еще не знаем. Но так как только в Гёбекли Тепе на всей площади памятника присутствует выразительное символическое монументальное оформление, то предпочтение этому пункту в ряде мест с Т-образными столбами представляется вполне доказанным. Знания об историческом феномене амфиктионии, несомненно, помогут нам ответить на вопросы, возникшие при интерпретации ситуации каменного века в Верхней Месопотамии. Необходимо сфокусировать взгляд на основных факторах, которые когда-то объединяли там группы людей и обеспечивали их взаимодействие. Я считаю, что это были общие религиозные верования и центральное святилище, почитаемое живущими в разных местах коллективами. Уверен, что в Гёбекли Тепе именно такой центр мы и нашли.

Если подтвердится, что в эпоху докерамического неолита на территории Верхней Месопотамии существовали культовые сообщества, которые имели структуры амфиктионий, хотя и не на таком, разумеется, высоком уровне, как через девять тысяч лет в Греции, то ответы на многие вопросы о взаимодействии групп той эпохи придут сами собой. Размышления коснутся уже иных проблем: функционировал ли тогда с точки зрения диффузионализма один доминирующий центр или «сотни центров»; сколько было сообществ, объединенных одним ритуальным святилищем, и сколько существовало конкурирующих союзов с собственными центрами. Независимо от ответов на поставленные вопросы мы понимаем, что наличие таких центров являлось хорошей основой для установления прочных контактов между людьми и целыми группами, а также для организации необходимой на тот момент совместной деятельности. Если мы признаем существование подобных центров, то легко обнаружим в них источники активности, как для строительства больших каменных круглоплановых сооружений, так и для развития эффективно функционирующей в пространстве системы охоты, которая уже проявляла способность изменять ландшафт на больших территориях. И это изменение ландшафта было связано также с продуманной организацией получения зерна, преддверием сельского хозяйства, не в виде возделывания садовых участков, полей и огородов, а пока в виде собирательства на больших площадях, предполагаемый урожай с которых нужно было защищать от конкурентов по питанию из животного мира.

Главное достижение подобных союзов состоит в появившейся возможности представления и распространения различных *ноу-хау* среди встречающихся в таком центре групп. Очевидно, что данным образом решались не только технические и охотничьи проблемы или вопросы, связанные с получением диких злаков. Обмен охватывал, разумеется, сферу духовных ценностей. Он способствовал созданию и применению понимаемой всеми участниками системы символов. Вспомним факт, что на многих столбах Гёбекли Тепе изображены ряды абстрактных знаков и фигурок животных. При этом мы говорим не о наспах процарапанных рисунках, а о рельефах. Особенно часты изображения Н-образного знака и на 90° повернутого его варианта, змеи и четвероногих животных. Многие из знаков и знаковых комбинаций повторяются на иных объектах уже в миниатюрной форме, а именно в процарапанном виде на каменных плитках и на выпрямителях древков⁵⁰. Следует осознавать опасность того, что использование слова «иероглиф» может привести к поспешному выводу об обнаружении здесь «иероглифического шрифта»,

считываемого фонетически, как в случае с древнеегипетским письмом. Такой вывод является значительным расхождением с истиной и в обязательном порядке исключается. Однако название «неолитические иероглифы», в смысле «священные знаки», при выявленных обстоятельствах я считаю приемлемым. В конце концов, мы имеем дело с последовательностью знаков в монументальном изображении и в повторяющихся формах. То, что эти знаки созданы на огромных антропоморфного вида стелах, которые, несомненно, по своему значению для современников выходили за пределы восприятия обычных человеческих образов, показывает, что здесь мы соприкасаемся с материалами сакрального содержания. Данное определение относится ко всему комплексу сооружений и столбам с нанесенными на них символами. В целом имеющийся контекст позволяет адекватно применять слово «*hieros*» («сакральный», «священный») для знаков Гёбекли Тепе.

Прощание со священной горой охотников

Сегодня мы знаем, что к началу VIII тысячелетия до Р.Х. строительная деятельность и, вероятно, использование сооружений в Гёбекли Тепе были прекращены. Общество охотников превращалось в общество земледельцев, люди стали жить оседло. С этого времени поселения располагались в долинах на плодородных землях, позволяющих выращивать хороший урожай.

В Гюрджютепе, находящемся на северо-западе равнины Харран и видимом из Гёбекли Тепе, узнаваемо ранненеолитическое «долинное поселение», какие сейчас можно обнаружить во многих местах месопотамского региона. Здесь необходимость земледелия и начинающегося одомашнивания животных нашла соответствующий экотоп, представленный в почти идеальном варианте. Гёбекли Тепе является антиподом Гюрджютепе: уединенное расположение в горах, отсутствие поблизости пашни и воды. Начиная отказываться от прежнего образа жизни, люди в какой-то момент покинули старое святилище и стали крестьянами. А перед тем как переселиться в многообещающие места проживания, засыпали монументы обломками камней и землей. Огни охотников, так долго горевшие вокруг святыни, погасли навсегда.

Если рискнуть спроецировать достигнутые результаты на всю территорию Верхней Месопотамии, то возникает сюжет, который в одном пункте противоречит картине, представленной в *Early Village Farming* Роберта Брэйдвуда⁵¹. Согласно Брэйдвуду, первые села появлялись скорее в начале, чем в конце распространения «неолитической революции». Однако, судя по полученным материалам, данный процесс протекал не как

результат постепенной адаптации новых стратегий существования в ходе медленного приобретения сельскохозяйственных знаний и медленной замены основ снабжения земледелием вместо охоты. Выясняется, что подобным путем изменения образа жизни не происходило. Вместо этого стоящая у власти и выражающая свою силу в строительстве монументальных сооружений элита охотничьего общества Гёбекли Тепе сама готовила почву для того, чтобы развивать новые формы жизнедеятельности. Как показано выше, их возникновение объясняется объективными потребностями большой массы населения, в течение длительного времени сконцентрированного на ограниченной территории. К изменению основ экономики вели не новые, связанные с природными изменениями условия выживания, а общественные потребности, вызванные особенностями функционировавшей в регионе религиозной системы. Был ли конец храмов Гёбекли Тепе революционным событием, или это результат умного расчета управлявших элит? В любом случае, рассматриваемый процесс по своему содержанию – это настоящая «неолитическая революция» с еще более драматическим развитием событий, чем думал Гордон Чайлд. Значение «охотника» уменьшилось, в связи с этим уменьшилась роль его религиозных ритуалов и потребностей, а потом прекратили существование и его культовые сооружения. Когда изменились экономические основы, превратилась в прах мировоззренческая надстройка, что мы можем явственно видеть, исследуя сохранившиеся свидетельства огромного демонстрирующего былую власть религиозного комплекса Гёбекли Тепе.

По существу Чайлд, вероятно, правильно понимал обстоятельства, однако не смог их достаточно наглядно представить, т. к. в его времена археологический материал раннего неолита Передней Азии, по сути, еще не был известен. Понятие «революция» означает «переворот вошедшего в обычай». Не создание нового. И, очевидно, Чайлд уже предполагал, что первые крестьянские села не возникли на пустом месте, а явились результатом изменения условий для обитавших на определенной территории коллективов людей. С распространением сельскохозяйственного уклада в жизнь населения пришел видимый примитивизм, наступили, если можно так выразиться, *темные века керамического неолита*. Скромные остатки его материальной культуры, жалкие черепки вполне могут сбить с толку и привести к ошибочному предположению, что все тогда только начиналось с совсем низкого уровня.

Тем не менее функционирование монумента, подобного Гёбекли Тепе, трудно представить без уходящей в древний каменный век «предыстории». Поздний палеолит Верхней Месопотамии до недавнего времени был

почти не известен. И у нас еще долго будут ощущаться сложности в понимании процесса неолитизации Передней Азии, пока не станет достаточно изучена, по крайней мере, поздняя эпоха верхнего палеолита между Евфратом и Тигром. Думаю, на основании сделанных находок здесь можно будет намного раньше определить ранний этап неолитизации, чем для натufийской культуры Южного Леванта, которая в этом процессе, скорее, играла роль маргинального участника. Не стоит ожидать, что поздний палеолит и эпипалеолит Верхней Месопотамии абсолютно точно, без швов совместятся с соответствующими эпохами Южного Леванта. Почти нельзя предугадать, какими результатами заполнится эта лакуна между изучаемыми феноменами.

Образно выражаясь, страна между истоками Евфрата и Тигра представляет собой самый центр *Плодородного полумесяца*, или, как формулируют другими словами, площадь *Золотого треугольника*. Она огромна, но пока слабо исследована. И именно здесь расположены Урфа и Гёбекли Тепе с монументальными сооружениями, которые дали нам путь в до сих пор не изведанный мир скульптур и рельефных изображений. Наряду с мотивами угрожающих фигур охранников, они показывают довольно сложные и иногда кажущиеся сверхреальными композиции, которые по своему репертуару и содержанию принадлежат к неизвестному еще языку образов. Почти как в аллегорических картинах Иеронима Босха открывается серия странных сюжетов, прочесть которые посвященному было бы, пожалуй, легко, но непосвященный способен уловить лишь приблизительные смысловые содержания: *опасный, угрожающий, ужасный* или *мирный*. То, что здесь действуют существа другого мира или, по крайней мере, представляющие их образно животные, непосвященному наблюдателю ясно. Однако обрело ли в Гёбекли Тепе *божество имя*, присутствовали ли там духи, демоны или другие сверхъестественные силы, имелись ли уже среди них боги и богини, на основе наших каменных источников мы, вероятно, никогда не узнаем. Тем не менее, даже если мы находимся в неведении относительно почитаемого здесь имени, понятие «храм» для рассмотренных неолитических сооружений особого назначения мне кажется вполне приемлемым. Мы действительно не знаем, что представлял собой *пантеон* неолита, и, вероятно, никогда не проясним данный вопрос до конца. Но предположение о том, что культ и религия, воплотившиеся в этих храмах, в эпоху неолита на Ближнем Востоке были мощными пружинами для развития, превратилось за время исследований Гёбекли Тепе в твердую уверенность. Дальнейшие раскопки священ-

ПРИЛОЖЕНИЯ

ной горы охотников каменного века, несомненно, будут вознаграждены новыми открытиями в понимании основ человеческой истории.

ОСНОВНАЯ И ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Anati, Emmanuel, Felskunst im Negev und auf Sinai. Frühe Spuren des Menschen, Lubbe, Bergisch Gladbach (1981).

Assmann, Jan, Religion und kulturelles Gedächtnis. Zehn Studien, Beck'sche Reihe, Beck, München (2000).

Aurenche, Olivier – Stefan Karol Kozłowski, La naissance du néolithique au Proche Orient ou le Paradis Perdu, Éditions Errance, Paris (1999).

Bartl, Karin, Vorrathaltung. Die spätepipaläolithische und frühneolithische Entwicklung im westlichen Vorderasien. Voraussetzungen, typologische Varianz und sozioökonomische Implikationen im Zeitraum zwischen 12 000 und 7500 BP, Studies in Early Near Eastern Production, Subsistence, and Environment 10, ex oriente, Berlin (2004).

Bar-Yosef, Ofer, The Walls of Jericho: An Alternative Interpretation, Current Anthropology 27, 1986, 157–162.

Bar-Yosef, Ofer – D. Alon, Nahal Hemar Cave. The Excavations, Atiqot (English Series) 18, 1988, 1–30.

Bar-Yosef, Ofer – Francois R. Valla (Hrsg.), The Natufien Culture in the Levant, International Monographs in Prehistory. Archaeological Series I, Ann Arbor (1991).

Belli, Oktay, Kırgızistan'da taş balbal ve insan biçimli heykeller – Stone Balbals and Statues in Human Form in Kirghizistan, Arkeoloji ve sanat yayınları. Avrasya Araştırmaları ve İncelemeleri Dizisi 1, İstanbul (2003).

Benecke, Norbert, Der Mensch und seine Haustiere. Die Geschichte einer jahrtausendealten Beziehung, Theiss, Stuttgart (1994).

Benedict, Peter, Survey Work in Southeastern Anatolia, in: Çambel – Braidwood 1980, 150–191.

Bıçakçı, Erhan, Çayönü Tepesi. Untersuchungen zu den Bauten und Siedlungsmustern der akeramisch-neolithischen Subphasen 5 und 6, Institut für Baugeschichte der Universität Karlsruhe, Materialien zu Bauforschung und Baugeschichte 21, Karlsruhe (2001).

Black, Jeremy – Anthony Green, Gods, Demons and Symbols of Ancien Mesopotamia. An Illustrated Dictionary, British Museum Press, London (1992).

Bonte, Pierre – Anne-Marie Brisebarre – Daniel Helmer – Hassan Sidi Maamar (Hrsg.), Domestications animales: dimensions sociales et symboliques, Actes du VIIe Colloque international de l'association «L'Homme et l'Animal, Société de Recherche interdisciplinaire», Hommage à Jacques Cauvin, Villeurbanne 2002, Anthropozoologica. Publications Scientifiques du Muséum 39 (1), Paris (2004).

Braidwood, Linda S. – Robert J. Braidwood – Bruce Howe – Charles A. Reed – Patty Jo Watson (Hrsg.), *Prehistoric Archaeology along the Zagros Flanks*, Oriental Institute Publications 105, Chicago (1983).

Braidwood, Linda S., *Digging Beyond the Tigris. An American Woman Archaeologist's Story of Life on a «Dig» in the Kurdish Hills of Iraq*, Henry Schuman, New York (1953).

Bucak, Eyyüp – Klaus Schmidt, *Dünyanın en eski heykeli*, Atlas 127, ekim 2003, 36–40.

Burl, Aubrey, *Great Stone Circles. Fables, Fictions, Facts*, Yale University Press, New Haven – London (1999).

Byrd, Brian F., *Early Village Life at Beidha, Jordan: Neolithic Spatial Organization and Vernacular Architecture*, British Academy Monographs in Archaeology, Oxford University Press, Oxford (2005).

Çambel, Halet – Robert J. Braidwood, *İstanbul ve Chicago Üniversiteleri karma projesi güneydoğu anadolu tarihöncesi araştırmaları – The Joint Istanbul – Chicago Universities Prehistoric Research in Southeastern Anatolia*, University of Istanbul, Faculty of Letters Press, Istanbul (1980).

Cappers, René T. J. – Sytze Bottema (Hrsg.), *The Dawn of Farming in the Near East. Workshop Groningen 1998. Studies in Early Near Eastern Production, Subsistence, and Environment 6, ex oriente*, Berlin (2002).

Carter, Theresa Howard, *The Stone Spirits, Expedition. The Bulletin of the University Museum of the University of Pennsylvania 12.3*, Philadelphia, 1970, 22–40.

Christaller, Walter, *Die zentralen Orte in Süddeutschland. Eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmäßigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischen Funktionen* (1933).

Clottes, Jean – David Lewis-Williams, *Schamanen. Trance und Magie in der Höhlenkunst der Steinzeit*, Thorbecke, Sigmaringen (1997).

Daniel, Glyn, *Geschichte der Archäologie*, Lübbe, Bergisch Gladbach (1982); Originaltitel: *A Short History of Archaeology*, 1981.

Driesch, Angela von den – Joris Peters, *Vorläufiger Bericht über archäozoologische Untersuchungen am Göbekli Tepe und am Gürcütepe bei Urfa, Türkei*, *Istanbul Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts* 49, Wasmuth, Tübingen, 1999, 23–39.

Driesch, Angela von den – Joris Peters, *Früheste Haustierhaltung in der Südosttürkei*, in: Rainer M. Boehmer – Joseph Maran (Hrsg.), *Lux Orientis. Archäologie zwischen Asien und Europa. Festschrift für Harald Hauptmann zum 65. Geburtstag* (2001)113–120.

Drower, Margaret S., *Flinders Petrie. A Life in Archaeology*, Victor Gollancz, London (1985).

Duerr, Hans Peter, *Sedna oder Die Liebe zum Leben*, Suhrkamp, Frankfurt am Main (1984).

Falk, Harry (Hrsg.), *Wege zur Stadt. Entwicklung und Formen urbanen Lebens in der alten Welt. Vergleichende Studien zu Antike und Orient 2*, Hempfen, Bremen (2005).

Forest, Jean-Daniel, *Le PPN B de Çayönü et de Nevalı Çori: pour une approche archéoethnologique de la neolithisation du Proche-Orient, Anatolia Antiqua – Eski Anadolu 4. Recueil de travaux publiés par l'Institut Française d'Etudes Anatoliennes Georges Dumézil, Jean Maisonneuve, Paris, 1996, 1–31.*

Frobenius, Leo, *Ekade Ektab. Die Felsbilder Fezzans. Ergebnisse der Diafe X (Deutsch-Innerafrikanische Forschungsexpedition) nach Tripolitanien und Ost-Algier mit Ergänzungen der Diafe XII aus Zental-Algier, Harrassowitz, Leipzig (1937).*

Garfinkel, Yosef, *Dancing at the Dawn of Agriculture*, University of Texas Press, Austin (2003).

Gebel, Hans Georg, *Grundzüge sozialen Wandels im Neolithikum der südlichen Levante*, <http://www.freidok.unifreiburg.de/volltexte/466>.

Gebel, Hans Georg – Bo Dahl Hermansen – Charlott Hoffmann Jensen (Hrsg.), *Magic Practices and Ritual in the Near Eastern Neolithic. Proceedings of a Workshop held at the 2nd International Congress on the Archaeology of the Ancient Near East (ICAANE) in Copenhagen 2000. Studies in Early Near Eastern Production, Susistence, and Environment 8, ex oriente, Berlin (2002).*

Gopher, Avi, *Arrowheads of the Neolithic Levant. A Seriation Analysis*, American Schools of Oriental Research. Dissertation Series 10, Eisenbrauns, Winona Lake, Indiana (1994).

Grupe, Gisela – Joris Peters (Hrsg.), *Feathers, Grit and Symbolism. Birds and Humans in the Ancient Old and New Worlds, Proceedings of the 5th Meeting of the ICAZ Bird Working Group in Munich 2004, Leidorf, Rahden (2005).*

Guilaine, Jean, *De la vague à la tombe. La conquête néolithique de la méditerranée*, Éditions du Seuil, Paris (2003).

Guilaine, Jean, *La Mer partagée. La Méditerranée avant l'écriture. 7000–2000 avant Jésus-Christ*, Hachette, Paris (1994).

Haas, Volkert, *Betrachtungen zur Traditionsgeschichte hethitischer Rituale am Beispiel des «Sündenbock»-Motivs*, in: Gary Beckman – Robert Beal – Gregory McMahon (Hrsg.), *Hittite Studies in Honor of Harry A. Hoffner Jr. on the Occasion of His 65th Birthday*, Eisenbrauns, Winona Lake, Indiana (2003) 131–141.

Habachi, Labib, *Die unsterblichen Obeliskens Ägyptens, überarbeitete und erweiterte Neuauflage von Carola Vogel, Zaberns Bildbände zur Archäologie, Philipp von Zabern, Mainz am Rhein (2000).*

Hachmann, Rolf, *Die «Befestigungen» des akeramischen Jericho*, *Baghdader Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts* 25, 1994, Gebr. Mann, Berlin, 1994, 19–74.

Hauptmann, Harald, Ein Kultgebäude in Nevalı Çori, in: Marcella Frangipane et al. (Hrsg.), *Between the Rivers and over the Mountains. Archaeologica Anatolica et Mesopotamica Alba Palmieri Dedicata*, Gruppo Editoriale Internazionale, Rom (1993) 37–69.

Hauptmann, Harald, Frühneolithische Steingebäude in Südwestasien, in: Karl W. Beinhauer – Gabriel Cooney – Christian E. Guksch – Susan Kus (Hrsg.), *Studien zur Megalithik. Forschungsstand und ethnoarchäologische Perspektiven, Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 21*, Beier & Beran, Weissbach (1999) 227–238.

Hauptmann, Harald, Yukarı Mezopotamya’da erken neolitik dönem, *Anadolu Medeniyetleri Müzesi Konferansları*, Ankara, 1999, 117–154.

Helms, Svend W., *Jawa. Lost City of the Black Desert*, Methuen & Co., London (1981).

Heun, M. – R. Schäfer-Pregl – D. Klawan – R. Castagna – M. Accerbi – B. Borghi – F. Salamini, Site of Einkorn Wheat Domestication Identified by DNA, *Science* 278, 1997, 1312–1314.

Hodder, Ian (Hrsg.), *On the Surface: Çatalhöyük 1993–95*, McDonald Institute Monographs, Çatalhöyük Project Volume 1, Oxbow, Oxford (1996).

Hodder, Ian (Hrsg.), *Inhabiting Çatalhöyük: Reports from the 1995–99 Seasons*, Çatalhöyük Project Volume 4, Oxbow, Oxford (2005).

Hoffman, Michael A., *Egypt before the Pharaohs*, Ark Paperbacks, London – Melbourne – Henley (1979).

Hours, Francis – Olivier Aurenche – Jacques Cauvin – Marie-Claire Cauvin – Lorraine Copeland – Paul Sanlaville, *Atlas des sites du Proche Orient (14000–5700 BP)*, Travaux de la Maison de l’Orient méditerranéen no. 24, Boccard, Paris (1994).

Iakovleva, Ludmila – Geneviève Pinçon, *Angles-sur-l’Anglin (Vienne). La Frise sculptée du Roc-aux-Sorciers*, Réunion des musées nationaux, Paris (1997).

Kenyon, Kathleen M., *Digging up Jericho*, Ernest Benn, London (1957).

Kenyon, Kathleen M., *Archaeology in the Holy Land*, Ernest Benn, London (31970).

Kenyon, Kathleen M., *Digging up Jerusalem*, Ernest Benn, London – Tonbridge (1974).

Kirkbride, Diane, *Ancient Arabian Ancestor Idols. Part I: Archaeology 22.2*, 1969, 116–121; *Part II: Archaeology 22.3*, 1969, 188–195.

Kirkbride, Diane, *Umm Dabaghiyah 1974: A Fourth Preliminary Report*, *Iraq* 37, 1975, 3–10.

Klotz, Heinrich, *Die Entdeckung von Çatal Höyük. Der archäologische Jahrhundertfund*, Beck, München (1997).

Kolb, Frank, *Die Stadt im Altertum*, Beck, München (1984).

Körber-Grohne, Udelgard, Nutzpflanzen in Deutschland. Kulturgeschichte und Biologie, Theiss, Stuttgart (²1988).

Kozłowski, Stefan Karol, The Eastern Wing of the Fertile Crescent. Late Prehistory of Greater Mesopotamian Lithic Industries, British Archaeological Reports. International Series 760, Oxford (1999).

Kozłowski, Stefan Karol, Nemrik. An Aceramic Village in Northern Iraq, Swiatowit Supplement Series P: Prehistory and Middle Ages, Vol. 8, Institute of Archaeology Warsaw University, Warschau (2002).

Kozłowski, Stefan Karol – Olivier Aurenche, Territories, Boundaries and Cultures in the Neolithic Near East, British Archaeological Reports. International Series 1362, Oxford (2005).

Ksica, Miroslav – Olga Ksícová, Felsbilder zwischen Schwarzem Meer und Beringstraße, Katalog zur Ausstellung im oberösterreichischen Landesmuseum Linz, Brno (1994).

Kuijt, Ian (Hrsg.), Life in Neolithic Farming Communities. Social Organization, Identity, and Differentiation, Kluwer, New York – Boston – Dordrecht – London – Moscow (2000).

Kürkçüoğlu, A. Cihat – Müslüm Akalın – S. Sabri Kürkçüoğlu – Selâhaddin E. Güler, Şanlıurfa. Uygurlığın doğduğu Şehir, ŞURKAV Yayınları 27, Tisamat, Ankara 2 (2002).

Lawlor, Robert, Am Anfang war der Traum. Die Kulturgeschichte der Aborigines, Droemer Knaur, München (1993); Titel der Originalausgabe: Voices of the First Day, Inner Traditions International, Rochester – Vermont (1991).

Leroi-Gourhan, André, Prähistorische Kunst. Die Ursprünge der Kunst in Europa, Herder, Freiburg – Basel – Wien (⁵1982).

Lev-Yadun, Simcha – Avi Gopher – Shahal Abbo, The Cradle of Agriculture, Science 288, June 2000, 1602–1603.

Lewis-Williams, David – David Pearce, Inside the Neolithic Mind. Consciousness, Cosmos and the Realm of the Gods, Thames & Hudson, London (2005).

Lewis-Williams, David, The Mind in the Cave. Consciousness and the Origins of Art, Thames & Hudson, London (2002).

Lichter, Clemens (Hrsg.), How did Farming Reach Europe? Anatolian-European Relations from the Second Half of the 7th through the First Half of the 6th Millennium Cal BC. Proceedings of the International Workshop Istanbul 2004, Byzas 2, Ege Yayınları, Istanbul (2005).

Lüning, Jens – Albrecht Jockenhövel – Helmut Bender – Torsten Capelle, Deutsche Agrargeschichte. Vor- und Frühgeschichte, Ulmer, Stuttgart (1997).

Mellaart, James, Çatal Höyük. Stadt aus der Steinzeit, Lübbecke, Bergisch Gladbach (1967); Originaltitel: Çatal Höyük. A Neolithic Town in Anatolia, Thames & Hudson, London (1967); erweiterter Neudruck in türkischer Sprache mit Farbabbildungen:

Çatal Höyük. Anadolu'da bir Neolitik Kent, Yapı Kredi Yayınları 1759, Sanat 96, İstanbul (2003).

Milojčić, Vladimir, Die erste präkeramische bäuerliche Siedlung der Jungsteinzeit in Europa, Germania. Anzeiger der Römisch-Germanischen Kommission des Deutschen Archäologischen Instituts 34, Walter de Gruyter & Co., Berlin, 1956, 208–210.

Milojčić, Vladimir – Joachim Boessneck – Maria Hopf, Argissa-Magoula I. Das Präkeramische Neolithikum sowie die Tier- und Pflanzenwelt, Beiträge zur Ur- und Frühgeschichtlichen Archäologie des Mittelmeer-Kulturräumens 2, Bonn (1961).

Mithen, Steven, After the Ice. A Global Human History 20 000–5000 BC, Weidenfeld & Nicolson, London (2003).

Moltke, Helmuth von, Briefe über Zustände und Begebenheiten in der Türkei aus den Jahren 1835 bis 1839, achte Auflage eingeleitet und mit Anmerkungen versehen von Dr. Gustav Hirschfeld, Ernst Siegfried Mittler und Sohn, königliche Hofbuchhandlung Berlin (1917).

Mumford, Lewis, Die Stadt. Geschichte und Ausblick, Kiepenheuer & Witsch, Köln – Berlin (1963), englischer Originaltitel: The City in History, 1961.

Neef, Reinder, Overlooking the Steppe-Forest. A Preliminary Report on the Botanical Remains from Early Neolithic Göbekli Tepe (Southeastern Turkey), Neo-Lithics. A Newsletter of Southwest Asian Lithics Research 2/03, ex oriente, Berlin, 2003, 13–16.

Orschiedt, Jörg, Schädelkult, Reallexikon der Germanischen Altertumskunde 26 (2004) 577–582.

Özdoğan, Mehmet – Harald Hauptmann – Neziha Başgelen (Hrsg.), Köyden Kente. Yakındoğu'da İlk Yerleşimler – From Village to Cities. Early Villages in the Near East, Ufuk Esin'e Armağan – Studies Presented to Ufuk Esin, Arkeoloji ve Sanat yayınları, İstanbul (2003).

Pearson, Kenneth – Patricia Connor, Die Dorak Affäre. Schätze, Schmuggler, Journalisten, Paul Zsolnay, Wien – Hamburg (1968), englischer Originaltitel: The Dorak Affair, 1967.

Peltenburg, Edgar – Sue Colledge – Paul Croft – Adam Jackson – Carole McCartney – Mary Anne Murray, Agropastoralist Colonization of Cyprus in the 10th Millennium BP: Initial Assessments, Antiquity 74, 2000, 344–353.

Peschlow-Bindokat, Anneliese, Frühe Menschenbilder. Die prähistorischen Felsmalereien des Latmos-Gebirges (Westtürkei), Philipp von Zabern, Mainz am Rhein (2003).

Peter-Röcher, Heidi, Mythos Menschenfresser. Ein Blick in die Kochtöpfe der Kannibalen, Beck, München (1998).

Peters, Joris – Daniel Helmer – Angela von den Driesch – Maria Saña Seguí, Early Animal Husbandry in the Northern Levant, Paléorient. Revue pluridisciplinaire de préhistoire et protohistoire de l'Asie du sud-ouest 25/2, Paris 1999, 27–47.

Röhler-Ertl, Olaf, Die neolithische Revolution im Vorderen Orient. Ein Beitrag zu Fragen der Bevölkerungsbiologie und Bevölkerungsgeschichte, Forschungsergebnisse bei Oldenbourg, Oldenbourg, München – Wien (1978).

Schachner, Andreas, Von der Rundhütte zum Kaufmannshaus. Kulturhistorische Untersuchungen zur Entwicklung prähistorischer Wohnhäuser in Zentral-, Ostund Südostanatolien, BAR International Series 807, Oxford (1999).

Schmandt-Besserat, Denise, Animal Symbols at 'Ain Ghazal, Expedition. The University Museum Magazine of Archaeology/Anthropology, University of Pennsylvania 39, Philadelphia 1997, 48–58.

Schmidt, Klaus, «Kraniche am See». Bilder und Zeichen vom frühneolithischen Göbekli Tepe (Südosttürkei), in: Wilfried Seipel (Hrsg.), Der Turmbau zu Babel. Ursprung und Vielfalt von Sprache und Schrift. Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien für die Europäische Kulturhauptstadt Graz 2003, Skira, Milano (2003) Band IIIA, 23–29.

Schmidt, Klaus, Frühneolithische Zeichen vom Göbekli Tepe – İlk Neolitik Göbekli Tepe Betimlemeleri, TÜBA-AR. Türkiye Bilimler Akademisi Arkeoloji Dergisi – Turkish Academy of Sciences Journal of Archaeology 7, 2004, Türkiye Bilimler Akademisi, Ankara, 2004, 93–103.

Schmidt, Klaus, Göbekli Tepe and the Early Neolithic Sites of the Urfa Region: a Synopsis of New Results and Current Views, Neo-Lithics. A Newsletter of Southwest Asian Lithics Research 1/01, ex oriente, Berlin, 2001, 9–11.

Schoop, Ulf-Dietrich, Die Geburt des Hephaistos. Technologie und Kulturgeschichte neolithischer Metallverwendung im Vorderen Orient, Internationale Archäologie 24, Marie L. Leidorf, Espelkamp (1995).

Schroer, Silvia – Othmar Keel, Die Ikonographie Palästinas/Israels und der Alte Orient. Eine Religionsgeschichte in Bildern. Band 1. Vom ausgehenden Mesolithikum bis zur Frühbronzezeit, Paulus Verlag, Freiburg, Schweiz (2005).

Segal, Judah Benzion, Edessa. «The Blessed City», Oxford University Press, Oxford (1970).

Sellin, Ernst – Carl Watzinger, Jericho. Die Ergebnisse der Ausgrabungen, Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft 22, Hinrich'sche Buchhandlung, Leipzig (1913).

Stordeur, Danielle, Des crânes surmodelés à Tell Aswad de Damasçène (PPN B – Syrie), Paléorient. Revue pluridisciplinaire de préhistoire et protohistoire de l'Asie du sudouest 29.2, Paris 2003, 109–115.

Summers, Roger, Stadt des Schwarzen Goldes. Das Geheimnis von Simbabwe, in: Edward Bacon (Hrsg.), Versunkene Kulturen. Geheimnis und Rätsel früherer Welten, Knauer, München – Zürich (1963) 33–54.

Tellenbach, Michael, Materialien zum Präkeramischen Neolithikum in Süd-Ost-Europa. Typologisch-stratigraphische Untersuchungen zu lithischen Gerätschaften,

Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 64, 1983, Philipp von Zabern, Mainz am Rhein, 1984, 21–137 und 48 Tafeln.

Todd, Ian A., Çatal Hüyük in Perspective, Menlo Park (1976).

Türe, Fatma (Hrsg.), Kayıp Zamanların Peşinde. Alman Arkeoloji Enstitüsü Anadolu Kazıları – Auf der Suche nach verschwundenen Zeiten. Die Ausgrabungen des Deutschen Archäologischen Instituts in der Türkei, Yapı Kredi Kültür Sanat Yayıncılık, Istanbul (1999).

Van Albada, Axel – Anne-Michelle, La Montagne des Hommes-chiens. Art rupestre du Messak Libyen. Collections «arts rupestres» dirigée par Jean Clottes, Éditions du Seuil, Paris (2000).

Vivelo, Frank Robert, Handbuch der Kulturanthropologie. Eine grundlegende Einführung, herausgegeben und mit einer Einleitung von Justin Stagl, Klett-Cotta, Stuttgart (1981), amerikanischer Originaltitel: Cultural Anthropology. A Basic Introduction, McGraw-Hill Book Company (1978).

Winchester, Simon, Eine Karte verändert die Welt. William Smith und die Geburt der modernen Geologie, Knaus, München (2001); amerikanischer Originaltitel: The Map that Changed the World. William Smith and the Birth of Modern Geology, Harper Collins Publishers, New York (2001).

Worschech, Udo, Cromlechs, Dolmen und Menhire. Vergleichende Studien zu vorund frühgeschichtlichen Grabanlagen in Jordanien, Beiträge zur Erforschung der antiken Moabitiden (Ard el-Kerak) 2, Peter Lang, Frankfurt am Main (2002).

Yükmen, Bakiye, Anadolu Megalitleri. Doğu ve güneydoğu anadolu dolmenleri ışığında – The Megaliths of Anatolia. A New Survey Revealing the Significance of the Dolmen in Eastern Anatolia, Arkeoloji ve sanat yayınları. Eski Anadolu Uygarlıkları Dizisi 7, Istanbul (2003).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРСТВЕ РИСУНКОВ

Рис. 1, 2, 19, 20, 33, 35, 36, 37, 40, 41, 49 – **Михаэль Морш**; **рис. 3 – Кристина Вилох**; рис. 5 – по: Noy in Bar-Yosef – Valla, 1991, Abb. 5,2 und 6,1–6,5; **рис. 6 – по: Kenyon, 1970, Taf. 13, Aurenche – Kozłowski, 1999, титульный рисунок**; рис. 7 – по: Aurenche – Kozłowski, 1999, титульный рисунок; рис. 8 – по: Noy in Bar-Yosef – Valla, 1991, Abb. 5,2 und 6,5; рис. 9 – по: Mellaart, 1967; рис. 11 – титульный рисунок журнала *Arkeoloji ve Sanat* 113, 2003 – к сожалению, в этом случае установить авторство не удалось, редакция готова удовлетворить законные требования правоносителя; рис. 12 – Мурат Акман; рис. 14 – по: Hauptmann, 1999(a), Abb. 8; рис. 15 – по: Hauptmann, 1993, Abb. 21; рис. 17 – представляет титул книги: *Werk von Yosef Garfinkel «Dancing at the Dawn of Agriculture»*, 2003, University of Texas Press, Austin; **рис. 22, 44, 53, 54, 59, 94, 101, 102, 103 – Дитер Иоганнес**; **рис. 25, 32, 45–47, 99 – Кристоф Гербер**; **рис. 30 – по топографическому плану Маркуса Геёса, Стефана Обермеера, Карин Фаульгабер и Фоке Ярецки**; рис. 38, 48, 61, 62, 72, 81, 83–86, 88, 89, 91, 93 – Ирмгард Вагнер; рис. 42 – Чигдем Кёксал; рис. 43 – по: В. Çelik, *Neo-Lithics* 1/05, 29, Abb. 2; рис. 55 – фотография из: *Aufnahme von Malcolm Murray in: Stuart Pigott, The Druids, Thames & Hudson, London 1968* – к сожалению, в этом случае установить авторство не удалось, редакция готова удовлетворить законные требования правоносителя; рис. 65 – Стефан фон дер Лар; рис. 90 – по: Ozkaya V. – O. San, 24. *Kazı Sonuçları Toplantısı*, 2002, 2. Cilt, 433 Çizim 3; **рис. 92 – Йорис Петерс**; **рис. 95 – по: Kim Duistermaat in Akkermans, 1996, Abb. 5, 3**; рис. 96 – по: R. F. Mazurowski – Th. Yartah, *Polish Archaeology in the Mediterranean* 13, 2002, Abb. 10 und 11; рис. 97 – по: L. Frobenius, *Kulturgeschichte Afrikas*, 1954, Taf. 25; рис. 98 – по: E. Herzfeld, *Archäologische Mitteilungen aus Iran* 5, 1932/33 Taf. 2; рис. 106 – Ордхан Дургут; все остальные рисунки принадлежат автору.

Авторы фотографий, планов и рисунков Мурат Акман, Ордхан Дургут, Карин Фаульгабер, Маркус Геёс, Кристоф Гербер, Фоке Ярецки, Дитер Иоганнес, Чигдем Кёксал, Михаэль Морш, Стефан Обермейер, Йорис Петерс, Ирмгард Вагнер и Кристина Вилох работали в рамках проекта «Урфа» Германского археологического института (DAI, © Deutsches Archäologisches Institut).

ГЛОССАРИЙ

Азильская культура – важная археологическая культура позднего палеолита (ок. 12 000–10 000 лет до Р.Х.)⁵², названа по месту раскопок в пещере Мас д'Азиль, расположенной на юго-западе Франции.

Антропогенный – измененный или созданный деятельностью человека.

Антропоморфный – человекообразный.

Апотропейный – оберегающий, охраняющий от беды.

Археофауна – животные, существование которых доказано для конкретных древних периодов в определенной местности на основании исследования остеологических и других археологических находок.

Ашельская культура – важная археологическая культура (1 500 000–120 000 лет до Р.Х.) раннего палеолита (ок. 2 000 000–120 000 лет до Р.Х.), названа по месту раскопок Сент-Ашэль, Франция.

Выпрямители древков (в российской археологической литературе опираясь на формальные характеристики, их называют поперечно-желобчатыми изделиями или «утюжками». – *Примеч.ред.*) – каменные приспособления с хорошо выраженным, специально сделанным желобком. Очевидно, они использовались при изготовлении копий и стрел для выпрямления древков.

Гипетральный — под открытым небом.

Голоцен – геологическая послеледниковая современная эпоха (начинается ок. 10 000 лет до Р.Х.), новейшая в истории Земли. Вместе с более ранним по отношению к ней плейстоценом является частью четвертичного периода.

Граветтская культура – важная археологическая культура среднего периода позднего палеолита (ок. 28 000–22 000 лет до Р.Х.), названа по месту раскопок в Ла Граветт на юге Франции.

Дахмах – в зороастрийских общинах Ирана и Индии сооружение для погребения одного или нескольких тел. Башня-дахмах принадлежит, как правило, всей общине. Горный дахмах - круглоплановое строение на вершине горы без крыши и каких-либо иных дополнительных архитектурных деталей.

Декарнация – удаление мягких тканей со скелета.

Демон – в археологической терминологии смешанное существо с головой животного и телом человека.

Демон с козлиной головой – смешанное существо с человеческим телом и козлий головой. В материалах дописьменной Месопотамии его изображения известны преимущественно по иконографии убейдского периода.

Дженун – мифологическое существо, рисунки которого встречаются среди североафриканских наскальных изображений.

Дольмен – по-кельт. «каменный стол»; мегалитическое сооружение, составленное, как правило, из нескольких вертикальных каменных блоков, перекрытых каменной плитой.

Доместикация – одомашнивание диких животных (и растений) путем отбора, приручения, содержания и разведения в созданных человеком искусственных условиях.

Дракон – смешанное существо, символ четырех элементов – огня (извергающий огонь), воды (тело рыбы), земли (четыре ноги) и воздуха (крылья). В каменном веке изображения таких смешанных существ отсутствуют.

Дромос – по-греч. «путь»; в археологическом контексте это часто ограниченный боковыми стенами вход в подземное сооружение.

Жертвенная чаша – в Гёбекли Тепе рабочий термин, обозначающий чашевидное углубление в известняковой плите с отходящим сбоку по диагонали желобком. Один экземпляр в изначальном положении обнаружен перед столбом на мозаичном полу Сооружения В. Точная функция этих объектов пока не выяснена.

Змей пустыни, или *Дракон пустыни* – специальное сооружение из камней для ловли животных путем загона. В частности, такие постройки встречаются в аравийской пустыне. План их конструкции по форме напоминает очертания детской игрушки – воздушного змея.

Зооморфный – в переводе с греч. «звероподобный», синоним – «териоморфный».

Иероглиф – священный знак. Как правило, письменный знак иероглифического шрифта. Иероглифы каменного века, судя по всему, не являются фонетизированными изображениями.

Инициация – совершение таинства, посвящение, введение. В традиционном обществе через инициацию обычно проходят все члены племени, достигшие определенного возраста. Данный обряд представляет собой комплекс религиозных церемоний и физических испытаний, в ходе которых посвящаемый приобщается к жизни взрослых, становясь после этого полноправным членом племени.

Итифаллический – с возбужденным половым членом.

Каменная плита дверного проема, каменный наличник двери – рабочие термины в Гёбекли Тепе для обозначения монолитной плиты с центральным отверстием, вокруг которого с одной из сторон выступает окантовка. Окончательное выяснение функционального назначения данных объектов еще предстоит. Предположительно это камни дверного проема.

Каменные кольца – кольцеобразные каменные объекты диаметром до 1 м, неоднократно встреченные в Гёбекли Тепе. Применение их пока не выяснено.

Кинокефалы – псоглавцы, смешанные существа с телом человека и собачьей головой.

Колонна – опора с круглым сечением, часто свободностоящая.

Кромлех – понятие из кельтского культурного пространства, обозначающее мегалитическое сооружение, составленное из больших каменных блоков, образующих в плане круг или несколько concentрических кругов.

Магула – по-новогреч. «холм с руинами».

Мадлен – важная археологическая культура позднего периода верхнего палеолита (ок. 18 000—12 000 лет до Р.Х.), названа по месту раскопок в пещере Ла Мадлен на юго-востоке Франции.

Макронимфия – увеличенные половые губы, как правило, за счет целенаправленных манипуляций.

Маццевот, маццева (ед. ч.), *маццевы* (мн. ч.) – по-древнееврейски «установленный камень»; формально во многом соответствует менгиру. В отличие от стел Месопотамии маццевы айконические, т. е. не имеющие надписей и изображений.

Мегалит, мегалитический – от греч. «большой камень».

Мезолит – средний каменный век, период культур охотников и собирателей (в Европе ок. 10 000—6 000 лет до Р.Х.).

Менгир – установленный человеком камень, вертикальные размеры которого заметно превышают горизонтальные. Понятие происходит из кельтского культурного пространства, в отдельных случаях применяется также при обсуждении материалов Передней Азии.

Мозаичный пол – бетоноподобный известняковый слой с отшлифованной поверхностью.

Монолит, монолитный – от греч. «единый (цельный) камень». Сооружение или часть его, высеченные из цельной глыбы.

Монстр – в археологической терминологии смешанное существо с телом животного и обычно с человеческой головой, например сфинкс или кентавр. Имеются также монстры, являющиеся смешением разных животных, например смешением льва и грифа.

Мустьерская культура – важная археологическая культура среднего палеолита (ок. 120 000—35 000 лет до Р.Х.), названа по месту раскопок в пещере Ле Мустье на юго-западе Франции.

Натуф, натуфийская культура – важная археологическая культура эпохи эппалеолита (ок. 12 000—10 200 лет до Р.Х.), названа по Вади эн-Натуф, находящемуся недалеко от Иерусалима.

Неолит – новый каменный век, определяется со времени возникновения и распространения производящего продукты питания хозяйства до начала эпохи использования металла. На территории Старого Света появился в Передней

Азии (в X тысячелетии до Р.Х.), затем получил распространение на европейском континенте. В Центральной Европе известен с VI тысячелетия до Р.Х.

Обелиск – в переводе с греч. «вертел», обозначает техен-столбы Древнего Египта, которые имеют квадратное уменьшающееся сверху сечение. Верхняя часть таких столбов сделана в форме пирамидона. Обычно они устанавливались парами.

Ориньякская культура – важная археологическая культура раннего этапа позднего палеолита (ок. 35 000—22 000 лет до Р.Х.), названа по месту раскопок Ориньяк на юге Франции.

Ортогнат – в переводе с греч. «прямостоящий»; как правило, вертикально установленный камень.

Оссуарий – обычно специальное вместилище, реже сосуд, для хранения костей умерших; использовался в погребальных обрядах некоторых народов.

Отверстие для души, плита с отверстием для души – термин применяется в исследованиях европейского культурного пространства для обозначения небольшого проема в плитах, закрывающих вход в мегалитические могилы. Размер этих отверстий слишком узок для проникновения человека, однако, как предполагают, достаточен для «перемещения» души.

Палеолит – древний каменный век, эпоха ледниковых охотничьих культур (ок. 2 000 000—10 000 лет до Р.Х.).

Париетальное искусство – наскальная или настенная живопись.

Пары отверстий – соединяющиеся отверстия, видимые части которых выходят, как правило, на поверхности соседних сторон Т-образных столбов Гёбекли Тепе. Внутренняя конфигурация этих структур имеет форму песочных часов. В самом узком месте, месте соединения отверстий, диаметр обычно не достигает и 1 см.

Пиктограмма – рисунок-знак.

Плейстоцен – предшествующая современной фаза истории Земли, ледниковая эпоха (ок. 2 000 000—10 000 лет до Р.Х.), вместе с более поздним по отношению к ней голоценом составляет часть четвертичного периода.

Плита дверного проема, камень дверного проема – строительная деталь мегалитических сооружений, установленная вертикально монолитная каменная плита с центральным отверстием, имеющим размеры двери или окна.

Поздний палеолит/верхний палеолит – поздний древний каменный век (ок. 35 000—12 000 лет до Р.Х.).

Поздний плейстоцен – ок. 130 000—10 000 лет до Р.Х.

Протома – термин греческого происхождения, обозначает пластическое изображение передней части фигуры живого существа, сделанное в виде аппликации (насадки) или же отдельной скульптуры.

Ранний/нижний палеолит – ранний древний каменный век (ок. 2 000 000—120 000 лет до Р.Х.).

Скамья – встречающаяся в помещениях Гёбекли Тепе каменная конструкция, с внутренней стороны примыкающая к стене. То, что эта деталь интерьера действительно использовалась как скамья, является предположением.

Смешанное/синкретическое существо – фантастическое существо, часто представлено в комбинации «человек-животное» или «животное-животное».

Солнечное погребение – оставление тела покойника под открытым небом, например в дакхмахе.

Сполия – термин латинского происхождения, обозначает строительный камень или архитектурную деталь старого здания, используемые при возведении нового сооружения.

Средний палеолит – средний древний каменный век (ок. 120 000—35 000 лет до Р.Х.).

Стела – вертикально установленная, как правило, обработанная имеющая изображения и/или надписи каменная плита.

Стержень столба – узкая нижняя часть Т-образного столба по сравнению с его головой/навершием.

Стола – деталь одежды католического священника. В Гёбекли Тепе рабочее понятие, обозначающее две вертикально ниспадающие выделенные рельефом ленты на передней стороне столба. Значение таких изображенных на некоторых столбах Гёбекли Тепе до конца неясно, однако в широком смысле они понимаются как деталь одежды.

Столб – опора с квадратным, прямоугольным или многоугольным сечением. Столбы (и колонны) могут быть также отдельно стоящими культовыми объектами, например техен-obelisks, джет-столбы и иун-столбы Древнего Египта. Доставка и установка священных столбов в Древнем Египте являлась важной частью ритуала. В Невали Чори и Гёбекли Тепе обнаружены отдельно стоящие и опорные Т-образные и Г-образные столбы (которые нередко несут на себе рельефные изображения, соответственно также могут называться стелами. – *Примеч. ред.*).

Столб типа Невали Чори – Т-образный столб с рельефно изображенными на стержне столой, руками и расположенными ниже столы противопоставленными кистями рук; впервые такие объекты были обнаружены во время раскопок в Невали Чори.

Тель – по-араб. «холм»; как правило, искусственное возвышение, возникшее в ходе длительных периодов заселения этого места, неоднократного возведения новых строений на остатках более древних. По-турецки называется «хёюк», «хюйук» или «тепе»; по-гречески – «магула»; в египетском диалекте

арабского языка – «ком». Холмы, возникшие на местах былых поселений побережья Северной Германии, следует рассматривать как миниатюрные телли.

Тепе – по-турец. «холм» или «гора»; часто содержит в себе остатки жизнедеятельности древних людей.

Териокефальный – с головой животного.

Териоморфный – звероподобный; синоним – «зооморфный».

Тотем – в анимистических религиях животное (реже растение), которое согласно мифическим представлениям является предком-покровителем конкретного рода и каждого его члена, символом кровного родства. Наличие тотемных верований предполагает соблюдение определенных правил.

Тотемный столб – столб с рядами сакральных изображений, отражающих содержание родовых мифов; как феномен особенно известен у индейцев северо-западного побережья Америки.

Трилит – в переводе с греческого «три камня»; конструкция, сооруженная из трех камней, как правило, двух вертикально стоящих блоков и лежащей на них плите. Такие структуры типичны, например, для мальтийских храмов или для Стоунхенджа.

Убейдская культура – важная археологическая культура эпохи халколита, получившая распространение на Ближнем Востоке (6 000—4 000 до Р.Х.), названа по месту раскопок – теллю Убейд в Южном Ираке.

Фонетизированный – передающий звуки.

Халколит – медно-каменный век, период, в котором основными материалами для изготовления орудий и оружия являлись камень и металл (прежде всего, медь)⁵³. В переднеазиатском регионе датируется временем ок. 5 500—3 500 лет до Р.Х.

Хёюк, хюйук – по-турец. «холм», как правило, имеются в виду холмы, содержащие в себе остатки былых поселений.

Храм – специальное общественное сооружение с религиозными функциями; территориально находится в сакральной зоне, отличной от светского или профанного пространства на поселении.

Четвертичный период – четвертый и в настоящее время продолжающийся геологический период истории Земли. Четвертичный период начинается 2 000 000 лет назад и подразделяется на плейстоцен и голоцен.

Эпипалеолит – последняя фаза древнего каменного века (ок. 12 000—10 000 лет до Р.Х.).

In situ – термин, используемый в археологии, в переводе с лат. значит «на месте», «в первоначальном положении».

PN / Pottery Neolithic – керамический или поздний неолит (ок. 6 800—6 000 лет до Р.Х.). Термин появился благодаря раскопкам Иерихона. Эта эпоха подразделяется на ранний и поздний керамический неолит – PNA и PNB.

PPN / Pre-Pottery Neolithic – докерамический неолит (ок. 9 600—6 800 лет до Р.Х.). *PPNA* – ранний докерамический неолит (ок. 9 600—8 800 лет до Р.Х.); *PPNB* – поздний докерамический неолит (ок. 8 800—6 800 лет до Р.Х.). Период *PPNC* является переходным к керамическому неолиту.

U-образный камень – в Гёбекли Тепе монолитный каменный объект U-образной формы, который, очевидно, служил той же цели, что и плита дверного проема.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авраам* 20, 197
Адам 235
 Айхман Рикардо 11
 Акман Мурат 23, 24, 74, 76
 Александр Великий 20, 69
Ану 191
Ануннаки 214—215
Ариадна 201
Аполлон 247
 Ассманн Ян 193, 194, 200, 217
 Ататюрк 21, 47, 65, 68, 74

 Бадер Николай Оттович 5
 Бар-Йозеф Офер 34
 Бейле-Бон Мануэла 82
 Бенедикт Питер 15—18, 22, 49, 71
 Бенеке Норберт 56
 Биттель Курт 47
 Блеген Карл 51
 Босх Иероним 251
 Брем Альфред 186
 Брестид Джеймс Генри 44
 Брэйдвуд Линда 9, 44, 48—49
 Брэйдвуд Роберт 9, 22, 44, 46—49, 51,
 61, 63, 249
 Буджак Эйюп 10, 11
 Бэл Обрей 138, 139

 Ватцингер Карл 28
 Вилер Мортимер 59
 Винкельманн Иоганн Иоахим 26

 Гаррод Дороти 29, 30
 Гарстанг Джон 28
 Гарфинкель Йозеф 41, 43, 78, 135
 Гахманн Рольф 34, 35
 Гебель Ханс Георг 67, 68
 Геёс Маркус 82
 Гензель Бернгард 243, 245

Гера 64
 Гербер Кристоф 82
 Гете Иоганн Вольфганг 26
Гефест 61, 64
 Гёк Ахмет 87
 Гиршфельд Густав 69, 70
 Глоттес Жан 211
 Гомер 187

 Дарвин Чарльз 236
 Дали Сальвадор 197
Деметра 187
 Джейлан Сонгюль 82
Джонс Индиана 9
 Дриш Ангела фон ден 87
 Дровер Маргрет 138
 Дуерр Ганс Петер 230, 231, 234
 Дуйстермаат Ким 202

 Иенсен Ганс 217
 Иисус (из Назарета) 185
 Иисус Навин 27
 Иоанн (апостол) 185

 Ыылдыз Шавак 13

 Кеньон Кэтлин 27—29, 32, 34, 35, 46,
 48, 80
 Кёксал-Шмидт Чигдем 12, 82
 Кёрбер-Грохне Удельгард 56
 Кир 69
 Клитемнестра 152
 Ковэн Жак 46, 230, 239
 Козловски Стефан 65
 Кольб Франк 242, 243, 245
 Коннор Патриция 59
 Корфманн Манфред 51
 Красс 70

- Крёз 69
 Ксенофонт 69
 Курт Готтфрид 35, 36
 Кюрилайз Гельмут 11
- Ламашту* 206
 Леббок Джон 26, 28, 236, 237
 Левис-Уильямс Дэвид 211
 Леруа-Гуран Андре 53
 Лукиан 65
- Мамфорд Льюис 242, 243
 Мария (Богоматерь) 185
 Меллаарт Джеймс 8, 51—54, 56, 93, 192, 211, 244
 Меллинк Метхильд 49
 Менгин Освальд 237
 Мерперт Николай Яковлевич 5
 Меху 187
 Мизен Стивен 8, 236, 237
 Милойчич Владимир 49—51
 Мольтке Гельмут фон 20—21, 69—70, 198, 245
 Морш Михаэль 12—13, 17, 24, 82
 Мунчаев Рауф Магомедович 5
 Мысыр Аднан 10, 11, 68, 196
 Мюллер-Карпе Герман 235
- Неф Рейндер 88
 Нинхурсаг 191
 Ницше Фридрих 234
 Обермайер Хуго 218—219
 Обермейер Стефан 82
- Пазузу* 206
 Парцингер Герман 5, 11
 Пащенко Александр Степанович 5
 Петерс Йорис 87
 Пирсон Кеннет 59
 Питри Флиндерс Уильям Мэтью 138
 Птахотеф 187
 Пьетт Эдуард 218—219
- Райт Генри 81
Рейнеке Лис 190—192
 Рейш Людвиг 12
 Рёерер-Эртль Олаф 35, 41
 Роллефсон Гари О. 37
- Саммерс Роджер 139—141
 Сегал Егуда 21
 Селевкиды 20
 Селлин Эрнст 28
 Соломон 141
- Тодд Ян 54, 55
 Томпсон Христиан 25, 26
- Уоррен Чарльз 27
- Фас Отто 12
 Фраас Оскар 42
 Френч Дэвид 51
- Хаас Фолькергт 11
 Хауптманн Гаральд 9—11, 24, 67, 68, 71, 73, 74, 81, 196
 Хейердал Тор 105, 231
 Ходдер Ян 60, 245
 Холл Алан 51
- Царица Савская 141
 Цезарь 69-70
Цербер 155
 Цик Михаэль 142
- Чайлд Вир Гордон 10, 44, 234, 250
 Чембел Халет 9, 22, 49, 61
 Чугунов Константин Владимирович 5
- Шлиман Генрих 51
 Шмидт Рудольф 42
 Шоп Ульф-Дитрих 64
- Эа* 191
Энки 191
Энлиль 191
- Юлиан (император) 69—70
- Янус* 115, 157

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

- Абри Лабатю 160
 Абри Меже 207
 Абри Селье 160
 Абу Хурейра 45
 Австралия 194, 219
 Австрия 32
 Айн Гхасаль 37—40, 74
 Айн Маллаха 30, 45
 Айн эс-Султан 27
 Альтамира 32, 208
 Аляска 65
 Амман 37
 Анатолия/Анатолийское плато 21, 22, 51, 52, 60
 Англъ-сюр-л'Англян 160
 Анкара 60
 Антиохия Калирë 20
 Аравия/Аравийский полуостров 21, 121, 171, 199, 209
 Аргисса 49
 Аржан курган 5
 Ассирия 46
 Ассуан 129
 Астурия 207

 Базель 220
 Байа 68
 Баста 68, 94
 Берингия 65
 Библос 86
 Бирзек 220
 Босфор 66
 Британия/Британские острова 138, 139
 Букрас 188

 Вавилония 46, 191
 Вади аль-Магарах 30
 Вади Зарка 37
 Вади Натуф 29
 Вади Хаммех 31, 45
 Великое Зимбабве 141, 144
 Верхняя/Северная Месопотамия (Верхнее/Северное Двуречье) 6, 32, 46—47, 65, 80, 86, 97, 170, 194, 197, 204, 245, 247—251
 Виллендорф 32
 Вираншегир 49, 197

 Габийу 208
 Газиантеп/Антеп 19, 114—116, 156
 Галил-ур Рахман озеро 18
 Галлия 69
 Гейдельберг 12, 13, 24, 49, 75, 77, 82
 Гераклея (в Латмосе) 209
 Гермез Дерё 65
 Гиза 138
 Гилар горы 62
Голгофа 185
 Голенштейн-Штадель 43, 208, 210, 236
 Греция 29, 50, 149, 248
 Гритилле 65
 Гулех озеро 30
 Гюрджютепе 10, 11, 81—88, 90, 91, 97, 249

 Дамаск 40
 Дарданеллы 66, 70
 Дельфы 247
 Джабба 209, 210
 Джармо 48
 Джафер Хёюк 65
 Дибзи Фарай 32, 45
 Дольни Вестонице 238
 Дордонь 161, 207
Ду-ку 214, 215

- Дунай 236
Дхувейла 171, 198
- Евразия 187, 204
Евфрат 6, 9, 21, 32, 46, 65, 67—71, 93, 101, 114, 187, 188, 194, 197—199, 214, 251
Египет 50, 128, 129, 138, 180, 185, 187, 193, 214, 216, 217, 246, 249
- Жерф эль-Ахмар 246
- Загросские горы 45, 46, 214
Замбези 140, 141
Западная Анатолия 51
Зарка 37
Зевгма 69, 70
Зимбабве 140
- Иерихон 25—40, 45, 46, 48, 50, 52, 55, 80, 135, 136, 141, 239, 245
Иерусалим 27, 34
Израиль 27, 34, 41, 46, 47
Илиос 70
Индийский океан 69
Иордания 47, 68, 171
Иорданская низменность 27, 31, 40
Ирак 5, 46, 48, 65, 172, 187
Иран 137, 203, 205
- Кайсери 24
Канада 199
Кандамо 208
Кап Бланк 160
Караджадаг 198, 199, 245
Каракайя плотина 21, 65
Карахан 196—198
Карим Шахир 48
Кармельские горы 30
Карнак 125
- Кауферсберг 42
Кахраманмараш 19
Кебанская плотина 21
Кебара 33
Кечили 197
Кёртик Тепе 182, 183, 198
Кётеберкем 61
Киликия 46
Кипр 50
Коммагене 65
Конийская равнина/долина Конья 51, 60, 245
Копенгаген 25
Крит 50, 51
Кюль Тепе 5
- Ла Пасьега 218, 219
Лас Кальдас 207
Ласко 32
Латмос горы 210
Ле Комбарелль 208
Левант 32, 46—47, 65, 79, 190, 251
Лепенски Вир 236
Ливия 158, 209
Лидар Хёюк 67
Лонеталь 43, 208
Лос Казарес 208
- Майнц 76
Македония 20
Малатья 21, 65
Малая Азия 51
Мальта 9, 103, 142, 158
Мараш/Кахраманмараш 19, 46
Мардин 49, 197
Мас д'Азиль 42, 218—219
Мертвое море 26, 27, 66
Месопотамия/Двуречье 6, 32, 46, 47, 65, 66, 80, 170, 182, 187, 192—194, 204, 206, 214, 245, 247—251

- Мессакские горы 209
Мугхарет эль Вад 30, 45
Мурейбит 32, 45, 246
- Нахал Орен 30, 33, 45, 239
Нахал Хемар 40, 79, 94
Нахр эль Хомр 32, 45
Небра 163
Невали Чори 9, 10, 16, 22—24, 35, 65, 67—81, 85, 91, 94—98, 106, 108, 110, 113—116, 122, 128, 141, 156, 157, 161, 171, 183, 189, 190, 196, 198, 199, 206, 212, 229, 230, 232, 246
Немрик 65
Нёрдлинген 43
Нил 216
Ниппур 191
- Оркнейские острова 142
Орнос де ла Пенья 208
Орфа 19—21
Орхаи 19
Остров Пасхи 105, 231
Офнет пещера 42, 43, 236
- Палестина 29, 52
Пальмира 85
Париж 129
Парфянское царство 70
Пелла (иорданская) 31
Персидско-арабский залив 65, 66, 187
Петра (набатейская) 68
Пеш-Мерль 208
Пиренеи горы 218
Плотина им. Ататюрка 21, 65, 68, 74
- Ракка 21
Рим 129
Родезия 139
- Румкале 69
Румыния 236
Руха 19
- Саби Абияд 200—204, 212
Самосата 65
Самсат 65
Сахара 158, 160, 207, 208, 209
Северная Америка 79
Северная Африка 231
Северный Ирак 5, 46, 65
Сефер Тепе 197—198
Сибирь 5, 65, 100
Сирия 18, 47, 201, 245
Солсбери (Зимбабве) 140
Срединная Америка 216
Стамбул 9, 22, 24, 47, 69, 81, 129
Стоунхендж 126, 138, 139, 160
- Таврские горы/горы Тавра 9, 21, 32, 45—47, 214, 245
Тадрат Акакус 158
Тапсакус 70
Тектек гора 196, 197
Телль Абр 135, 136, 246
Телль Казанех 81
Телль Карамель 184, 201—203, 246
Телль Магзалия 5
Телль Сотто 5
Телль эс-Султан 27—28
Тепе Гиян 209, 212
Тигр 21, 32, 45—48, 61, 65, 80, 93, 121, 187, 194, 197, 198, 214, 229, 251
Троя 51
Труа Фрер 208, 210
- Уан Хариг 158
Ульм 210
Умм Дабагия 172

- Ур 191
Урук 190
Урфа/Шанлыурфа 6, 10—12, 18—25,
32, 49, 68, 76, 81, 82, 95, 107, 114, 156,
195—198, 247, 251
- Феззан 207
Фессалия 49, 50, 51
Фонтанé 208
- Хабетер 207
Хайаз Хёюк 65
Халлан Чеми 65, 121, 183
Харранская равнина/равнина Харран
82, 84, 86, 245, 249
Хасанкейф 47
- Чайёню 9, 22, 23, 49, 61—65, 70, 73, 74,
86, 105, 125, 183, 198, 246
Чатал Хёюк 8, 9, 51—56, 59—61, 93,
121, 135, 136, 188, 192, 206, 211, 243,
244, 245
Черная Африка 140
Черное море 66
Чизре 49
Чикаго 22
- Шове 208, 236
Шугба пещера 29
Шумер 191
- Эгейский мир 182
Эдем 65, 66
Эдесса (македонская) 19, 20
Эдесса (Урфа) 19—21
Эль Вад 33
Эль-Хиам 239
Элязыг 21
Эргани 64
- Южная Африка 231
Ярым Тепе 5

УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

- Аборигены 194
 Абри 160, 207, 218
 Аист 121, 175—177
 Амфиктиония 247—248
 Апотропейный 149, 156, 157
 Апсида 113, 121
 Артефакты из скальных пород 86, 124
 Археоботаника 56
 Археозоология 56, 93
 Археофауна 190
 Астодан 137
 Асфальт 40
 Ашельская культура 193
- Базальтовая ступка 227, 228, 242
 Баран 54, 117, 118, 119, 121, 220
 Башня 20, 34, 35, 52, 101, 136, 137, 141, 245
 Библосские наконечники 85, 86, 124
 Бизон 208, 218
 Бог/божество 64, 73, 114, 115, 142, 156, 187, 190, 191, 205, 210, 214—216, 218, 231, 235, 239, 251
 Боевой бык 57
 Буйвол 209
 Букрания 54, 118, 120—122, 165, 168, 175
 Бусина 124
 Бык 38, 54, 56, 88, 109, 118, 121, 122, 136, 165, 168, 169, 170, 173, 175, 181, 186, 188, 189, 191, 218, 220, 239
 Бык с голубой бородой 191
- Ваза Франсуа 187
 Венера (палеолитическая) 32, 193, 232, 238
- Вертикально установленные каменные блоки/плиты 62-63, 72—73, 109, 113, 227
 Верхний палеолит/поздний палеолит 32, 75, 100, 160, 193, 200, 207, 218, 238, 250, 251
 Вестник богов 142
 Вол 241
 Волк 58, 94, 98, 121, 155, 157, 190
 Восстановленные/моделированные черепа 36—41, 43, 52, 121, 135, 156, 240
 Время мечты 230, 234
 Вторичное захоронение 55
 Вульва 207
 Выпрямитель древков 165, 183, 201—203, 248
 Выступающий камень / ступень 157, 160
- Гадюка 190
 Газель 88, 170, 171, 173, 191, 197, 198, 239
 Газель-доркас 170
 Гарпун 218
 Гераномахия 187
 Гиппопотам 209
 Гипсовые фигуры/статуи 38—40, 74
 Глинобитные сооружения/постройки из глины 83, 86
 Глиняные фигурки 38, 56, 78—79, 124, 239
 Голоцен 37, 66, 235
 Горное поселение 88
 Горное святилище 109
 Город 8, 18—23, 51, 52, 214, 242—245
 Граветтская культура 193, 238
 Граница на Евфрате эпохи Римской империи 101

- Граффити 213, 234
 Группа «Лаокоон» 185
 Группа сколопендр 202
 Гусь 187, 191
- Дакхмах 137
 Данные радиоуглеродного анализа (см. также: Дендрологические данные) 30, 42, 49, 85, 124
 Декорация 137
 Демон 73, 115, 203, 205, 206, 208—214, 232, 251
 Демон с козлиной головой 203, 205, 208—214, 232
 Дендрологические данные (см. также: Данные радиоуглеродного анализа) 30
 Дерево желаний 14, 15, 24, 227
 Дженун 232
 Дикая лошадь 218
 Дикая свинья 88, 130, 142, 151, 181, 186, 212
 Дикие злаки 66, 198, 242, 248
 Дикие крупнокопытные животные 56, 218
 Дикий бык 191, 218
 Дикий кабан/кабан 53, 113, 142, 144—149, 151, 153, 155, 175, 192
 Дикий осел/онагр 88, 172—174, 191, 220
 Долинное поселение 88, 249
 Дом черепов 62, 63, 125
 Дома из кирпича-сырца 51, 52, 83
 Дома с фундаментом гриль-плана 62—63
 Дома с фундаментом канального плана 61—63, 70, 75, 87
 Дома с ячейками 61—63
 Домашнее захоронение 54, 55
 Доместикация/одомашнивание 56—59, 87, 249
- Домовая крыса 58
 Домовая мышь 58
 Дракон 93, 94
 Дромос 151—54
 Дрофа/дрофа обыкновенная 121, 177
- Жертвенная чаша 130—131
 Жрецы Вуду 38
 Журавль 118, 120—122, 161, 175—179, 181, 186—189, 211
- Захоронение черепов 43
 Заяц 173, 184
 Здание с известняковыми плитами 62
 Здание с львиными стелами 222, 223, 225, 229—234
 Здание с мозаичным полом 63, 73—75, 79, 80, 128
 Змей пустыни 171, 198, 199
 Змея 75, 95, 109, 115—119, 121, 123—126, 134, 156, 161, 168—186, 189, 190, 196—207, 212, 218, 220, 230, 232, 248
 Змея-уреус 190
 Золотой треугольник (см. также: Верхняя Месопотамия) 65, 251
- Ибис 176
 Иероглифы 129, 180, 216—221, 248
 Имя божества 251
 Инициация 200
 Исследования Германского комитета норм и стандартов/DNA-Analyse 198
- Калибровка 30
 Каменная лампа 78
 Каменная скамья 73, 104, 113, 115, 118, 120, 123, 125, 146, 169, 170, 181, 227, 230—233

- Каменная тарелка 227
Каменная чаша 78, 130, 183, 212, 227, 232
Каменные кольца 92, 124, 227
Каменные **круглопланные соору- жения** 9, 35, 61, 63, 103, 104, 108, 121, 125—129, 136—139, 142, 144, 145, 147, 148, 151, 153, 157, 222, 224, 246, 248
Каменный козел 204, 207, 218
Каменный сосуд 50, 55, 78, 86, 124, 141, 182, 183
Каменный топор 124
Каменоломня 100—103, 105, 106, 109, 110, 129, 246
Карибу 199
Карстовые формы 101
Кентавр 210
Кинокефалы 209
Клинопись 216
Коза/козел 13, 59, 67, 117, 118, 191, 197, 203—214, 220, 232
Козел отпущения 117, 118
Комменсализм 58
Коршун 53, 137, 192, 230
Кремень/кремневые орудия 13, 16, 31, 38, 49, 67, 82, 85, 86, 91, 109, 124
Крокодил 93, 94, 142
Крупноформатная пластика/скульптура 9, 10, 17, 63, 71, 74, 91, 93, 148, 155—157
Крупный рогатый скот 56, 59
Кудурру 191
Культ предков 41, 43, 73, 219, 240, 246
Культ черепов 40—44, 77, 156, 240
Культовый центр (см. также: Храм) 109, 246
Культурные знаки 198
Купольная гробница 151
Ласка (зоол.) 52, 192
Лев 109, 111, 113, 153—157, 171, 173, 208, 210, 222—226, 229—236
Левантоцентризм 46
Левантская гадюка 190
Леопард 60, 134, 135, 145, 171, 229
Лис/лиса 52, 88, 118, 220—222, 225, 130—133, 146, 147, 161, 168, 170, 172, 173, 175, 177, 179, 181, 186, 188—192, 212, 220
Ловушка для зверей 171, 198, 199
Лошадь 160, 207, 218
Львиные ворота 153, 154
Мадленская культура 32, 42, 160, 207
Макронимфия 230, 231
Мамонт 100, 208, 232
Маразм 235
Маска 79, 94, 211
Мащевца/мащевот 115
Медведь 109, 145, 153, 154, 191
Медное месторождение 64
Мезолит 42, 56, 235, 236, 239
Менгир 63, 114, 115, 125
Миниатюрные столбы 79
Многоножки/сороконожки 201—203
Могилы из крупных камней 103
Модель дома 105
Мозаичный пол 63, 64, 73, 74, 75, 79, 80, 98, 108, 128, 130, 131, 147, 225, 227, 228, 230
Монолит/монолитный 83, 97, 102, 103, 153, 227, 246
Монстр 205, 206, 208, 209, 213, 214
Мопсоголовость 57
Мустьерская эпоха 193
Наличник/выступ/окантовка, обрамляющая центральное отверстие с одной из сторон каменной плиты дверного проема 102, 103, 105, 128

- Насекомое 172, 181—183, 202, 220
 Натуфийская культура/Натуф 27, 29—33, 45, 80, 239, 251
 Небесный диск (из Небры) 163
 Неолитическая революция 10, 44, 234, 249, 250
 Н-образный символ 163, 165, 167, 168, 173, 174, 176, 178, 180, 181, 220, 248
 Носорог 209
 Нураги 141
- Обелиск 129, 246
 Обсидиан 51, 52, 56, 60, 83, 86,
 Обувь с длинными острыми носами 205
 Овца 59, 181, 190, 197, 214, 220
 Оксид железа 218
 Олень 42, 54, 57, 58, 199, 207, 218
 Ориньякская культура/эпоха 160, 208, 238
 Ортостат 98, 105, 113, 115
 Орудия/предметы из обсидиана 51, 52, 56, 82, 83, 86
 Отверстие для души 103, 105
 Отверстия для канатов 158
 Отверстия для столбов 73, 86, 106
 Откормочный вол 187
 Охотники за головами 43, 240
- Палеолит 26, 32, 35, 42, 56, 67, 75, 100, 160, 178, 193, 200, 201, 204, 207, 208, 210, 214, 217, 218, 235, 238, 239, 240, 250, 251
 Палеонтология 85
 Пальмирские наконечники 85, 86
 Пантеон 214, 251
 Пантера 134
 Пара отверстий 157, 158, 160
 Паук 172, 173, 181—184, 200—204, 220
 Первобытный бык 56, 88
 Песенная паутина 194
- Пест 31, 32, 60, 124
 Петроглиф 216
 Печать 87, 88, 182, 200—205, 209, 210, 212, 213
 Пигмеи 187, 188
 Пиктограмма 163, 173, 178, 217, 220
 Пиротехнология 64
 План фундамента «решетка для гриля» 61
 Плетень 86
 Плита/камень дверного проема 106, 124, 148, 151, 153
 Плодородный полумесяц 44—47, 59, 64—66, 251
 Площадка с местом для очага 86
 Подвеска (как украшение) 124
 Подзахоронение 55
 Поклонение гвоздям 38
 Полидактилия 40
 Полумесяц (знак) 144, 148, 163, 165, 167, 168, 220
 Принимающая Венера/Vénus accueillantes 232
 Протома итифаллическая 94, 95, 97, 156
 Протома человеческая 157
- Раковины каури 36
 Ранний голоцен 37, 59, 66
 Распятие 185
 Реликвия 41
 Рептилия 93, 94, 133—135, 141, 142, 148, 155, 220, 231
 Ретско-германская граница 101
 Римская эпоха империи 101
 Рогатое животное 122
 Рожаящая богиня 53, 54, 60, 93, 133, 135, 136
 Руководящая форма 85, 86, 124
 Руководящие окаменелости 85

- Русалка 210
 Рыба-коза 191

 Самаррская культура 188
 Сверло для каменных сосудов 86
 Свинья 59, 88, 130, 142, 151, 181, 186, 191, 212
 Северный олень 57
 Село/поселение 27, 34, 35, 37, 49, 55, 62, 68, 70, 80, 81, 87, 88, 97, 242, 243, 245, 249
 Серна 218
 Сетка для волос 40, 76
 Сетка из змей / переплетение/скопление/клубок змей 116—119, 178, 179, 181, 184, 220
 Сеть/сетка/паутина 40, 53, 76, 116—119, 145—147, 177
 Символ круга 163, 165, 167, 168, 220
 Символы хранителей/фигуры охранников 122, 251
 Сирена 210
 Система символов 194, 219, 248
 Системно организованные менгиры 125
 Скальный храм 103, 104, 108
 Сколопендра 202—205
 Скорпион 182, 191, 231
 Слон 57, 209
 Смертность 36, 55
 Смешанное/синкретическое существо 76, 205—208, 210, 211
 Собака 58, 87, 121, 122, 130, 148, 183, 212
 Солнечное погребение 137
 Соль 60
 Специальное здание/сооружение 16, 62, 74, 84, 86, 89, 97, 98, 141
 Сполия 111, 116
 Стеатит 87, 88

 Столб/стела 9, 16, 17, 34, 71—74, 76—80, 93—96, 101, 103—107, 109—136, 141—151, 153, 156—184, 186, 188, 189, 192, 196, 197, 200, 203, 212, 214—216, 219—234, 240, 245—249
 Стола 71, 72, 115, 122, 133, 144, 161, 163, 165, 169, 173, 175, 180, 181, 224
 Ступка 31, 34, 124, 227, 228, 242
 Сфинкс 210
 Сцена охоты / мотив охоты 130, 171, 189, 210, 212
 Сцена танцев / мотив танца 78, 135, 178, 191, 208, 210—212, 232

 Тарденуазская культура 42
 Теменос/Temenos 8, 149
 Темные века 250
 Териокефалы 210, 211, 214
 Т-образные столбы / столбы с Т-образным навершием 16, 17, 71, 73, 79, 101, 105, 110, 114—116, 118, 126, 129, 134, 144, 145, 168, 169, 180, 196, 197, 209, 212, 214, 219, 224, 225, 228, 229, 233, 246, 247
 Торс 75, 206, 227, 230
 Тотемная колонна / столб со скульптурными изображениями 34, 76, 77, 79, 80, 94—96, 106, 107, 113, 153, 154
 Тотемная символика 122
 Тропы мечты 193, 194

 Украшения из раковин моллюсков 42
 Урукский период 206, 214
 Утка 145, 175, 176, 215

 Фаза домов с фундаментом канально-го типа 62
 Фаза домов с фундаментом гриль-плана 61, 62, 63
 Фаза домов с ячейками 61, 62

- Фаза ширококомнатных домов с одним помещением 61
- Фаллос / пенис / половой член / мужской половой орган 79, 94, 95, 97, 109, 111, 126, 154, 156, 230—232
- Халафская культура 121, 188
- Холмистые фланги 44, 45, 47, 51
- Храм 6, 8, 9, 16, 100, 102—104, 108, 129, 141, 158, 213, 214, 216, 241, 247, 250, 251
- Цапля 177
- Цепное датирование 49
- Чаша с рельефом 78, 212, 232
- Чашечка 157, 159, 160
- Человек-лев 208, 210, 236
- Человек-птица 75—77, 206, 230
- Человек-скорпион 191
- Человеческая жертва 36, 41, 43, 55, 240
- Череп коршуна 192
- Череп сипа белоголового 52
- Черепаша 78, 209, 212, 232
- Чурина 219
- Шакал 121, 190
- Шаман/колдун 205, 208, 210, 211, 213, 214, 241
- Шаманизм 78, 122, 210, 211
- Эпипалеолит 239, 251
- Язык каранга 140
- Archae Nova. e.V. 12, 81
- Damnatio memoriae 122
- Homo sapiens 141, 200, 236
- Horror vacui 145
- Mandylion 20
- Standing Stones (см. также: Вертикально установленные каменные блоки/плиты) 62—63

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К стр. 6. Продолжая изучение материалов, полученных в ходе многолетних работ (1969—1980, 1984—1985 гг.) в восточном районе Верхней Месопотамии, с 1988 г. и до настоящего времени отечественная археологическая экспедиция под руководством Р.М. Мунчаева проводит широкомасштабные исследования на соседней западной территории Северного Двуречья. Основным объектом этих изысканий стал Тель Хазна I, многослойный памятник раннегородского типа с прекрасно сохранившейся монументальной архитектурой, относящийся к более позднему времени, чем в профессиональном отношении интересующий К. Шмидта период неолита. Подробнее о результатах работ российских археологов в Месопотамии см.: *Бадер Н.О.* Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М., 1989; *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. М., 1981; *Гуляев В.И.* В стране первых цивилизаций: Ирак. М., 1999; 2006; *Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я., Амиров Ш.Н.* Тель Хазна I. Культурно-административный центр IV - III тыс. до н.э. в Северо-Восточной Сирии. М., 2004; *Амиров Ш.Н.* Хабурская степь Северной Месопотамии в IV - первой половине III тыс. до н.э. М., 2010.

² К стр. 9. Роберт Брэйдвуд (Robert J. Braidwood, 1907—2003) – американский археолог, специалист по первобытной и древней истории Юго-Западной Азии; исследовал многочисленные мезолитические и раннеэнеолитические поселения в Ираке, Сирии, Иране и Турции, одним из первых начал активно применять естественно-научные методы в работе археолога (в том числе метод радиоуглеродного датирования). Есть сведения, что профессор археологии Чикагского университета Роберт Брэйдвуд стал одним из реальных прототипов для С. Спилберга и Дж. Лукаса при создании ими образа Индианы Джонса, героя знаменитого приключенческого сериала.

Линда Брэйдвуд (Linda Braidwood, 1909—2003) – жена и помощница Роберта Брэйдвуда во многих его начинаниях.

Уход из жизни этой супружеской пары в 2003 г. стал большой утратой для всего международного сообщества археологов предистории Ближнего Востока.

³ К стр. 9. Об истории и результатах исследования Чайёню Тепеси на русском языке подробнее см.: *Корниенко Т.В.* Первые храмы Месопотамии. Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху. СПб., 2006. С. 44—57.

⁴ К стр. 9. Об истории и результатах исследования Неваля Чори на русском языке подробнее см.: *Корниенко Т.В.* Первые храмы Месопотамии... Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху. СПб., 2006. С. 57—66.

⁵ К стр. 25. Томпсон Христиан-Юргенсен (Thomsen Christian-Jurgensen, 1788—1865) - выдающийся датский ученый, археолог, утвердивший в науке «систему трех веков» (каменный, бронзовый и железный), применяемую для рассмотрения ранних периодов в истории человечества по свидетельствам материальной культуры. Состоял директором Копенгагенского нумизматического комитета, директором Художественного музея и инспектором Этнографического музея.

⁶ К стр. 27. На русском языке об истории исследований Иерихона подробнее см.: *Мерперт Н.Я.* Очерки археологии библейских стран. М., 2000. С. 52—83.

⁷ К стр. 34. Отражение научной дискуссии по этому вопросу на русском языке подробнее см.: *Сайко Э.В.* Древнейший город. Природа и генезис (Ближний Восток. IV—II тыс. до н.э.). М., 1996.

⁸ К стр. 38. В 1983 и 1985 гг. в Айн Гхасале были обнаружены два тайника РРNV-периода, содержавшие 36 крупномасштабных скульптур различного типа. Тайник I включал 13 полнофигурных произведений и 12 бюстов. Среди 11 скульптур Тайника II три объекта оказались необычными двухголовыми бюстами. Все скульптуры были сделаны по одинаковой технологии. Их основу составляли связки тростника, которые затем покрывали гипсовым раствором, придавая фигуре нужную форму. Битум и краска использовались для обозначения некоторых черт лица. Есть вероятность того, что обнаруженные в тайниках скульптуры первоначально находились в культовых строениях, открытых на памятнике позднее. Подробнее см.: *Корниенко Т.В.* Антропоморфные статуи из тайников Айн Гхасала, VII тыс. до н. э. // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26—29 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 62—66.

⁹ К стр. 40. Открытие в Айн Гхасале нескольких крупномасштабных двухголовых бюстов (высота находок от 80 до 90 см), помещенных когда-то вместе с другими большими скульптурами в специальные тайники, дает дополнительный материал для интерпретации антропоморфных

образов этапа PPNB. Долгое время большинство исследователей действительно рассматривало их исключительно как портретные изображения почитаемых предков.

Двухголовые бюсты сделаны немного грубее других скульптур, найденных в тайниках, – тех, которые представляли обычные антропоморфные образы с одной головой, соединяющейся шеей с аккуратно сделанным человеческим по форме торсом. В отличие от этих скульптур основа двухголовых бюстов полупирамидальной формы с неровной, шероховатой поверхностью. В нее симметрично вмурованы две длинные шеи, поддерживающие одинаковые головы с красивыми лицами. Главной их особенностью являются выразительные, пристально глядящие глаза, а также непропорционально большие лбы, над которыми рельефно изображен головной убор, возможно прическа. Головы одноголовых и двухголовых бюстов очень похожи.

Двухголовые бюсты Айн Гхасалия для времени PPNB пока уникальны, однако известно, что двухголовые персонажи встречаются на протяжении других периодов среди почитаемых изображений на территории Ближнего Востока. Доисторическим временем датируются подобные объекты Кипра, Анатолии (Чатал Хёюк, Хаджилар, Алака Хёюк, Культепе) и Сирии (Тель Брак). Вместе с тем фигуры с двумя, тремя и четырьмя лицами известны среди художественных образов исторического Двуречья, а также в иконографии других регионов.

Ключ к пониманию двухголовых изображений Айн Гхасалия, по мнению американской исследовательницы Д. Шмандт-Бессера, может быть получен при обращении к древнемесопотамским священным текстам более поздней эпохи, например описывающим Мардука – главу вавилонского пантеона, того, кто имел две головы, четыре уха и четыре глаза:

Ану, его отца породивший, увидев его,
возликовал, просветлел ликом;
радость наполнила его сердце.
Он сделал его таким совершенным,
что его божественная голова была двойной.
... Четыре было глаза, четыре было уха.

Описание двухголовых божеств в текстах Древнего Востока, в том числе в «Энума элиш», показывает, что двухголовость являлась метафорой для совершенной красоты, непостижимости, превосходства: четыре глаза символизируют всевидящее зрение, четыре уха отражают максимальную мудрость обладателя. В шумерском изобразительном искусстве неестественно огромные глаза и уши обозначают сверхъестественную мудрость.

Таким образом, загадочные двухголовые бюсты могут быть определены как древнейшие памятники существования символической традиции, отражающей божественное всеведение и превосходство над человеком. Очевидно, тот же смысл можно предположить и в наличии дополнительных пальцев у некоторых статуй из рассматриваемых тайников Айн Гхасалея. Д. Шмандт-Бессера приходит к выводу, что если эти исключительные фигуры являлись изображениями божественных представителей, то, очевидно, все крупномасштабные статуи, в техническом отношении выполненные схожим образом и обнаруженные в тайниках на Айн Гхасале вместе с двухголовыми бюстами, имеют подобное значение (*Egan V., Bikai P.M. Archaeology in Jordan // 1998. Vol. 102/3. P. 571-606*). Данное представление о скульптурах Айн Гхасалея соотносится с нашим пониманием монументальных стел, крупномасштабных скульптур и рельефов, найденных в культовых зданиях Чайёну Тепеси, Невали Чори, Жерф эль-Ахмара и Гёбекли Тепе, как знаков присутствия божеств-покровителей на поселении, для которых и были возведены специальные сооружения. Не противоречит этому предположению и мнение Гари О. Роллефсона, автора раскопок Айн Гхасалея, изучающего миграционные процессы позднего PPNB-времени, а также появление в связи с ними мегапоселений в западной части Южного Леванта. Он говорит о возможном объяснении рассматриваемых двухголовых бюстов как наглядных свидетельств вынужденной перестройки социально-религиозной жизни людей под давлением миграционного стресса. Профессор Роллефсон полагает, что каждая из голов уникальных двухголовых бюстов символически показывает (буквально и образно) наступившее объединение местного населения Айн Гхасалея с пришлым, состоявшим из иммигрантских семей, тесно связанных между собой родственными узами (*Rollefson O.R. Early Neolithic Ritual Centers in the Southern Levant // Neolithics. 2005. № 2. P. 9—10*).

¹⁰ *К сmp. 40.* Помимо Иерихона, Айн Гхасалея и Нахал Хемара восстановленные черепа встречены в Ифтахеле (Нижняя Галилея, Израиль), Бейсамуне и Кфар Хахореше (северная часть Иорданской долины), а также в Телль Рамаде и Телль Асваде (близ Дамаска). При этом отмечаются различия в сопутствующих материалах и оформлении данных находок, что в любом случае свидетельствует о производимых с черепами сложных манипуляциях в эпоху неолита. Подробнее см., напр.: *Stordeur D. Des crânes surmodelés à Tell Aswad de Damascène (PPNB – Syrie) // Paléorient. 2003. Vol. 29/2. P. 109-116; Stordeur D., Khawam R. Les crânes surmodelés de Tell Aswad (PPNB, Syrie). Premier regard sur l'ensemble, premières réflexions*

// Syria. 2007. Vol. 84. P. 5–32; *Khalaily H., Milevski I., Getzov N., Hershkovitz I., Barzilai O., Yarosevich A., Shlomi V., Najjar A., Zidan O., Smithline H., Liran R.* Resent Excavations at the Neolithic Site of Yiftahel (Khalet Khalladyiah), Lower Galilee // Neo-Lithics. 2008. № 2. P. 3–11.

¹¹ *К стр. 49.* Брюс Хоу (Bruce Howe) – один из ведущих специалистов Восточного института Чикагского университета второй половины 20-го столетия, активный участник проекта Халет Чембел и Роберта Брэйдвуда «Изучение доисторического периода Юго-Восточной Анатолии», автор научных публикаций.

¹² *К стр. 50.* Одни из наиболее ранних неолитических памятников Европы, носящие земледельческий характер и принадлежащие, по мнению ряда ученых, докерамическому неолиту, открыты в материковой Греции. Три жилых холма были стационарно исследованы в Фессалии – Аргисса, Сескло и Суфли. Сходные находки на других поселениях показывают, что в этот древний период была заселена не только Фессалия, но также Аттика. Наиболее известны раскопки Владимира Милойчича холма Гремнос – Аргисса-Магула. Культурный слой этого памятника мощностью в 11 м делится на пласты от античности до докерамического неолита. Подробнее рассмотрение особенностей развития неолита Юго-Восточной Европы и влияния на этот процесс переднеазиатского очага см., напр.: *Tumov B. C.* Неолит Греции. М., 1969; *Lichardus J.* La Protohistoire de l'Europe. Paris, 1985; *Bailey W.* *Balkan Prehistory. Exclusion, incorporation and identity.* London and New York, 2000; *Rein-gruber A.* Die deutschen Ausgrabungen auf der Argissa-Magula in Thessalien, 2. Die Argissa-Magula. Das frühe und das beginnende mittlere Neolithikum im Lichte transägäischer Beziehung. (Beiträge zur ur – und frühgeschichtlichen Archäologie des Mittelmeer-Kulturraumes, 35). Bonn, 2008. S. 85–127.

¹³ *К стр. 51.* Переведена на русский язык и издана более ранняя (1965 г.) работа Дж.Меллаарта: «Древнейшие цивилизации Ближнего Востока» (М., 1982). В ней автор кратко дает предварительную оценку своих раскопок Чатал Хёюка. Кроме того, среди российских исследователей Е.В. Антонова довольно подробно занималась материалами Чатал Хёюка, рассмотрев их в нескольких своих публикациях. См., напр.: *Антонова Е.В.* О характере религиозных представлений неолитических обитателей Анатолии (по материалам Чатал-Хююка и Хаджилара) // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979. С. 12–35; *Она же.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и

Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984; *Она же*. Обряды и верования первобытных землевладельцев Востока. М., 1990.

¹⁴ *К стр.* 53. И не только по Меллаарту. Учеными и поэтами давно уже выявлена эта, судя по всему, универсальная, общекультурная и межвременная комбинация – Женщина и Смерть – «мать-сыра-земля», порождающая все то, что по прошествии времени погибает и возвращается в ее лоно. Данная комбинация выразительно объясняется М.М. Бахтиным в его знаменитой работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1949). Вспоминается также «кругомет» А. Вознесенского: «...тьма, тьма, мать, мать, тьма, тьма, тьма...». Для обращения конкретно к материалам Передней Азии см.: *Дьяконов И.М.* Архаические мифы Востока и Запада. М., 1990.

¹⁵ *К стр.* 56. Русскоязычному читателю для лучшего ознакомления с данной проблематикой можно рекомендовать следующие публикации: *Шнирельман В.А.* Возникновение производящего хозяйства. М., 1989; *Бородин П.М.* Доместикация и цивилизация // *Философия науки*. 2002. №3 (14); *Трут Л.Н.* Доместикация животных в историческом процессе и в эксперименте // *Вестник ВОГиС*. 2007. Т. 11, № 2.

¹⁶ *К стр.* 59. Всех заинтересовавшихся этой нашумевшей, неприятной и довольно продолжительной историей я отсылаю на сайт: <http://sarabaas.blog.ru/9834307.html>; в другом случае можно попробовать набрать в поисковой системе слова «Меллаарт Джеймс Дорак».

¹⁷ *К стр.* 65. Малатья, Древняя Мелитена (греч. Melitene) — область в северной части Малой Армении, между Антитавром и Евфратом, а также город того же названия (ныне г. Малатья в Турции). Область стала известной в древности благодаря замечательному плодородию почвы. Особенно славились маслины и виноград. При римском императоре Траяне (98—117 гг.) поселение разрослось до размеров значительного города, того же имени, что и область. При византийском императоре Юстиниане (527—565 гг.) этот город считался одним из первых в Малой Азии. В период разделения Армении на две провинции Мелитена стала главным городом второй Армении. В своей книге К. Шмидт часто использует исторические названия областей Турции, ныне вышедшие из официального употребления, очевидно желая подчеркнуть богатое историческое прошлое этой страны.

¹⁸ *К стр.* 65. Коммагена (греч. Kommagene) — эллинистическое государство в Малой Азии. В 164 г. до н. э. отделилось от державы Селевкидов. Развитию экономики Коммагены способствовало местонахождение на торговых путях между Сирией и Персией. В 17 г. Коммагена присоединена к Риму, в 38 г. была восстановлена как царство под управлением Антиоха IV, а в 72 г. стала частью римской провинции Сирия. Столицей Коммагены был город Самосата (Самсат) на Евфрате.

¹⁹ *К стр.* 65. Все известные варианты этимологии термина 'ēden см.: <http://www.bibleorigins.net/BibliographyGenesisEdenEdinMaps.html>. Об Эдеме по данным письменных источников см. также: Емельянов В.В. Шумерский календарный ритуал (категория МЕ и весенние праздники). СПб., 2009. С. 229—230. 23 марта 2010 г. на филологическом факультете Петербургского института иудаики в рамках научной конференции по иудаике и смежным дисциплинам, посвященной памяти К.Б. Старковой, Владимиром Владимировичем Емельяновым был прочитан доклад «Ветхозаветный Эдем по данным клинописных текстов (к этимологии термина 'ēden)». К сожалению, текст этого доклада пока не опубликован, но, вероятно, будет доступен для читателей в будущем.

²⁰ *К стр.* 69. Кир II Великий (греч. Kyros, по др.-перс. звучит "Куруш", год рождения неизвестен – ум. в 530 г. до н. э.) – персидский царь (с 558 по 530 г. до н.э.), выдающийся правитель и полководец из династии Ахеменидов. В 558 г. до н.э. возглавил союз персидских племён. Создал сильную армию, имевшую на вооружении боевые колесницы, метательные машины и осадную технику. В 553 г. до н.э. опираясь на персидский контингент Кир II поднял восстание персидских племён против владычества Мидии. В 550–549 гг. до н.э. завоевал Мидию, затем покорил Парфию. В борьбе с образовавшимся антиперсидским союзом в составе Лидии, Вавилонии и Египта руководствовался стратегией последовательного разгрома своих противников, тщательно готовил походы в политическом и военном отношениях. Направив первый удар по Лидии, в сражении при Сардах в 546 г. до н. э. нанёс поражение войску лидийского царя Крёза и после 15-дневной осады взял г. Сарды. Вслед за Лидией подчинил греческие города-государства Малой Азии. Перед походом на Вавилонию, чтобы обеспечить свой тыл, завоевал (в 545–539 гг. до н.э.) Согдиану и Бактрию — области Средней Азии (территория современного Афганистана, Таджикистана и Узбекистана). Осуществляя политику изоляции Вавилонии от внешнего мира, добился того, что торговля этой страны пришла в упадок. В 539 г. до н.э. в сражении при Вавило-

не разбил вавилонское войско. Благодаря поддержке торговых кругов и жрецов Вавилона смог быстро овладеть этим хорошо защищенным для того времени городом-крепостью и присоединил Вавилонию к Персии. Отложив на время поход против Египта, Кир II в 530 г. до н.э. направился с войском для покорения скотоводческих племён Приаральской низменности — массагетов, но потерпел поражение и погиб. В завоёванных областях Кир II поощрял развитие ремёсел и торговли, строил города, крепости и дороги. Крепостям с постоянными гарнизонами он придавал значение опорных пунктов персидского владычества. Деятельность Кира II нашла отражение в трудах древневосточных и древнегреческих историков и писателей, в частности в «Киропедии» Ксенофонта.

²¹ *К стр.* 69. Александр III, известен под именем Великий (Македонский) (356—323 гг. до н.э.) – царь Македонии с 336 г. до н.э., один из величайших полководцев и государственных деятелей Древнего мира. Огромная держава, созданная в результате завоеваний Александра Македонского, простиралась от Дуная до Инда и была самым крупным государственным образованием того времени. Однако лишённая прочной внутренней связи, она распалась после смерти своего создателя. На её территории возник ряд эллинистических государств.

²² *К стр.* 69. Ксенофонт Афинский (греч. Xenophon, г. р. между 430 и 425 – ум. после 355 г. до н.э.) – ученик Сократа, писатель, историк и профессиональный военный. В 401 г. до н.э. он с греческим отрядом принимал участие в походе персидского царя Кира против его брата Артаксеркса. Будучи противником афинской демократии, сочувствуя режиму Спарты, Ксенофонт в 396 г. сопровождал спартанского полководца Агесилая в его походе в Малую Азию и после этого с тем же Агесилаем участвовал в битве спартанцев против фиванцев и афинян. За спартанофильские действия Ксенофонт был заочно приговорен афинянами к изгнанию. Время изгнания он проводил в Пелопоннесе, в местечке Скиллунт, в большом имении, подаренном ему спартанцами. В 396 г., благодаря союзу Афин со Спартой, приговор об изгнании Ксенофонта был отменен, но он, по-видимому, не вернулся в Афины. Умер не ранее 356 г. Известны двенадцать сочинений Ксенофонта (не считая подложных) военного и исторического характера, произведения, посвященные семейной жизни и государственной экономике, а также тексты, характеризующие Сократа и его учение.

²³ *К стр.* 69. Гай Юлий Цезарь (лат. Gaius Iulius Caesar, г. р. 102 или 100 до н. э. — ум. 15 марта 44 года до н.э.) — знаменитый древнеримский государственный и политический деятель, полководец, писатель. После гибели Цезаря его имя прочно легло в основу титулатуры верховных властителей римской державы. В дальнейшем многие монархи мира также старались связать себя с легендарным Цезарем. Так произошло немецкое слово «Kaiser» («кайзер») и русское «царь» (как усеченное от имени Цезарь).

²⁴ *К стр.* 69. Флавий Клавдий Юлиан (лат. Flavius Claudius Iulianus), известный в истории христианства также как Юлиан Отступник (лат. Iulianus Apostata, г. р. 331 или 332 — ум. 26 июня в 363 г.), — римский император (361—363 гг.) династии Константина, последний языческий римский император, ритор и философ, иногда упоминается как Юлиан II. В 363 г. Юлиан Отступник, спустившись со своим войском и флотом по Евфрату и Тигру, предпринял давно подготавливаемый поход против новой персидской державы. Он достиг вражеской столицы, Ктесифона, но взять ее не смог и вынужден был повернуть обратно. В сражении при Маранге был смертельно ранен.

²⁵ *К стр.* 69. Крѐз (греч. Króisos, 595—546 гг. до н. э.), последний царь Лидии в 560—546 гг. до н. э. Значительно расширил территорию Лидийского царства: подчинил греческие малоазийские города (Эфес, Милет и др.) и захватил почти всю западную часть Малой Азии до р. Галис. Богатство Крѐза вошло в поговорку. В войне с персидским царём Киrom II был разбит при Птерии (Каппадокия). Столица Лидии Сарды была захвачена, а сам Крѐз взят в плен (546 г. до н.э.). По одной версии (Геродот и большинство древнегреческих историков) Крѐз был приговорѐн к сожжению, но помилован Киrom, по другой (древневосточные клинописные источники) — казнѐн.

²⁶ *К стр.* 70. Илиос, или Илион (греч. Ilios, Ilion), — другое название легендарного города Трои (отсюда и заглавие одной из поэм Гомера). В настоящее время, благодаря знаменитым раскопкам Генриха Шлимана, месторасположение древнего Илиоса идентифицируется с холмом Гиссарлык.

²⁷ *К стр.* 73. Изложенная К.Шмидтом гипотеза, на наш взгляд, сомнительна. В частности, она не подтверждается более реалистичными скульптурными изображениями антропоморфов, сопоставимыми со стелами

типа Невали Чори. Одно из них происходит из раннеолитических слоев старого центра г. Шанлыурфа. Второе, являясь случайной находкой, сейчас выставлено на экспозиции музея г. Газиантеп. Третье, датированное более точно переходным PPNA/EPPNB-временем, обнаружено при раскопках Шейх Хассана. Четвертое зафиксировано как случайная находка и происходит из северо-западной по отношению к Урфе провинции Адияман (*Çelik B. An Early Neolithic Settlement in the Center of Şanlıurfa, Turkey // Neo-Lithics. 2000. Vol. 2—3. P. 4—6. Fig. 2; Hauptmann H. Ein frühneolithisches Kultbild aus Kommagene // Gottkönige am Euphrat: Neue Forschungen und Funde aus Kommagene. Mainz am Rhein, 2000. S. 4—13. Add. 9a-d; Müller-Neuhof B. An EPPNB Human Sculpture from Tell Sheikh Hassan // Neo-Lithics. 2006. №2. P. 32—38. Fig. 1-2; Корниенко Т.В. Три антропоморфные стелы из провинциальных музеев Юго-Восточной Турции как свидетельства эпохи докерамического неолита на Евфрате // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст: матер. темат. науч. конф. СПб., 2008. С. 140—144. Рис. 1а, д). Никаких признаков одежды, похожей на «столу», на этих реалистичных изображениях не наблюдается, тогда как согнутые в локтях руки со сложенными на животе ладонями, статичность фигур, V-образное оформление шеи и, для скульптурных стел из Газиантепа и Адиямана, подчеркнута Т-образный профиль, безусловно, повторяют основные характеристики столбов типа Невали Чори. Более вероятной нам представляется изначальная интерпретация Г. Хауптманна этих рельефно выделенных на передней грани стержня полос в качестве демонстрации тех же, показанных на широких плоскостях в согнутом виде рук. На передней стороне, в соответствии и с боковым, и с анфасным вариантом, они заканчиваются тщательно проработанными пятипальными кистями (*Hauptmann H. Ein Kultgebäude in Nevali Cori // Between the rivers and over the mountains. Roma, 1993. S. 48—51. Abb. 9—12, 16*). Данный стилистический прием понятен, учитывая весьма схематичное в геометрических формах представление человекоподобных фигур прямоугольными в срезе столбами типа Невали Чори. Если следовать интерпретации Хауптманна, зритель должен был видеть изображение рук и в профиль и анфас. Это в целом способствовало закреплению антропоморфного восприятия стелы, а также акцентировало внимание на положении рук этих человекоподобных существ – жесте, который четко повторяется и в более реалистичных скульптурных изображениях раннеолитического периода.*

²⁸ К стр. 73. «Иконоборцы», «иконоборчество», на наш взгляд, не самые подходящие термины в данном контексте. В российской научной традиции они применяются к конкретным историческим событиям,

происходившим в ином регионе и в иную эпоху. Существует довольно серьезная аргументация в пользу того, что обычай «погребения» специальных зданий (а иногда и отслуживших свой век жилых построек) с намеренным разрушением интерьера, другими ритуальными действиями являлся обязательным и выработанным традицией для ряда поселений Южного Тавра эпохи докерамического неолита. Этот обычай нес иную смысловую и эмоциональную окраску, нежели мотивы иконоборчества.

²⁹ К *стр.* 78. Вероятно, здесь автор имеет в виду известную функцию птицы как посредника между мирами – Землей и Небом, миром людей и миром божественных сил.

³⁰ К *стр.* 82. Карст – совокупность геологических и гидрогеологических процессов и явлений, связанных с деятельностью воды и выражающихся в растворении горных пород и образовании в них пустот, т.е. своеобразных форм рельефа. Карстовые формы рельефа возникают на местностях, сложенных сравнительно легко растворимыми в воде горными породами (гипсы, известняки, мрамор, доломиты и каменная соль). Карстовые формы характеризуются воронкообразными углублениями, провалами, пещерами и др. Обнаружение и исследование таких объектов является весьма продуктивным методом в работе археолога.

³¹ К *стр.* 125. Карнак (фр. Carnac) - мегалитический комплекс во Франции (Бретань); считается наиболее знаменитым мегалитическим ансамблем Бретани и одним из двух (наряду со Стоунхенджем) в мире. Карнак поражает воображение значительной концентрацией менгиров на сравнительно небольшой территории. Первоначально в Карнакском комплексе насчитывалось около 10 000 объектов разной величины. В настоящее время их осталось приблизительно 3 000. Данный комплекс мегалитов (в основном кромлехи и менгиры) датируется концом неолита – началом эпохи палеометалла (для Европы: конец III—II тысячелетие до Р.Х.). Установлено, что первые мегалиты появились в Карнаке приблизительно 4 500 лет до Р.Х. (этот процесс наблюдался к тому времени и в других областях нынешней Бретани, Северная Франция).

³² К *стр.* 130. В древнейших уровнях Здания с мозаичным полом Чайёно и общественного культового сооружения Невали Чори (второй вариант его перестройки – Строение II), в угловой части этих построек, также сохранились следы каналов (или «канавок» / «желобков») и специально оформленных углублений/чаш в полу. С какой целью сооружались данные конструк-

ции – не вполне ясно, но можно предположить, что функционально они были идентичны и, судя по выявленным здесь следам огня и человеческой крови, предназначались для специальных ритуалов. Кроме того, в северо-сирийском раннеолитическом поселении Телль Абр 3 на полу общественного круглопланового строения В2 рядом с массивной украшенной плитой скамьей найдены два углубления, от которых по направлению к центру здания вели каналы (Kornienko T.V. Notes on the Cult Buildings of Northern Mesopotamia in the Aceramic Neolithic Period // Journal of Near East Studies. 2009. Vol. 68/2. P. 88, 96). Такие данные демонстрируют весьма любопытные параллели с «жертвенными чашами» и связанными с ними каналами (или «канавками» / «желобками») неординарных сооружений Гёбекли Тепе, они свидетельствуют о проведении во всех этих по многим параметрам сопоставимых между собой строениях общественного назначения похожих обрядовых действий с использованием жидкостей.

³³ К стр. 134. На изображениях животных из Телль 'Абра 3, о которых идет речь, помимо соответствующего рисунка шерсти, отчетливо показаны уши и вытянутые лапы с когтями, что и позволяет идентифицировать их как пантер или леопардов, по крайней мере определенно как представителей семейства кошачьих. Подробнее см.: Yartah T. Tell 'Abr 3, un village du néolithique précéramique (PPNA) sur le Moyen Euphrate. Première Approche // Paléorient. 2004. Vol. 30/2. P. 141—158, fig. 11—12. Тогда как, лапы существ на рельефах Гёбекли Тепе согнуты, что, скорее, свидетельствует в пользу версии о ползущих рептилиях, тем более что ни шерсти, ни ушей мы на этих изображениях не наблюдаем.

³⁴ К стр. 141. Одной из оригинальных культур Западного Средиземноморья является островная культура древних сардов. По всей Сардинии рассеяны т.н. нураги - огромные башни в форме усеченного конуса высотой 10—12 м, построенные сухой кладкой из крупных грубо обработанных камней. К настоящему времени известно около 7 тыс. нурагов. Такие башни возводились на острове в течение тысячелетия (с середины II тысячелетия по VII в. до н. э.) и, вне всякого сомнения, свидетельствуют о некогда существовавшей здесь самобытной местной культуре. Кроме нурагов, культура обитателей Сардинии этого времени характеризуется выполненными в той же строительной технике, что и нураги, круглоплановыми хижинами, сгруппированными вокруг главных башен в поселениях, своеобразными погребальными сооружениями (т. н. «могилами гигантов»), священными колодцами-храмами. Широко представлены керамика, орудия труда, изделия из металла. Совокупность всех

этих материалов составляет археологическую культуру, которую, как и общество, ее создавшее, принято называть нурагической. Создатели нурагов не оставили письменных источников (скорее всего, у них не было письменности), что чрезвычайно затрудняет изучение вопросов об их происхождении, этнической и языковой принадлежности. Подробнее см.: Кац Т. П. К вопросу о периодизации древнейшей истории Сардинии // Античный мир и археология (АМА). Саратов, 1979. Вып. 4; Он же. Нурагическая Сардиния и «морские народы» // АМА. Саратов, 1986. Вып. 6; Он же. О некоторых культах нурагической Сардинии // АМА. Саратов, 1990. Вып. 8.

³⁵ К *стр.* 142. В данном случае, несмотря на отмеченные автором тысячи лет и километров, разделяющие строительство зимбабве от сооружения конструкций Гёбекли Тепе, очевидна определенная стадийная близость культур их создателей. Это отчасти и объясняет наличие многих параллелей, зафиксированных различными группами материальных свидетельств.

³⁶ К *стр.* 142. В древнейших культурах Ближнего Востока именно рептилии - ящерицы, черепахи, а особенно змеи - являясь хтоническими существами, играли значительную роль в культе плодородия, они же, судя по более поздним письменным источникам и этнографическим данным, выступали носителями тайного знания, мудрости. На наш взгляд, нет достаточных оснований воспринимать образы рептилии исключительно со знаком «минус», как представляющие «силы зла», не говоря уже о том, что эти существа также считались как минимум «вестниками богов», если не самими божествами (что более вероятно для столь архаичных культур), только уже иного – подземного мира. Тем не менее, само противопоставление носителями древнейших культур основных уровней в общей, осознаваемой через мифы картине мира: верх/низ – небо/земля, проявившееся сейчас в конкретно рассматриваемых случаях в образах птиц и рептилий, замечено точно.

³⁷ К *стр.* 163. «Диск из Небры» был обнаружен вместе с другими предметами бронзового века двумя кладоискателями рядом с немецким городком Небра на вершине холма Миттельберг в земле Саксония-Ангальт в 1999 г. Бронзовый диск диаметром более 30 см, шириной около 2 мм и весом более 2 кг, покрытый пагиной цвета аквамарина, с вставками из золота, изображающими Солнце, серп Луны и 32 звёзды, в том числе скопление Плеяд, с художественной и научной точек зрения уникам, не

имеющий аналогов. Данный артефакт появился на чёрном рынке археологических древностей в 2001 г. Поскольку по немецким законам археологические находки являются собственностью государства, швейцарская полиция в ходе специальной операции в Базеле задержала сбытчиков диска. Предмет был передан в археологический музей при Университете г. Галле, а охотники за древностями приговорены к штрафу и нескольким месяцам тюремного заключения. Обнаружение диска стало крупнейшей сенсацией и вызвало множество споров среди ученых. В частности, известие об этой находке было скептически воспринято многими археологами, особенно в Германии. На первых порах диск часто интерпретировался как подделка. Проведённые позднее полевые и разного рода лабораторные исследования (в том числе микрофотография коррозионных кристаллов) подтвердили древний возраст объекта (3 600—3 800 лет). В настоящее время большинство специалистов принимает диск в качестве подлинного артефакта. Изучение этого предмета активно продолжается, именно оно дало толчок к осуществлению крупнейшего в мире комплексного проекта по исследованию бронзового века, бюджет которого составляет около 5 млн. евро. Реализация данного проекта под названием «Открытие новых горизонтов: находки близ городка Небра и их значение для Европы бронзового века» началась в 2005 г.

³⁸ К стр. 193. На русском языке см.: *Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М., 2004.*

³⁹ К стр. 197. В 1997 г. в районе обнаружения антропоморфной статуи в старом центре г. Шанлыурфа была заложена разведочная траншея (15 x 0,5 м). Эти работы предоставили убедительные материалы о существовании здесь долговременного раннеолитического поселения в переходный PPNA/PPNB-период. Помимо прочего, были обнаружены остатки так называемых мозаичных полов, которые признаны одними из ярких архитектурных характеристик общественных построек культового назначения в Северной Месопотамии эпохи докерамического неолита. Подробнее см.: *Çelik B. An Early Neolithic Settlement in the Center of Şanlıurfa, Turkey // Neo-Lithics: A Newsletter of Southwest Asian Lithics Research. 2000. № 2—3. P. 4—6.* Таким образом, уже имеются археологические свидетельства того контекста, к которому, судя по всему, первоначально относилась антропоморфная статуя, обнаруженная как случайная находка при проведении строительных работ в старом центре г. Шанлыурфа годами ранее.

⁴⁰ К *стр.* 201. Конечно, помимо мысли о создании круглоплановых строений, стел и рельефов как заведомых «посланий в далекое будущее», здесь возможны иные варианты объяснения грандиозности и монументальности культовых сооружений Гёбекли Тепе. Это и упоминавшаяся уже самим К. Шмидтом демонстрация в архитектуре социальной статусности организаторов строительства, а кроме того, вполне вероятно, определенные требования сакрального содержания относительно оформления культа, сложившиеся в данном регионе к тому времени. В целом такая система должна была решать задачи по сплочению коллективов и урегулированию отношений между увеличивавшимися племенами, компактно проживающими на определенной, благоприятной в природно-климатическом отношении, территории.

⁴¹ К *стр.* 202. На немецком и английском языках синонимичные названия сколопендры соответственно «Hundertfüßer» и «Centipede», что в дословном переводе звучит как «стоножка». В данном случае русский язык, так же как и турецкий, оказывается более точным, поскольку тут синонимами понятия «сколопендра» являются слова «многоножка» и «сороконожка».

⁴² К *стр.* 203. В отечественной науке, как правило, используется термин «энеолит», обозначающий ту же эпоху, что и «халколит» западной научной традиции.

⁴³ К *стр.* 207. «Жезл начальника» – декорированное изделие вытянутой формы из рога, кости или бивня мамонта, имеющее утолщение и отверстие на одном из концов. Находки «жезлов» известны на многих стоянках верхнего палеолита Евразии. Подобные вещи изучаются уже более ста лет, в том числе отечественными исследователями, но назначение «жезлов» пока до конца неясно. В практическом отношении они, по мнению большинства ученых, служили выпрямителями древков. Вместе с тем замечательное оформление говорит об особом семантическом значении данных изделий.

⁴⁴ К *стр.* 207. Астурия – провинция на севере Испании.

⁴⁵ К *стр.* 208. Всех заинтересовавшихся затронутой проблематикой первобытного и, прежде всего, пещерного искусства я отсылаю к вышедшей относительно недавно кн.: Дэвлет Е.Г. Альтамира: у истоков искусства. М., 2004.

⁴⁶ К стр. 214. Ануннаки, как сообщают ранние письменные источники Двуречья, древнейшие божества, предки действовавших богов, связанные с Подземным миром и решающие судьбы мертвых. Подробнее об Ануннаках и Священном холме/горе Дуку на русском языке см.: *Емельянов В.В.* Ниппурский календарь и ранняя история Зодиака. СПб., 1999. С. 85—86, 94, 99, 100, 104, 125, 151, 159, 211, 215.

⁴⁷ К стр. 216. Начиная со второй половины XIX в. понятие «Срединная Америка» («Mittel Amerika») вводит в научный оборот немецкий ученый Эдуард Зелер, преподаватель, затем директора Берлинского музея этнографии, собравший большую коллекцию материала о майя и ацтеках. На сегодняшний день в науке отдается предпочтение более точному термину «Месоамерика», который изобрел и дал ему определение в 1943 г. немецкий философ и антрополог Пауль Кирхгоф. Клаус Шмидт, тем не менее, в лежащей перед читателями книге использует понятие «Mittel Amerika», т. е. «Срединная Америка».

⁴⁸ К стр. 234. С приведенным К.Шмидтом сравнением никак нельзя согласиться. Процарапанные по камню рисунки и даже сюжетные композиции, несомненно относящиеся к известному миру образов Гёбекли Тепе и других памятников докерамического неолита Северной Месопотамии, зафиксированы в общественных постройках культового назначения Телль 'Абра 3 (Строение B2) и Жерф эль-Ахмара (строения EA53, EA100). Источник: *Stordeur D., Brenet M., Der Aprahamian G. and Roux J.-C.* Les bâtiments communautaires de Jerf el Ahmar et Mureybet horizon PPNA (Syria) // *Paléorient*. 2000. Vol. 26/1. P. 40; *Yartah T.* Tell 'Abr 3, un village du néolithique précéramique (PPNA) sur le Moyen Euphrate. Première Approche // *Paléorient*. 2004. Vol. 30/2. P. 144—154, fig. 9—13. Кроме того, в Сооружении А Гёбекли Тепе, как отмечает сам Шмидт, на западной стороне столба 10 также обнаружены процарапанные рисунки животных. Причем, что очень важно, все упомянутые рисунки располагаются на поверхности семантически наиболее значимых архитектурных конструкций в культовых сооружениях (у основания центральных столбов и на плитах окаймляющей по периметру помещения каменной скамьи). Судя по реконструируемой скорости, стилю и способу нанесения, выполнялись они в отличие от монументального декора стел рельефами, уже в ходе функционирования общественных строений культового назначения, являясь очевидно частью проходивших там обрядовых действий. (Ср. со стр. 211 данного издания, где К. Шмидт рассуждает о действиях шамана, создающего картины на скале и вызывающего таким образом различные объекты, явления и существа иного мира.)

В любом случае, с нашей точки зрения, процарапанное изображение женщины на плите, уложенной рядом с двумя центральными столбами в Здании с львиными стелами и являющейся составной частью семантически значимого архитектурного ансамбля восточной зоны помещения, вряд ли стоит рассматривать как случайно нанесенное здесь «граффити» времен раннего неолита.

⁴⁹ *К стр. 236.* Полное название книги - «После ледникового периода. Всеобщая история человечества 20 000—5 000 лет до нашей эры» / *Mithen S. After the Ice. A Global Human History 20 000—5000 BC*, London: Weidenfeld & Nicolson, 2003.

⁵⁰ *К стр. 248.* Вопрос о функциональном назначении «выпрямителей древков», по К.Шмидту, или поперечно-желобчатых изделий, как их называют в российской археологической литературе, остается спорным. Однако во многих случаях они богато декорированы и, судя по всему, помимо своего утилитарного применения, имели также votивное предназначение.

⁵¹ *К стр. 249.* Очевидно, К. Шмидт имеет в виду статью: *Çambel H., Braidwood R. An Early Farming Village in Turkey // Scientific American*. 1970, № 3; возможно, другие работы Брэйдвуда, где исследователь активно использует определения «an early village-farming community», «a village early farmers» и т. д., говоря о возникновении первых сельскохозяйственных поселений Передней Азии.

⁵² *К стр. 264.* Абсолютные даты ряда важнейших археологических культур, а также некоторые понятия и их определения, называемые в этой книге К.Шмидтом, не всегда совпадают с принятыми в российской науке.

⁵³ *К стр. 269.* См. примеч. 42.

Т. В. Корниенко

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Гёбекли Тепе, функционировавший на стыке эпох древнего и нового каменного века, безусловно, является одним из неординарных памятников Верхнего Двуречья. За последние 15 лет он стал широко известен научной общественности, главным образом, по предварительным публикациям и докладам на конференциях. Книга руководителя раскопок, эксперта Восточного отделения Германского археологического института доктора Клауса Шмидта «Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологическое открытие Гёбекли Тепе» из первых рук и впервые позволяет читателю получить целостную картину истории археологического изучения объекта, имеющихся к моменту издания монографии важнейших результатов полевых работ, а также выводов и размышлений автора на данную тему. Основная часть текста снабжена планами, прорисовками, фотографиями, многие из которых публикуются впервые. Прекрасно владея информацией, в том числе новейшей, по ближневосточным культурам каменного века, К. Шмидт представляет материалы Гёбекли Тепе в соотношении с сопоставимыми данными других памятников Передней Азии и, прежде всего, Южного Тавра. Не случайно в конце монографии даны обширная библиография, словарь терминов, предметный указатель, а также указатели имен, археологических мест и географических названий.

Для многомиллионной читательской аудитории выход этой работы на русском языке - особое событие научного и просветительского значения. Можно заметить, что книга К. Шмидта не является строго научным изданием в привычном его понимании, обобщающим отчетом о проведенных раскопках с картами и таблицами в приложениях. Она написана в стиле знаменитого археологического бестселлера К.В. Керама «Боги, гробницы, ученые». Разница в том, что автор публикации о Гёбекли Тепе - профессиональный археолог, не одно десятилетие работающий с представляемым материалом. Соответственно многие страницы отражают его личный опыт, несут воспоминания конкретных моментов из жизни, передают субъективный взгляд Шмидта на ряд вопросов. Все эти нюансы делают чтение увлекательным.

Проблемы, которые поднимает К. Шмидт в своей работе, несомненно, имеют большую важность для понимания истоков современной цивилизации. И автор абсолютно прав, обращая серьезное внимание на то, что к настоящему моменту их изучение насчитывает уже длительную историю. Появлению в научной литературе такого концептуального понятия, как «неолитическая революция», мы обязаны английскому

исследователю первой половины прошлого века, работавшему в рамках марксистского подхода, Виру Гордону Чайлду. Он полагал, что в основе изменений поступательного развития человеческих коллективов лежат экономические факторы, подкрепленные другими материальными составляющими. В частности, специфическими отличительными чертами «неолитической революции» им названы появление земледелия и скотоводства, а также керамики. При этом климатические изменения и рост численности населения воспринимались ученым как двойной мотор, двигавший «неолитическую революцию». Первоначально родиной неолита Чайлд определял Египет, однако появившиеся к середине XX в. археологические данные убедили его в том, что первым очагом развития земледелия в мире стала Передняя Азия, а уже оттуда производящие формы хозяйства распространились и на другие территории.

Стоит отметить, что в своих теоретических построениях Чайлд изначально представлял неолит в связи со сложным комплексом технологических и социальных достижений, видел неолитические общества экономически «самодостаточными» и эффективными «коллективами», «сотовариществами», имевшими «эгалитарный» характер. При этом исследователь не верил в существование «неолитической религии», а также в возможность существования некой общей «неолитической культуры». Ученый писал о «бесконечном множестве неолитических культур»^{*}.

Проверить и уточнить теоретические построения В.Г. Чайлда был призван начатый с раскопок Джармо в Северном Ираке в 1947 г. профессором Чикагского университета Робертом Брэйдвудом и его командой «Доисторический проект», который стал надежной основой для долговременных интернациональных и междисциплинарных исследований важнейших проблем «неолитической революции» в зоне так называемого Плодородного полумесяца. Сотни археологических объектов данного региона, находящихся на территории современных Иордании, Израиля, Сирии, Турции, Ирака и Ирана, исследованы и исследуются теперь в целях прояснения вопроса об истоках формирования неолитического образа жизни^{**}.

Совместные работы Стамбульского и Чикагского университетов,

^{*} *Childe V.G. Man Makes Himself. London, 1936; 1951; Ламберг-Карловский К.В. Гордон Чайлд и концепция революции // Вестник древней истории. 1993. № 4.*

^{**} Достигнутые на сегодняшний день результаты отражены в нескольких обобщающих работах. См., напр.: *Aurenche O., Kozłowski S.K. La naissance du Néolithique au Proche Orient ou le paradis perdu. Paris, 1999; Kozłowski S.K., Aurenche O. Territories, Boundaries and Cultures in the Neolithic Near East. Oxford, 2005.*

проводившиеся под руководством Халет Чембел и Роберта Брэйдвуда с 1962 г., дали начало систематическому изучению дописьменного прошлого южных предгорий Тавра и Юго-Восточной Турции в целом. В ходе этих кампаний, помимо 127 обследованных разведками пунктов, стационарно исследовался такой выразительный памятник эпохи докерамического неолита, как Чайёню Тепеси, ставший впоследствии эталонным для всего северомесопотамского ареала. До сих пор переднеазиатский регион в области изучения раннего неолита не перестает поражать нас новыми открытиями, а раскопки теперь возглавляют «молодые капитаны», во многих экспедициях это ученики учеников Роберта Брэйдвуда и Халет Чембел. Немецко-турецкий проект «Урфа», один из нескольких достойно принявших эстафету, успешно действует уже более 30 лет на территории Турции.

К. Шмидт справедливо замечает необходимость учитывать влияние актуальных политических событий на Ближнем Востоке на развитие уровня археологических знаний в отношении конкретных его областей. В частности, территория Ирака только периодически в течение последних 30 лет на короткое время оказывалась доступной для археологов. Поэтому материалы оттуда поступают в очень ограниченных количествах, и уровень знаний об иракском регионе сейчас не соответствует степени изученности ряда соседних стран. Шмидт пишет также о сохранившемся до наших дней значении бывших колониальных структур в международных отношениях, в том числе в сфере развития науки о предыстории: «Сирия отдает предпочтение франкофонам, Израиль и Иордания – до 1948 г. подмандатные британские территории – англоязычным коллегам». И далее, политкорректно: «Турция как единственная страна, никогда не являвшаяся колонией, оставалась, по крайней мере, на востоке долго совершенно не исследованной, пока после реформ Атаюрка не преодолела исторически обусловленное отставание от европейской и американской археологии. Собственными силами ей, конечно, сделать бы это не удалось» (с. 46—47). Такое отставание Турции в вопросах археологии помогает преодолеть, в частности, немецкая наука в лице Германского археологического института, Стамбульского его филиала. О последствиях тесных союзнических контактов конца XIX - начала XX в. между Германией и Османской империей, где, безусловно, лидировала Германия, не сказано ни слова, но это легко читается между строк и действительно отчасти объясняет установление благоприятных условий для работы немецкой археологической школы на территории Турции в дальнейшем. Так или иначе, на протяжении всего текста в книге К. Шмидта отражается извечное интеллектуальное, научное и культурное соперничество-сотрудничество между ведущими

европейскими державами – Англией, Францией и Германией. Автор проявляет себя как настоящий патриот.

В целом за прошедшие десятилетия со времен В.Г. Чайлда активно проводящиеся археологические работы на Ближнем Востоке расширили и уточнили наше представление о проходившем там длительном, многокомпонентном, действительно революционном во многих отношениях процессе неолитизации. В таких разделах, как хронология, терминология, выделение и характеристика этапов в социальном, экономическом, а также духовном развитии неолитических обществ, результаты современных исследований значительно отличаются от уровня знаний середины XX в. При этом и на сегодняшний день удивительные памятники неолита Передней Азии зачастую вызывают больше вопросов, нежели дают готовые ответы. Тем не менее уже имеющиеся в нашем распоряжении археологические данные позволяют говорить о существовании единого культурного пространства, охватывающего неолитические общества Ближнего Востока*, с выделением в рамках этого пространства локальных регионов.

Одними из наиболее неожиданных открытий для столь древнего периода человеческой истории стали полученные археологическим путем многочисленные и выразительные свидетельства символического содержания различных категорий. Среди них можно назвать: моделированные с использованием глины, извести, красок, гипса и ракушек, выставлявшиеся в специальных местах человеческие черепа; крупномасштабную антропо- и зооморфную каменную скульптуру; монолитные (до 7 м в высоту и 50 т веса), часто Т-образные, оформленные в геральдическом или натуралистичном стиле рельефами антропо- и зооморфного содержания известняковые стелы; антропо- и зооморфные статуэтки; каменные полномасштабные маски, изображающие лицо человека, и их миниатюры; тайники (или ритуальные групповые «захоронения») человеческих черепов, а также выполненных в человеческий рост, сделанных из камыша, извести и гипса антропоморфных фигур и двухголовых бюстов и многое другое. В комплексе они показывают захватывающую картину существования традиций организованного отправления культа, в том числе в общественных, специально для этого построенных сооружениях на поселениях и в отдельно расположенных региональных культовых центрах эпохи раннего (докерамического) неолита.

* В данном случае подразумеваются территории Леванта, Центральной и Юго-Восточной Анатолии, Северной Месопотамии, Северо-Западного Ирана; на разных этапах неолита границы этого ареала менялись.

Накопление большого количества подобного рода эмпирических данных делает актуальными попытки их анализа не только на уровне конкретных памятников, но и на более высоком уровне теоретического осмысления духовных, а также тесно связанных с ними социальных и экономических процессов, проходивших на фоне природно-климатических и демографических изменений в древнем и раннем голоцене на значительной территории Ближнего Востока. Не случайно в последнее время данным проблемам посвящаются как отдельные статьи в сборниках и ведущих периодических научных изданиях, так и солидные коллективные монографии, специальные каталоги^{*}. Важность темы привела к организации двух весьма продуктивных дискуссий на страницах международного журнала «Нео-Литик»^{**}.

Большинство современных исследователей убеждено в наличии общего культурного пространства взаимодействовавших между собой «идеологий» на территории Передней Азии в эпоху раннего неолита. Имеются в виду сложные мифологические представления об устройстве мира и месте человека в нем, а также связанная с ними организация социальной жизни. Вероятно, такая система сравнима с примером *песенной паутины*, приводимым К. Шмидтом. Часть ученых в своих работах делает акцент на рассмотрении локального своеобразия в отпращивании культовых практик для отдельных территорий региона^{***}. В то же время голландский археолог Марк Верховен в нескольких своих публикациях концентрирует внимание на выделении общих характеристик развития ритуала и связанных с

* См., напр.: Life in Neolithic Farming Communities: Social Organization, Identity, and Differentiation. I. Kuijt (ed.). New York, 2000; Magic Practices and Ritual in the Near Eastern Neolithic. H.G.K. Gebel, B.D. Hermansen, C.H. Jensen (eds). Berlin, 2002; Vor 12.000 Jahren in Anatolien. Die ältesten Monumente der Menschheit. Badisches Landesmuseum Karlsruhe (ed.). Stuttgart, 2007.

** Supra-Regional Concepts II // Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research. 2004. Vol.1. P. 21—52; Dialogue on The Early Neolithic Origin of Ritual Centers // Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research. 2005. Vol. 2. P. 3—53.

*** См., напр.: Hauptmann H. The Urfa Region // Neolithic in Turkey: The Cradle of Civilization: New Discoveries, M. Özdoğan, N. Başgelen (eds.). Istanbul, 1999; Hauptmann H. Ein frühneolithisches Kultbild aus Kommagene // Gottkönige am Euphrat: Neue Ausgrabungen und Forschungen in Kommagene. J. Wagner (ed.). Mainz, 2000; Hauptmann H. Upper Mesopotamia in its regional context during the Early Neolithic // The Neolithic of Central Anatolia. F. Gérard and L. Thissen (eds.). Istanbul, 2002; Kuijt I. Keeping the peace: ritual, skull caching, and community Integration in the Levantine Neolithic // Life in Neolithic Farming Communities: Social Organization, Identity, and Differentiation. I. Kuijt (ed.). New York, 2000; Kornienko T.V. Notes on the Cult Buildings of Northern Mesopotamia in the Aceramic Neolithic Period // Journal of Near East Studies. 2009. Vol. 68/2.

ним представлений жителей раннеолитических поселений Ближнего Востока. Он делает несколько интересных наблюдений, определяет четыре основополагающих принципа в практике отправления культа и содержания «идеологии» населения центральных областей Передней Азии эпохи развитого докерамического неолита (PPNB - Pre-pottery Neolithic B): *коллективизм (communality)*; *доминирующий символизм (dominant symbolism)*; *жизненность, или жизненную силу (vitality)*, включающую понятие одомашнивания, привычку к дому, плодородие и плодovitость, а также *связь «человек - животное» (human-animal linkage)**. М. Верховен проводит весьма подробный и полезный комплексный анализ археологических свидетельств существования общей «идеологии» в ближневосточных обществах докерамического неолита, небывалого для времени поздней первобытности развития символических представлений и искусства.

Отмеченные выше сенсационные находки, а также новейшие данные естественных наук, которые уточнили климатический и природный фон развития процесса неолитизации на примере множества конкретных поселений, привели к кардинальному переосмыслению самой концепции «неолитической революции». Выясняется, что оседлость и, соответственно, организация поселенческой структуры, изменение социальных отношений, рост населения в раннеолитических общинах в целом предшествовали domestikации растений и животных, изготовлению керамики. И с конца 80-х - начала 90-х гг. XX в. широкое научное признание получает теория французского археолога Жака Ковэна, которая ведущую роль в процессе неолитизации отводит не экономическим или технологическим механизмам, а изменению общественного сознания или «революции символов»**.

Несмотря на серьезные расхождения К. Шмидта с некоторыми выводами Ж. Ковэна (например, с «левантоцентризмом» или с выделением на пороге неолита ведущей пары божеств - *женщины и быка*, которая будет доминировать на протяжении долгого времени для религий всего Ближнего Востока), сами результаты исследований Гёбекли Тепе представляются им яркой иллюстрацией к теории о «революции символов».

Широкомасштабные работы немецко-турецкой экспедиции

* *Verhoeven M. Ritual and Ideology in the Pre-Pottery Neolithic B of the Levant and Southeast Anatolia // Cambridge Archaeology Journal. 2002. № 12; Verhoeven M. Transformations of Society: the Changing Role of Ritual and Symbolism in the PPNB and the PN in the Levant, Syria and South-East Anatolia // Paléorient. 2002. Vol. 28/1.*

** *Cauvin J. Naissance des divinités, naissance de l'agriculture. La révolution des symboles au Néolithique. Paris, 1994.*

открыли удаленный от обычных поселений, расположенный высоко в горах, вдали от источников воды и кремневого сырья*, значительный по площади и содержащий остатки многих неординарных мегалитических сооружений, межплеменной, долговременный ритуальный комплекс эпохи раннего неолита. Такой вывод авторами раскопок сделан на основании большого количества продуманно организованных в пространстве, а также найденных в переотложенном состоянии выдающихся объектов символического содержания, отсутствия следов сооружений жилого назначения, ряда других сопутствующих обстоятельств. На основании полного отсутствия среди анализировавшихся остатков археофлоры и археофауны экземпляров с признаками доместикиации К.Шмидт приходит к заключению, что строителями Гёбекли Тепе были исключительно племена охотников и собирателей. Следует, однако, иметь в виду, что степень проявления характерных признаков от начала до окончания процессов доместикиации и культивации различна. Выразительность их для конкретных видов растений и животных и для конкретных ступеней указанных процессов далеко не идентична. Соответственно резко различны и возможности их определения. Выявление начальных ступеней процессов доместикиации и культивации на основании морфологических или каких-либо иных показателей практически невозможно. Поэтому говорить о создателях Гёбекли Тепе категорично лишь как об охотниках и собирателях, при опоре только на ограниченные палеозоологические и палеоботанические данные, на наш взгляд, не вполне обосновано. Надо продолжать комплексные исследования в этом направлении. Есть вероятность, что люди времен PPNA-PPNB, участвовавшие в сооружении построек Гёбекли Тепе, уже предпринимали попытки доместикиации и культивации некоторых видов животных и растений.

Авторы раскопок пришли к заключению, что имеют дело с культовым центром/горной святыней, над оформлением которой работало несколько поколений людей (PPNA-, PPNB-периодов), представителей племен целого региона, в течение длительного времени и которая, возможно, еще намного раньше посещалась людьми для отправления культовых действий. Упомянутый анализ костей животных и оценка ботанического материала Гёбекли Тепе, показавшие отсутствие в них каких-либо признаков одомашнивания, по мнению К. Шмидта, свидетельствуют о том, что Гёбекли Тепе демонстрирует возможность существования крупных межплеменных ритуальных центров еще до утверждения оседлости и производящих форм хозяйства. Помимо

* То есть неудобный для постоянного проживания человека той эпохи.

религиозной сопричастности такие центры удовлетворяли потребность представителей разных охотничьих племен в товарообмене и вербальной коммуникации. Всеобщие сборы для особых обрядовых действий, как и собственно грандиозное строительство данного культового центра, приводили к концентрации людей, идей и обмену опытом на определенной территории. С одной стороны, это способствовало выработке новых социальных взаимоотношений, производственной специализации и разделению труда, а с другой - ставило в итоге вопрос об обеспечении на значительный период времени большого количества людей питанием, рациональном использовании имеющихся в наличии ресурсов окружающего пространства. Именно такое скопление в течение длительного времени большого количества людей по причине существования древнего межплеменного культового центра, как это иллюстрируют материалы Гёбекли Тепе и соседних памятников, в конкретном регионе, по мнению К. Шмидта, привело к постепенному установлению контроля человека над природными ресурсами и их воспроизводству. То есть религиозный фактор сыграл решающую роль в изменении экономических стратегий, что полностью соответствует теории Ж. Ковэна о «революции символов».

Шмидт полагает, что в период функционирования Гёбекли Тепе здесь собирались люди из соседних в радиусе 200 км вокруг него поселений: Чайёню, Невали Чори, Телль Абра, Мурейбита, Жефр эль-Ахмара, Телль Карамеля и, наверное, многих других, остатки которых пока не обнаружены. Названные памятники действительно демонстрируют удивительное родство и даже определенную степень стандартизации в наличествующем комплексе различных категорий объектов материальной культуры. Для проверки этой гипотезы, при опоре на результаты радиоуглеродных исследований и имеющиеся коллекции археологических свидетельств, в случае с каждым отдельным поселением в будущем необходимы уточнения. Если она подтвердится, один из основных тезисов автора – об «обществе охотников Гёбекли Тепе» – потребует корректировки, поскольку на некоторых из вышеперечисленных памятников в настоящее время материально уже зафиксированы данные перехода к производящим формам хозяйства. Например, в Невали Чори, начиная с самых древних слоев PPNB-

* В отношении строительства общественных сооружений, а также некоторых объектов культового предназначения подробнее см.: *Корниенко Т.В.* Первые храмы Месопотамии. Формирование традиции культового строительства на территории Месопотамии в дописьменную эпоху. СПб., 2006. С. 16–84; *Kornienko T.V.* Notes on the Cult Buildings of Northern Mesopotamia in the Aceramic Neolithic Period // *Journal of Near East Studies*. 2009. Vol. 68/2. P. 81–101.

времени, фиксируются свидетельства возделывания хлебных злаков (пшеницы-двузернянки) и бобовых растений (чечевица, горох, вика и др.), а также разведения коз и овец. Другой пример - Халлан Чеми, памятник Северной Месопотамии (Восточная Анатолия, верховья Тигра) периода PPNA, датирующийся еще более ранним временем, чем достигнутые к настоящему моменту слои Гёбекли Тепе, - показывает свидетельства начала одомашнивания свиньи**. Понятно, что эксперименты с одомашниванием животных и культивацией растений осуществлялись жителями этих и, вероятно, других одновременных им поселений при сохранении основной роли в пополнении пищевых ресурсов за охотой и собирательством. Тем не менее такие эксперименты в период начала функционирования Гёбекли Тепе в Верхнем Двуречье уже проводились. Соответственно первые шаги в сторону перехода к производящим формам хозяйства населением были сделаны. И длительное существование межплеменного регионального культового центра скорее явилось не причиной, но катализатором в процессе кардинального изменения экономических стратегий выживания в регионе.

Мысль К. Шмидта о необходимости расширения масштабов изучения верхнепалеолитических и мезолитических (эпипалеолитических) памятников предгорий Тавра и Загроса сейчас действительно актуальна. Однако в отличие от автора данной книги мы не можем назвать строителей Гёбекли Тепе представителями среднего каменного века, т. е. мезолита. Материалы Гёбекли Тепе прекрасно вписываются и дополняют именно «коллекцию» свидетельств докерамического неолита со всеми ее выразительными данными символического содержания. Безусловно, эпоха раннего неолита, являясь переходной, несла в себе накопленный опыт предшествовавшего времени, но главное, что собственно ее и определяет, - это многие принципиальные инновации в экономическом, социальном и духовном развитии человеческих коллективов.

Убедительная интерпретация археологических данных X—IX тысячелетий до н.э. в радиусе 200 км вокруг Гёбекли Тепе вместе с самим комплексом Гёбекли Тепе как свидетельств существования межплеменного долговременного культового сообщества с единым центром, общей идеологией, ритуальной практикой и системой символов

* *Hauptmann H.* The Urfa Region // *Neolithic in Turkey: The Cradle of Civilization: New Discoveries.* M. Özdoğan and N. Başgelen (eds.). Istanbul, 1999. P. 78.

** *Rosenberg M., Nesbitt, R.W. Redding, B.L. Peasnell.* Hallan Çemi, pig husbandry, and post-pleistocene adaptations along the Taurus-Zagros Arc (Turkey) // *Paléorient.* 1998. Vol.24/1. P.25-41. *Rosenberg M.* Hallan Çemi // *Neolithic in Turkey: The Cradle of Civilization: New Discoveries.* M. Özdoğan and N. Başgelen (eds.). Istanbul, 1999. P. 25, 31.

(Т-образные столбы, крупномасштабные скульптуры, рельефные и процарапанные изображения, «неолитические иероглифы») фиксирует наличие к тому времени в регионе сложной социальной и поселенческой структуры, функционировавшей, судя по всему, в форме агломерации. Корни многих из этих явлений действительно можно обнаружить в верхе- и эпипалеолитическом материале. Однако только для памятников докерамического неолита, когда активно шёл процесс «одомашнивания» самого человека и пространства его обитания, а общая идеология была призвана помочь в формировании у сообществ компактно проживающих на одной территории чувства идентичности, все выше отмеченные свидетельства фиксируются в уже оформившемся и столь концентрированном виде.

Наиболее сложным вопросом для исследователей дописьменных культур, в том числе и для автора раскопок Гёбекли Тепе, является рассмотрение социальной и духовной сфер жизни человека при опоре исключительно на материальные источники. Констатируя, что мы можем лишь попытаться приблизиться к пониманию мира образов людей каменного века, поскольку наши традиционные методы для их восприятия не срабатывают, К. Шмидт, тем не менее, обращается в своей работе к толкованию свидетельств символического содержания, используя для этого различные подходы. Так, обсуждая возможности интерпретации зооморфных изображений слоя III Гёбекли Тепе – журавля, лисы, змеи и др., Шмидт непринужденно путешествует во времени и пространстве, затрагивая известные сюжеты Древнего Египта, греко-римской культуры, средневековой Европы, порой попадая даже в наши дни. В данном случае обращение к верхнепалеолитическим, неолитическим, энеолитическим и раннеписьменным культурам Передней Азии представляется наиболее продуктивным.

Самого серьезного внимания, на наш взгляд, заслуживают рассуждения автора о шамане и шаманизме – явлениях, известных со времен верхнего палеолита и также фиксирующихся в материалах ранненеолитических памятников Ближнего Востока.

Вместе с тем базовое предположение К. Шмидта о посвящении сооружений Гёбекли Тепе культу мёртвых кажется не вполне убедительным. Возможно, автор находится под большим впечатлением от известных характеристик цивилизации Древнего Египта или от выразительных свидетельств Дома черепов из Чайёну и левантийского

ритуального центра Кфар Хахореша⁴, где материалы PPNB-времени однозначно указывают на функционирование этих культовых комплексов в качестве погребальных (соответствующее оформление специальных мест и сооружений для хранения костей, свидетельства практики вторичных захоронений, моделирования и выставления черепов). Такие центры единичны и четко отличаются от большинства известных в Северной Месопотамии общественных построек культового назначения эпохи докерамического неолита, к семейству которых по многим признакам можно отнести сооружения Гёбекли Тепе. Ни одного захоронения на данном памятнике пока не выявлено. Зато неоднократно встречены скульптурные и рельефные изображения фаллосов, итифаллических протом. Известен процарапанный на плите, лежавшей рядом с центральными столбами в Здании с львиными стелами, рисунок сидящей на корточках обнажённой женщины с гипертрофированными половыми органами, который мы, в отличие от К.Шмидта, не считаем случайно нанесённым здесь «граффити» (см. примеч. 48). Такие данные, большинство из которых в целом характерны для поселений PPNА-, PPNB-времени, не соотносятся с гипотезой К. Шмидта о том, что грандиозный комплекс Гёбекли Тепе был посвящен культуре мертвых. В данном случае нам ближе точка зрения этнолога П. Дюерра о мировосприятии жизни охотниками через любовь к жизни, которую они видели вокруг себя: смерть тогда была поставлена на службу жизни, а не наоборот. Вместе с тем довольно перспективной и требующей дальнейшей разработки является, на наш взгляд, мысль автора раскопок Гёбекли Тепе о тотемных представлениях, отразившихся в создании крупных рельефных изображений животных на мегалитических Т-образных стелах⁵.

При обсуждении на страницах журнала «Нео-Литик» функций Гёбекли Тепе как регионального ритуального центра несколько

⁴ *Goring-Morris N., Burns R., Davidzon A., Eshed V., Goren Y., Hershkovitz I., Kangas S. and Keleşevic J.* The 1997 Season of Excavations at the Mortuary Site of Kfar HaHoresh, Galilee, Israel// *Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research.* 1998. Vol. 3. P. 1–4; *Goring-Morris N.* The Quick and the Dead: The Social Context of Aceramic Neolithic Mortuary Practices as Seen From Kfar HaHoresh // *Life in Neolithic Farming Communities: Social Organization, Identity, and Differentiation.* I. Kuijt (ed.). N.Y., 2000.

⁵ Доминирование в сакральном пространстве Гёбекли Тепе тотемных образов и других мотивов, в целом характерных для мировоззрения охотников и собирателей, не противоречит нашему предположению о том, что строители этого центра могли быть уже знакомы с одомашниванием растений и животных. Яркий пример с Чагал Хёюком, который приводит сам Шмидт (с. 56), показывает определенную консервативность содержательной части, а также форм выражения ритуала, что хорошо известно и по другим источникам разных эпох.

авторов, помимо обмена информацией, редкими минералами, дарами и техническими знаниями, отмечают и другие возможные «прагматические» причины, лежащие в основе этого феномена, но игнорируемые К. Шмидтом. Повторяющиеся в определенном месте ежегодные собрания людей, занятых ритуальной деятельностью, вполне могли служить механизмом сохранения жизнеспособного генетического фонда, реализацией потребностей контроля над размерами населения, что для того времени являлось не менее важной задачей, чем просто «коммуникация». Главное преимущество таких союзов, по мнению А. Белфер-Кохен и Н. Горинг-Морис, заключается в том, что они приводили к созданию брачных систем, которые работали на обеспечение биологической безопасности*.

Таким образом, осуществлявшиеся в Гёбекли Тепе культовые практики, судя по всему, были гораздо шире поклонения культу мёртвых. В их основе мы видим продуцирующие обряды, способствовавшие рождению и плодородию в широком смысле этих понятий**, которые должны были обеспечивать развитие и процветание совершавших их коллективов, а также будущих поколений. В значительной степени, естественно, это зависело от непрерывности связей между живыми и умершими родственниками, но, кроме того, что очень вероятно, от защиты со стороны тотемных покровителей родов и могущественных антропоморфных покровителей общин, выразительно представленных на Гёбекли Тепе в виде Т-образных столбов. В целом вся система работала на поддержание настоящего и будущего благополучия обслуживающих данный ритуальный центр племен.

Можно заключить, что объекты символического содержания весьма и весьма выразительные, неожиданные во многих отношениях для эпохи докерамического неолита, действительно внесли много нового в понимание механизмов «неолитической революции». Представляемый же материалами Гёбекли Тепе и синхронных ему поселений Северной Месопотамии сценарий перехода от древнего к новому каменному веку с очагом в межплеменном ритуальном центре, очевидно, являлся одним из возможных, но, безусловно, неединственным вариантом развития первых стадий процесса неолитизации в переднеазиатском регионе. Данный вывод будет уточняться продолжающимися исследованиями

* *Belfer-Cohen A., Goring-Morris N. Which Way to Look? Conceptual Frameworks for Understanding Neolithic Processes // Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research. 2005. Vol. 2. P. 23. См. также: Hole F. Arguments for Broadly Contextualizing Ritual// Neo-Lithics: The Newsletter of Southwest Asian Neolithic Research. 2005. Vol. 2. P. 31.*

** То есть то, что М. Верховен назвал *жизненность (vitality)*, выделяя общие характеристики в «идеологии» ранненеолитических обществ Леванта и Северной Месопотамии

этих территорий. Такая конкретизация в вопросах осуществления «неолитической революции» для отдельных областей Ближнего Востока является крайне перспективным направлением современной науки о предыстории человечества.

Теоретическое осмысление полученных свидетельств на Гёбекли Тепе и соотносимых с ним памятниках уже началось, но многие вопросы, вызывая острые дискуссии, остаются открытыми. Главное достоинство книги К. Шмидта – это оперативное представление широкой аудитории уникального фактического материала. Ознакомление с результатами новейших исследований Гёбекли Тепе, изложенными руководителем раскопок, несомненно, будет полезным для всех интересующихся ранней историей читателей.

Я должна выразить искреннюю признательность Игорю Александровичу Савкину, а также всему коллективу Санкт-петербургского издательства «Алетейя» за поддержку в реализации идеи своевременного выпуска книги Клауса Шмидта в России. Серьезную работу над текстом проделал переводчик с немецкого языка - Александр Степанович Пашенко. Кроме того, во время подготовки к изданию в нашей стране данного сочинения различного вида помощь и консультации были оказаны Александром Викторовичем Гординым, Владимиром Владимировичем Емельяновым, Галиной Петровной Ивановой, Иваном Андреевичем Ладыниным, Сергеем Юрьевичем Львом, Рабаданом Гаджиевичем Магомедовым, Данией Мухамеджановой, Александром Аркадьевичем Немировским, Алексеем Владимировичем Сурковым, Яковом Викторовичем Френкелем, Лидией Ивановной Чистяковой, а также нашими коллегами из Германского археологического института, включая самого доктора Шмидта. Неоценимое участие в работе над книгой приняли Екатерина Владимировна Васильева, Елена Витальевна Травникова и Иван Владимирович Федюнин с сотрудниками информационно-ресурсного центра исторического факультета Воронежского государственного педагогического университета. Всем большое спасибо.

Т.В. Корниенко

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	5
Предисловие к первому изданию.....	7
Благодарности.....	11
ЧАСТЬ I. ВТОРОЕ ОТКРЫТИЕ.....	13
Глава 1. У дерева желаний.....	15
Глава 2. Урфа – город и регион.....	18
ЧАСТЬ II. НАХОДКИ, ИССЛЕДОВАТЕЛИ, СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ..	25
Глава 1. Система трех веков, новый каменный век и иерихонский шок.	25
Глава 2. Плодородный полумесяц и «холмистые фланги».....	44
Глава 3. Чатал Хёюк – еще один «город» каменного века.....	51
Глава 4. Чайёню – преждевременное рождение Гефеста?	61
Глава 5. Невали Чори – в Долине чумы	67
Глава 6. Гюрджютепе и рождение нового исследовательского проекта	81
ЧАСТЬ III. ГЁБЕКЛИ ТЕПЕ.....	89
Глава 1. «Выпуклая» гора.....	90
Глава 2. Сооружение А – Здание со змеями на столбах.....	109
Глава 3. Сооружение В – появление месопотамского Стоунхенджа: Здание с лисицами на столбах	125
Глава 4. Сооружение С – в круге кабанов	142
Глава 5. Сооружение D – в каменном зоопарке.....	161
ЧАСТЬ IV. МЕЖДУ ЗНАЧЕНИЕМ И ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ – ПРИБЛИЖЕНИЕ К ПОНИМАНИЮ КАРТИН И МИРА ОБРАЗОВ КАМЕННОГО ВЕКА	185
Глава 1. Животное и изображение животного на Древнем Востоке... 186	
Глава 2. Культурная память и тропы мечты каменного века	193
ЧАСТЬ V. ПОЗДНИЕ СЛОИ ГЁБЕКЛИ ТЕПЕ И КОНЕЦ СВЯТЫНИ ОХОТНИКОВ.....	222
Глава 1. Более молодые сооружения и Здание с львиными стелами... 225	
Глава 2. Когда охотнику нужен крестьянин. О значении святылища эпохи раннего неолита	237

ПРИЛОЖЕНИЯ	253
Основная и дополнительная литература	255
Сведения об авторстве рисунков	263
Глоссарий.....	264
Указатель имен.....	271
Указатель географических наименований	273
Указатель терминов	277
ПРИМЕЧАНИЯ (Т.В. Корниенко).....	283
ПОСЛЕСЛОВИЕ (Т. В. Корниенко).....	303

Клаус Шмидт

Они строили первые храмы.
Таинственное святилище охотников каменного века.
Археологические открытия в Гёбекли Тепе

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*
Дизайн обложки *И. Н. Граве*
Оригинал-макет *Н. Н. Орловская*
Корректор *Д. Ю. Потапова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.
Издательство «Алетейя»,
192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.
Тел./факс: (812) 560-89-47
E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),
aletheia@peterstar.ru (*редакция*)
www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»:

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95
Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.
Тел. (812) 327-26-37

*Книги издательства «Алетейя» в Москве
можно приобрести в следующих магазинах:*

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6. www.biblio-globus.ru
Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8. Тел. (495) 629-64-83
Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.
Тел. (495) 915-27-97
Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28
Магазин «Фаланстер», Малый Гнездниковский пер., 12/27.
Тел. (495) 749-57-21, 629-88-21
Магазин издательства «Совпадение».
Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 10.06.2010. Формат 60x88 ¹/₆.
Усл. печ. л. 20. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ №